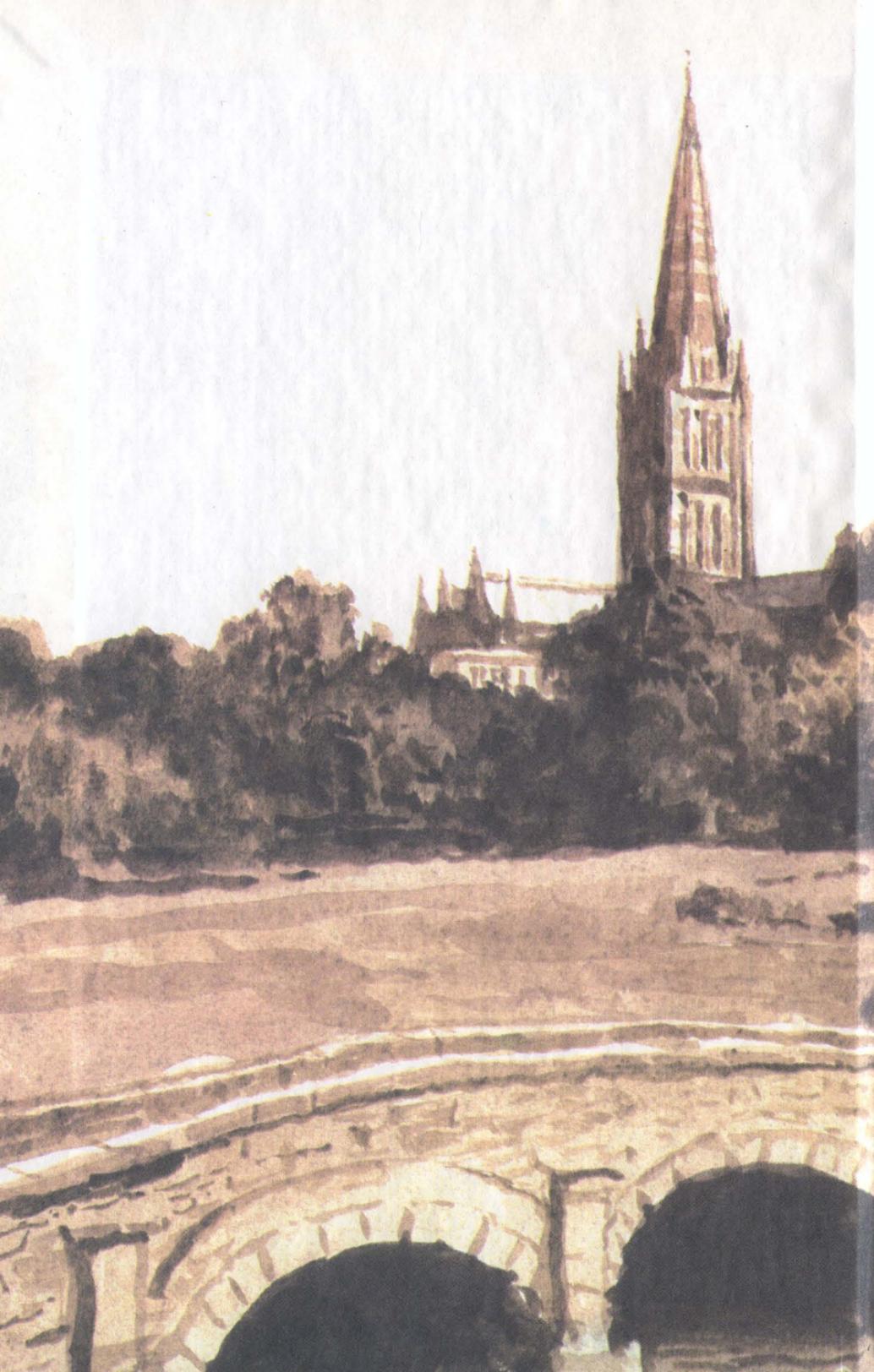
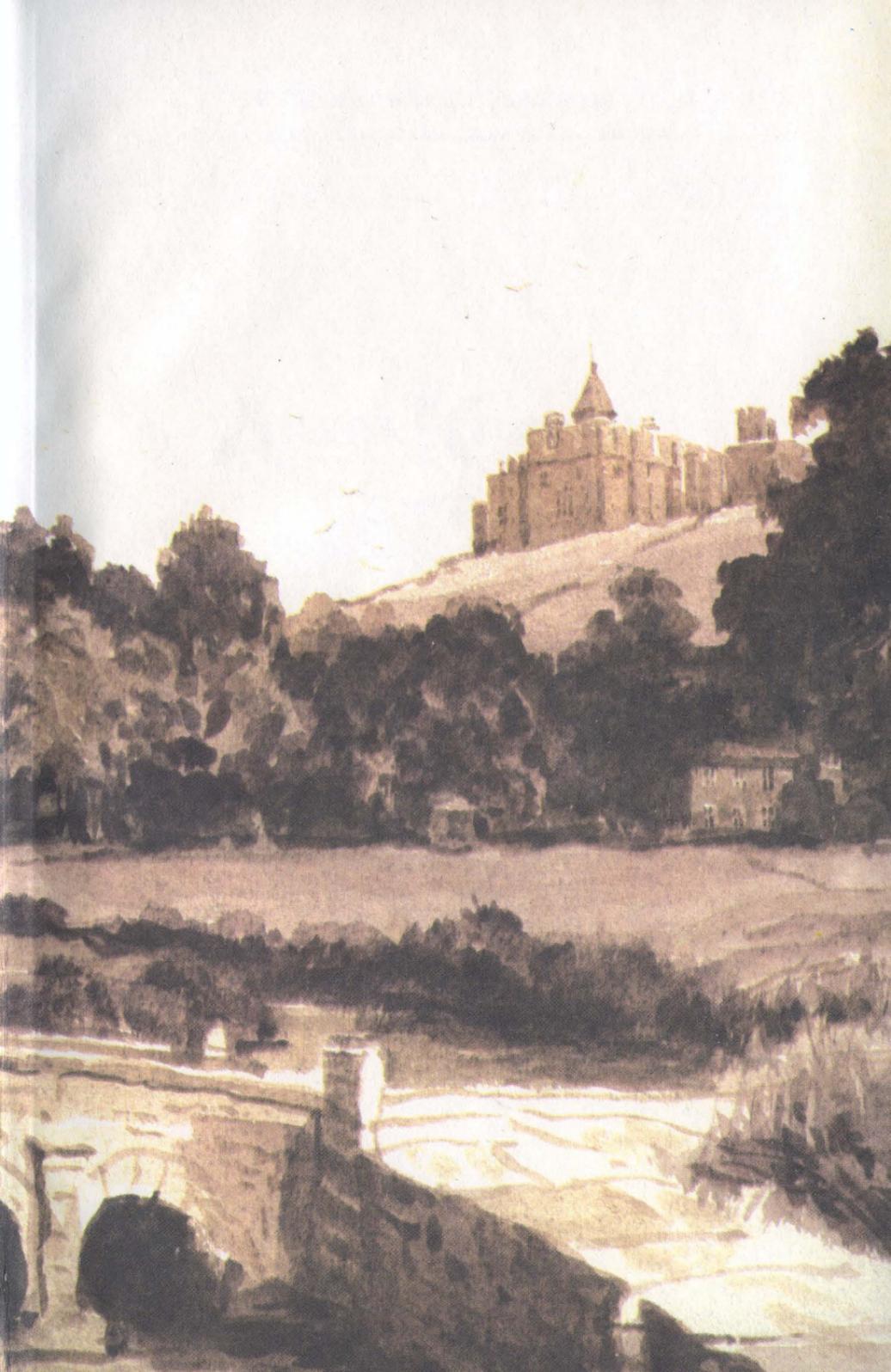

АГАТА КРИСТИ

К 100-летию со дня рождения

АГАТА КРИСТИ

АГАТА КРИСТИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2002

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

ЖИЗНЬ ДАМЫ АГАТЫ

БИОГРАФИЯ

АГАТА

РОМАН

НЕИЗВЕСТНАЯ КРИСТИ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Перевод с английского

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2002

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)
К82

AGATHA CHRISTIE

1891—1976

Составление

А. ТИТОВА

Художественное оформление

Г. КЛОДТА, И. ПЧЕЛКО

ISBN 5-93776-026-3 (т.27/2)

ISBN 5-93776-001-8

© Составление, художественное оформление, редакция произведений. Издательство «Артикул-принт», 2001

**ЖИЗНЬ
ДАМЫ
АГАТЫ**

БИОГРАФИЯ

Перевод
Е. ЧЕВКИНОЙ

© Перевод. Чевкина Е., 2002
© Редакция. Издательство «Артикул-принт», 2002

Глава 1
Семья Миллеров

Время начала жизни будущей королевы детектива овеяно тревожной романтикой. Для безмятежных обитателей Торки — приморского курортного городка в графстве Девон, где родилась Агата Кристи, — конец девятнадцатого века казался мирным полуднем блистательной викторианской эпохи. Они не замечали, как сумерки постепенно сгущаются над его террасами, садами и набережной. И от четы Миллеров — родителей Агаты, людей, казалось бы, вполне преуспевающих, — удача тоже стала исподволь, понемногу отворачиваться. Впрочем, у Миллеров, как и у любого обычного с виду семейства, за внешним благополучием таилось много всякой всячины.

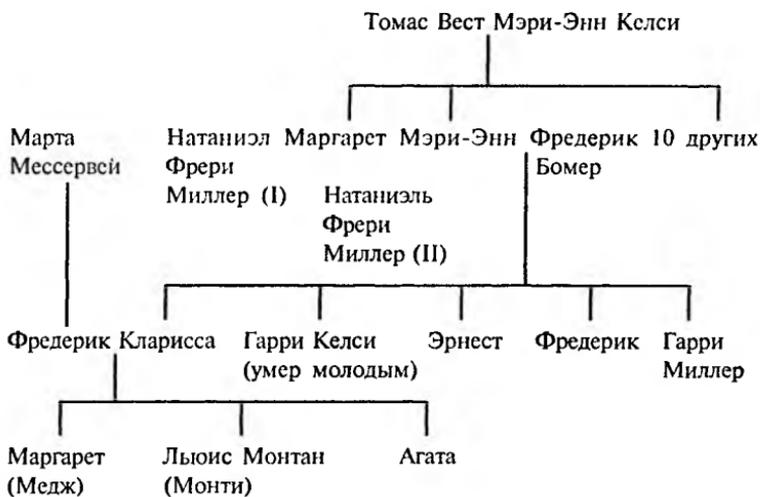
Из троих детей Миллеров Агата была младшей. Ее старшую сестру Медж отличала безудержная страсть к перевоплощению — она обожала переодевания, чем сильно раздражала вначале своих учителей, а потом мужа, — ее неожиданные выходки иной раз смущали чинных гостей, но очень забавляли ее друзей. У брата, Монти, тоже был своеобразный талант: несколькими небрежными штрихами карандаша он умел так изобразить окружающих, что те весьма обижались, особенно женщины.

Фредерик, отец Агаты, обаятельный и беззаботный американец, страстно увлекался любительскими спектаклями, очень следил за своим здоровьем, но совершенно не интересовался собственными денежными делами. Мать, Кларисса — родные звали ее Кларой, — прелестная, немного капризная, но очаровательная, страстно увлекалась спири-

тизмом и, как поговаривали, в самом деле была неплохим медиумом. Обоих родителей Агата обожала, но с матерью ее соединяли особенно крепкие нити.

С детства изведав и достаток и нужду, Клара стремилась оградить детей от жестокости жизни. Эта слепая и властная материнская любовь накрепко привязала к ней Агату, что со временем стало для дочери источником страданий. Вообще, чтобы лучше понять характер Агаты, имеет смысл поближе познакомиться с ее родственниками, в первую очередь с теми, кто оказал на нее особенное влияние: помимо матери, это две незаурядные женщины, сумевшие самостоятельно пробить себе дорогу в жизни, — бабушка Мэри-Энн и двоюродная бабушка Маргарет.

Родственные связи в судьбе самой писательницы сыграли не меньшую роль, чем в сюжетах ее детективов. Для удобства представим ее родословную в виде схемы:

Рано осиротев, Мэри-Энн и Маргарет Вест вместе с десятью братьями и сестрами воспитывались на ферме у бездетных родственников в Сассексе. В 1851 году руки Мэри-Энн попросил капитан Фредерик Бомер, причем настаивал на немедленной женитьбе. Поскольку ему было тридцать шесть, а ей — всего шестнадцать, ее приемные родители колебались и советовали девушке подождать, однако капитан, упирая на то, что его полк вот-вот должны пере-

вести за границу, требовал, чтобы свадьба состоялась как можно быстрее. В конце концов он своего добился. У Мэри-Энн и Фредерика родилось пятеро детей (один мальчик умер в раннем возрасте), единственная дочь — Клара (Кларисса) — появилась на свет в 1854 году в Белфасте.

В 1863 году капитан Бомер, расквартированный в это время со своим полком на острове Джерси, упал с лошади и разбился насмерть, оставив двадцатисемилетнюю Мэри-Энн с четырьмя детьми на руках практически без средств к существованию. Впрочем, она была превосходной рукодельницей, так что вышивка картин и модных тогда ширм и экранов стала неплохим подспорьем к небольшой пенсии за мужа. Иных источников не было: Фредерик, ввязавшись в какую-то финансовую авантюру, спустил все свои сбережения, и молодая вдова едва сводила концы с концами. В сохранившихся «Исповедях» — семейном дневнике под старомодной надписью на переплете «Альбом для записей мыслей, чувств и прочего» — она назовет эту пору своей жизни «порой тревог».

Тем временем Маргарет, старшая сестра Мэри-Энн, поступила на работу в большой отель в Портсмуте — это место она получила по протекции тетки, в течение долгих лет служившей там секретарем и снискавшей общее уважение. Маргарет, тоже прекрасно зарекомендовавшая себя на службе, в апреле 1863 года в возрасте двадцати шести лет выходит замуж за овдовевшего американца Натаниэла Фрери Миллера.

Натаниэл, родом из Ист-Хэмптона, штат Массачусетс, был преуспевающим бизнесменом, сотрудником одной из нью-йоркских фирм. От первой жены, медсестры, у Натаниэла был единственный ребенок, сын Фредерик Элви Миллер. После смерти матери Фредерик воспитывался у дедушки с бабушкой в Америке, но когда отец женился во второй раз и поселился в Англии, где возглавил манчестерский филиал своей фирмы, Фредерик приехал навестить Натаниэла и Маргарет. У них он и встретился с Кларой.

Дело в том, что Мэри-Энн потеряла мужа всего через две недели после замужества Маргарет. Узнав об этом, Маргарет сразу же написала сестре, предложив забрать одного из четверых детей и воспитывать его как своего собственного ребенка. Мэри-Энн, будучи в полном отчаянии от своего бедственного положения, решает принять это предложение и отправляет Клару на север, к тете и дяде. Девятилетней девочке было тоскливо и одиноко в чужом

доме. И всю жизнь Клара считала, что мать выбрала именно ее потому, что больше любила сыновей, хотя на самом деле Мэри-Энн, скорее всего, просто понимала, что девушке будет куда труднее самостоятельно пробиться в жизни. В то время для Клары главным утешением стала ее любимая книга «Король золотой реки», привезенная еще с Джерси. Ей непременно хотелось прочесть эту повесть дяде Натаниэлу — историю про одинокого, но решительного мальчика, который сумел победить собственное одиночество и отчаяние благодаря своей честности, верности и доброму сердцу. Тихая и впечатлительная Клара знала, конечно, что тетя и дядя ее очень любят, но в глубине души все равно чувствовала себя такой же обделенной и непонятой, как маленький герой этой книги, и берегла ее всю жизнь (как впоследствии и Агата).

Воспитание Клара получила обычное для девушки конца Викторианской эпохи. В семнадцать лет она, как полагалось тогда, высказала свои склонности и вкусы в «Исповедях». Лучшими мужскими чертами, по ее мнению, являлись решительность, мужество, честь; женщине же подобали утонченность, искренность и верность. Ее любимыми занятиями были чтение и беседы, а главной чертой характера, по собственному определению, «большая любовь к детям». Она хотела бы стать «более терпимой», а самой заветной мечтой было «длинное платье». Клара восхищалась Лэндсиром¹ и Мендельсоном, Теннисоном и Флоренс Найтингейл², обожала романы мисс Малок, любила мороженое и американскую газировку, а на вопрос «Кем бы вы хотели быть, если бы не были собой?» решительно ответила: «Мальчишкой-школьником».

Когда Клара перебралась к Миллерам, Фредерику, американскому пасынку тети Маргарет, было семнадцать лет. Молодые люди познакомились и подружились, хотя между ними было целых восемь лет разницы, и к тому же судьбы их складывались очень по-разному: если Клара росла домашним ребенком в тихой Англии, то Фредерик, получив образование в Швейцарии, вкусил в Америке всех радостей светской жизни. Как позже рассказывал один из его друзей Агате, «он был принят в лучшем нью-йоркском обществе.

¹ Лэндсир, сэр Эдвард Генри (1802—1873) — знаменитый британский художник-анималист.

² Найтингейл Флоренс (1820—1910) — основательница первых курсов сестер милосердия.

Как члена Объединенного клуба его все знали, а большинство членов клуба были нашими хорошими друзьями и очень его любили». После женитьбы Фредерика на Кларе их имена появились в нью-йоркском «Светском списке». В собственном экземпляре списка Фредерик синим карандашом отметил имена своих многочисленных друзей и знакомых из лучших семей Нью-Йорка, Филадельфии и Вашингтона.

Образ жизни, который вел Фредерик, превосходно описан в романах Генри Джеймса и Эдит Уортон. Американское высшее общество, в котором он вращался, было немногочисленным и довольно закрытым — в «Светском списке» 1892 года перечислено не более девяти сотен семей. Их главными занятиями были визиты к друзьям и родственникам, чтение газет, написание писем в клубе, обеды, балы, посещение театров, выставок и концертов, игра в теннис, крокет и карты, курение (весьма серьезное и ответственное дело!), а также нескончаемые разговоры о лошадях и скачках, о яхтах и гонках. Фредерик Миллер, однако, не принадлежал к числу угрюмых молодых людей, описанных в романах того времени, наоборот, по словам Агаты, он был «очень милым человеком».

Он и сам, отвечая на вопросник «Исповедей», в свои двадцать шесть лет характеризует себя как человека «беспечного, отчасти философа, и не слишком энергичного». Своим любимым занятием он называет «ничегонеделанье», а главной чертой характера «то же самое». Из исторических личностей ему особенно по душе король Ричард Львиное Сердце и «провинциальные священники». Наибольшее раздражение и отвращение вызывала «необходимость вставать по утрам», а на вопрос «Кем бы вы хотели быть, если бы не были собой?» он без тени сомнения ответил: «Никем». Только один вопрос вызвал у него прилив энтузиазма — «Любимая еда и напиток», его ответ в альбоме занял целых две строчки: «Бифштекс, отбивная, яблочные оладьи, персики, яблоки. Любые орехи. Много персиков. Горы орехов, тушенная баранина с картошкой и луком. Пудинг с вареньем». А позже приписано: «Горький эль». В том же альбоме он признается, что в женщинах его больше всего восхищает «благорозумие» (его орфография) и «хорошее настроение». К сожалению, и у Маргарет, и у Клары, и впоследствии у Агаты такая черта характера, как благоразумие, отсутствовала начисто.

Таков был кузен Фред, к которому Клара испытывала искреннюю привязанность. Ведь он был первым мужчиной, сделавшим комплимент одиннадцатилетней девочке по поводу ее прекрасных глаз, а позже он прислал ей, уже семнадцатилетней, голубой с золотым тиснением томик стихов с надписью: «Кларе в знак любви». Клара в ответ послала ему письмо и стихотворение, а потом — бумажник, вышитый маргаритками, золотой монограммой, посвящением и даже алым сердцем, пронзенным двумя стрелами. Вся эта работа стоила ей немалых трудов, поскольку в отличие от матери рукодельницей она вовсе не была, судя по тому, что последняя буква имени «Фредерик» на бумажнике попросту не уместилась. Она также отправила ему целый альбом серьезных и сентиментальных собственных стихов о любви и смерти, о своих чувствах и мечтаниях. Исправления, сделанные рукой Фредерика, свидетельствуют, что он очень внимательно прочел сочиненные кузиной стихи и даже попытался отредактировать их.

Самой живой и веселой в этом поэтическом собрании была поэма «Современный Гименей» — это иронический взгляд на брак, который Клара описывает как чисто прагматическое предприятие. В тот раз она отвергла предложение Фредерика, считая себя «чересчур унылой», а его — «слишком приверженным радостям жизни».

И все-таки кузены поженились — в апреле 1878 года, когда Фредерику было тридцать два, а Кларе двадцать четыре. Месяцем позже, в Швейцарии, она напишет длинную восторженную поэму, посвященную мужу, где благодарит Бога, пославшего ей «друга-ангела», которому можно всецело довериться и которого она сама всегда и во всем подержит. В трогательных строках, посвященных Фредерику, она и правда изображает его ангелом и молит его «...простить ей этот лист бумаги...». К поэме были приложены два засушенных эдельвейса, цветок горечавки, фиалки и листок клевера. Все это, вместе с украшенным вышивкой бумажником, Фредерик хранил до самой смерти.

Медж — Маргарет Фрери Миллер, первенец Фредерика и Клары, — родилась в январе следующего года в Торки, где Миллеры снимали квартиру. Вскоре родители, забрав с собой Медж, отправились в Америку, где Фредерик наконец представил жену и дочь своим дедушке и бабушке. Там же, в Нью-Йорке, в июне 1880-го, родился сын, Льюис Монтант, названный так в честь лучшего друга Фредерика. Через некоторое время Миллеры с двумя детьми ненадолго вернулись в

Англию, планируя затем насовсем перебраться в Америку. Однако когда Фредерику понадобилось срочно поехать в Америку по делам, он предложил Кларе на время своего отсутствия снять в Торки дом. Вместе с уже овдовевшей тогда тетей Маргарет Клара осмотрела дюжину домов. Один из них так ей понравился, что она решила купить его, что и сделала немедленно, уплатив две тысячи фунтов, оставленных ей в наследство дядей Натаниэлом. Едва только прежняя владелица дома, миссис Браун, произнесла: «Я просто счастлива, дорогая, что именно вы и ваши дети будете здесь жить», как Клара почувствовала себя свободно и непринужденно, приняв эту фразу как благословение. Вернувшись в Англию, Фредерик с изумлением обнаружил, что жена купила дом там, где сам он не собирался прожить и года, но, будучи человеком добросердечным, уступил желанию Клары. Так и вышло, что они навсегда остались в Англии, в Торки.

Этим благословенным домом было поместье «Эшфилд» на Бартон-роуд. Самого дома давно уже нет, но некоторое представление о нем можно получить по воспоминаниям Агаты и фотографиям того времени. «Эшфилд» был большим и просторным, как и многие виллы в Торки, рассчитанные на семью среднего достатка, — там хватало комнат, чтобы красиво разместить мебель, развесить нарядные портьеры и украсить жилище милыми безделушками. Трудностей с отоплением в те времена не возникало — топливо стоило дешево; несложно было и поддерживать в доме чистоту и порядок — прислуга тоже обходилась недорого. Внешний же облик «Эшфилда» был необыкновенно притягателен благодаря оригинальному архитектурному решению: к прямоугольной двухэтажной основной части с широкими подъемными окнами примыкала трехэтажная пристройка с узкими стрельчатыми, украшенными цветными витражами окнами, выходящими в сад. На крыше теснились трубы, а изящные решетки, увитые плющом, укрывали стены. Веранда, очень просторная, с большими окнами в частом переплете, буквально утопала в зелени. К дому примыкала обширная оранжерея, уставленная плетеной мебелью, пальмами в вагонах и различными экзотическими растениями, а в десяти шагах от нее начиналась лужайка, где с ранней весны цвели гиацинты и тюльпаны. Еще одна теплица, поменьше, использовалась для хранения инвентаря для крокета, поломанных садовых скамеек и тому подобного — она именовалась «Кей-Кей» и примыкала к дому с другой стороны. Агата опишет ее в своей последней книге «Врата судьбы».

Сад, бывший для Агаты в детстве целым миром, казался ей необъятным. Для себя, как писательница вспоминала впоследствии, она делила его на три части: сад за кухней — с грядками овощей и клубники, ягодными кустами и фруктовыми деревьями; главный сад — просторная, вытянутой формы лужайка с растущими на ней буком и кедром, несколькими елями, огромным дубом, араукарией и еще каким-то деревом, которое Агата называла «скипидарным» за его клейкую смолу; и наконец — маленькая ясеневая рощица, через которую можно было пройти к теннисной и крокетной площадкам недалеко от дома. К тому же хотя «Эшфилд» и располагался в старой части города, но от Бартон-роуд начинались плодородные девонские луга и поля, и, быть может, от этого простора у маленькой Агаты и возникло ощущение громадности «Эшфилда» — впрочем, и дом, и сад в самом деле были немалыми.

Просторный дом оказался просто находкой для Фредерика, обуруемого страстью к коллекционированию. Ведь Торки был фешенебельным курортом, где жили в свое удовольствие далеко не бедные люди, и изобиловал дорогими лавками и магазинами, куда Фредерик всякий раз заглядывал по дороге в яхт-клуб. Лучшим и самым модным считался магазин Д. О. Донахью на Хайер-Юнион-стрит, счета из которого дают прекрасное представление о покупках Фредерика: кофейные столики, футляры для карт, плетеные шкатулки, восточные вазы и кувшины, столовый фарфор, подсвечники из граненого хрусталя, китайские картины-свитки на рисовой бумаге и огромное количество дрезденского фарфора. Другие счета, обнаруженные среди бумаг Фредерика, также показывают, что жили Миллеры на широкую ногу. Джейн, кухарка, каждый день готовила обед из пяти блюд, а в особых случаях приглашались также специальный повар и дворецкий. Клара вела специальную тетрадь «рецептов для Агаты», из которой можно понять, как богато и изысканно сервировался стол при приеме гостей: «Рыбный пирог полагается подавать с палтусом и устрицами. Устрицы необходимо брать консервированные, лучше всего «Империал». В этой импровизированной поваренной книге были рецепты приготовления цыпленка с трюфелями, изысканных закусок из шампиньонов, разнообразных салатов, соусов, приправ, кремов, суфле. К единственному недорогому рецепту — макаронам с сыром — сделано примечание: «Макароны покупать только в итальянском магазине на Грик-стрит», и на полях приписка: «Не лучшее блюдо».

В этом доме 15 сентября 1890 года и родилась Агата — нежданный и обожаемый последыш. Матери уже исполни-

лось тридцать шесть, а отцу — сорок четыре; Медж была старше Агаты на одиннадцать лет, а Монти на десять. Медж к этому времени училась в школе-интернате мисс Лоуренс в Брайтоне (позже она стала ученицей знаменитой Роденовской школы для девочек), поскольку в ту пору Клара считала женское образование вещью совершенно необходимой. Медж писала своей маленькой сестре:

«Мой любимый цыпленочек... Кто строит тебе большую ванную из кубиков теперь, когда два твоих преданных раба вернулись в школу к своим урокам?»

В этих письмах сквозит веселый, общительный нрав. Вообще Медж была бодрой и крепкой, здоровой девочкой, не красавицей, но очень привлекательной, с живым лицом и подкупающей улыбкой. В семейных «Исповедях» Медж оставила только два слова. На вопрос «Кем бы вы хотели стать, если бы не были собой?» — она написала: «Ослепительной красоткой».

Медж обожала шутки и проделки с переодеванием, вызывавшие у Агаты благоговейный восторг. Она с нескрываемой гордостью рассказывала о том, как однажды Медж нарядилась древнегреческой жрицей и отправилась на вокзал кого-то встречать; как, будучи в Париже, она решила «со всем покончить» и выпрыгнула из окна, но приземлилась на столик, за которым какие-то дамы пили чай. Агата, замирая от страха, смотрела, как сестра вдохновенно представляет привидение, повторяя загробным голосом: «Я не твоя сестра» — причем с совершенно потусторонним видом. А еще страшнее было, когда Медж, изображая придуманную обеими сумасшедшую по прозвищу Старшая Сестра, живущую в пещере высоко в горах, вытягивала руки и бормотала: «Это же я — твоя сестра Медж. Ты же в этом не сомневаешься? Я — твоя Старшая Сестра».

Несколько сложнее составить себе более или менее полное представление о брате Агаты, Монти. Редкие упоминания о нем есть только в тех черновиках автобиографии писательницы, которые касаются ее раннего детства, «примерно в это время, — пишет она, — Монти исчез из моей жизни». Фактически так оно и было, потому что когда Агата была маленькой девочкой, Монти учился в Хэрроу¹,

¹ Хэрроу — престижный мужской колледж в Лондоне, основанный еще в XVI веке; в Хэрроу, в частности, учились Байрон, Шеридан, Треллоп и другие известные личности.

а к тому времени, когда она повзрослела, он уже пропал где-то за границей. Он бросил Хэрроу, не закончив учебы, и пустился на поиски приключений, полагаясь в жизни большей частью на природное обаяние. Агата рассказывала, что Монти был единственным мальчиком, которому в колледже разрешали держать белую мышь, поскольку он сумел убедить директора, что очень интересуется естественной историей. Она рисует его сорванцом, ведущим странную и волнующую мальчишескую жизнь, увлекающимся опасными лодочными, а позже автомобильными гонками, на которые он иногда брал свою младшую сестренку.

Разумеется, Монти пришлось нелегко в окружении четырех сильных женщин — энергичной, любящей поспорить старшей сестры, импульсивной и проницательной матери и двух строгих бабушек. С одной из семейных фотографий на нас угрюмо смотрит красивый мальчик в застегнутом на все пуговицы мундире — на вид ему с равным успехом можно дать и девять лет, и девятнадцать. В глазах — тоска и скука. Правда, другие снимки показывают нам более раскованного Монти — на одном, например, он изображен сидящим в смокинге, цилиндре и высоченных кожаных сапогах, с выражением какой-то ленивой задумчивости.

Девятнадцатилетний Монти запечатлен на портрете — художник изобразил его спокойным, но каким-то неуверенным, будто он не знает, какой вид ему на себя напустить — фатоватый или ухарский. Его ответы в «Исповедях», которые он забыл подписать, тоже несут оттенок неуверенности, он норовит от них отшутиться. На вопрос «Ваши любимые исторические персонажи?» он отвечает: «Фении!»; а на вопрос «Ваше нынешнее душевное состояние?» восклицает: «О! Оно мое!» Лучшим для мужчины он считает «быть просто хорошим парнем». И характерно, что именно Монти в ответ на вопрос «Что такое, по-вашему, бедность?» пишет: «Когда приходится занимать деньги». В облике Монти сквозит какая-то печаль, и хотя он, в отличие от Медж, не оказал прямого влияния на младшую сестру, однако в его образе для Агаты всегда оставалось что-то будоражащее и загадочное.

Агата Мэри Кларисса получила имена бабушки и матери, а первое имя было добавлено Кларой при крещении в честь героини романа мисс Малок «Муж Агаты». По крайней мере, так считала сама писательница. За ее долгую жизнь

¹ Фении — члены тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества.

к ней обращались по-разному, но для друзей и близких (за исключением внука, который называл бабушку Нимой) она всегда была Агатой. И поскольку ее первый издатель еще в 1920 году заметил, что имя у нее необычное и незабываемое, будем ее так называть и мы.

Коллекция счетов Фредерика дает представление об убранстве дома, о книгах и картинах, среди которых выросла Агата. Правда, лучшие вещи после смерти отца Кларе пришлось продать, но большая их часть, в том числе фарфор, коллекция кинжалов и стекла, украшала и те дома, в которых впоследствии жила Агата. Как она сама говорила, любовь отца к живописи отнюдь не сочеталась в нем с художественным вкусом, и покупал он все подряд. В то время было модно развешивать по стенам как можно больше картин, что Фредерик и делал, размещая вперемешку мрачные картины маслом, японские свитки и огромное количество гравюр, одна из которых, «Взвешивание оленя», ему особенно нравилась. Некоторые особенно ценные картины предназначались в наследство младшему поколению. Тетя Маргарет Фрери писала имена наследников на обратной стороне холстов. Агате предназначалась «Ловушка», картина маслом, изображающая женщину, которая ловит мальчика сачком для креветок. Она была выставлена в Королевской Академии в 1884 году, а десять лет спустя Фредерик приобрел ее за 40 фунтов. Именно тогда отец пригласил местного художника Н.Бейрда нарисовать их любимую собаку. Картина так понравилась, что мистера Бейрда пригласили написать портреты Фредерика, Монти, Медж, Агаты — ей тогда исполнилось четыре годика — и ее няни. Уже семилетняя Агата на вопрос «Исповедей» о любимых поэтах, художниках и композиторах рядом с именами Шекспира и Теннисона благоговейно назовет мистера Бейрда.

Центральными фигурами раннего детства Агаты были «мудрая и терпеливая Няня», кухарка Джейн и сменявшие одна другую горничные. Ее воспоминания об этих людях восходят к самому раннему детству. В «Автобиографии» она пишет, что Няня и Джейн были похожи — Няня «с широким морщинистым лицом и глубоко посаженными глазами; в чепце с оборками, как на портрете у мистера Бейрда»; и Джейн — «олимпийски спокойная и величественная, с необъятной грудью, невероятного объема бедрами, перепоясанная тугим накрахмаленным кушаком». Няня являла собой «непоколебимое постоянство». Например, ее репертуар из шести

сказок никогда не менялся, в то время как Клара никогда не рассказывала два раза одну и ту же сказку, никогда не играла дважды в одну и ту же игру. Как потом вспоминала Агата, непредсказуемость матери порой пугала ее, но именно в этом и заключалось главное очарование. Религиозная вера Няни была твердой и неизменной — она была «библейской христианкой», свято соблюдала день воскресный и дома по вечерам читала Библию. Клара же буквально шаркалась из одной религии в другую: была католичкой, потом кинулась в унитаризм, увлекалась теософией, потом зороастризмом, одно время посещала квакерские собрания. Клара нарушала все устоявшиеся правила. Ради игры с Агатой она могла реквизировать все полотенца или ложки в доме. Няня же во всем любила и соблюдала порядок. Когда Агате было лет пять, Няня вернулась домой в Сомерсет. Девочку это просто повергло в отчаяние, ведь Няня олицетворяла для нее порядок, покой и стабильность в мире.

Но на кухне оставалась властвовать Джейн. Крупная, спокойная, всегда что-то тихонько жующая, она готовила завтраки, обеды, ужины, а между ними еще что-нибудь вкусненькое. Неудивительно, что для Агаты еда навсегда стала радостью и утешением; она часто с благодарностью вспоминала Джейн, ее доброту и вкусную стряпню, особенно эклеры и майонез. Как уверяла отца одиннадцатилетняя Агата, Джейн научила ее печь торты «с башнями, а еще с имбирем и делать крем по-девонширски». Крем по-девонширски — по-видимому, собственное изобретение Джейн — на вкус был, по выражению Агаты, «королевским, просто таял во рту, и его можно было есть ложкой прямо из чашки», — истинное наслаждение для ребенка!

На всю жизнь у Агаты сохранилось отношение к приему пищи как к священнодействию. Поданный вовремя завтрак являлся точкой отсчета всего дня, а церемония подачи блюд с годами стала почти ритуалом. До самой старости Агата любила ту же еду, что и в детстве, и настаивала, чтобы сервировали ее по всем правилам — столовое серебро, изящные бокалы, цветы, туго свернутые салфетки, все по однажды установленному порядку. Еда была и осталась праздником.

Тогда же, в детстве, Агата уловила тонкости общения вышестоящих с нижестоящими: именно в «Эшфилде» она получила первые представления об иерархической лестнице. Так, она усвоила, что к кухаркам всегда обращались «миссис», а горничных называли «подходящими» именами, причем не

всегда их собственными (подходящими считались Сьюзен или, например, Эдит); слугам же, которые «прислуживали джентльменам и хорошо разбирались в крепких напитках», присваивались имена, больше похожие на прозвища вроде Фроуди¹ — так звали одного из лакеев Миллеров, от которого «всегда пахло мужским запахом». Обязанности в доме были распределены очень четко, и если у прислуги в «Эшфилде» изредка возникали маленькие размолвки, то бедная Агата просто разрывалась между Няней и кухаркой. К счастью, Няня была «очень миролюбивой особой».

Прислуга в доме, всегда беспрекословно слушаясь господ и с уважением относясь к ним, требовала точно такого же послушания и уважения к себе со стороны младших по рангу. Однажды Агата была просто потрясена, услышав, как Джейн (к которой вся прислуга обращалась «миссис Роу») недовольным тоном одернула молоденькую горничную, раньше времени вставшую из-за стола: «Я еще не закончила, Флоренс». Будучи ребенком сообразительным, Агата очень быстро поняла, в чьих руках сила и власть, и сумела выстроить целую систему отношений с разными слугами, к которым ей приходилось обращаться со своими проблемами. Она знала о служанках все — не только потому, что проводила в их обществе немалое время: девочка сама, вполне сознательно, старалась быть в курсе всех дел — на всякий случай, дабы избежать возможных неприятностей и конфликтов.

Как и большинство детей, Агату интересовала практическая сторона работы прислуги — как делать пирожные, как гладить платье, как растапливать плиту, как «...осторожно и тщательно мыть тонкие бокалы...». Сызмала она приобрела неплохие навыки в домашних делах, поскольку Клара всегда нанимала только умелую прислугу, а также научилась ровно держаться с самыми разными людьми, поскольку слуги были вежливы не только со своими господами, но и друг с другом. Агата особо акцентирует этот момент в «Автобиографии», прекрасно сознавая, что мир времен ее детства успел столь разительно измениться к 1939 году, что читатель может просто не понять подобных тонкостей домашних взаимоотношений.

Мать казалась Агате необыкновенным, даже волшебным существом. В свои сорок с лишним Клара была уже умудренной опытом главой семьи, так хорошо знавшей и чув-

¹ От англ. «fraud» — обманщик, мошенник.

ствовавшей и детей и мужа, что казалась им всем провидицей. Медж однажды призналась Агате, что «рядом с мамой даже думать боится». Это впечатление еще больше усиливалось переменчивым, но неослабным интересом Клары ко всевозможным экзотическим философским учениям. Она все еще писала стихи и поэмы, одна из которых, подписанная псевдонимом «Кэллис Миллер», сохранилась среди бумаг Агаты. Главный персонаж поэмы «Дух миссис Джордан», несчастный призрак умершей женщины, появляется там, где звучит фортепьяно. Он безгранично одинок, его волнуют звуки музыки, мрачная поэзия греха и очищения, «неписанные законы этой таинственной непостижимой вселенной», он смутно ощущает «неведомую Силу». Схожие мысли можно найти и в других произведениях Клары. Экстравагантная личность — напряженно-удивленное выражение ее лица запечатлено на более поздних фотографиях, — она виделась Агате восхитительной женщиной, в которой непостижимо сочетаются своенравие и достоинство, уверенность и незащищенность.

С матерью маленькая Агата общалась только в особых случаях — когда болела или когда возникали какие-то экстренные проблемы, когда надо было куда-нибудь отпроситься, и... когда просто очень хотелось посекретничать. Порой после чая девочка, одетая в накрахмаленный муслин, играла в гостиной и слушала очередную историю, придуманную Klarой. Это были странные истории: «Блестящие глазки» — о хитром умном мышонке, чьи приключения оканчивались совершенно неожиданно; или «Любопытная свечка», которая много лет спустя смутно припомнится Агате, потому что в ней как-то фигурировал яд; или совершенно невероятная, запутанная история под названием «Пальцы». Именно в такие моменты дочка могла внимательно рассмотреть наряд матери, искусственные цветы на платье и драгоценности. Маленькие девочки, как впоследствии замечает писательница в романе «Кошка на голубятне», совершенно невосприимчивы к очарованию драгоценностей, эти вещи имеют необъяснимую магическую власть только над женщинами постарше. В «Автобиографии» Агата описала и драгоценности матери, хотя ее список далеко не полон. Куда лучшее представление дают счета Фредерика — медальоны и звезды, броши и веера, пуговицы и кольца, флаконы для духов и футляры для карт, бриллиантовый полумесяц и брошь в виде рыбки с пятью бриллиантами, купленная в знак любви буквально накануне рождения Агаты.

Няня, Джейн, Клара, Медж... В детстве Агату окружали сильные, волевые женщины. Отец, добродушный и спокойный, разумеется тоже любивший дочку, вел, однако, свою собственную, отдельную жизнь: утром после завтрака он уходил в яхт-клуб, чтобы встретиться с друзьями, сыграть в вист, обсудить утренние газеты, выпить рюмку хереса, и возвращался в «Эшфилд» только к ужину. В клубе он обязательно взвешивался и тщательно записывал результат. На фотографии того времени задумчивый, дородный Фредерик выглядит старше своих лет, возможно из-за своих роскошных усов и бороды.

Говоря о детстве Агаты, никак нельзя обойти молчанием влияние, которое оказали на нее еще две женщины — бабушка Мэри-Энн и двоюродная бабушка Маргарет. Маргарет, тетю Клары и мачеху Фредерика, все называли тетушкой-бабулей, а Мэри-Энн, мать Клары, — бабулей Б (от фамилии Бомер). Именно в доме у Маргарет обычно собиралась вся семья. После смерти Натаниэла она переехала из Чешира в большой дом в Илинге, до отказа набив его мебелью красного дерева, среди которой была необъятных размеров кровать под пологом из алого шелка. Во время игр эта кровать служила Агате треном, она представляла себя королевой, дающей аудиенцию подданным, и милосердием высовывала из-за полога руку для поцелуя. Вокруг находились вымышленные придворные: «Принц Голди-Золотко (в лице канарейки в клетке) сидел по правую руку». На стене, вспоминает Агата, висела карта Нью-Йорка, тогда очень ее занимавшая. Всю жизнь Агата считала ухоженную мебель, особенно красного дерева, воплощением благополучия и домашнего уюта. Впоследствии она с восхищением обнаружит в своем новом доме в Девоне комнату, обставленную в стиле бабушки Маргарет.

Большую часть времени тетушка-бабуля проводила не в гостиной с ее богато инкрустированной мебелью и дрезденским фарфором и не в спальне, а в столовой, окна которой были задрапированы гардинами ноттингемского кружева, а на столах и столиках повсюду громоздились книги. Там она сидела или в высоком кожаном кресле за столом красного дерева, или в огромном, обитом бархатом кресле у огня.

Когда Агате надоедало в детской или в саду, она шла искать бабулю, которая обычно была занята написанием бесчисленных писем «мелким и неразборчивым почерком». Экономя почтовую бумагу, она исписывала листок с обеих сторон и даже поперек на полях. Как только приходила

Агата, начиналась их любимая игра «в цыпленка». Бабушка связывала «цыпленку» крылышки и ножки, как это делал с цыплятами мистер Уайтли, щупала, жирненький ли он, потом изображала, как нанизывает на вертел, помещает в духовку, хорошенько зажаривает, сервирует на блюде и, только взяв в руки воображаемые нож и вилку, чтобы приступить к еде, с необыкновенным изумлением обнаруживала, что это не цыпленок, а маленькая визжащая девочка.

Занятно, что это воспоминание внучки-писательницы, как и многие другие ее впечатления от пребывания в доме бабули, — веселые и так или иначе связанные с едой. Агата очень живо описала свои ежеутренние визиты в бабулину столовую. У Маргарет, как и у ее пасынка, была, как видно, страсть к коллекционированию, но выражалась она в чудовищных закупках про запас: бесчисленными отрезами тканей и огромными кусками кружев доверху забивались шкафы и сундуки — бабуля любила, чтобы мебели в комнатах было побольше. А еще она запасалась стратегическими количествами продуктов — сухими и консервированными фруктами, фунтами масла и мешками сахара, чая, муки и немалыми бутылками своего любимого вишневого ликера. В «Исповедях» мы читаем, что любимым блюдом Маргарет была «пьяная вишня», а любимым напитком — шерри-бренди. Из Чешира в Илинг она привезла с собой тридцать шесть огромных бутылей с домашними наливками. Она могла весь день провести на кухне, тщательно проверяя запасы, и не отпускала Агату, не насовав ей полные пригоршни сокровищ — засахаренных фруктов.

Миссис Бомер — бабуля Б — жила в Бейсуотере, но очень часто навещала сестру в Илинге. Агата встречалась с ней по воскресеньям, когда вся семья собиралась за столом тетушки-бабули для большого викторианского ленча: традиционный вишневый пирог, громадный кусок сыра и неизменный десерт. Обычно там бывали два брата Клары — Гарри, секретарь в «Офицерском универмаге», и Эрнест, служивший в министерстве внутренних дел (в свое время он мечтал стать хирургом, но обнаружил, что не переносит вида крови). Фред, третий брат, находился со своим полком в Индии. После ленча оба дядюшки, изображая из себя учителей, задавали Агате каверзные вопросы, пока все остальные спали. Потом был чай с «мадеровым» тортом. По воскресеньям бабушки обсуждали текущие дела «Офицерского универмага», в котором обе были акционерами и где раз в неделю бабуля Б делала небольшие покупки для себя и для тетушки-бабули, а та (как подо-

зревала Агата) потихоньку добавляла небольшие суммы на счет сестры. Агата иногда сопровождала бабушек в подобных вылазках — этот опыт пригодится ей много десятилетий спустя для описания похода мисс Марпл в «Офицерский универмаг» в романе «Отель «Бертрам».

Внешность обеих бабушек в «Автобиографии» Агата дает лишь в общих чертах: как подобает вдовам, одевались они только в черное; обе запомнились внучке чрезвычайно толстыми — бабуля Б, в частности, страдала от отеков ступней и лодыжек, что позже мучило и Агату: туго застегнутые ботинки были для нее настоящей пыткой. На самом же деле, судя по фотографиям, они не были особенно полными женщинами, но худышке Агате могли казаться толстыми в своих широких шелковых накидках. Зато их разговоры она помнила очень хорошо и записала более подробно. Сестры шутливо спорили о том, кто из них был привлекательнее в молодости, и Маргарет говорила: «На лицо Мэри и правда была ничего, но у нее не было фигуры, не то что у меня, а для джентльменов самое главное — это фигура». Агата жадно ловила каждое их слово — а болтали сестры о друзьях и знакомых, например о какой-то миссис Бэри и ее ужасной, запутанной и совершенно неправдоподобной истории, но тем более увлекательной для всей компании.

Такие разговоры как магнит влекли впечатлительную девочку, чье воображение обгоняло понимание, — она вообще была болезненно чувствительна к словам и воспринимала их буквально, еще не умея отделить переносный смысл от прямого. Однажды, когда Няня и Агата, гуляя, забрели на землю арендаторши и та, рассердившись, воскликнула: «Да я вас в кипятке сварю!», девочка от ужаса буквально потеряла дар речи и долго не могла прийти в себя.

Очень занятными были анекдоты и армейские байки галантных полковников и капитанов, с которыми тетушка-бабуля «умело и непринужденно флиртовала», вязала им теплые носки и украшала вышивкой модные жилеты. Правда, Агату бесил их тяжеловесный юмор и крепкий застарелый запах табака. Особенно четко ей запомнилась одна, явно не предназначавшаяся для ее ушей история об интрижке между отставным полковником и молодой женой его лучшего друга, после отставки угодившего в психиатрическую лечебницу. Больше всего потрясала концовка: «А что тут такого, дорогая? Не вижу ничего предосудительного. Думаю, муж просто попросил его присмотреть за ней. Они просто хорошие друзья, ничего больше. Мы-то с вами понимаем».

Маргарет, судя по воспоминаниям, была решительнее и ярче своей младшей сестры. В «Автобиографии» Агата приводит множество изречений и советов бабушки из Илинга, в то время как бабушка из Бейсуотера почти не упоминается, отчего кажется тихой тенью сестры. Но обе они — и серьезная и нежная Мэри-Энн, которая так больше и не вышла замуж и жила, зарабатывая рукоделием и отдавая все свое внимание трем сыновьям, и бойкая Маргарет с ее энергией, умом и лукавством, интересующаяся делами всего мира, окруженная буфетами и комодами, набитыми всякими остатками и обрезками, остались в памяти внучки как типичные старые леди уходящей эпохи, достойные уважения и глубокой любви. Воспоминания о двух этих колоритных личностях не раз послужат Агате подспорьем в творчестве и источником забавных и поучительных историй.

Глава 2

«В свое личное, собственное время»

Взгляды Клары на образование были весьма непоследовательны и менялись с каждым новым религиозным увлечением. В отличие от Медж, которую отправили в свое время в школу-интернат, Агату не учили даже дома: теперь Клара считала, что ребенок вообще не должен читать до восьми лет, поскольку это вредно и для глаз, и для мозга. Но удержать Агату от чтения так и не удалось. Девочку очаровывали незнакомые слова и звучные фразы из рассказов взрослых и из книг Медж и Монти. Нам известно, что в их числе были «Свирель» Уолтера Крейна, прекрасный сборник народных песен «Однажды утром» с великолепными раскладными картинками, изображавшими эльфов, цветы и гирлянды, сборник волшебных историй под названием «Плащ великана» и повесть «Под водой» о приключениях детей, попавших в удивительный мир под ручьем. В памяти Агаты запечатлелась книга Моулзворт¹ «Приключения мистера Крохи» (1881), которую ей читала тетушка-бабуля в Илинге. Сама книга принадлежала Медж. Это душещипательная история милого четырехлетнего мальчика, который поехал с семьей за границу, потерялся там, потом нашелся и воссоединился с любимыми родителями. Детские

¹ Моулзворт Мэри Луиза (1839—1921) — шотландская писательница-романистка; среди ее книг есть и детские.

книги Моулзворт во времена Агатино детства были очень популярны, поэтому их ей читали, едва они выходили в свет — «Страна рождественской елки» (1897), «Волшебные орехи» (1898). В это же время писала свои прекрасные причудливые истории Эдит Несбит¹. Их Агата читала самостоятельно: «Сказка об искателе сокровищ» (1899), «Феникс и ковер» (1903) и «Дети железной дороги» (1906).

Кроме того, была литература, которую еще Клара читала в детстве, — книги, привезенные из Нью-Йорка, увлекательные, написанные простым языком, богато иллюстрированные; и другие, которые она же читала подростком, — «Маленькие женщины» и «Маленькие мужчины» Луизы Олкотт. Среди книг Медж и Монти, приехавших из Америки, была и литература иного рода, например целая серия жутковатых триллеров: «Мистер Барн из Нью-Йорка» (где первая глава красноречиво называется «Семейство вампира»), «Деньги Синтии Вейкхем», «Венера в маске» и, наконец, «Мистер Поттер из Техаса». Сие последнее творение начиналась вот таким диалогом:

«— Сэр, мне нужно поговорить с вами!

— Боже мой! Женщина! Англичанка! В этом ужасном месте! Одна! Ночью!»

Так что Агата познакомилась и с этим жанром.

В конце девяностых появляется довольно много книг, специально написанных для детей. Для самых маленьких печатались простенькие, но хорошо иллюстрированные книги (у Медж их была целая подборка), такие, как «Панч и Джуди». А в 1904 году вышли первые книги Беатрис Поттер («История Кролика Бенджамина» и другие) — прекрасно оформленные и напечатанные крупным шрифтом, так что дети пяти — семи лет могли читать их самостоятельно. Литература для детей постарше тоже значительно улучшилась. Например, книги Эдит Несбит и Френсис Ходжсон Барнетт с их хорошим языком, ясной логикой и увлекательным сюжетом прекрасно подходили для тогдашнего чтения Агаты. К тому же девочку не могло не привлечь разнообразие тематики: сокровища Востока, деспотичные учительницы, приключения детей, таинственные сады, волшебные города, веселые проделки — в общем, причудливое переплетение повседневности и невероятной фантазии. Незнакомые и иностранные слова Агату не смущали — в доме

¹ Несбит Эдит (1858—1924) — английская писательница, считается основоположницей современной литературы для детей.

Миллеров было полно энциклопедий, атласов и словарей. Даже «взрослые» книги того времени были полны необыкновенных выдумок, в которых, словно в кривом зеркале, гротескно отражались глубинные мотивы «реальной жизни» — поиск и риск, борьба за справедливость, власть денег над человеком, смерть и любовь. Агата воспитывалась на таких экстравагантных произведениях, как мрачноватые скетчи и «поэзия абсурда» Эдварда Лира и знаменитые на весь мир книги Льюиса Кэрролла (его «Алису в Зазеркалье» Фредерик купил в 1885 году, когда Медж было шесть лет), но больше ее увлекали не приключения Алисы, а запутанный сюжет «Сильвии и Бруно». Чтение, подобно снам, и будоражило, и успокаивало взволнованную душу ребенка.

Вопреки Клариним убеждениям — что чтение вредно для здоровья детей — Агата с раннего детства получала в подарок книги. В 1893 году Медж отдала ей «Балладу прекрасной парчи» — поэму, малопонятную для трехлетнего ребенка, однако ее четкий ритмический рисунок Агату буквально заворочил. Когда ей было восемь, тетушка-бабуля подарила ей «Робинзона Крузо», а два года спустя — новую книгу Френсис Ходжсон Барнетт «Чудесное кресло бабушки» («Бабушкино кресло, расскажи мне сказку...»). Вся семья невольно подпитывала Агатин интерес к чтению: когда кто-нибудь уезжал, то обязательно посылал ей коротенькие, четко написанные письма, которые девочка читала сама. Фредерик, любитель меланхолической, но полной духовного напряжения американской поэзии и изысканного слога Теккерея, адресовал лично дочке очаровательные письма. В январе 1896 года, когда Агате было пять лет, родители вместе с Медж уехали в Америку, и Фредерик писал ей из Нью-Йорка:

«Скажи бабушке, что было на три больших деления ниже нуля (тридцать пять градусов мороза). Все люди, выходя на улицу, поднимали меховые воротники и хорошенько закрывали уши, чтобы они не отмерзли».

Медж писала письма печатными буквами своему «дорогому цыпленочку», разрисовывая их зверюшками и пальмами. Клара тоже часто писала из Америки «моей любимой малышке», но по рассеянности не ставила дату (эту привычку унаследовала и Агата). В одном письме (судя по штампу на конверте, Агате было тогда семь лет) Клара дает ей конкретное поручение — помочь Няне найти потерявшиеся фотографии и следить, чтобы бабушка не забывала отдыхать. К пяти годам Агата могла самостоятельно прочесть то, что

ей часто читали вслух — «Ангела любви», огромную книгу с массой диковинных слов: «чудовищный», «расстроенный», «тирада». Эту книгу Монти подарил Медж на Рождество 1885 года, переплет у нее порван и открывается она на той странице, где на черно-белой иллюстрации изображена несчастная маленькая девочка, чьи сестры говорят: «Мы считаем ее ужасно некрасивой». Агата или Медж, вероятно из жалости, раскрасили ей волосы красным карандашом.

Фредерик заявил, что Агате пора учиться писать. Она начинала карандашом, а когда ей исполнилось семь, получила разрешение писать пером и чернилами и большими четкими буквами сама вывела несколько писем. Поскольку читать она начинала сразу целыми словами, не уча алфавита (так что долго путала «В» и «R»), то ее орфография так до конца и не выправилась, — что вообще характерно для людей, воспринимающих слово на слух лучше, чем глазами. Медж пыталась заняться с сестрой правописанием, для чего разграфила карандашом тетрадку и на каждой странице написала по букве алфавита и по изречению на эту букву. Например, на букву «Р» — «Ревность — это зеленоглазый монстр», на букву «П» — «Пирог с поросятиной делается из поросенка и пресного теста» и т. п.

Агате очень нравилась арифметика — этой премудрости ее учил Фредерик по утрам после завтрака. Она быстро ододела задачи на сложение и вычитание яблок и груш, а потом и на расчет вливающейся и выливающейся из бассейна воды; уроки были для нее огромным удовольствием — как и отец, Агата была сообразительной и хорошо считала. Позже, когда она училась на фармацевта, у нее не было проблем в освоении основ физики и химии, она быстро запоминала пропорции для составления каждого лекарства. Ее природное чувство гармонии, соразмерности и числа наряду с хорошим слухом очень помогли в овладении музыкой. Она научилась играть на мандолине и упражнялась в игре на пианино, которое стояло в угловой «холодной» гостиной у бабушки в Илинге. Фредерик тоже был очень музыкален и подбирал на слух любую мелодию. С помощью отца, учительницы музыки фройляйн Удер и ее преемника мистера Троттера Агата быстро перешла от «Веселого крестьянина» к «Экзерсисам» Черни, а потом к Шуману и Григу.

Несмотря на то, что у Агаты не было учителей (если не считать учителей музыки), она была куда образованнее многих своих современников, окончивших школу. Она очень много читала, сначала жадно глотая раннюю фантастику Жюль Верна и приключенческие повести Хенти, потом с

упоением читала книги из библиотеки Фредерика — а там, в частности, имелось Полное собрание сочинений Эллиота, романы миссис Вуд¹, Скотта, Диккенса, Тrolлопа, Байрона и Кипплинга, подшивки журналов «Кроникл мэгэзин», «Искусство» и «Девятнадцатый век», романы сестер Бронте и Мэрион Кроуфорд, стихи Оскара Уайльда, французская классика, тридцать томов британских эссеистов, пьесы Пинеро и даже романы Дизраэли. Все это, за исключением нескольких пикантных французских пьес, девочке позволили прочесть.

Кроме того, в библиотеке было еще огромное количество познавательных книг по самым разным отраслям знаний. В книге доктора Брюэра «Детский справочник» можно было найти ответы на всяческие вопросы, которые взрослые имеют обыкновение задавать детям (как в свое время выспрашивали Агату братья Клары — дядя Гарри и дядя Эрнест). В «Книге домашних развлечений и наставлений» имелись не только советы, «как сделать тряпичную куклу, которую ребенок может без угрозы здоровью взять в рот», но и разделы «Двадцать четыре отряда живых существ по Линнею», «Краткий обзор морских водорослей», «Консультации по геральдике», «Основы фотографии», «Классификация раковин» и т. п. Кроме того, в таких книгах была масса самых разных головоломок из букв и цифр: загадок и ребусов, акrostихов и шарад, загадок, криптограмм и т. д. Подобные забавы развивали смекалку и тренировали память — то, что теперь называют «вторичным мышлением». Любительница чисел и пропорций, Агата с удовольствием играла в «дешифровку»: меняя местами последовательность букв и цифр, она прятала одни значения и открывала другие.

Позже писательница, защищаясь от возможных уличений в невежестве, часто повторяла, что не училась не только в школе, но даже и у домашних учителей, однако во многих отношениях ее образование ничуть не уступало школьному, а кое в чем его превосходило. Ведь, освоив очень большой объем знаний, она сумела не утратить собственного видения мира. Впрочем, строго говоря, в школу Агата все-таки ходила, хотя и очень короткое время и на особых условиях: в тринадцатилетнем возрасте она дважды в неделю ходила в школу для девочек в Торки на уроки алгебры и грамматики. Но, видимо, потому, что в детстве ее образование не было сковано рамками дисциплины, в школе ей очень не нрави-

¹ Вуд Эллен (1814—1887) — известная британская романистка.

лось. Она не была приучена работать над тем, что ей неинтересно, а скучные правила правописания и грамматики вместе с рутинной зубрежкой ей быстро надоели. Скорее всего, из-за этого посещение школы и оказалось таким непродолжительным. Да в нем и не было особой нужды. Ведь в жизни есть множество разных путей, а Агату отличали природный ум, любовь к порядку и здравый смысл. Все это вместе с тем количеством знаний, которое она почерпнула в детстве из книжек, превышало образовательный уровень очень и очень многих «интеллектуалов». Известно, что немало людей добилось успеха, имея весьма скромное образование, особенно это относится к женщинам: в прежние годы многим из них из соображений здоровья или социального статуса настойчиво рекомендовали не слишком увлекаться учебой. Их путь к общему признанию начинался с успеха у мужчин. Агата — одна из тех женщин, кто достиг и того, и другого практически одновременно.

С годами она станет замкнутой и весьма требовательной к окружающим. Но в пять-шесть лет, когда Няня водила ее на уроки танцев, Агата вместе с другими детьми с удовольствием прыгала в польках и кружилась в вальсе, а еще занималась шведской гимнастикой с шелковыми и резиновыми эспандерами. Уроки гимнастики она посещала и в школе в Торки, а позже не бросала и в парижских пансионах. Сначала это был пансион мадемуазель Каберне, тот самый, где в свое время Медж «приземлилась» на чайный столик, теперь Агата изучала там историю и географию Франции и постыдно провалилась на диктанте. Здесь она выучила французский, в основном на слух, и говорила на нем как на родном языке, а также завела множество подруг — француженок, испанок, итальянок и американок. В этом же пансионе она брала уроки рисования, к которому не имела ни малейших способностей, а поджарый джентльмен по имени Вашингтон Лобб учил ее танцам и манерам. Из пансиона мадемуазель Каберне, который Кларе не очень понравился, Агату перевели в школу «Ле Маронье», очень «правильную и чрезвычайно английскую», в Отейе, а оттуда в школу миссис Драйден в Париже, которую содержала невестка домашнего доктора тетушки-бабули. Здесь Агата изучала французскую литературу, участвовала в спектаклях, серьезно занималась пением и музыкой с прекрасным учителем, австрийцем Карлом Фюрстером, и писала заумные эссе на философские темы (например, «В чем сила духа?»), — неперенный элемент французского образования.

В детстве Агата практически не имела возможности сравнивать себя с другими детьми. Брат и сестра учились в школе, поэтому все внимание родителей приходилось на долю младшей дочки. Кроме них, рядом с ней всегда были горячо любимые животные — кошка, йоркширский терьер Тоби и канарейка Золотко, или Голди, а также рожденные ее воображением верные друзья — миссис Бенсон и Котятка, Дик и его подруга, а позже, уже в школе, — целая династия королей и королев, которых она «принимала и угощала» у себя в комнате или в саду в «Эшфилде» и Илинге. Конечно, она встречалась с другими детьми на уроках танцев и в гостях, но в первые десять лет ее жизни в округе не было никого, с кем бы можно было бы каждый день играть и ссориться, с кем приходилось бы делиться игрушками и книгами, временем и вниманием взрослых.

Когда Агате исполнилось пять, она наконец нашла себе первых друзей. В 1895 году Фредерик, чье благосостояние пошатнулось — его компаньоны в Америке неудачно вложили деньги и в результате влезли в долги, — решил на зиму уехать из «Эшфилда» за границу, где жизнь была дешевле. Англичане из высшего общества нередко выезжали в Италию или Францию ради того, чтобы немного сэкономить и пожить в хорошем климате. Одним из престижных мест считался По, город на юго-западе Франции у подножия Пиренеев. В начале девятнадцатого века свежий горный воздух принес этому месту славу здорового курорта, а владельцы отелей с удовольствием принимали у себя постояльцев из Англии и Америки на длительный срок. Там имелись английские книжные лавки и чайные павильоны, была даже английская охота. Здесь и в самом деле все было почти как в Торки, только еда была французская и, к недоумению Агаты, говорили все тоже по-французски, а вместо озера были горы. Познакомившись с тремя-четырьмя своими ровесницами из Англии и Америки, она участвовала в их шумных играх и вместе с ними исследовала окружающий мир. Как и другим детям, ей очень нравилось жить в большом отеле. Там были просторные залы и общие гостиные, пустые днем, длинные коридоры, по которым так здорово носиться друг за другом, очень интересная штука — лифты и удивительные лестницы. Там было больше запретных мест, чем дома, и больше возможностей для озорства. Благодаря вмешательству коридорных, горничных и официантов — один из них, Виктор, на забаву Агате и ее подругам, вырезал им мышат из редиски — драки прекращались и воцарялся мир, и свои отношения с этими людьми Агата запом-

нила даже лучше, чем дома с прислугой. Все долгое лето Агата развлекалась вместе с Дороти и Мэри Силвин, насыпая сахар в солонки и украшая блюда удивленных постояльцев порсятами, вырезанными из апельсиновой кожуры. Когда Силвины уехали, она подружилась с английской девочкой Маргарет Пристли, пленившей Агату своим очаровательным выговором и весьма своеобразным лексиконом и просветившей ее по части физиологии — не совсем точно, зато с потрясающей бесхитростностью. Уже в преклонном возрасте Агата очень отчетливо помнила это время и говорила о нем с большой нежностью.

В начале сентября родители переехали в Париж, а затем в Бретань. В Динаре они встретились со старыми друзьями, у которых было двое сыновей. Сами мальчишки не обращали на маленькую девочку никакого внимания, зато их мать, Лилиан Пири, как могла опекала ее. Агата всю жизнь восхищалась этой женщиной и на протяжении более сорока лет время от времени с ней встречалась. У них было много общего и в характере, и в привычках — начитанная, многосторонне эрудированная, миссис Пири, как и Агата, обожала обставлять свое жилье и делала это «удивительно оригинально». Последней остановкой вояжа был один из Нормандских островов, но не Джерси, где Клара прожила первые девять лет своей жизни, а Гернси, где Агата опять играла одна, сочиняя истории о трех экзотических птицах, которых ей подарили на день рождения.

Поскольку Няня уехала к себе в Сомерсет еще задолго до их отъезда за границу, надо было искать ей замену, и после бесчисленных неудачных экспериментов с французскими гувернантками, которых нанимали в По, Клара загорелась очередной идеей, и в доме в качестве бонны появилась ученица портнихи Мари Сиже — милая и честная двадцатидвухлетняя девушка. Английского Мари совершенно не знала, но именно благодаря ей Агата выучилась говорить по-французски и, пусть не всегда академически правильно, зато легко и непринужденно. Они очень быстро подружились, доверяя и полагаясь друг на друга. Дружба стала еще крепче после возвращения домой в Торки, где все служанки и горничные невзлюбили французенку за то, что она странная и нелюдимая, слишком скромно одевается, слишком простовата, за то, что посылает домой большую часть своего заработка, а остальное откладывает себе на приданое. Агата, видевшая, как тяжело Мари среди чужих людей далеко от дома, просто восхищалась ее целеустремленностью и здравым смыслом. Бедные, но решительные

молодые женщины позже станут героинями ее произведений — задним числом писательница возраст должное Мари.

Однако в «Эшфилде» Агата проводила с Мари не так много времени, как во Франции. Дело в том, что девочка выдумала себе школу вовсе не потому, как она напишет позже, что «горела желанием ходить в школу», а потому, что игра заменяла общение с девочками-сверстницами. Придуманные подружки Агаты были похожи на девочек с репродукций Королевской Академии, которые она нашла среди книг тетушки-бабули, и на иллюстрации Уолтера Крейна к «Празднеству Флоры», книге, на современный вкус скучной и сентиментальной, но очень популярной в годы юности Агаты.

Агата подробно описывает этих семерых придуманных девочек в «Автобиографии». Одной из них была «Сью де Верт, на редкость бесцветная, не только внешне... но и внутренне». Сью, по словам Агаты, получилась персонажем, каких автор включает в повествование только как «наблюдателя, а не реально действующее лицо». У Сью де Верт не было ничего общего с другой девочкой, носившей ту же фамилию. Вера де Верт, сводная сестра Сью, тринадцатилетняя девочка, обещавшая вырасти в «немыслимую красавицу» с пышными соломенными волосами и глазами «цвета незабудки», совершенно затмила невнятную Сью. К тому же происхождение Веры окутывала тайна — как все девочки, Агата просто обожала тайны, — так что об этой возвышенной и романтической натуре сочинялась масса историй.

К счастью, к двенадцати годам в жизни Агаты появились реальные девочки. В начале сентября 1902 года двадцатитрехлетняя Медж вышла замуж за Джеймса Уотса, самого спокойного и уравновешенного из ее кавалеров, единственного, кому и целомудренная Мари, и сама Агата полностью доверялись.

В первом, неопубликованном, наброске «Автобиографии» Агата вспоминает, с какой радостью и воодушевлением она встретила подружек невесты: Нору Хьюитт, которая, накрывшись плащом, бросилась под дождем в сад, чтобы нарвать маргариток для церкви; Констанс Бойд — другую подружку Медж; «крошку Аду» — приемную дочь Большого дяди Джека; но самым большим открытием Агаты стала младшая сестра жениха, Нэн. Агата и Нэн вместе с ее младшими братьями Лайонелом и Майлзом и Джералдом Бомером, кузеном Агаты, использовали любой повод, чтобы «вволю поиздеваться над новоиспеченной парочкой»: обсыпали их рисом, выкрикивали: «Миссис Джимми Уотс — имя первый сорт!»

и т. д. Нэн, пятнадцатилетняя сорвиголова, которую Агате представили как образец учтивости и воспитанности, и Агата, которую Нэн отрекомендовали как само остроумие и общительность, с первого взгляда понравились друг другу. Агата стала владелицей платьев, из которых Нэн выросла, а Нэн научилась выпивать «залпом целую чашку сливок».

С этого момента Агата начала заводить себе друзей по соседству. Например, она близко подружилась с пятью дочерьми доктора Хаксли, с которыми познакомилась на уроках пения (их проводил учитель с примечательной фамилией Кроу¹). Девочки Хаксли были незаурядные и активные, они шокировали старшее поколение Торки громким хохотом, а также тем, что не носили перчаток. Они сразу увлекли Агату своими затеями, пригласили ее принять участие в постановке мюзикла «Телохранитель», три представления которого были даны для родственников и друзей. Джеймс Уотс говорил, что навсегда запомнил эти представления. «Конечно, — вспоминает Агата спустя годы, — на самом деле это было очень смешно. Худенькие девочки тоненькими голосами пытались воспроизвести сцену в лондонском Тауэре, играя мужские роли». С особым весельем она всегда вспоминала, как ей пришлось играть в паре с пожилой экономкой, которую ввели в спектакль в последнюю минуту вместо заболевшей исполнительницы. Агата должна была обнимать ее за талию и пылко повторять: «Я сгораю от чувства к Вам, Ваше Величество». «Телохранитель», — пишет Агата, — одно из самых светлых воспоминаний жизни». Своим чистым сопрано и уверенным исполнением она удивила семью. На самом деле она очень трусила и позже признавалась, что «ужасно нервничала», когда приходилось петь перед другими людьми. Ведь Агата была настолько застенчивой, что «с трудом могла заставить себя даже выйти в магазин», — каково такой девочке выступать перед гостями на званом вечере?

Если Медж унаследовала раскованность тетушки-бабули, то Агата — стеснительность бабули Б и Клары. Все свое детство она была слушателем, а не рассказчиком, поэтому выступление перед публикой явилось для нее суровым испытанием. Перед концертом в честь окончания семестра у мадемуазель Каберне она так переживала, боясь перепутать ноты или сбиться с такта, что у нее поднялась температура и ей вообще запретили выступать. Но участие в представле

¹ От англ. «crow» — ворона.

нии с девочками Хаксли было действием совсем иного рода, она ощущала себя более непринужденно, потому что выступала с друзьями перед людьми, которых хорошо знала. За пределами круга самых близких она никогда не чувствовала себя уверенно. Возможно, это сказывались ранние годы, прошедшие без друзей.

Но эти же одинокие годы, возможно, научили Агату самостоятельности и независимости. Как сама она впоследствии признается, «наивысшее счастье для автора — это иметь возможность писать в свое личное, собственное время». Будь у нее в детстве побольше друзей, неизвестно, как это повлияло бы на становление ее индивидуальности. Но благодаря ли, вопреки ли обстоятельствам, Агате удалось самореализоваться наилучшим образом.

Глава 3

«Делать, что захочешь, с тем, чем владеешь»

Хотя у Агаты не было друзей среди ровесников, ее детство протекало мирно и счастливо. Окружавшие ее взрослые были добры и заботливы, родители никогда не ссорились, прислуга была спокойной и жила в доме подолгу, хозяйство велось по строго заведенному распорядку; обе бабушки, несуетливые и уравновешенные, были дамы добросердечные и хлебосольные. Дни рождения и прочие праздники отмечались с размахом, и каждая пора года была хороша по-своему — пикники и купание летом, а зимой — рождественская елка и угощение: спаржа, клубника, семга, индейка и рождественский пирог. Жизнь протекала уютно и размеренно. В воспоминаниях Агаты о детстве упоминается множество неожиданных радостей, но нет ни одного упоминания о невыполненном обещании. Ее мир был спокойным и надежным.

«Эшфилд» и бабушкин дом в Илинге были даже чересчур просторными для в общем небольшой семьи, так что дело там находилось для каждого. Агатиной обязанностью было играть и развлекать себя самостоятельно, ухаживать за своими животными и не мешать благоразумным взрослым поддерживать порядок в доме. Девочка хорошо понимала, на ком все держится: отец, по ее выражению, являлся «опорой» семьи; мать заботилась о доме и руководила домочадца-

ми; на бабушках лежала забота об их владениях в Илинге и Бейсуотере; Няня присматривала за Агатой и за детской; царством Джейн была кухня. Поэтому всех взрослых в доме Агата очень почитала — не только потому, что в их руках была власть, но и за их умение и труд. Они тоже ее уважали, никогда не отмахивались от маленькой девочки и на все ее вопросы всегда отвечали правдиво и обстоятельно. Такие отношения казались ей вполне естественными. Лишь много позже, живя в пансионе, Агата поняла, что они складываются не сами собой — оказалось, установить хорошие отношения с окружающими стоит немало труда. Тогда ей и пригодился полученный в детстве опыт общения. В детстве она не испытывала ни малейшего притеснения и несправедливости со стороны взрослых. По ее воспоминаниям, только однажды в По ее побранили за то, что она с подружками ходила по парапету балкона, да и то не сильно, потому что никто ее не предупредил, что ходить по парапету нельзя.

Тем не менее детство Агаты не было совсем уж безмятежным. Время от времени ее посещал один и тот же навязчивый сон, который писательница упоминает в «Автобиографии» и в романе «Неоконченный портрет» (опубликованном в 1934 году под псевдонимом Мэри Уэстмакотт). Кошмар только слегка видоизменялся: ей снился какой-нибудь семейный праздник, вечеринка или пикник, на котором внезапно ощущалось чье-то присутствие, а затем появлялся ужасный однурукий Стрелец с ружьем, — но страшно было не ружье, а его странные, жуткие блекло-голубые глаза, пристально смотревшие на Агату. Первоначально Стрелец выглядел как «француз, в серо-голубой форме, напудренном парике и треугольной шляпе, с каким-то оружием вроде старого мушкета». Позже в ее снах кто-то из семьи или друзей вдруг превращался в Стрельца и начинал пристально в нее вглядываться. В «Неоконченном портрете» в роли ужасного Стрельца оказывается мама: «Ты поднимаешь глаза, чтобы взглянуть маме в лицо, конечно, это мама, и вдруг... натыкаешься на пристальный взгляд блекло-голубых глаз, а из рукава тесного платья, о ужас, высывается ужасный обрубок».

Агата так никогда и не смогла выяснить причину этого кошмара. Ни в чем из прочитанного или услышанного она не усматривала связи со своим сновидением. В образ Стрельца, возможно, трансформировались засевшие в глубокое детство в ее подсознании впечатления от каких-то забытых историй или иллюстраций к сказкам Гофмана «Пе-

сочный человек» или «Щелкунчик и мышинный король». Возможно, на впечатлительную девочку подействовали какие-то разговоры взрослых или буйная игра Медж в сумасшедшую «старшую сестру», но в основе подобных сновидений обычно лежит некая неосознанная внутренняя коллизия. А в том, что кто-то из близких в этом сне вдруг принимал чуждый, пугающий облик, видимо, проявлялись ее собственные сомнения — любят ли ее на самом деле. На первый взгляд это может показаться странным. Клара и Фредерик уделяли Агате много внимания (по свидетельству Медж и Монти, родители очень любили и баловали ее), и сама она с гордостью и нежностью признавалась, как близки они были с Klarой. Но глубинные отношения между матерью и дочерью нередко бывают на самом деле куда более запутанными и странными: несмотря на глубокую и искреннюю взаимную любовь, одной из них или даже обоим могло быть неуютно и одиноко. Позже Агата не раз напишет о разрушительной силе любви, которая сродни собственническому чувству, об отношениях матери и дочери, о темной природе материнского инстинкта, а в ее детективных рассказах постоянно присутствует тема приемного сына или дочери и мотив охлаждения родственного чувства при разделе наследства. Это все — словно отзвуки какого-то беспокойства, острого ощущения мучительной сложности семейной жизни, так что внешне благополучное детство Агаты все же представляется овеянным какой-то смутной тревогой. На вопрос в «Исповедях» «Что такое, по-вашему, страдание?» четырехлетняя девочка ответила: в том, что «тот, кого я люблю, уйдет от меня».

Возможно, имена смутным теням, омрачившим Агадино детство, были «болезнь» и «денежные затруднения». Будущей писательнице было только пять лет, когда дела Фредерика резко ухудшились, — именно тогда семье пришлось в целях экономии оставить «Эшфилд» и провести год за границей. Но и после возвращения улучшения не произошло. Деньги, вложенные в недвижимость на нью-йоркской бирже, почти не принесли дохода, поскольку в основном пошли на уплату налогов и погашение долгов. Один из членов правления, писавший Фредерику обнадеживающие письма, в конце концов застрелился. Фредерик сам отправился в Нью-Йорк спасать положение, но безуспешно. Вообще, как вспоминает Агата, он был доверчивым человеком, каких легко обмануть. Однажды после возвращения из Франции она случайно услышала, как родители обсуждают финансовые трудности, и реши-

ла, что вот он, настоящий крах, обрушившийся на их семью. Она читала о подобных вещах в книгах Эдит Несбит «Дети железной дороги» и «История искателей сокровищ». В первой книге отца семейства по ошибке сажают в тюрьму, а во второй отец теряет все деньги. В ужасе Агата объявила Мари, что они разорены. Когда эта новость достигла ушей Клары, та успокоила дочь и быстро развеяла ее мелодраматические фантазии, объяснив, что просто их дела немного ухудшились и придется экономить. Агата почувствовала разочарование: ни романтики, ни утешения!

Откуда берутся деньги, почему они вообще появляются — для Агаты это было загадкой. Поскольку ее отец на работу не ходил, она никак не могла увязать появление денег с каким-то трудом или приложением усилий. Количество ее собственных карманных денег менялось каждый день, их попросту не считали, — сумма ее наличности зависела только от того, сколько медных монеток оказывалось в карманах Фредерика. «Я должна была зайти к нему в туалетную комнату, сказать «Доброе утро», а затем вернуться к туалетному столику и посмотреть, что Судьба мне приготовила... Два пенса? Пять пенсов? Однажды даже целых одиннадцать! Иногда монеток не было вообще. Эта непредсказуемость сама по себе была восхитительна». Таким образом зависят от превратностей Судьбы как в истории придуманной Агатой миссис Бенсон, ввергнутой в нищету, когда капитан утонул в море, — вдруг оказывается, что он вовсе не утонул и снова появился живой и невредимый, «именно когда все стало совершенно безнадежным». Со временем до девочки дошло, что раз деньги появляются неизвестно откуда, они таким же образом могут и исчезать неизвестно куда. Тут-то Агата и поняла, чего так боятся родители: вероятно, именно от этих тревожных заботел отец.

В первый раз Фредерик почувствовал себя плохо, находясь с семьей во Франции. Его осмотрели двое врачей, один из которых констатировал болезнь почек. Семейный врач Миллеров в Торки с этим не согласился, и впоследствии разные специалисты ставили разные диагнозы. Он страдал от приступов боли и одышки, которые, по-видимому, обострялись от переживаний. Ни одно прописанное лечение не помогало — ни термальные воды, ни припарки из горячей рубленой говядины. Клара, постоянная подписчица «Ланцета» и «Британского медицинского журнала», обна-

ружила, что назначенное лечение не соответствует диагнозу, но продолжала убеждать Фредерика, что тот с каждым днем выглядит лучше. Однако Фредерику становилось совсем плохо. Он методично вел список «сердечных приступов» — пятнадцать приступов с апреля 1899 года по июнь 1901 и еще тридцать, в основном по ночам, с июня по сентябрь — и продолжал искать все новые средства от своей болезни. В конце октября, находясь у мачехи в Илинге, он обратился еще к одному медицинскому светилу. Письмо Кларе, написанное им из клуба, — свидетельство глубоко-го разочарования в очередном методе лечения:

«Моя любимая Клара! Сегодня утром я видел Сэнсема, и он сказал все то же самое, что мне говорят последнее время. Он настаивает, что все мои недомогания чисто нервного характера, и рекомендует то же, что и раньше, — свежий воздух, дистиллированную воду, молоко после еды, затем, возможно, растительное масло или настойку солодки и умеренную нагрузку. Он утверждает, что сердце у меня вовсе не увеличено, совершенно нормального размера, а с клапаном ничего страшного — он просто немного ослаб... Он не считает, что мне нужно все время лежать, но советует часть дня все-таки проводить на диване у открытого окна, чтобы меня обдувало свежим воздухом... Последние два дня я чувствую себя намного лучше, чем все эти три недели: почти не задыхаюсь и крепко сплю ночью. Не знаю, отнести ли это улучшение на счет дигиталиса, прописанного мне Тейлором, или просто я стал меньше ходить пешком... Я решил вернуться 30-го, в следующую среду, если все будет хорошо. Между нами, я бы с удовольствием уехал теперь, но мать так добра и внимательна ко мне, что я не могу разочаровать ее. Я даже не могу тебе выразить, как добра она ко мне, и знаю, что она очень сильно волновалась из-за меня в начале недели. Я не сказал Сэнсе-му, что принимал гомеопатические препараты...»

Несмотря на болезнь, Фредерик, по воспоминаниям Ага-ты, никогда не злился и не раздражался. Более того, он держался как мог, мужественно стараясь жить как ни в чем не бывало. В одном из писем к Кларе он докладывает, что ужинал у Наваля «с отличным для последних нескольких недель аппетитом — ростбиф, шпинат и рисовый пудинг» — и ходил с мачехой на «Серебряный башмачок» — «прелестная музыка, я получил большое удовольствие». Письмо заканчивалось очень бодро: «Теперь, благодаря Богу и врачам, я надеюсь на скорое

улучшение. *Очень люблю всех вас, мои дорогие. Надеюсь, что Агате уже лучше.* (Она в то время была простужена.) *«Сегодня опять скверная погода. Надеюсь, что это письмо приободрит тебя, мой же видишь, что я себя чувствую лучше. Храни тебя Бог, моя любимая».* Меньше чем через месяц после написания этого письма Фредерик снова вернулся в Илинг, потом поехал в Лондон повидать друзей и подыскать себе какую-нибудь службу. Там он простудился и заболел двусторонней пневмонией. Были срочно вызваны Клара и на всякий случай Медж и Агата. 26 ноября в возрасте пятидесяти пяти лет Фредерик умер.

Для одиннадцатилетней Агаты это означало окончание детства. Ее мир сделался уязвимым. Она почувствовала ответственность за другого человека — за Клару. Союз ее родителей был не просто хорошим и прочным браком. Ханна, кухарка в Илинге, позвав Агату на кухню под тем предлогом, что нужно помочь печь пирожные, повторяла ей снова и снова: *«Они были очень-очень преданы друг другу».* Клару настолько потрясла смерть мужа, что она казалась почти невменяемой и совершенно опустошенной. В «Автобиографии» Агата приводит отрывок из последнего письма отца к матери: *«Ты изменила всю мою жизнь. Ни у одного мужчины не было такой жены. С тех пор как мы поженились, я с каждым годом люблю тебя все сильнее».* К этому письму Клара приложила бумажник, который сама когда-то вышила для Фредерика, заказ на проведение погребальной церемонии, несколько буквых листьев с илингского кладбища, маленькую записную книжку, в которой Фредерик записывал свои расходы, с прядью прекрасных светло-каштановых волос между страницами, и кусок грушевого мыла, которым он пользовался последнее время. На карточке, прикрепленной к свертку, была надпись: *«Есть четыре вещи, которых не вернуть: сказанное слово, выпущенная стрела, прошедшая жизнь и упущенная возможность».*

Проведя три недели во Франции с Медж, Клара вернулась в «Эшфилд», где ее в одиночестве дождалась Агата. Монти в то время был со своим полком за границей. До этого он работал на верфи в Девоне, а потом в Линкольншире, но его мечтам стать инженером не суждено было сбыться. Начало Бурской войны в 1899 году дало ему шанс сделать военную карьеру. Он записался добровольцем в 3-й Королевский батальон и к концу войны в 1902 году получил назначение в Индию. Медж с Джеймсом жили на севере в Чидле, недалеко от родителей Джеймса. Клара и Агата оста-

лись в «Эшфилде». Как годы спустя заметит Агата, «мы уже не были семьей Миллеров. Мы были просто два человека, живущие вместе, — немолодая женщина и неопытная наивная девчонка». Характеристика самой себя более чем точна, ведь Агате было всего одиннадцать. Но неопытная девчонка вдруг ощутила огромную ответственность. Денег было мало. Огаст Монтант, душеприказчик Фредерика, объяснил Кларе, что большая часть состояния Натаниэла пошла прахом. Фирма, в которой состоял Натаниэл, намерена продолжать выплачивать небольшое годовое содержание его вдове Маргарет, а Клара и трое ее детей — Медж, Монти и Агата — будут получать ежегодно по 100 фунтов каждый. Клара благоразумно решает продать «Эшфилд» и купить дом поменьше. Ей вообще очень нравились старинные приморские городки, так что она с удовольствием поселилась бы в одном из них. Но все дети дружно запротестовали: Монти слал из Индии просьбы не делать этого, Медж и Джеймс предлагали помочь с текущими расходами, а Агата, которую это решение расстроило больше всех, просто умоляла мать не продавать их дом. Позиция Агаты в этом вопросе весьма примечательна. Она пишет в «Автобиографии» о бескорыстии Клары, о ее полном подчинении требованиям детей, о заботах и расходах, которые та взвалила на себя, приняв решение не продавать дом. Однако нет оснований считать это простой попыткой защититься от возможных упреков в эгоцентризме. Наоборот, Агата честно говорит, что «Эшфилд» слишком много значил для нее самой, — он был ее миром, ее любимым домом, так что покинуть его стало бы для нее ужасной утратой. После смерти отца ее единственной целью стало сохранить «Эшфилд». Похоже, что и ее чувство ответственности за мать было как-то сродни ее стремлению любой ценой сохранить и защитить их дом.

После смерти Фредерика Агата стала панически бояться, что Клару вдруг переедет трамвай или она умрет во сне. По ночам она на цыпочках подходила к дверям и прислушивалась, дышит ли мать. Хотя, как заметила Агата, двенадцатилетние дети склонны преувеличивать опасности, здоровье Клары давало повод для опасений. У Клары тоже случались небольшие сердечные приступы, и Агата, спавшая в бывшей туалетной комнате Фредерика рядом со спальней матери, чтобы всегда быть поблизости, часто ночью приводила ее в чувство с помощью бренди или нюхательной соли. Это совершенно не означает, что Клара превратилась в беспомощную развалину. Она оставалась такой же энергичной и подвижной, как и раньше, — вдруг собира-

лась и вела Агату послушать сэра Генри Ирвинга¹ (говоря при этом: «Неизвестно, сколько он еще проживет, а ты обязательно должна его увидеть, это великий актер. Потопись, а то опоздаем на поезд»). А сопровождая Агату в Париж, мать часто ходила с ней в театры и оперу.

Теперь Агата осталась для Клары единственным собеседником. Принимать у себя гостей вдове не полагалось, а сама Клара почти никогда не принимала приглашение на обед или ленч — она редко выходила в свет одна даже до замужества. Так что вечера они коротали вдвоем с Агатой, читая вслух Вальтера Скотта, Теккерея и их любимого Диккенса, причем Клара, любившая, чтобы свет был поближе, ложилась и ставила подсвечник себе на грудь.

Впрочем, с замужеством Медж круг общения Клары несколько расширился. Энни Браун, мать Джеймса Уотса, дружила с Klarой еще в школьные годы, благодаря чему Медж и Джеймс, собственно, познакомились. Джеймс происходил из состоятельной семьи, основу богатства которой заложил его дедушка, сэр Джеймс Уотс, успешно торгуя с колониями. В свои роскошные магазины сэр Джеймс-старший поставлял велосипеды, часы с боем, фланелевые брюки и другие товары, предназначенные для самых дальних уголков Британской империи. Его дом «Эбни-холл» был своего рода достопримечательностью. В огромном замке, возведенном под непосредственным руководством самого сэра Джеймса, имелся даже громадный зал для религиозных и политических собраний, поскольку сэр Джеймс являлся лорд-мэром Манчестера. В «Эбни» принимали принца-консорта, время от времени там бывали министр Гладстон с супругой, а также супруги Дизраэли. Свекор Медж, Джеймс Уотс-средний, унаследовал этот дом в конце восьмидесятых годов XIX века. Страстный коллекционер антиквариата и фотограф-любитель, он продолжал украшать и обогащать его до тех пор, пока там попросту не осталось свободного места.

Архитектура «Эбни», отличающаяся чрезмерной декоративностью, была выдержана в так называемом стиле «возрожденной готики»; многое в доме делалось по проектам самого Пьюджина¹, который работал над реконструкцией

¹ Ирвинг, сэр Генри (1838—1905) — выдающийся английский драматический актер.

² Пьюджин и Огастес Уэлби Нортон (1812—1852) — известный британский архитектор.

здания парламента. В доме было невероятное количество изысканно отделанных резных лестниц, пышных альковов, галерей и арок, а снаружи между ажурных окон с витражами причудливо изгибались горгульи¹.

Под потолком главной гостиной шел фриз, испещренный изречениями из книги Притчей Соломона, стены были обтянуты зеленым штофом и украшены арабесками, а с каждого кессона на потолке свисали восьмиугольные опрокинутые башенки с золотыми наконечниками. «Как в Альгамбре», — говорили дети. В другой гостиной, заставленной кушетками, был огромный мраморный камин. Деревянные резные панели были выкрашены в ультрамариновые, ярко-красные и зеленые тона. Изразцы, дверные ручки, замки и петли, каминные решетки, канделябры и лампы отличались оригинальностью и были изготовлены по специальным чертежам. Агата вспоминала, что в «Эбни» было три пианино и орган, а годы спустя, когда дом продали, обнаружили еще клавикорды и клавесин. Коридор был заставлен старинными дубовыми комодами, стены увешаны картинами, иные из которых принадлежали кисти свекра Медж. В доме была комната-лабиринт, а в саду — озеро, водопад, туннель и несколько домиков для детских игр, среди которых была даже маленькая крепость со стрельчатыми окнами и амбразурами.

Медж с мужем жили по соседству в «Чидл-холле», доме в георгианском стиле. Агата и Клара приезжали к ним каждую зиму, а в 1903 году, когда у супругов родился сын Джек, они присматривали за ним, пока родители катались на коньках в Сент-Моритце. Рождество праздновали в «Эбни» со всеми Уотсами — Джеймсом-средним и Энни, Медж и Джеймсом-младшим, четверья братьями Джеймса и его сестрой Нэн. Стол на Рождество бывал невообразимо роскошным: обильный ленч, чай и ужин с великим множеством шоколадных конфет, консервированных фруктов и сладостей из кладовки — и всего этого сколько душе угодно, как когда-то в Илинге. На Святки все вместе отправлялись в театр в Манчестер, да и в «Эбни» то и дело устраивали шарады с переодеваниями, в которых с энтузиазмом участвовали все Уотсы, за исключением Джеймса-младшего. Заметим кстати, что брат Джеймса, Хемфри, имел собственный театр в Манчестере, а другой брат, Лайонел, сам играл в профессио-

¹ Горгулья — водосточная труба в виде фантастической фигуры, характерная деталь готической архитектуры

нальном театре в Лондоне. Медж тоже никогда не изменяла своей страсти к переодеванию. Однажды, уже давно будучи замужем, она вышла к обеду в костюме для крикета, в черных бриджах и в крикетной кепке. Джеймс запротестовал, но сестру поддержала Агата, усевшись за стол в черном наряде турчанки и издавая во время обеда непристойные звуки, как ее подучила Медж. И сын Медж, Джек, унаследовал семейное увлечение. Уже студентом выпускного курса в Оксфорде он запомнился однокашникам тем, что однажды в каком-то действе, облаченный в женскую одежду, представлял Деву Марию.

Своим появлением на свет Джек принес Агате много радости; это был ее первый опыт общения с таким крохой, и девочка, еще не очень понимая, что от нее требуется, с энтузиазмом осваивала роль тетки. В «Автобиографии» Агаты множество мест посвящено Джеку, а страницы ее альбома заполнены фотографиями — Агата играет с ним, читает ему, и в огромном клеенчатом чепце, похожем на форму для пудинга, учит его плавать в море. Агата вообще любила малышей, а с двенадцати лет и до двадцати четырех, когда она вышла замуж, перед ее глазами их прошло немало — в основном это были дети Клариных приятельниц и ее собственных подруг. Один из них спустя годы вспоминал случай в «Эшфилде», когда ему было три года, а Агате двадцать. Он забрызгал кому-то ноги из лейки, и Агата назвала его «безобразником», на что он обиженно выкрикнул: «Сама ты леди-безобразница!» Она отвела его в классную комнату и только собралась уйти, как он обозвал ее «леди-слон», а когда в бильярдной она показала ему чучело лебедя, он назвал ее «леди-лебедь». Агата тоже вспоминала этот случай; впоследствии, спустя двадцать лет, она привезет с Востока подарок своему бывшему товарищу по играм — лазуритового слоника, а саму их игру припомнит ее alter ego — миссис Ариадна Оливер в книге «Слоны помнят все».

Примерно с 1902-го у Агаты появляется свой круг общения среди сверстников. Она начинает посещать школу мисс Гайер, а потом Клара отправляет ее на учебу в пансионаты во Франции — возможно, потому, что сознает опасность их с дочерью чрезмерной зависимости друг от друга. Дома Агата считалась уже достаточно взрослой, чтобы самостоятельно проводить время. С молодежью из семей Хаксли, Хупер, Моррис, Льюси, Баш и Тилласон они ходили на ярмарку, где все покупали нугу в лавке и катались на «русских горках» и на деревянных раскрашенных лошадках карусели. Девуш-

ки сидели по-дамски, боком, и размахивали своими свертками, цветами и шляпками. Иногда все вместе отправлялись на регату в Торки, где их ждали яхты на причале и фейерверк вечером. Устраивались чаепития и ужины на окрестных лужайках, а также большие приемы, на которых превосходное мороженое и пирожные подавали настоящие официанты. В альбоме Агаты масса фотографий молодых людей в высоких крахмальных воротничках и девушек в муслиновых блузах с треугольным вырезом или приталенных элегантных костюмах. Их юбки запачканы землей — они только что закончили партию в крокет или в «дьявола» — новомодную игру, где нужны трости и бечевки.

По утрам Агата с молодыми Льюси, захватив роликовые коньки и заплатив два пенса, катались на пирсе. На одной фотографии они стоят впятером, крепко держась за руки, чтобы не разбежаться в стороны, и среди них стройная, изящная Агата с густыми светлыми волосами, в роскошной шляпке, на которой во все стороны торчат фазаньи перья. Несмотря на чопорность тогдашнего общества Торки, на жесткое разделение по классам и по полу, молодежь вволю наслаждалась жизнью — что подразумевало и катание на яхтах и роликовых коньках, и теннис, и свежие, только что выловленные мидии и устрицы на завтрак, и музыку Королевского морского струнного оркестра. Торки было место очень здоровое, железная дорога проходила в стороне, и хотя между городом и вокзалом курсировали экипажи и такси, Агата и ее друзья старались всюду ходить пешком, они с упоением бродили по торкским холмам, вдыхая свежий морской воздух. Летом будущая писательница ходила за несколько миль к любимому месту купания — Агата обожала море и всю жизнь до глубокой старости использовала любую возможность поплавать. Неудивительно, что аппетит этих юных дев всегда был превосходный.

Однако, несмотря на это, выглядела и Агата, и ее подруги очень элегантно. Помогали многочисленные хитрости и уловки. В шестидесятых, сравнивая «тогда» и «теперь», Агата перечисляет «мучения» начала века: «Жесткие высокие воротнички муслиновых блузок давили немилосердно, оставляя красные пятна. Корсеты. Ощущение, что тело заковано в латы из китового уса, корсет так перетягивает талию, что больно вздохнуть». Развивая тему «мучений», она пишет: «Открытые кожаные туфли на высоких каблуках. В них можно сходить на вечеринку, но пройти две-три мили да еще в длинной юбке... Какая-то китайская пытка. Длинные юбки — вечная докука, хотя весьма полезная,

потому что полой юбки можно вытереть туфли, которые запачкались по дороге на вечеринку, — юбка все стерпит! Замерзшие руки, окоченевшие ноги и обморожения. Мука зимой. Туго застегивающиеся ботинки, детские и взрослые (возможная причина обморожений). Прически. Нужна уйма труда плюс щипцы для завивки».

Хотя «преимуществ» у начала века меньше — но как они прочувствованы! «Уют и домашний комфорт. Свет зажигается прежде, чем ты встал. В кувшине всегда горячая вода. Роскошные путешествия на поезде. На станциях меняют ножные грелки, они все время горячие, всегда полно носильщиков, чтобы подхватить твой багаж, прелестные корзинки для ленча, удобные и чистые вагоны. А главное — никакой спешки. Вот она, наша самая большая утрата! Единственная по-настоящему ценная вещь в жизни — это делать, что захочешь, с тем, чем владеешь».

Глава 4

«Когда-нибудь ей все же придется выбрать»

В отличие от Агаты, которая была здорова и веселилась напропалую, Клара чувствовала себя не слишком хорошо — в жизни ее со смертью Фредерика образовалась не заполненная ничем пустота, и вскоре после Агатиногo возвращения из пансиона мисс Драйден в 1910 году она серьезно заболела. Врачи никак не могли поставить диагноз, предполагая то камни в желчном пузыре, то паратиф, то аппендицит. Не доверяя им, Клара сама ставит себе диагноз и назначает лечение. Главное — ей нужны перемены, решает она и под предлогом очередного врачебного предписания — брать солнечные ванны — отправляется в Египет.

Подобные поездки в те дни были в порядке вещей. Страны Ближнего и Среднего Востока, внушающие сегодняшнему европейцам большие опасения, в начале двадцатого века были намного безопаснее. В основном они находились под протекторатом Британии (частично — Франции), и туда регулярно курсировали суда, а об удобстве путешествия заботилась компания «Томас Кук и сыновья». Провести зиму в Египте — что могло быть приятней! Климат там сухой и теплый, и не так уж далеко от Лондона. В Каире были приличные отели, где останавливались англичане, неподалеку стояло несколько британских военных полков, можно было посмотреть игру в поло, а вечером потанцевать в одном из оте-

лей. Кларины скромные возможности не позволяли подростокшей уже Агате «провести сезон» в Лондоне, посещая там балы и приемы, как в свое время делала Медж в Нью-Йорке. Каир стал прекрасной заменой. Это было недорого, жившие там англичанки из светского общества могли составить компанию Кларе, а их дочери вполне годились в подруги Агате. К тому же там было немало приличных молодых людей, чтобы танцевать, кокетничать, ходить на экскурсии и даже попытаться подыскать среди них себе будущего мужа. На пароходе «Гелиополис» мать и дочь прибыли в Каир и на три месяца поселились в «Джезира-Палас-отеле», рассчитывая посетить не менее пятидесяти танцевальных вечеров. Агата буквально измучилась со своими волосами, они были настолько длинными, что она могла сидеть на них, а уложить их в прическу никак не удавалось. Зато какой восторг доставили ей первые бальные платья: одно из бледно-зеленого шифона с мелкими кружевными оборками, другое из белой тафты, и третье — из темно-бирюзовой ткани, сшитое из одного из многочисленных отрезков тетушки-бабули, припасенного до поры в ее сундуках и успевшего настолько истлеть, что во время одного из танцев буквально расплозлось по швам. Затем появилось еще одно, «купленное у одного из самых дорогих портных Каира» (по мнению Агаты, «невероятно шикарное»), из бледно-розового атласа с изящным букетиком бутонов роз на плече. Этот гардероб описан в «Неоконченном портрете», где героине — Силии, высокой и худощавой, как и сама Агата, в свой первый сезон в Каире приходилось подкладывать под корсаж «подушечки» — умело присборенные воланы из тюля.

Фотографии из тогдашнего Агатиного альбома наглядно демонстрируют нам, как она проводила время в Египте. Там были и каирские скачки, и весенние маневры (на фотографии офицеры сидят на раскладных стульях, а другие мужчины прямо на земле), и ревью, которое женщины смотрели из специально построенного павильона, прикрывшись от солнца муслиновыми накидками. Лихие офицеры на прекрасных лошадях играют в поло, или берут репятствия, или стоят возле лодок с сигарами в зубах и веслами в руках, или сидят с томным видом в плетеных креслах за столиками во время неторопливых чаепитий.

Тогдашний Египет не был овеян таинственным ароматом древних веков — археологическая экспедиция Говарда Картера вскроет гробницу Тутанхамона лишь в двадцатые годы. Тем не менее некоторые из находок, обнаруженных

предыдущими экспедициями, уже выставлялись в Каирском музее, и Клара уговаривала дочь туда сходить. Но Агата, увлеченная своими новыми знакомствами, в музей не пошла, и более того, не только отказалась совершить экскурсию по Нилу, чтобы посетить Карнак или Луксор, но даже не захотела осмотреть пирамиды и сфинкса. Таким образом, первое пребывание в Египте не вызвало у Агаты интереса к древностям и археологии — он придет позже. А тогда она просто жила и упивалась счастьем жизни: первыми ее впечатлениями о Востоке стали комфорт, развлечения и большой успех у мужчин.

В итоге один из учтивых молодых капитанов, увековеченный на фотографии в альбоме Агаты, попросил у миссис Миллер разрешения «поговорить с ее дочерью». Однако ее сердце волновали другие герои — двое бронзовых от загара полковников лет тридцати пяти — сорока, которые иногда танцевали с ней и поддразнивали, называя «хорошенькой юной молчуньей». Агата все еще была очень стеснительна и почти ни с кем не разговаривала. Однажды один из мужчин постарше, подведя ее после танца к Кларе, заметил: «Вот вам ваша дочь. Получайте. Танцевать вы ее научили. В самом деле, она танцует превосходно. Теперь вам остается научить ее говорить». Это был капитан Крейк — на фотографии это веселый малый в клетчатых штанах, стоящий на коленях и вглядывающийся ввысь, на теннисный мяч, который вот-вот упадет ему на голову. В «Автобиографии» с высоты прожитых лет писательница обрисовала ситуацию с изрядной долей юмора, но понятно, что застенчивую юную Агату Миллер замечание капитана Крейка не могло не задеть.

За время пребывания в Египте Агата познакомилась по меньшей мере с двадцатью или тридцатью молодыми людьми, в чем и состояла, в принципе, главная задача. В «Автобиографии» она объясняет поколению своих внуков, как девушки ее возраста и общественного положения входили во взрослую жизнь, в мир, где общественные дела вершили мужчины, в первую очередь мужчины солидные, в возрасте. Она с добродушным юмором описывает светский сезон, время, когда у девушек появлялся наконец шанс познакомиться с кем-нибудь из молодых людей, кроме собственных братьев и родственников, столкнуться с человеческими отношениями и чувствами, доселе им неизвестными, в то время как юноши, до тех пор заточенные в своем мужском мире — в закрытых школах, в армии или на флоте, — получали наконец возможность общаться не только со своими сестрами и

кузинами. Внутри этого внезапно расширившегося круга общения вполне было выбрать подходящую партию. На нескольких страницах в «Автобиографии» писательница с восхитительной откровенностью объясняет, как она пыталась определиться, кого ей искать в «этом мире ищущих женщин», занятых поисками «суженого». До Первой мировой, напоминает нам она, во времена ее юности, как, впрочем, и вплоть до начала Второй мировой, судьбу девушки из общества определяли их матери, бабушки, старшие сестры и тетки. Главным в этой судьбе являлось замужество. «Никаких забот, — пишет Агата, — о том, что делать, — биология сама решит. Ждешь Мужчину, который, раз появившись, полностью изменит твою жизнь».

В Египте будущая писательница встретила со множеством молодых людей, жизнерадостных и привлекательных, исполненных романтических ожиданий, без особого сексуального опыта, зато с огромным потенциалом нерастраченной чувственности. Как позже заметит Агата: «Мы не нуждались в тонизирующих или успокаивающих таблетках, потому что верили в радость жизни». Ведь эту молодежь ничто не угнетало, не тревожило — ни экзамены, ни деньги, ни карьера, да и ответственности у них не было практически никакой: вселенские судьбы — дело взрослых, а удел юных, вне сомнения, — чувства, и только. Да и тут они, спасибо мудро заведенному порядку, практически ничем не рисковали. Рядом с девушкой всегда оказывались умудренные жизнью пожилые компаньонки, а с юношей — многоопытные донжуаны, «легкомысленных» же девушек, пренебрегавших условностями, на балы и приемы по возможности не допускали. В общем, в данном вопросе соблюдался известный баланс. С одной стороны, романтические чувства молодежи всячески поощрялись, с другой — они были надежно застрахованы от роковых ошибок, к которым порой приводит неопытность. Так что тогдашняя жизнь, в восприятии Агаты, была «сплошным весельем». Большая Агатиная компания, в том числе несколько пар молодоженов, с упоением участвовала в этом празднике жизни, неутомимо изобретая все новые забавы.

По возвращении из Каира юная мисс Миллер получила за год четыре или пять приглашений в загородные поместья, где главным развлечением были охота или офицерские балы, скачки или регата. По возможности на всякий прием старались пригласить привлекательных молодых людей — это в значительной мере определяло успех мероприятия. Чтобы получить подобное приглашение, вовсе не обязатель-

но было быть богатым. Конечно, приходилось платить за дорогу и иметь приличный наряд, но обходилось это недорого. К тому же хотя тема денег и расходов считалась неприличной, однако существовали общепризнанные категории — «очень богатый», «состоятельный», «средней руки», «бедный», по которым «сортировались» приглашенные. Хозяин и хозяйка обыкновенно ручались, что бедной девушке не придется играть на скачках или в карты на деньги; по прибытии в дом не могло быть никаких непредвиденных расходов, разве что какая-нибудь мелочь — на чай горничной. Ведь в социальной среде, где в юности врашалась Агата, бедность не осуждалась — важнее было общественное положение, моральная репутация и, разумеется, происхождение. Никто не видел ничего зазорного ни в переделанной шляпке, ни в одних и тех же повторяющихся по очереди шести платьях, ни в заштопанных чулках; более того, в то время это считалось чуть ли не нормой.

Альбом Агаты представляет нам людей, с которыми они с матерью познакомились в Каире. Впоследствии Агата проводила у них уикэнды. Вот мистер Парк-Лайл, «сахарный король», и его приветливая жена — в их поместье в Суффолке она играла в теннис и крокет и любовалась на озеро; сэр Уолтер и леди Бартлот из Литлгрин-хауса в Петерсфилде, откуда Агата вместе с ними отправилась на скачки в Годвуд; Ролстоун-Патрики, в гостях у которых она, к собственному ужасу, во весь опор скакала верхом по окрестным полям (до этого ее опыт всадницы ограничивался лишь неспешным катанием на спокойной до тоскливости кляче по узким дорогам Девоншира, где лишь изредка приходилось преодолевать пустыковые препятствия) и с удовольствием каталась на автомобиле. Еще ребенком во Франции потрясенная Агата впервые увидела автомобиль. Машина Робина Ролстоун-Патрика была к тому же оборудована настолько мощным двигателем, что самый его рев повергал в ужас. Агата на всю жизнь запомнила совершенное в 1909 году «настоящее большое автомобильное путешествие» — когда они проехали на этой невероятной машине целых пятьдесят миль до Банбери, нагруженные пледами, шарфами, корзинками с провизией и провожаемые нежными напутствиями. Но самым сильным впечатлением стало возвращение в Торки из Петерсфилда на машине, которую вел брат леди Бартлот. В памяти Агаты навсегда осталась картинка, как они несутся по узеньким извилистым дорогам со скоростью пятьдесят миль в час, хотя предельно допус-

тимая скорость в те дни составляла всего двадцать миль. Лихой водитель, похожий на мистера Жабба из «Ветра в ивах»¹, рванул с того места, где, по его мнению, должна скрываться полиция, пробормотав: «Вот негодяи, это у них обычная хитрость — спрячутся за изгородью, а потом выскочат и замеряют скорость». Агата, разумеется, натерпелась страху, но ей очень понравилась великолепная ярко-красная машина.

Во время одного из таких визитов Агата познакомилась с театральным импресарио Чарлзом Кокрейном и его элегантной женой Эвелин. Несколько месяцев спустя Кокрейны пригласили девушку к себе в Лондон, где та с удовольствием окунулась в мир театральной богемы.

В театр Агату водили с раннего детства, на музыкальные комедии — бабушка из Илинга просто обожала их. Писательница вспоминает, как, подкрепившись кофе со сливками в «Офицерском универмаге», они с тетушкой-бабулей шли на дневной спектакль и обязательно покупали партитуру понравившейся вещи, чтобы потом попробовать разыграть ее дома. Фредерик Миллер тоже был театралом и весьма активным членом общества любителей театра в Торки, для которого даже сам ставил спектакли (это, как бесстрастно пишет Агата, «случалось тогда, когда сроки поджимали и не находилось никакой замотанной молодой энтузиастки в брюках, которая взяла бы все на себя...»), а Медж и Монти каждую неделю брали Агату с собой в местный театр на первый ряд (из записей в расчетной книжке Фредерика видно, что билет на спектакль стоил тогда всего шиллинг. Для сравнения, стрижка стоила шиллинг и шесть пенсов, а один банан — девять пенсов).

В Динаре (Нормандия), куда Миллеры приехали из По, Агата начинает устраивать собственные театральные представления. В спальне ее родителей было огромное стрельчатое окно-эркер, задергивающееся тяжелыми портьерами. Этот эркер стал первой «сценой», на которой Агата с помощью Мари представляла собственные версии любимых сказок — «Спящей красавицы», «Золушки» и других, а Фредерик и Клара каждый вечер терпеливо исполняли роль зрителей. Теперь, когда Агата выросла, любительские представления

¹ Среди животных — персонажи детской книжки К Грэхема «Ветер в ивах» есть очень колоритная фигура — мистер Жабб (в других переводах — мистер Тоуд, т.е. «жаба»), богатый чудаковатый человек, отчаянно гонимый на своем красном автомобиле

стали более фундаментальными, да и состав исполнителей расширился. Около 1912 года вспышка фотографа запечатлела ее в окружении с дюжины друзей — женщин в ожерельях и покрывалах и мужчин в широких шароварах, тюрбанах, с пышными бакенбардами. Они ставили «Несчастья Синей Бороды», пародийную пьесу, которую сами сочинили по мотивам «Тысячи и одной ночи» и «Синей Бороды», а также легкую комедию с характерным названием «А почему в Багдаде?». Представление давали в Кокингтон-корте, где жили друзья Агаты Мэллоки, миссис Мэллок играла Шехерезаду, а Агата в необъятных гаремных шароварах — победившую Синюю Бороду сестру Анну.

Теперь Агате поневоле приходилось сочинять самой, в основном шуточные стихи. С ее любовью к слову, чувством ритма и рифмы Агате это давалось без труда. К тому же, как и многие ее романтически настроенные ровесники, Агата сама любила стихи и покупала большое количество поэтических сборников. Сохранившийся в ее библиотеке томик 1906 года издания в изысканном оливково-зеленом кожаном переплете с оттиснутыми золотом тьюльпанами, открывается на стихотворении «Печаль Девона»:

Ей-богу, печально в Девоне родиться,
В печальном Девоне печалью томиться;
Признаться, печально мне даже сегодня
В унылом и хмуром, в промозглом Девоне.
Когда бы не гнет этих темных небес —
Зачем бы я стала печататься в «Пресс»?

Стихотворение, написанное Агатой в одиннадцатилетнем возрасте, было опубликовано в местной газете. Когда трамвайную линию, к большой ярости его обитателей, провели до Илинга, Агата написала стихи:

С утра трамваям алым
Рукоплескал народ.
Жаль, к вечеру все стало
Совсем наоборот

Это стихотворение, однако, найти не удалось. Между 1901 и 1906 годами в местных газетах было опубликовано только три стихотворения про трамвай. Ни одно из них не принадлежало Агате. Позже Эйлин Моррис, ее самая близкая и самая одаренная подруга, предположила, что Агата направила стихотворение в «Поэтическое обозрение», издатель которого принял несколько ее стихов по гинее за

штуку Хотя ее первое стихотворное произведение бесследно исчезло, но сохранились некоторые из ее стихов, написанные лет в семнадцать-восемнадцать, — они были впервые опубликованы в сборнике «Дорогой мечты», который в 1924 году издал Джефри Блес, а в 1973-м снова напечатал верный издатель всего наследия Кристи Билли Коллинз. Они сентиментальны и подражательны. Одно из них пространно излагает историю Арлекина и Коломбины, Пьеро и Пьеретты, фарфоровые фигурки которых украшали и бабулин дом в Илинге, и «Эшфилд». Тема Арлекина, влюбленного и чудесного покровителя влюбленных, снова оживает двадцать лет спустя в книге Агаты Кристи «Таинственный мистер Кин».

Позже Агата написала музыку к своим «стихам Арлекина» — сочинение, по ее собственным словам, «не очень высокого класса», но выразительное и вполне профессиональное. Один написанный ею вальс «Только час с тобой» был даже напечатан, хоть автор и считал его «банальным». На обложке нотного альбома изображена молодая женщина, очень похожая на Агату, — с золотистыми волосами, покатыми плечами и букетиком анютиных глазок на груди. К большой гордости сочинительницы, вальс иногда исполнялся в Торки местным оркестром.

К семнадцати годам Агата окончательно отказывается от своих музыкальных амбиций, хотя в свое время, занимаясь у Карла Фюрстера, она всерьез надеялась — благодаря своей усидчивости и постоянным упражнениям — стать профессиональной пианисткой. Но однажды случилась большая неприятность: сев за пианино во время публичного концерта, Агата почувствовала, что «не в силах» даже прикоснуться к клавишам. После этого случая она попросила Фюрстера быть с ней совершенно честным, и, как она потом написала, «он не стал лгать. У меня недостаточно темперамента, чтобы выступать перед публикой, сказал он. И я знала, что учитель прав». Характерно, что, несмотря на огорчение, она сразу и безоговорочно приняла этот приговор «Если что-либо оказалось выше ваших возможностей, намного лучше сразу признать это и идти дальше, чем тешить себя несбыточными надеждами». Уже тогда Агата понимала, что публичные выступления не для нее, и приняла это как данность, не став себя переламывать.

И пение, на которое она тоже возлагала известные надежды, принесло разочарование. В Париже Агата брала уроки вокала у одного из лучших учителей — мосье Боэ. Он

умело подбирал репертуар, позволяющий показать все возможности ее сопрано, — Керубини, Шуберт и даже арии Пуччини. Дома в Торки она училась у одного венгерского композитора, а также у англичанина — исполнителя народных баллад. Агата выступала на местных концертах и пела перед гостями, но оставила мысль стать оперной певицей в 1909 году. Однажды Медж, очень любившая Вагнера, взяла ее на «Валькирию» в Ковент-Гарден. Дирижировал Рихтер, а партию Брунгильды исполняла Минни Зольцман-Стивенс. Ее пение потрясло Агату, как и чудесная мощная музыка Вагнера. «Хотя я не обольщалась, — писала она позже в неопубликованных набросках к «Автобиографии», — но во мне жила тайная мечта когда-нибудь спеть Изольду. Мечтать не вредно, говорила я себе». Но именно тогда одна из американских приятельниц Миллеров, связанная с нью-йоркской Метрополитен-оперой, послушав ее пение, заметила: «Арии, которые вы мне пели, не особенно тронули меня, но упражнения понравились. Вы могли бы стать хорошей камерной певицей, сделать настоящую карьеру и имя. Для оперы у вас недостаточно сильный голос и никогда не станет сильнее». И снова реакция Агаты была мужественной и решительной: «Я повернулась лицом к жизни и оставила всяческие мечтания. Более того, я сказала маме, что она может теперь сэкономить на моих музыкальных уроках. Я могла петь сколько угодно, но необходимости продолжать учиться пению больше не было».

Это разочарование оказалось куда более глубоким. «Нежно лелеемая мечта» петь на сцене была для Агаты куда большим, чем «ничтожный шанс» (в первых черновых набросках «Автобиографии»), «Иллюзия» (в последующих) и «мечта» (в окончательном варианте). «Мне не хотелось становиться камерной певицей, — уверяла она. — Что тоже, кстати, совсем нелегко. Музыкальная карьера удается девушкам редко. Если бы представился шанс петь в опере, тогда стоило бы бороться, но он выпадает лишь немногим избранницам, обладающим нужными голосовыми данными. Я убеждена в том, что нет ничего более саморазрушительного, чем упорствовать в попытках утвердиться в той области, в которой вам никогда не удастся пробиться в первые ряды». Эти неоспоримые доводы — свидетельство здравого ума и рассудительности. Если уж стать оперной певицей — то достичь вершины мастерства: так она считала всегда. Но до конца мечта так и не умерла. Уже в старости Агата поразила одну свою юную приятельницу, за-

думчиво сказав: «Если бы я стала оперной певицей, то была бы очень богатой».

«Итак, — заключила Агата, — хватит об этом». И вот одаренная, образованная и задумчивая восемнадцатилетняя девушка, располагающая ничем не ограниченным досугом, инстинктивно ищет новую точку приложения своей незаурядной натуры. Однажды, поправляясь после инфлюэнцы, она сидела в постели и, устав от чтения, от нечего делать вспомнила «дурацкое занятие», которому научилась в По и которым всегда потом развлекалась, когда болела: лепить из хлебного мякиша всякие вещицы, а потом, высушив на солнце или в остывающей духовке, разрисовывать красками. (Во втором варианте набросков «Автобиографии» она упоминает об этом, не вдаваясь в технологические подробности.) Тогда Клара посоветовала ей, чтобы развезть скуку, попробовать написать что-нибудь, как делала до замужества Медж: целая подборка ее коротких рассказов была опубликована в журнале «Ярмарка тщеславия».

После нескольких неудачных попыток Агата «сильно увлеклась и быстро пошла вперед», и через пару дней рассказ был закончен. Он назывался «Дом красоты» и составлял 30 машинописных страниц (около 6 тысяч слов): перепечатав его набело на старенькой машинке Медж с фиолетовой лентой, она подписалась псевдонимом «Мак Миллер, эсквайр». Это яркий и образный рассказ о безумии и привидениях в духе историй Эдгара Аллана По и Мэй Синклер¹, «окультные рассказы» которых Агата и ее друзья читали в конце 1908 года.

То было время всеобщего увлечения мистицизмом и спиритизмом. Один из друзей даже уговаривал Агату основательно заняться этой тематикой и почитать серьезные книги, но она нашла, что книги скучны, а их утверждения неправдоподобны. Тем не менее ее очень интересовали привидения и тонкая грань между реальным и нереальным, а «безумие» одновременно и влекло ее, и отталкивало. Ведь этим словом в викторианскую эпоху называли любую нестабильность психики, к тому же сумасшествие считалось наследственным, что придавало ему романтический налет «фатальности».

Все эти будоражащие темы присутствуют в «Доме красоты» на фоне не слишком трагического и не особенно оригинального сюжета, разворачивающегося внутри «странно прекрасного дома». Несмотря на стилистические огрехи и

¹ Синклер Мэй (1863—1942) — английская писательница.

обилие банальностей (здесь есть все: и смерть, и бред, и безумие, и музыка, даже монахиня в черном), «Дом красоты» — это хорошо выстроенный, увлекательный рассказ, а образ привидения, хрупкого и одновременно цепкого, получился необыкновенно убедительным. Уже в первом ее опыте видны и редкий дар рассказчицы, и способность держать читателя в напряжении. Проявился тут и не до конца реализованный, но несомненный комический талант. Чего стоит одно описание застольной беседы, где каждый начинает свою реплику с фразы, что лето было необычайно сырое, или образ одного из гостей, профессора с «неприятным мертвенно-бледным лицом» и «большой белой бородой, которая угрожающе раскачивалась в такт его словам». Сильно исправленный, «Дом красоты» в январе 1924 года был опубликован в «Соуверин мэгэзин» под названием «Дом с привидениями».

Следующей пробой пера стал рассказ «Зов крыльев», опубликованный позже (в 1933 году) в сборнике «Гончие смерти», а затем в 1971 году в сборнике «Золотой шар». В нем показывается иной аспект «таинственного»: как легко манипулировать теми, кто склонен безоглядно верить в парапсихологические феномены, особенно во времена новых технических изобретений (в данном случае радио).

Затем Агата написала «леденящую историю про спиритический сеанс». Много лет спустя полностью переработанная «история» превратится в «Загадку Ситтафорда». Четвертым ее рассказом стал «диалог между глухой дамой и нервным мужчиной», он так и не был опубликован. В бумагах Агаты сохранился черновик пятого рассказа, «Одинокый бог», история неожиданной встречи в Британском музее исследователя, вернувшегося после восемнадцати лет скитаний по земному шару и томящегося от скуки в Лондоне, и одинокой бедно одетой молодой женщины, которую он принимает за гувернантку. Рассказ грешит чрезмерной сентиментальностью и натяжками, ему недостает убедительности «Дома красоты», и хотя в нем уже нет привидений и смертей, но нет и ничего, что основывалось бы на личном опыте Агаты.

Под псевдонимами «Мэй Миллер», «Натаниэл Миллер» и «Сидни Вест» Агата, по примеру Медж, посылала свои опусы в разные журналы, откуда их неизменно возвращали. В ее бумагах сохранились и другие ранние рассказы. Все они напечатаны фиолетовым шрифтом, на двух из них от руки помечено: «Эти написаны, когда мне было около

семнадцати». Один из этих двух, под названием «Магазин», написан как притча. Человек подходит к Продавцу в Самом Большом Магазине Мира и на вопрос «Что вы желаете?» отвечает: «Все». Он уходит, нагруженный покупками, но неудовлетворенный. Только когда «много лет спустя» он, ничем не соблазнясь, проходит весь магазин и на вопрос Продавца «Что вы желаете?» отвечает: «Ничего», все товары и сокровища из Магазина сами устремляются к нему и ложатся у его ног. Пафос — явно религиозный, однако мораль не слишком внятная.

Интересно сравнить рассказ «Выбор» Сидни Вест — Агаты с написанным на несколько лет раньше «Духом миссис Джордан» Кэллис Миллер, то есть Клары. Их явное сходство бросается в глаза. В центре каждого — образ женщины, во многом автопортрет, — которая «грешила и страдала», но облагорожена состраданием и раскаянием. Оба написаны в наивно-мелодраматическом стиле, с риторическими декламациями («это единственно правильный путь...») и мелодичными повторами и подхватами («Вторая тень похожа на тень ребенка, хотя не похожа ни на одного земного ребенка, которого я когда-либо видела в своей жизни»). Рассказы Агаты и Клары схожи и в более глубоком отношении. Не только интонация, но и внутреннее устройство их одинаково: создается впечатление, что оба — сплошная метафора, за которой таится смутное, не до конца осмысленное содержание, навеянное сновидениями, чем-то подсознательным, какими-то тайными надеждами и желаниями авторов. Но есть и различия. Рассказ Агаты сделан более искусно. В ее «Выборе», например, главный герой сознательно принимает «неправильные» решения, из тех соображений, что сама возможность выбора уже приносит удовлетворение, — в подобном повороте сюжета уже сквозит ясная, чуть ироничная логика притчи.

Наконец Агата берется за роман из современной жизни. Действие происходит в Каире, а персонажами она делает трех человек, которых когда-то в самом деле видела в ресторане отеля «Джезира-Палас» за ужином после танцев — привлекательную женщину и двоих мужчин. «Один из них — невысокий, крупный, широкоплечий брюнет, капитан 60-го стрелкового полка, а другой — высокий белокурый молодой человек из Колдстримского гвардейского полка, должно быть годом или двумя моложе ее. Они сядились по обе стороны от нее; она держала при себе обоих». Эта реальная ситуация и подслушанное замечание насчет того, что «ког-

да-нибудь ей все же придется выбрать между ними» и вдохновило Агату. Однако через некоторое время она решает изменить сюжет. Действие по-прежнему происходило в Кайре, но героиня теперь была глухонемая; вскоре, правда, Агата понимает, что погорячилась — потому что «можно написать все, что она думает, потом то, что думают и говорят о ней другие, но вовлечь ее в беседу оказалось невозможно». И все-таки Агата мужественно дописывает роман и получившееся произведение под названием «Снег над пустыней» отправляет нескольким издателям под псевдонимом «Однослог». Но все рукописи возвращаются обратно, и тогда Клара решает, что Агате нужен совет их соседа Идена Филпотса, известного писателя и старого друга семьи.

Дочь Идена Аделаида посещала танцевальный класс вместе с Агатой, где та однажды порвала ей платье. Сам Иден Филпотс страдал подагрой и не появлялся на людях, поэтому Миллеры не могли пойти к нему с обычным визитом или пригласить к себе, хотя иногда навещали его и любовались замечательным садом. Во время одного такого посещения Агата, пересилив стеснительность, попросила его совета.

Иден не отказал. Очень серьезно отнесшись к просьбе юного автора, он прочитал ееopus и ответил теплым дружеским письмом, которое начиналось с комплиментов, а заканчивалось некоторыми советами:

«Кое-что из написанного Вами имеет определенные достоинства. У вас прекрасное чувство диалога, и вы могли бы сделать их веселее и естественнее. Попробуйте выбросить из Вашего романа все нравоучения; Вы слишком увлекаетесь ими, а для читателя нет ничего скучнее. Предоставьте Вашим героям действовать самостоятельно, так, чтобы они сами говорили за себя вместо того, чтобы постоянно заставлять их говорить то, что они должны были бы сказать, и объяснять читателю, что кроется за тем, что они говорят. Пусть читатель разберется сам. Я бы рекомендовал Вам круг чтения, который может принести несомненную пользу. Прочтите «Признания курильщика опиума» Де Куинси — книга обогатит Ваш словарь, он часто вводит весьма своеобразную лексику. Прочтите «Историю моей жизни» Джеффри, чтобы поучиться описаниям природы».

Предостерегая Агату, что пробиться с первой большой вещью будет очень трудно, он послал ей рекомендательное письмо своему литературному агенту Хью Мэсси. Для Агаты это было огромным облегчением, так как «этот большой

смуглый человек» внушал ей ужас. Ее воспоминания позволяют представить впечатление юного автора от этой встречи. «О, — произнес Мэсси, глядя на обложку рукописи, — «Снег над пустыней». М-м, звучит заманчиво». Через несколько месяцев Хью Мэсси вернул Агате рукопись и посоветовал выбросить роман из головы и начать другой.

Пусть издатели журналов упорно браковали ее ранние рассказы, а Хью Мэсси отделался от нее самым обескураживающим образом, — Агата проявила завидное упорство. Следующим ее творением было «Видение», рассказ, навеянный не только «Треснувшим стеклом» Мэй Синклер, но также и только что переведенным на английский детективом Гастона Леру¹ «Тайна желтой комнаты». Посылать «Видение» Агата никуда не стала, но успешно использовала его сюжет позже. А на суд Идена Филпотса была отправлена другая вещь — рассказ под названием «Быть таким упрямым». Сам рассказ утрачен, но письмо Филпотса, датированное шестым февраля 1909 года, сохранилось. Как и предыдущее, оно было написано в практичном и конструктивном духе.

«Дорогая Агата,

Я не буду входить в технические детали Вашего рассказа, но с радостью могу сказать, что сам по себе он является доказательством Вашего продвижения вперед. Вы хорошо поработали.

Я никогда ничего не предсказываю, но должен сказать, что если Вы будете и дальше писать в таком духе, то можете добиться успеха. Имейте в виду: искусство коварная штука, она часто подставляет подножки многим хорошим людям, так что Ваше окружение со временем может стать совсем иным — путь писателя тернист и заводит далеко. Впрочем, эти вопросы на повестке дня пока не стоят.

На настоящий момент Вы должны продолжать писать об этих, окружающих Вас, людях, и не сомневайтесь — чем лучше Вы их изучите, тем лучше изобразите. Но всегда помните, что дурные люди за свои поступки заслуживают лишь осуждения, и эта публика Вас ни на что хорошее не вдохновит.

На таких персонажах можно просто попрактиковаться, но в настоящее время Вам важнее попытаться глубже проникнуть в человеческую природу, искать и находить положительных героев.

¹ Л е р у Гастон (1860—1927) — французский писатель и журналист, автор детективных романов.

Стиль у Вас хороший, самобытный. Правда, замечу, что современное общество, которое Вы взяли за основу, на самом деле далеко не так однородно. Впрочем, средний англичанин за границей как раз таков, как в Вашем изображении, — Вы на самом деле даже чересчур к нему снисходительны.

Но если Вы хотите и дальше продвигаться вперед, то придется побыстрее разделаться с этой публикой и искать другие темы и более серьезные проблемы.

Никогда не позволяйте себе легкомыслия, оставьте его своим персонажам. Избавляйтесь от нравоучений — это последнее дело. Конечно, кое-кто из великих позволял себе морализировать, но не величайшие.

Если Вы принимаете мой совет, я бы порекомендовал вам поучиться у Флобера. Художник — это всего лишь стекло, через которое мы все воспринимаем мир, и чем прозрачнее и чище это стекло, тем более совершенна картина, которую мы видим. Никогда не навязывайте читателю свои собственные взгляды.

Немного погодя попробуйте переписать рассказ, но не теперь. И не злоупотребляйте поэтическими эпитафиями перед главами.

Может, стоит сделать героиню немного моложе; тридцать один — не многовато ли?..

Конструкция повествования очень хороша и чувства показаны достоверно, что весьма отменно; но оно все-таки получилось довольно длинное, что создает затруднения для публикации; для романа коротко, а для рассказа длинновато.

Возможно, Вы когда-нибудь опубликуете его, но для этого, повторяю, необходимо его переписать. Замечу, что теперь Вы можете читать все, что Вам доставляет удовольствие, но я бы порекомендовал французских авторов. Если Вы читаете по-французски так же легко, как и по-английски, читайте на языке оригинала. Почитайте рассказы Анатоля Франса и «Мадам Бовари» Флобера. Поскольку Флобер довольно сложен для восприятия, для начала займитесь современными авторами. Когда же приступите к Флоберу, имейте в виду, что «Мадам Бовари» — один из величайших романов в мировой литературе.

Если Вы захотите узнать что-либо или поговорить со мной, приходите.

Попробуйте написать еще какую-нибудь вещь, только короткую, не больше трех тысяч слов, я попытаюсь ее напечатать. Дело в том, что короткие рассказы всегда имеют спрос, но прошу Вас — не торопитесь.

Ваш друг, Иден Филлотс».

Позже состоялся еще один обмен письмами. Агата написала Филпотсу, прося совета относительно своего будущего. Он ответил прямо и честно: *«По отношению к жизни искусство вторично, и если Вы живете настоящим (все мы им живем только урывками), то выкиньте искусство из головы... Сообщите мне, когда я могу снова быть полезен Вам».*

О лучшем наставнике для Агаты Клара не могла и мечтать.

Глава 5

«Он совершенно изменит Вашу жизнь»

Но тут в размеренную жизнь Агаты внесли сумятицу сердечные дела. Когда она гостила у Ролстоун-Патриков в Йоркшире, ее взяли на «холодный и пустой прием», где она познакомилась с полковником 17-го уланского полка Боултоном Флетчером. В тот же вечер они встретились еще раз на маскараде в другом доме, «Эспсе», и при совершенно других обстоятельствах. Агата оделась на бал «как фея Элейн» — белое парчовое платье с расшитым жемчугом воротником, — а через три-четыре дня после возвращения в Торки она получила посылку, в которой оказалась маленькая серебряная с позолотой шкатулка, на крышке которой с внутренней стороны было выгравировано «Эспс», для Элейн» и дата их встречи. Боултон Флетчер, позже описанный как майор Джонни де Бэр в «Неоконченном портрете», был мастером любовных писем и пылких записок и владел всем арсеналом средств стремительной атаки, включая букеты, книги и шоколад. В свой третий визит в «Эшфилд» он уже делал предложение. Агата изумилась, но головы не потеряла. «Я была счастлива, но, стоило ему уйти, как все куда-то улетучивалось».

Клара была сильно озабочена. По ее словам, она очень хотела, чтобы у Агаты был добрый и сердечный муж, хорошо обеспеченный, который бы составил счастье ее дочери, а полковник, по ее мнению, этими качествами не обладал. Клара сама написала об этом Ролстоун-Патрикам, но те заверили ее, что Боултон Флетчер, разумеется, сердцеед, но, когда перебесится, это будет вполне удовлетворительная партия. Выражение «перебесится» было выше понимания Клары, к тому же претендент был на пятнадцать лет старше Агаты (притом что и Фредерик был старше своей жены на десять лет), и она сообщила ему, что ее дочь

слишком молода, ее нельзя принуждать принять решение немедленно, и предложила в течение шести месяцев не приезжать в «Эшфилд» и не писать Агате. «Абсолютно правильное решение, — заметила позже Агата, — потому что эти шедевры совершенно сбивали меня с толку». Когда отсрочка закончилась, пришла телеграмма с оплаченным ответом: «Не могу больше выдержать неопределенности. Вы выйдете замуж за меня? Да или нет?» «Нет», — ответила Агата и в ту же секунду почувствовала невероятное облегчение. «Я удобнее подложила под голову подушку и тут же заснула мертвым сном. Так кончилась эта история».

Жизнь Агаты стала чуть спокойнее, но ненадолго: буквально через несколько месяцев она воспрянула духом. Приехал Уилфред Пири, с которым в последний раз она виделась в Динаре, когда ей было семь лет. В ту пору он смотрел на девочку свысока — он был старше ее и к тому же как-никак курсант военно-морского училища! Теперь уже младший лейтенант, Пири служил на подводной лодке, которая часто заходила в Торки. Между ним и Агатой складываются спокойные дружеские отношения, подкрепленные дружбой их матерей. Агата, которой очень нравились милая и умная миссис Пири и ее сын, даже не сомневалась, что они с Уилфредом «найдут взаимопонимание». Но дружба дружбой, а романа не получалось. Описание Агатой крушения собственных иллюзий насчет их отношений с Уилфредом (ситуация, знакомая всякому, кто когда-либо пытался себя насильно убедить, что встретил «идеал»), показывает, что ей было с ним попросту скучно, особенно когда он принимался пространно рассуждать о теософии и спиритизме. Агату привлекал не сам Уилфред, а атмосфера его семьи. После смерти отца Уилфред занял в семье его место мужчины-защитника и воплощал для Агаты силу и надежность, которых сама она лишилась с уходом Фредерика, — ведь братец Монти был слишком далеко. Ей и в голову не приходило, что она воспринимает Уилфреда просто как старшего брата и что во многом его обаяние — лишь отсвет очарования его матери, Лилиан Пири. Как написала Агата в «Неоконченном портрете», где с Уилфреда списан один из персонажей, Джимми Грант (которого «интересовали теософия, биметаллизм, экономика и христианская наука»), «в этом браке Силию больше всего привлекала будущая свекровь». К тому же Агату очень устраивало, что, выйдя замуж, она по-прежнему останется с Кларой: «Я с удовольствием представляла себя женой моряка. Я живу на

юге в Плимуте, а когда Уилфред уходит в море, могу вернуться в «Эшфилд» и жить с мамой».

Реальную цену их отношений Агата поняла, когда однажды Уилфред позвонил ей и спросил, не будет ли она возражать, если он проведет остаток своего отпуска с экспедицией в Южной Америке. Она, естественно, согласилась, а на следующий день после его отплытия почувствовала — уже второй раз в своей жизни, — «точно камень с души свалился... Я любила Уилфреда как брата и хотела, чтобы он делал то, что доставит ему удовольствие. Я почти не сомневалась, что вся эта затея была пустой выдумкой. И тоже потому, что не любила Уилфреда. Ведь если бы любила, то верила бы в успех экспедиции». Клара и Уилфред были разочарованы, но не слишком расстроены. Несколько месяцев спустя Уилфред женился на другой.

К этому времени большинство подруг Агаты вышли замуж. Дважды побывав подружкой невесты на свадьбе, она поневоле задумывается о собственных перспективах. В гостях или на приемах Медж подтрунивала над сестрой, находя среди присутствующих самых непривлекательных кандидатов «в мужа Агате», чтобы та кого-нибудь из них выбрала. Конечно, это была игра, но проблема уже начинала всерьез беспокоить и Агату, и всю ее родню. Девушка пытается дать оценку мужчинам. Кое-что об этом она потом рассказывала в «Автобиографии», рассуждая о возможности дружбы между мужчиной и женщиной: «Я толком не знаю, что приводит к дружбе между мужчиной и женщиной — ведь мужчина даже по своей природе не нуждается в дружеских отношениях с женщиной. Возникает она случайно, это происходит потому, что мужчина уже увлечен какой-то другой женщиной, и ему просто хочется с кем-нибудь о ней поговорить. А женщина зачастую страстно желает дружбы с мужчиной и устанавливает ее, проявив интерес к чужой любовной связи. Тогда-то и возникают очень прочные и доверительные отношения, основанные на взаимном интересе. Такова специфика взаимоотношений полов. Как сказал один из моих друзей, пожилой доктор, мужчина смотрит на каждую встретившуюся женщину, мечтая, что она захочет с ним спать, — он полагает, что любая женщина, которую он хочет, просто обязана хотеть его. Откровенность и грубость — вот что такое мужчина, заключил он. Мужчина не воспринимает женщину как будущую жену, а женщина, на мой взгляд, в каждом мужчине видит потенциального мужа. Я не поверю, чтобы

хоть одна женщина, оглядев комнату, вдруг влюбилась бы в мужчину с первого взгляда, зато существует огромное число мужчин, переживших такое».

На первый взгляд эти заключения кажутся забавными. Поскольку сексуальная составляющая присутствует в любых человеческих взаимоотношениях, весьма наивно делать обобщения, опираясь на наличие сексуального интереса или его отсутствие. Еще труднее, по крайней мере для современного человека, принять замечание Агаты, что «мужчина даже по своей природе не нуждается в дружеских отношениях с женщиной». Из контекста (она говорит об Эйлин Моррис) ясно, что под «дружескими отношениями» она понимает смесь товарищества и доверительности. Во времена молодости Агаты сферы жизни и работы мужчин и женщин разительно отличались и практически не пересекались, их опыт общения между собой был невелик, практически отсутствовали даже общие темы для разговора. Да и перспектива двадцатилетней Агаты найти «суженого» становилась все более туманной. Ожидая «свою судьбу», «Его», она критически воспринимала свои мимолетные увлечения и отвергла и пылкого Боултона Флетчера, и благоразумного Уилфреда. Было у нее и еще одно неудачное увлечение.

Это был Реджи Льюси, старший брат Бланш, Маргарет и Мюриэл, с которыми Агата в свое время играла в теннис, крокет и «дьявола», ездила на пикники и каталась на роликовых коньках на пирсе. Эта спокойная, благополучная семья взяла Агату под свою опеку, когда Клара и Медж оставили ее в «Эшфилде», уехав во Францию вскоре после смерти Фредерика. Льюси были беспечные, немножко бесшабашные, живые и непринужденные люди; двух младших девочек все называли Марджи и Нунни, в отличие от Агаты, которую никогда не звали уменьшительным именем «Агги». Реджи, майор артиллерии, вернулся домой после службы за границей и всерьез стал обучать Агату гольфу, а через некоторое время сделал ей предложение — не очень настойчиво и как бы между прочим. Как все Льюси, вечно всюду опаздывавшие — на трамвай, на поезд, к обеду, он не любил торопиться: «Если суженый не явится, я здесь, всегда, жду». Агата немедленно согласилась. Но тут Реджи заявил, что лучше бы им повременить пару лет, чтобы Агате как следует осмотреться, прежде чем выйти за него, и вернулся в армию, так что их общение свелось к переписке. Реджи, прообраз Питера Мейтленда в «Неоконченном портрете», уверял Агату, что, несмотря на их отношения, она должна счи-

тать себя полностью свободной. Агату, как и Силию в этой книге, такое положение не устраивало. «Незачем себя приносить, — говорит мать Силии Питеру, — женщины не любят этого». К несчастью, она оказалась права. Агата увлеклась другим — более решительным и не столь терпеливым.

Арчи Кристи — такого очаровательного молодого человека просто невозможно именовать полным именем «Арчибалд» — тоже выведен в «Неоконченном портрете» в образе Дермута, которого Силия встречает на офицерском балу в Йорке. Он тайно увозит ее от супругов, которым она поручена, а потом и от ее жениха. Как мы знаем из «Автобиографии» Агаты, а также из личных бумаг ее самой и личного архива Арчи, в действительности все обстояло не столь драматично. Лорд и леди Клиффорд из Чадли давали бал и пригласили несколько офицеров из гарнизона в Эксетере, а Агату взяли с собой на этот бал старинные друзья их семьи, жившие рядом с Чадли, в двенадцати милях от Торки. У самой Агаты тоже был приятель в Эксетерском гарнизоне, Артур Гриффитс, но поскольку сам он быть на балу не смог, то написал Агате, чтобы она позаботилась об одном его друге. Это и был Арчи. Как он отметил в перечне самых важных событий своей жизни, это случилось 12 октября 1912 года. Агате только что исполнилось двадцать два, Арчи (чей день рождения приходился на следующий день после Агатиного) — двадцать три. Это была фигура романтическая и по происхождению, и по роду занятий. Родился он в Индии, где его отец был судьей колониальной администрации. Брат Арчи, Кемпбелл, тоже был военным. Отец умер в Англии, упав с лошади и сломав позвоночник. Мать впоследствии вышла замуж за Уильяма Хемсли, заведующего пансионом в Клифтон-колледже в Бристоле, где Арчи был лучшим учеником. От природы сообразительный и одаренный, Арчи успешно сдал вступительные экзамены в Военную академию в Вулвиче и закончил ее с отличием — четвертым в списке лучших курсантов. В июле 1909 года курсант Кристи назначен лейтенантом Королевской полевой артиллерии 138-й батареи в Балфорд-Кемпе, в начале 1912-го батарею перевели в Эксетер. Однако самым страстным желанием Арчи было летать. Аэропланы только-только перестали восприниматься как игрушки, в них наконец увидели мощную военную силу. Практичный и честолюбивый Арчи заплатил 75 фунтов («включая компенсации за поломки») и прошел курс специальной подготовки в школе

на базе Ларкхилл близ Бристоля по «специальной ускоренной программе», предложенной «желающим получить назначение в Королевские ВВС».

К 27 июня он уже сел за штурвал самостоятельно, выполнял повороты, а 6 июля в одиночку совершил двадцатипятиминутный полет на головокружительной высоте в 300 футов при ветре силой пять миль в час. Тренировочные полеты были рискованными. Официальная запись специально отмечает тот факт, что все посадки были совершены «без единой поломки». К середине июля Арчи получил квалификационный сертификат Королевского авиаклуба — великолепный документ на двух языках — английском и французском. Ряды квалифицированных авиаторов были немногочисленными — удостоверение Арчи имело номер 245. Вслед за тем он обратился с просьбой принять его в только что сформированные Королевские ВВС и вернулся к своей бригаде в Эксетер.

Три месяца спустя на балу у Клиффордов он встретился с Агатой. На фотографиях мы видим высокого, хорошо сложенного юношу с коротко постриженными волосами. У него очень выразительные черты лица: твердая линия рта, красивой формы нос, голубые глаза, густые брови и пылкий, с затаенной тревогой взгляд. Он был очень молод и решителен и влюбился в Агату едва ли не с первого взгляда. В свой альбом он вклеил бальную программу, а рядом с ней — вырезанное из газеты веселое стихотворение под названием «Новый роман», которое начиналось строками:

Она влюбилась не по той причине,
Что Фрэнк был молод и в хорошем чине.
Отнюдь не сумма на его счету
Воспламенила девичью мечту.
И вряд ли его нравственная сила
Виной тому, что Элси уступила.

Трудно сказать, что привлекло Агату в Арчи — его умение танцевать или его захватывающая воображение профессия авиатора. Несколько дней спустя Арчи появился в «Эшфилде» на своем мотоцикле. Агата играла в бадминтон с Меллорами, жившими напротив. Она обычно ходила к ним, когда их сын был дома, чтобы порепетировать новомодные замысловатые танцы, — это повелось с тех пор, когда они учились вальсировать в стиле популярных оперетт — вверх и вниз по лестнице. Клару всегда раздражало, когда ей приходилось занимать неожиданно нагрянувших приятелей Агаты, поэтому она тут же позвонила Меллорам и велела ей прийти. Раздосадованная

Агата вернулась домой, но там вместо «скучного молодого морского лейтенанта, который просил почитать его стихи» ее встретил смущенный Арчи, растерянно объясняя, что он случайно оказался в Торки и позволил себе зайти. Агата догадалась, что ее адрес он узнал у Артура Гриффитса. Время шло, Агата, Клара и Арчи продолжали разговаривать. Подошел вечер, женщины переглянулись и решили, что молодого человека следует пригласить поужинать.

Арчи ворвался в жизнь Агаты «подобно урагану» (совсем как Дермут в «Неоконченном портрете»). Ее «Автобиография» описывает этот знаменательный ужин, имевший место, по одной версии, «через неделю или дней десять» после бала у Клиффордов (где-то около 20 октября), по другой — сразу «после Рождества, потому что в кладовой еще оставалась холодная индейка!». В тот день Арчи уехал очень поздно, почти ночью, и приезжал очень часто в течение нескольких недель (или дней — у Агаты всегда были нелады с хронологией). О книгах было забыто. Арчи приглашал Агату на концерты в Эксетер, где они чинно пили чай на железнодорожном вокзале (отель Клара считала местом сомнительным), а Агата пригласила Арчи на новогодний бал в Торки. На этом балу (2 января) Арчи был угрюм, а Агата пребывала в замешательстве. Два дня спустя, после концерта в павильоне, она узнала причину его хандры. Когда они вернулись в «Эшфилд», Арчи объявил, что скоро он покинет Эксетер и уедет в Фарнборо, поскольку его прошение о приеме в Королевские ВВС удовлетворено. Он умолял ее выйти за него замуж. Путаные объяснения Агаты насчет ее отношений с Реджи Льюси Арчи просто отмел как несущественные. Он хотел жениться на ней немедленно, и Агата понимала, что тоже хочет быть его женой. Они были «совершенно разные по характеру люди», но она верила — и тогда, и потом, — что именно поэтому их так тянуло друг к другу. Это было, по ее выражению, «волнующее присутствие незнакомца», и, как она вспоминала годы спустя, именно в то время она, просыпаясь с мечтой наконец обрести себя, повторяла: «Пришелец из-за моря, пришелец из-за моря». Написанное вскоре стихотворение «Морская баллада» отражает тогдашнее состояние ее души. Действие происходит в раннее Средневековье на морском побережье Дартмура. На его мирных обитателей, спокойно живших в своих убогих хижинах, с моря нападают викинги. Вождь завоевателей — «пришелец из-за моря» — увозит с собой их жрицу, и за это оба они должны погибнуть.

Агата и Арчи были очарованы друг другом. Клара, ошеломленная заявлением дочери о том, что «Арчи Кристи просит меня выйти за него замуж и я тоже ужасно хочу этого», постаралась вернуть ее с небес на землю. Хотя в отношениях с Реджи была поставлена точка, Клара настаивала, что со свадьбой надо подождать, поскольку Арчи не сможет содержать жену на свое жалованье младшего офицера, а годовое содержание, которое Агата получала от дедушкиной фирмы в Штатах, было мизерное — всего сто фунтов. Со своей стороны Арчи решительно настаивал, что они не могут ждать и дня, — притом что знал, что в ВВС предпочитают неженатых офицеров, поскольку вероятность аварий и гибели была в то время весьма высока. Мысль, что отсрочка может затянуться на годы, была для Агаты невыносима. Двадцатидвухлетнюю девушку буквально переполняли чувства. Неудивительно, что за полтора года ожидания отношения между молодыми людьми дошли до точки кипения: сначала одному, а затем и другому уже хотелось разорвать их.

Арчи было проще — как-никак его отвлекали летные тренировки. В начале 1913 года он успешно сдает экзамен в Королевские ВВС и получает назначение в Ларкхилл в эскадрилью под командованием майора Брук-Попэма. Он летает все выше (22 апреля — 1800 футов, 24 апреля — 2000 футов), дольше (17 апреля — 45 минут), дальше (22 апреля — 90 миль), во все более ветреную погоду (29 апреля порывы ветра свыше 20 миль в час), причем полеты становятся все более рискованными (2 апреля самолет потерял управление; 29 апреля отказал двигатель; 5 мая заклинило стойку шасси). Он описывает Агате свои маневры: *«Летал по спирали, наблюдая за артиллерийским огнем, отклонился от курса, стрелял сигнальными ракетами «Бери»*. Девушка была в ужасе.

В первый визит Арчи в «Эшфилд», когда он рассказывал Агате и Кларе про избранную им карьеру, те пришли в восторг, все это казалось таким ярким и впечатляющим, — Агата была просто очарована аэропланом и опасной ездой на этих стремительных машинах. Волшебство полета приводило ее в полный восторг: дело в том, что однажды она сама уже поднималась в воздух. В мае 1911 года Клара взяла ее на выставку летательных аппаратов, где за пять фунтов всех желающих несколько минут катали на аэроплане. Агата так просила Клару, что та согласилась, хоть и не сразу, выложить такую огромную для них сумму. Агата, поплотнее натянув свою маленькую шляпку, заняла свое место в летательном аппарате. Тот сделал несколько кругов по воздуху и

плавно приземлился, вызвав у Агаты «восхитительное чувство», — этот восторг полета она запомнит на всю жизнь.

Однако теперь она не может примириться с мыслью, что эти рискованные воздушные трюки превратились для Арчи в повседневную работу. В письме она умоляет его бросить все это. Ответ Арчи любезен, но не слишком убедителен:

«Я был очень рад получить сегодня твое письмо, но я никак не могу теперь бросить полеты. Ради тебя я теперь избегаю всякого риска, я вполне уверен в своих силах. Не бойся — мне ничего не грозит. А тот бедняга парень, который погиб, не чувствовал себя уверенно ни в одном самолете, а биплан этот — вообще очень неустойчивая машина, у нее большая скорость и слишком тяжелый руль высоты. Мне в самом деле ужасно жалко его семью, и я готов бросить летать, если ты действительно так переживаешь из-за моих полетов, но я точно знаю, что все будет в порядке, я надежно защищен — я всегда ношу с собой образок Святого Христофора. Читать о таких происшествиях всегда больно и тяжело, а видеть их — тем более, но потом успокаиваешься и снова берешься за работу».

Он навещал Агату при любой возможности, сначала из Ларкхилла, потом из Нидерэйвона, куда его перевели в конце 1913 года. Его письма к своему «дражайшему Ангелу» полны терзаний и тревоги за их любовь.

«Мне было очень нехорошо всю неделю, — писал он, — я очень переживал, потому что вдруг подумал, что для тебя будет лучше, если мы больше не увидимся. Я страдал от мысли, что надо сказать тебе об этом, ненавидел себя и свои размышления. Но теперь этот пессимизм прошел, и я уверен, что все будет хорошо... Я был совершенно не прав, думая, что для тебя будет лучше, если мы расстанемся...»

Временами их чувства оживлялись, они чувствовали себя радостно и безмятежно. После трех дней, проведенных с Агатой в Торки, Арчи писал:

«Когда-нибудь у нас будет собственный домик, мы заживем там мирно и счастливо, и больше нам никогда не придется прощаться. Пусть мы будем не особенно богаты, но я буду крепко любить тебя и делать все, чтобы нам было хорошо».

Молодые люди то впадали в отчаяние, то надеялись на лучшее. Иногда их страхи были излишне преувеличены.

Например, Агата написала ему о разрыве их помолвки, узнав, что Клара может потерять зрение. Арчи убедил ее, что это глупо, поскольку такое произойдет через много лет, а к тому времени, может быть, найдут способ лечения катаракты. Однако их финансовое положение оставалось весьма шатким. Оклад у Арчи был небольшой, а его единственная надежда на перемены к лучшему рухнула, когда его отчим, мистер Хемсли, неожиданно завещал свое состояние госпиталю в Черинг-Кроссе (за что удостоился красивой трости и благодарственных слов). Не в лучшей ситуации и Агата. Крах дедушкиной нью-йоркской фирмы «Чафлин» был полным и окончательным, и получение Кларой ежегодного пособия зависело лишь от случайной удачи сына одного из партнеров. О финансовом положении Миллеров позволяет судить письмо, которое Клара написала в феврале 1914 года в Бруклин на гринвудское кладбище, где на семейном участке был похоронен отец Фредерика. Участок был слишком дорогим, а аренда чересчур обременительной, и Клара решает его продать: «...в будущем не представляется возможным использовать его для семьи, поскольку все родственники живут в Англии и никогда не переедут в Америку; за его содержание мы платить не в состоянии и хотели бы получить за него деньги после продажи». Однако прошение не было отправлено. Пока что Клара и Агата кое-как сводили концы с концами.

Помолвка Арчи и Агаты длилась меньше двух лет, но юной паре они казались нескончаемыми, и не только потому, что они не были уверены, что наконец поженятся. Вдруг, в августе 1915 года, они оказались свергнутыми в драму более значительную, чем их собственная.

Глава 6

«Это ожидание весьма тягостно, но все готово»

Трудно судить, насколько неожиданной явилась Первая мировая война для таких людей, как Агата и ее мать, которые не умели читать между строк в выступлениях политиков и критически анализировать амбициозные заявления кайзера. Это поколение не знало больших европейских войн (колониальные конфликты в счет не шли). Правда, кое-кто подозревал, что германские интересы и бал-

канские раздоры могут привести к неприятностям, но даже многие крупные государственные деятели были потрясены реальным оборотом событий. Летние месяцы, время, когда политики и чиновники, так же как и все английское «приличное» общество, отправляются в деревню, к морю, в Шотландию, на воды, выдались в 1914 году восхитительно солнечными. Позже казалось, что эти недели были последними удивительными мгновениями перед тем, как огромная черная волна захлестнет Европу с ее покойным, размеренным, таким очаровательным мирным укладом. Конечно, уже не все было по-прежнему гладко в экономике страны, начались и политические перемены. Лейбористская партия, организованная в 1900 году, росла и крепла; либералы, несмотря на программу реформ Ллойд-Джорджа, теряли свое влияние и власть; над палатой лордов нависла реальная угроза упразднения, начались профсоюзные митинги, бунты в Ирландии и выступления женщин с требованиями равноправия и права голоса. Порой и правда казалось, что вот-вот что-то все-таки случится, но не теперь, не в эти томные дни и теплые вечера. Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сербии в конце июня ускорило события. Война разразилась.

Летчиков должны были мобилизовать одними из первых. Последнее письмо Арчи из Нидерэйвона написано в ожидании приказа на передислокацию, и дает представление о его собственном участии в наращивании экспедиционных войск:

«В четверг я взял моего новобранца в штаб, чтобы записать его, и там услышал о разорившемся русском бароне, который ищет работу: он хороший механик, говорит по-русски, по-французски, по-немецки и по-английски одинаково свободно. В конце концов я его тоже уговорил записаться к нам в часть».

Он пытался успокоить Агату:

«Это ожидание весьма тягостно, но все готово. У меня револьвер в кобуре, а патронная сумка полна. Говорю это, чтобы ты не беспокоилась. Последнее время я плохо попадал в цель, поэтому, возвращаясь ночью из Чидла, я потренировался и из 26 выстрелов 19 раз попал, так что смогу убить много немцев, если они мне не понравятся. Ты будешь очень мужественной, мой Ангел, не правда ли? Будет очень тяжело сидеть дома и ничего не делать, я боюсь, что у тебя будут также денежные проблемы, но мы все одолеем, если будем стойкими, а я всегда буду любить тебя больше всех на земле».

Через два дня эскадрилья Арчи получает приказ об отправке в Саутгемптон для отплытия во Францию. Он телеграфировал в «Эшфилд» и попросил Агату, если она сможет, приехать в Солсбери попрощаться. Они с Кларой отправились немедленно. Банки были закрыты, а все имеющиеся у них наличные деньги были в пятифунтовых банкнотах, которые Клара по совету тетушки-бабули всегда хранила на непредвиденный случай. Но сдачи с пяти фунтов ни у кого не было, и им пришлось оставлять свои имена и адрес у контролеров и билетных кассиров по всей Южной Англии — это путешествие очень живо описано в «Неоконченном портрете». После бесконечных сложностей и препятствий к вечеру третьего августа они добрались до Солсбери. Агата и Арчи провели вместе совсем мало времени. На следующий день Клара и Агата вернулись в Торки.

Пятого августа Арчи отбыл в Саутгемптон, а двенадцатого пересек Ла-Манш в составе британских экспедиционных войск. После высадки он послал Агате открытку; как всегда путаясь в датах тех беспокойных и напряженных первых недель, она считала, что получила открытку спустя три дня после их расставания. В действительности же открытка пришла не раньше середины сентября.

Только задним числом Агата узнает, как быстро Арчи бросили в бой. Бортовой журнал беспристрастно фиксирует его успехи в небе над северной Францией вплоть до 12 сентября, когда его эскадрилью с тремя другими направили в Феван-Тордену, где в тот день была сильная буря. Но Арчи и двое его друзей бури не видели, свалившись замертво от усталости прямо на пол гостиницы. Германские захватчики, потерпевшие поражение от французских и английских войск в бою на Марне и вынужденные отойти, оккупировали Бельгию, перерезав железнодорожное сообщение с угольными бассейнами на севере Франции. Союзные войска, осуществляя связь с портами на Ла-Манше, переправляли людей и оружие через оккупированные территории, метр за метром отгесняя немцев. Эта кровавая позиционная война, начавшаяся в середине сентября, продолжалась четыре года.

Мужество и храбрость Арчи вскоре были оценены. Девятнадцатого октября маршал Джон Френч упомянул его в своем первом донесении маршалу лорду Китченеру, описывая бои при Монсе и на Марне, особенно подчеркивая огромное напряжение и риск, которому подвергались летчики Королевских ВВС. В середине ноября Арчи произвели в капитаны и назначили руководителем полетов. Но важнее

было, что он остался жив, не был даже ранен или контужен. В это время в английских газетах начинают регулярно публиковаться списки погибших и пропавших без вести — характерная примета эпохи, а по улицам английских городов проходят жуткие процессии физически и психически изувеченных людей, возвращающихся с фронта домой. Агата насмотрелась этих калек в отделении добровольной медицинской помощи в Торки, куда приходили суда с ранеными. До войны она ходила на курсы по оказанию первой помощи и теперь пошла работать в госпиталь сиделкой, и, как все новички, больше мешала, чем помогала опытному персоналу. Она научилась, сжав зубы, выполнять болезненные для раненых предписания врачей, помогать в операционной, утешать пациентов и подбадривать врачей. Как ни кошмарно было происходящее, Агата, по крайней мере, с головой окунулась с работу — тяжелую, грязную, дурно пахнущую, изнуряющую, которую она позже описала в романе «Хлеб великанов». Работа отвлекала от тяжких дум, так что ей не хватало времени и сил постоянно предаваться страху и тревоге за Арчи. Она стала хорошей сиделкой, в чем ей помогали не только другие работники госпиталя, многому ее научившие, но и само сознание, что от нее зависит здоровье и жизнь больных. Природная наблюдательность научила Агату ориентироваться в госпитальной среде, пронизанной строгой субординацией. Специфика взаимоотношений санитарок с сиделками, сиделок с сестрами и всех их с врачами, соответственное обращение к каждой категории (признаком расположения и дружеского отношения было обращение по фамилии), нравы — все занимало ее, как когда-то в детстве дома в «Эшфилде».

Это была первая ответственная работа Агаты, и она радовалась, что делает ее хорошо. Ее, как и Арчи, война отрезвила и научила терпению. В конце года, когда Арчи получил кратковременный отпуск и влюбленные наконец смогли увидеться, они встретились в Лондоне, по выражению Агаты, «почти как чужие», — не только потому, что каждый увидел и понял, что такое смерть, неизвестность, страх, но и потому, что переживали они все это поодиночке. Арчи держался нарочито небрежно, даже легкомысленно, зато Агата была куда серьезнее. Тревожное время и постоянные опасности склоняли ее к мысли, что им надо все-таки пожениваться, а Арчи проникался все большей уверенностью, что этого делать не стоит: «Слишком эгоистично и совершенно неправильно жениться очертя голову и оставить после себя

молодую вдову, а может быть, даже с ребенком». Отпуск Арчи начался 21 декабря. Они планировали, что Клара будет с ними в Лондоне, а затем, когда она уедет в Девоншир, они отправятся в Клифтон к матери и отчиму Арчи. Агата чувствовала себя весьма неуютно с миссис Хемсли, любезной, но чересчур разговорчивой и экзальтированной, и перспектива провести с ней Рождество совершенно не радовала. Кроме того, сказалось напряжение последних пяти месяцев — Агата разнервничалась, и они с Арчи серьезно поругались. Непосредственным поводом к ссоре явился его рождественский подарок — роскошно отделанный несессер: «Если бы он купил мне кольцо или браслет, пусть даже очень дорогой, я бы не сердилась, и я удовольствием и гордостью приняла бы их, но при виде несесера почувствовала, как все во мне закипело». Нетрудно понять почему. Подарок был несколько легкомысленным, именно поэтому Арчи его купил — по его словам, чтобы вернуть хоть чуточку былой беспечной жизни, унесенной войной. Агата, серьезная и ответственная, чутко уловила этот диссонанс, эту фальшивую ноту: «Что толку возвращаться в госпиталь с этой вещицей, пригодной лишь для мирного отдыха на роскошном курорте за границей?» У подарка прочитывался и другой подтекст. «Кольцо или браслет» для Агаты символизировали нечто постоянное, они как бы обязывали, несессер же, каким бы красивым и дорогим он ни был, все-таки вещь утилитарная и временная. Арчи вкладывал в подарок свой смысл; Агата поняла его по-своему. Но вдаваться в такие тонкости и дарящий, и даримый обычно не склонны. Арчи был груб, Агата бестактна, и разыгралась безобразная сцена, в итоге соединившая их быстрее и успешнее, чем долгое и благородное ухаживание.

Проводив Клару, они отправились в Клифтон. Дорога была утомительная, и Агата по приезде почти сразу же уснула. Скоро ее разбудил Арчи и стал настойчиво убеждать, что они должны пожениться прежде, чем закончится его отпуск. Агата была в полной растерянности без помощи и совета матери, чувствуя себя неловко в доме будущей свекрови, напуганная настойчивостью и страстной решимостью Арчи. Он исступленно уверял, что добьется какого-то специального разрешения архиепископа Кентерберийского, и Агата в конце концов сдалась и согласилась, что они поженятся на следующее же утро, в сочельник.

Миссис Хемсли, как и предполагала Агата, их решение очень огорчило, но добросердечный мистер Хемсли под-

держал влюбленных и настоятельно советовал не откладывать. Арчи и Агата бросились за разрешением на бракосочетание: обыкновенное разрешение, при котором брак заключался через две недели после его получения, стоило 8 фунтов. А специальное, срочное, ценой в 25 фунтов на 24 декабря достать было невозможно. Но Арчи его добыл, доведя своим напором вежливого администратора до белого каления. Викарий согласился провести церемонию после обеда; органист, как раз находившийся в это время в церкви, пообещал сыграть свадебный марш; а миссис Хемсли и случайно подвернувшийся общий знакомый согласились быть свидетелями. В сочельник после обеда Агата и Арчи поженились. С огромными трудностями им удалось заказать комнату в «Гранд-отеле» в Торки. Злополучный несессер, спрятанный Арчи, был снова извлечен на белый свет для свадебного путешествия. В полночь, после утомительной поездки на поезде, они наконец добрались до «Гранд-отеля». Рождество молодожены провели с Кларой и Медж, постепенно приходя в себя после событий последних дней и ночного путешествия из Клифтона. Агата по телефону сообщила новость друзьям и знакомым. На святки Агата поехала в Лондон проводить Арчи и, чтобы развлечь его, преподнесла новогодний подарок — «А. А. Алфавит на 1915 год» (А.А. значило Агата и Арчи, а еще так называли противозенитное орудие) — альманах, полный веселых шуток и загадок.

Скорая и долгая разлука одинаково тяжела и для холостых, и для женатых. Арчи отправлялся навстречу опасности, и будущее представлялось таким же неопределенным, как и раньше. Списки раненых, убитых и пропавших без вести становились все длиннее, гибли друзья и сыновья друзей. Госпиталь переполняли раненые. Везде Агата видела смерть и страдания. Здоровье ее матери, хрупкой и болезненной, тоже внушало опасения, притом что бабушка Мэри-Энн оставалась бодрой и здоровой. Тетушка-бабуля Маргарет какое-то время в одиночку боролась со всеми трудностями в Илинге, но у нее катастрофически ухудшалось зрение, к тому же она сделалась подозрительной и все время боялась, что прислуга обворовывает ее. К 1915 году она видела уже настолько плохо, что согласилась переехать к Кларе и Агате в «Эшфилд». Большую часть своей многочисленной мебели красного дерева она перевезла с собой вместе с невероятным количеством продуктов: батареи банок сардин и ветчины она, несмотря на свое недоверие к

консервам, собственноручно составила на платяные шкафы. Агата с ужасом смотрела, что сделало время с запасами Маргарет: мармелад заплесневел, джемы забродили, сахар и масло испортили мыши, отрезы бархата и шелка побила моль, а ситец и бумага, истлевшие за долгие годы, рассыпались в пыль. Маргарет горько оплакивала свои потери, а Агата мучительно пыталась понять: в чем же смысл экономии и бережливости? Она была буквально потрясена видом мешков муки, пораженной долгоносиком, изящного белья, истлевшего до дыр, и невероятным количеством испортившихся консервов. Это казалось предзнаменованием всеобщего разрушения, словно в рассказе Киплинга «Материнский улей». Как и запасы Маргарет, сгнившие, истлевшие и ставшие непригодными, предвоенный мир на глазах распадался, превращаясь в прах.

В июле 1915 года Арчи получил трехдневный отпуск. Ему было присвоено звание капитана Королевской полевой артиллерии, куда он был откомандирован, поскольку из-за болезни — синусита — летать больше не мог. Агата ушла из госпиталя в смятении, не зная, что делать дальше. Супруги провели это время в Лондоне, пытаясь забыть о войне, но три дня пролетели как один миг. Потом Агата решает устроиться работать в Париже, чтобы быть поближе к мужу, правда, долго не может получить разрешение на въезд. Но, получив его вместе с предложенной мисс Драйден временной работой, возвращается зачем-то в Англию, в госпиталь, притом что шансов снова получить разрешение на въезд во Францию было немного. Расстроенная, растерянная, одинокая, измученная дежурствами в госпитале, она простудилась по дороге домой, заболела гриппом, а потом бронхитом и вынуждена была оставить работу в госпитале на три или четыре недели. Она узнала, что неподалеку открылась бесплатная аптека, которой заведовала миссис Эллис, жена местного врача, а ее ассистенткой была подруга Агаты Эйлин Моррис. Агата стала помогать им и заодно начала учиться, чтобы сдать экзамены в Ассоциации провизоров и получить диплом фармацевта, дававший право готовить лекарства для врача или аптекаря. Она работала посменно утром или после обеда и была свободна к шести часам, так что еще оставалось время заниматься делами «Эшфилда». Теперь у нее было много работы по дому, поскольку на место молодых и энергичных кухарки и горничной в «Эшфилд» пришлось взять двух пожилых служанок. Слепнувшей тетушке-бабуле тоже нужен был уход

и внимание — она то и дело спускала петли в вязании и впадала от этого в отчаяние, а за годы войны она связала не меньше 144 платков и шалей.

Хотя приготовление лекарств казалось Агате скучным занятием, оно было спокойным и методичным, а аптека казалась просто оазисом порядка в том хаосе, который представлял собой окружающий мир. Миссис Эллис обучала Агату практической стороне дела, а Эйлин занималась с ней теоретической физикой и химией. Сначала теория показалась Агате очень трудной, но помогли ее способности к математике, особенно к алгебре, пристрастие к шифровке и классификации, символам и знакам, составлению перечней и пропорций. В тщательно разлинованных тетрадах она в алфавитном порядке перечисляла различные вещества, описывала их внешний вид и свойства — аконит, горечавка («похожа на русский шоколад»), конопля, хинин — и источники, из которых их можно извлечь; их активные элементы и вещества, с которыми они несовместимы.

Она составляла перечни препаратов, записывая для себя их характерные признаки: «экстракт настоя спорыньи — пахнет испорченным мясным бульоном; коллодий — пахнет эфиром, белый осадок вокруг пробки». Там были записи по алкалоидам, руководство по приготовлению препаратов сурьмы, белладонны, дигиталиса, морфина и т. д. с указанием рекомендуемых доз. Впрочем, некоторые записи не имели ничего общего с фармакологией. Это был список имен — Арчибалд Кристи, Реджи Льюси и Эмиас Бостон (бывший поклонник, который принимал участие в постановке «Несчастья Синей Бороды» и чье имя Агата позже дала жертве в рассказе «Пять поросят»). Рядом с каждым именем стоит собственное имя Агаты после замужества, а одинаковые в обоих именах буквы перечеркнуты. Так до сих пор гадают девочки — подсчитав оставшиеся буквы, определяют имя того, за кого нужно выходить замуж. Самая интересная и трогательная — последняя пара имен: Клара Миллер и Агата Кристи, — это, конечно же, попытка определить, каковы будут их отношения после замужества Агаты.

Следующий отпуск Арчи в октябре 1915 года они провели в Нью-Форесте. В годовщину своей свадьбы и на Рождество они лишь обменялись посланиями. Арчи писал:

«Поздравляю с двадцать четвертым декабря (и, кстати, с Рождеством). Ты в самом деле была весьма любезна последний год, смело доверив себя мне, но ты никогда об этом не пожалеешь, а я буду любить тебя так же сильно, как и раньше,

даже, я думаю, сильнее. Я так хотел быть дома в нашу годовщину, но увы, мой тяжкий труд закончится не раньше конца января. Зато уж когда я приеду домой в звании майора и с 700 фунтами в кармане, мы будем кутить во всех значных местах... Будь проклята война, которая меня здесь держит...»

Приказ о присвоении ему звания майора и назначении командиром эскадрильи был опубликован 27 января. В военных сводках в первый день Нового года Арчи снова отметил за особую храбрость. В своих бодрых письмах к Агате он старается шутить — так, послание от 16 июля 1916 года было написано на официальном бланке с большим красным штампом «Секретно».

«Дорогая мисс, в ответ на Ваш запрос направляю Вашу характеристику и полагаю, что она Вас удовлетворит. Мы никогда не ошибаемся. Плата — всего лишь один фунт и один шиллинг.

С совершенным почтением, Главный Всеведущий

Характеристика мисс А. М. К. Миллер.

Характер — добрый и нежный; любит животных, за исключением червей и майских жуков; любит и людей, за исключением мужей (из принципа). Обычно ленива. Но в принципе способна развивать и поддерживать бешеную энергию. Крепко стоит на ногах — ветром ее не снесет. Ум острый, манеры изысканны; оригинальна и любознательна. Лицо красивое, особенно волосы; фигура превосходная, кожа просто чудесная. Умеет хорошо уговаривать. Дика и необузданна, но, будучи укрощена, может стать любящей и нежной женой».

Арчи снова упомянут в сводках за январь 1917 года, а в следующем месяце получил чин подполковника и был назначен командиром базового аэродрома. К восторгу Агаты, он был награжден (она никогда не знала, за что именно) орденом Святого Станислава третьей степени с мечами, таким красивым, что ей всегда хотелось самой носить его — как брошь. В целом 1917 год был для Агаты легким, и хотя войне, казалось, не будет конца, Арчи три раза побывал в отпуске, а в промежутках между встречами с мужем Агата готовилась к сдаче экзаменов на фармацевта. С теоретической частью — химией и фармакопеей — проблем не было. Что же до практической стороны, то справиться с ней мешали волнение и застенчивость, которые в свое время не позволяли Агате сыграть на фортепьяно на

публике. Но на сей раз она взяла себя в руки и со второй попытки преодолела психологический барьер и поверила в собственные силы. Для этого пришлось убедить себя, что нужно просто смешать лекарства и подождать, пока произойдут соответствующие реакции, а это куда интересней, чем скатывать пилюли или лепить суппозитории.

Практические занятия свели Агату с человеком весьма странным, даже жутковатым — хотя внешне ничем не примечательным. Это был один из ведущих провизоров Торки, к которому ее направили для подготовки к экзаменам. Объяснив Агате, как составлять компоненты для свечей, и показав, как их формовать, он велел ей упаковать их в коробку и прикрепить этикетки, указывающие, что концентрация действующего в них вещества — 0,01. Однако Агата видела, что провизор посчитал неправильно — доза была в десять раз больше. Она была уверена, что он сделал ошибку в расчете — поставил лишний ноль; ей это было знакомо — как-то она проснулась в три часа ночи, спохватившись, что напутала с рецептом одного лекарства, и сразу вскочила и бросилась в аптеку проверять. Зная, как скрупулезно составляются лекарства в их аптеке, она пришла в ужас от небрежности опытного провизора. Поняв, что тот проявляет преступную небрежность, Агата отреагировала весьма нестандартно. Она решила не указывать ему на ошибку — он принадлежал к той категории людей, которые не ошибаются по определению, особенно на глазах учеников. Вместо этого она нарочно уронила на пол злополучные свечи, наступила на них и принялась бурно извиняться. Оказалось, это только начало. В следующий раз было еще интереснее. Провизор достал из кармана ампулу с каким-то веществом и спросил, знает ли она, что это такое. Не дожидаясь ответа, он с улыбкой сказал: «Это кураре. Вам известно, что это такое? Интересная штука. Очень интересная. Если взять его в рот, он не приносит никакого вреда. Но стоит ему проникнуть в кровь, и мгновенный паралич... А вы знаете, почему я ношу его в кармане?» «Нет, — ответила Агата, — не имею ни малейшего представления». Провизор показался ей не совсем нормальным. «Что ж, — задумчиво произнес он, — наверное, дело в том, что это дает мне ощущение силы». Этот провизор снова появится в жизни Агаты много лет спустя — уже как Закария Осборн в романе «Бледный конь».

Учетная карточка Красного Креста показывает, что за время войны Агата отработала в целом 3400 часов: сперва без оклада — с октября 1914 года по декабрь 1916-го, затем

с окладом шестнадцать фунтов в год. Другим, неучтенным и неоплаченным ее трудом был шестидесятистраничный рукописный сборник, иллюстрированный цветными рисунками и украшенный золотым кантом, который она подготовила вместе с Эйлин Моррис, под названием «Что мы делали во время Великой войны». Сборник включал в себя оперу «Молодые студенты», написанную А.М.К., и пародию «Провизор и Фармацевты», написанную А.К. по мотивам Льюиса Кэрролла:

— Как центрифугу ни верти, —
Рек Фармацевт убито, —
Нам лейкоцитов не найти —
Их нету, лейкоцитов.
— Вот эпителия полно, —
Провизор произнес,
И, побелев как полотно,
Унять не мог он слез.
Произведя утратам счет,
С опухшими глазами,
Они полили свой отчет
Горючими слезами.

Заботы Арчи были намного серьезнее. В одном из писем от 1917 года он кое-что рассказывает о своих повседневных обязанностях:

«Мой любимый Ангел!

Все эти дни я невероятно занят. Вчера я буквально был приклеен к телефону до 11 часов вечера и сегодня у меня не самое лучшее настроение. Я бы приговорил этого типа к «распятию на кресте» (как выражается «Дейли миррор») на двадцать восемь дней, потому что он отказался работать, уехал не предупредив, а теперь утверждает, будто был болен, хотя это неправда...»

В начале декабря Арчи опять отметили в сводках, уже в четвертый раз. Он был награжден орденом «За безупречную службу» и стал кавалером орденов Святого Михаила и Святого Георгия. В июне он получил отпуск, а в сентябре, к большой радости Агаты, в звании полковника был направлен домой — в министерство военно-воздушных сил. Она сразу же оставила госпиталь, поселилась с мужем в отеле и занялась поисками мебелированной квартиры.

Арчи было двадцать девять, Агате двадцать восемь. Оба выросли, видя боль, страдания и смерть, но выросли порознь. Большую часть этих страшных лет они провели в разлуке, научились держаться и подбадривать друг друга в

тяжелых ситуациях, живя от одной короткой встречи до другой. Начало настоящей семейной жизни — Агата почувствовала это, как только уехала из «Эшфилда», — было совершенно не таким, как ей представлялось пять-шесть лет тому назад. Страна еще воевала, и это чувствовалось даже в их крошечной квартирке, которую они снимали у некой миссис Вудс, где обязанности прислуги выполнял денщик Арчи по фамилии Бартлет. Арчи целые дни был занят в министерстве. И Агата, немного скучая без подруг и без работы, пошла на курсы стенографии и бухгалтерского учета, где старательно и с большим удовольствием училась. Однажды, возвращаясь со своих курсов, она увидела нечто небывалое: «Повсюду на улицах танцевали женщины... Они танцуют, скользят по мостовой, даже прыгают — какая-то оргия радости Страшноватое впечатление. Если бы возле этих женщин появились немцы, женщины наверняка разорвали бы их на куски. Некоторые, помнится, шатались и вопили. Я пришла домой и застала там Арчи, который уже вернулся из министерства. «Вот такие дела», — сказал он в своей обычной спокойной и сухой манере». Это было 11 ноября — день, когда объявили о прекращении военных действий. Великая война закончилась.

Глава 7

«Злой умысел, и смерть, и преступленье»

Еще в годы войны Агата впервые попробовала силы в жанре детектива — важный момент ее биографии, впрочем в то время не казавшийся ничем особенным. Тогда Агате и в голову бы не пришло посвятить себя криминальной беллетристике. Во время войны ей было не до этого: она беспокоилась за Арчи, переживала за все ухудшавшееся здоровье матери и бабушки, содержать в порядке «Эшфилд» стоило тоже немалых трудов, да и в аптеке работы хватало, поэтому написание книги представлялось тогда просто забавой. Вспомним, что писательство для Агаты было давним хобби. Подобно Кларе и Медж, она писала рассказы и стихи. Долгое время ее влекло таинственное и зловещее, что отразилось, например, в одном из ее ранних стихотворений «В лесу»:

Безумная луна в сплетенье черных крон,
(И что-то темное ползет со всех сторон),
На стылой ветке лист висит не шевелясь,

Но мертвенная дрожь по веткам пронеслась,
Их судорога бьет, как исступленный пляс
(Вот что-то черное ползет со всех сторон),
И лист, измученный, изъеденный тоской,
Смеясь, срывает Смерть когтистою рукой.

Возможно, работа в аптеке среди всевозможных ядов навевала мысли о таинственных преступлениях и убийствах, — так появилось стихотворение «В аптеке», напечатанное в 1924 году в сборнике «Дорогой грез». Одно только перечисление и описание ядов уже вызывает трепет.

С эпохи Борджиа до наших дней унылых
Они своей не растеряли силы —
Мышьяк, и сулема, и синий аконит,
И смертоносный цианид!

В них исцеленье и успокоенье,
Источник силы, твердости залог, —
Но в голубом стеклянном заточенье
Злой умысел, и смерть, и преступленье
Таит аптечный пузырек!

В этом стихотворении просматривается нечто большее, чем романтический взгляд на аптеку и зловещие мысли, навеянные поведением странного провизора. Впервые недвусмысленно проявляется интерес Агаты к загадочным убийствам.

Тогдашняя пресса смаковала все таинственное и страшное и не упускала возможности преподнести читающей публике мельчайшие подробности сенсационного убийства, а специальные корреспонденты в утренних выпусках газет предлагали собственные версии и выводы. Такие заметки очень нравились тетушке-бабуле, и Агате приходилось читать их вслух. Сама Агата не была в восторге от подобного чтения — ее больше волновали загадочные причины, заставлявшие людей преступать общепринятые нравственные нормы. Кроме того, ее наверняка занимало, как преступник скрывает свою тайну. В детстве часто потешались над ее любимой фразой «Я не видела необходимости распространять информацию» (так она однажды ответила, когда ее спросили, почему же она не сказала, что горничная пробовала суп прямо из супницы перед тем, как родители вышли к обеду.) Эта случайно услышанная где-то малопонятная взрослая фраза явно пришлась по душе маленькой Агате. Она ведь была не похо-

жа на Медж, умевшую из пустячного события сделать хороший рассказ. Ей был ближе Фредерик, который на вопрос, чем он занимался целый день, мог сказать: «О, ничем, совершенно ничем». Она предпочитала помалкивать, занимая себя собственными фантазиями. Ее интересовали методы и способы сохранения секретов, шифровка с помощью музыкальных и математических кодов, она увлекалась книгами-головоломками, загадками, а со временем и теоретическими работами по основам физики и химии.

Когда она была еще совсем маленькой, в моду вошли детективные истории, а к концу девятнадцатого — началу двадцатого века в печати появляется все больше и больше детективной литературы. В детстве Агата прочла «Холодный дом» Диккенса, романы Уилки Коллинза «Женщина в белом» и «Лунный камень», а также ранние рассказы Конан Дойла о Шерлоке Холмсе. Она была просто очарована детективным рассказом Энн Кэтрин Грин «Проклятый ларец». В 1908 году ее потрясла «Тайна желтой комнаты» Гастона Леру, длинная мелодраматическая история о покушении на убийство, в которой действует некая дьявольская, сверхъестественная сила, воплощенная в образе прекрасной молодой женщины, спящей в запертой спальне, причем все это как-то связано с некой страшной тайной. Кроме того, в «Тайне желтой комнаты» действует очень привлекательный герой, журналист Жозеф Рультабийль, молодой человек, чье происхождение окутано тайной; он преследует убийцу, конкурируя с высокомерным и злоевшим профессиональным детективом Фредериком Ларсаном по прозвищу Большой Фред.

Однажды во время спора о каком-то детективном рассказе Медж в сердцах бросила, что Агате и такого не написать. Это сомнение вдохновило Агату — работа в аптеке ей успела здорово наскучить, и она решила попробовать, взяв за основу сюжета какое-нибудь трудное для раскрытия преступление. При этом важна была кажущаяся простота и обычность: «Я могла бы, конечно, взять какое-нибудь необычное убийство по совершенно необычным мотивам, но это не привлекало меня с художественной точки зрения». Ей хотелось загадки, подвоха: «Весь смысл в том, что должен быть кто-то, кого подозревают, потом вы обнаруживаете, что он никак не может быть подозреваемым, что он просто не мог совершить преступление. Но тут-то и оказывается, что именно он его и совершил». А для такого расклада нужны подходящие герои. В детективе уже не обой-

дешься действующими лицами, списанными со знакомых, как в «Снеге над пустыней». Остро встала проблема главного героя. Ее привлекал образ сыщика, похожего на Рутьабийля. В конечном счете она решила, что это будет бельгийский эмигрант; как она вспоминала в «Автобиографии», в то время в Торки было полно бельгийских эмигрантов, которые хотели жить в покое, «копить деньги, копаться в своих садиках и что-нибудь выращивать по своим собственным методам». Детектив должен был быть умен, внимателен, наблюдателен, носить впечатляющее имя и обладать определенными знаниями преступной среды и преступников. Агата сделала Эркюля Пуаро отставным офицером бельгийской полиции. Как и Ларсан, он делает свое дело с артистизмом и не без форса. Было много предположений о «родословной» Пуаро в произведениях Агаты. Указывали на некоего Эркюля Попо, бывшего сотрудника службы безопасности в Париже, персонажа книги Мари Беллок Лаундс, или на Фламбо, бывшего грабителя, ставшего детективом, — героя Честертона. Другие называли Эжена Вальмона, «бывшего шефа детективного отдела в правительстве Франции», которого отличало необычное сочетание тщеславия и терпимости, добродушно презираемое англичанами и особенно английской полицией. Вальмон был творением Роберта Барра, опубликовавшего рассказы о нем в 1904—1905 годах. Критик Франсуа Ривьер связывает возникновение имени Пуаро с неослабленным интересом Агаты к еде истряпне, поскольку по-французски созвучное слово обозначает лук-порей. Уже к концу ее жизни Агату спросили, что она думает по поводу всех этих теорий. Писательница смутно припоминала Вальмона, но не смогла назвать ничего, что бы напрямую повлияло на ее героя. На самом деле Пуаро был целиком и полностью порождением ее фантазии. Он не был французом, потому что будущая писательница довольно долго прожила во Франции и на французов насмотрелась, а хотелось чего-нибудь незнакомого, экзотического. Бельгийцы же на момент первого появления Пуаро были даже в моде («храбрая маленькая Бельгия, оккупированная немцами»), о них снисходительно говорили, что пусть они не так умны, как французы, зато не так хитры, как датчане. Пуаро отличался умом, своеобразным характером, нелепыми привычками, роскошными усами и странной яйцевидной головой. И несмотря на всю его карикатурность, им можно было восхищаться. Не так уж и важно, откуда именно он взялся — что-то в

нем заимствовано из других произведений, переработанных подсознанием Агаты, что-то создано ее собственным воображением. Важно то, что экстравагантный персонаж появился и оказался достаточно правдоподобен, чтобы зажить собственной жизнью.

Агата то принималась за работу над своим детективом, то откладывала его; написав, разделила на главы, потом напечатала на старой машинке Медж. Она очень старалась и, дойдя примерно до середины, так устала, что попросту не знала, что делать со своим сюжетом дальше. Тогда Клара посоветовала ей взять рассказ с собой в двухнедельный отпуск. Там, в Дартмуре в «Муленз-отеле» и было дописано «Таинственное происшествие в «Стэйлз». По утрам Агата писала, после обеда гуляла и обдумывала следующую часть книги, ужинала, спала по двенадцать часов, а утром снова садилась писать. За эти две недели работа была закончена; она привезла домой черновик, подправила его, добавив «про любовь» на манер популярных тогда детективных романов, и послала в печать. Сначала Ходдеру и Стоутону — оттуда рукопись прислали назад, потом еще куда-то — тоже вернули, Мэтьюэну — с тем же результатом. Наконец, она отправила книгу Джону Лейну в издательство «Бодли Хед», где рукопись надолго канула в неизвестность.

Агата очень быстро забыла об этом. Арчи к этому времени перевели на работу в Лондон, в министерство военно-воздушных сил. Началась ее настоящая замужняя жизнь, война закончилась, а сама она обнаружила, что ждет ребенка. Агата изумилась и обрадовалась: «Подсознательно я все время мечтала о ребенке. После каждого отпуска Арчи я испытывала глубокое разочарование, не обнаруживая никаких обнадеживающих симптомов, и в этот раз уже и не ждала ничего». Она проконсультировалась у известного в Торки доктора Стабба и, несмотря на его фамилию¹ (а коллеги доктора, кстати, звались доктор Карвер² и доктор Куик³) и тошноту по утрам в течение всех девяти месяцев, 5 августа без особых проблем родила девочку, названную Розалинда Маргарет Кларисса. Ребенок родился в «Эшфилде».

Агата по-прежнему любила свой «Эшфилд»: хоть там и не было моря, зато был сад и милые, с детства знакомые вещи, а главное — там была Клара! В Лондоне у Агаты

¹ От англ. «stabb» — удар, острая боль.

² От англ. «carver» — резак.

³ От англ. «quick» — быстрый.

почти не было друзей, а устраивать приемы или позволить себе частые ужины в городе или танцевальные вечера им с Арчи не позволяли средства. В Торки все оказалось гораздо проще. «Эшфилд» был просторен, там хватало старинных друзей, с которыми можно было организовать веселый пикник на лужайке или устроить импровизированную вечеринку. Например, однажды Агата устроила в «Эшфилде» «пуделиный прием», на который все гости пришли одетые собаками, исключение сделали только для Клары — ей было разрешено нарядиться бабочкой. Агата была в головном уборе из каракуля и в смокинге Арчи с прицепленным сзади длинным хвостом.

Как относился к таким проделкам Арчи? Как видно из его писем, он и сам был веселым и беспечным молодым человеком — развлекал дочку, а позже и ее школьных подружек шутками, играми и чудесными подарками, но так же легко поддавался тревоге и беспокойству. Агата говорила, что он недостаточно эмоционален, но скорее всего, это была просто маска. Арчи наверняка часто раздражался, ведь синусит — болезнь довольно изматывающая, к тому же у него были проблемы с пищеварением. Агата вспоминала, что часто, придя вечером из министерства, он не мог ничего есть, но, полежав несколько часов, заявлял, что ему хочется чего-нибудь сладенького, с патокой, всякий раз повергая ее этим в изумление. Арчи бесстрашно воевал во время войны, демонстрируя чудеса храбрости, быстроту реакции, за что получил свои награды и был неоднократно упомянут в сводках боевых действий. Война явилась долгим, тяжелым, утомительным трудом, она украдала его беспечную юность, до срока сделав Арчи серьезным и степенным. Ему пришлось слишком быстро стать взрослым. Но сидевший в нем юный изголодавшийся сорванец требовал вкусенького, ему хотелось сладкой и густой патоки, чтобы убажить свой больной желудок и резким вбрасыванием глюкозы взбодрить свой на самом деле ослабленный организм.

Агата многое прощала ему. Она понимала Арчи и позже описала в своих книгах те трудности, с которыми мужчины его возраста и темперамента столкнулись в повседневной жизни после окончания войны. Самой ей было куда легче приспособиться к изменившимся условиям и другому темпу жизни, и даже неожиданная беременность не выбила ее из колеи. Через две недели после рождения Розалинды она вернулась в Лондон, чтобы найти няню и служанку, а также подыскать меблированные комнаты, где они могли бы

пожить до тех пор, пока не найдут более подходящее жилье и не обставят по своему вкусу. И все ей удалось, хоть и не без труда.

В конце войны Арчи уволился из ВВС и решил устроиться работать в Сити. С вакансией проблем не было — многие крупные фирмы испытывали к концу войны нехватку сотрудников и охотно предлагали должности бравым и энергичным молодым офицерам, однако это вовсе не значило, что им хорошо платили. Первая работа приносила Арчи лишь 500 фунтов в год плюс его наградные, 100 фунтов в год, и ежегодные 100 фунтов, которые продолжали выплачивать Агате компаньоны ее покойного дедушки. Этого только-только хватало на жизнь. По сравнению с довоенным временем цены на жилье и продукты выросли невероятно, но держать няню и кухарку либо горничную считалось насущной необходимостью (в отличие от автомобиля, почитавшегося неслыханной роскошью).

И все-таки Агата была счастлива. Случайно она узнала, что в том же доме, Эддисон-Мэншинз, где они снимали квартиру под номером 25, сдается необставленная квартира номер 96. Решение было принято мгновенно. Отделка новой квартиры стала для них источником ежедневных радостей. Она всю жизнь с упоением занималась устройством своего жилья и покупкой мебели. На этот раз они с Арчи с помощью декоратора и маляра оклеили и выложили плиткой ванную комнату в красно-белых тонах. Друг Арчи из ВВС и его сестра помогли выкрасить стены в гостиной блестящей бледно-розовой краской и, к ужасу декоратора, оклеили потолок черными глянцевыми обоями с цветами боярышника. Комнату Розалинды выкрасили в светло-желтый цвет, пустив вдоль фриза изображения разных животных. Портьеры и гардины не очень подходили к цвету стен, но Агата храбро пустила ту же ткань на обивку мебели, памятуя, что «нельзя допускать никакого диссонанса». Она сохранила записи расходов на отделку квартиры — кое-что оплачивала она, кое-что Арчи. Он, например, купил бордюр для комнаты Розалинды и кровать, а Агата — матрац и мясорубку. Установку телефона (четыре фунта стерлингов) оплатил Арчи, и эта сумма была отнесена в счет хозяйственных расходов. Купить пианино не было возможности, а старое осталось в «Эшфилде», который, как и прежде, играл в Агатиной жизни особенную роль.

Год 1919 стал годом Агатиного счастья. Она нашла и прелестно обставила квартиру, ее радовала забавная и смышленная дочка, восхищал муж и не огорчала прислуга. Она

была молода и привлекательна, вся семья здорова, и денег худо-бедно хватало. Но мало того, год принес еще один сюрприз. Как раз перед переездом в новую квартиру Джон Лейн попросил ее зайти и обсудить машинописный текст «Таинственного происшествия в «Стайлз», которой она послала в «Бодли Хед» два года тому назад.

Это событие навсегда осталось в памяти Агаты. Она описывает Джона Лейна, «маленького человечка с белой бородой», который сидел в комнате, увешанной картинами елизаветинских времен, и сам с кружевами вокруг шеи был похож на старинный портрет. Агата осталась довольна этой встречей с опытным профессиональным издателем. Джону Лейну понравилась ее книга, хотя он и предложил некоторые незначительные поправки. Да, он напечатает книгу и выплатит Агате десять процентов потиражных за каждый из проданных сверх двух тысяч экземпляров в Англии и сверх тысячи экземпляров в Америке, а также половину суммы от продажи прав на публикации в периодике или постановки. Кроме того, издательство «Бодли Хед» получит первоочередное право на публикацию ее следующих пяти книг по своему выбору. Только позже, став популярным автором и узнав истинную цену своего имени, Агата поймет, что Джон Лейн просто воспользовался ее неопытностью.

Отношения писателя и издателя — всегда ловушка, что первая встреча показала яснее ясного. Джон Лейн заключил кабальную сделку с начинающим автором, который радовался самой возможности напечататься и еще не представлял, что таким путем можно заработать хорошие деньги. Агата согласилась переделать последнюю главу, изменив сцену в суде на разговор между Пуаро и Гастингсом в библиотеке. Права на публикацию «Таинственного происшествия в «Стайлз» были уступлены Лейном другому издательству, «Уилки таймс», за пятьдесят фунтов, половину из которых получила Агата. Книга вышла в Америке в 1920-м, а в Англии в 1921 году. Агата посвятила ее Кларе.

В 1919 году, вскоре после рождения Розалинды, от сердечной недостаточности после тяжелого бронхита в возрасте девяноста двух лет умерла тетушка-бабуля. С ее смертью прекратились последние выплаты от разорившейся американской фирмы «Чафлин» — той самой, где одним из компаньонов был Агатин дедушка Натаниэл, — и, естественно, Агате, Кларе и Медж стало намного труднее содержать «Эшфилд». Арчи первым предложил продать дом, чтобы облег-

чить жизнь Кларе, а когда Агата снова запротестовала, предложил ей написать еще одну книгу. Хотя сама она таким путем заработать не рассчитывала, ей было приятно, что муж не считает ее писательские попытки простым баловством.

Следующим произведением Агаты стал шпионский триллер. Толчком к написанию послужил услышанный в закуской «Эй-би-си» спор, в котором прозвучавшее имя «Джейн Фиш» поразило Агату своей необычностью. Так появилась на свет Джейн Финн, неуловимая особа, получившая в середине войны поручение — доставить важные документы, за которыми охотятся различные группировки. Главные герой и героиня романа — парочка «молодых авантюристов», Томми и Таппенс (сначала Агата так и назвала роман), оставшиеся без работы после увольнения из армии; изобретательные, любящие, не очень искусственные в житейских делах, неугомонные и озорные, особенно Таппенс. Роман интересен главным образом потому, что в нем впервые разрабатываются две важные темы, которые будут фигурировать во многих произведениях Агаты: поиск некоего важного секрета и впечатляющий образ таинственного и могущественного субъекта, способного купить любое количество информации и оружия, поехать в любое место и повлиять на любого человека. Эта мрачная фигура, воделеющая мирового господства, — один из самых жутких ее персонажей, в то время как владелец секрета обычно либо простая пешка, не подозревающая, в какую игру ее втянули, либо, как в данном романе, проницательный и опытный детектив, олицетворение сил добра.

Джон Лейн принял второй роман Агаты, «Таинственный противник», для публикации в 1922 году. Он заплатил ей пятьдесят фунтов, хотя какую их часть составила доля от продажи прав на публикацию в периодике, а какую — процент от тиража — понять из «Автобиографии» совершенно невозможно. Большею поддержкой, чем банковские чеки от Джона Лейна и «Уилки таймс», была сумма, полученная от Брюса Ингрема, редактора «Скетча», который заказал ей серию рассказов о Пуаро для своей газеты. Она начала писать эти рассказы в 1921 году и параллельно сочиняла еще один детективный роман, «Убийство на поле для гольфа», в основу которого легло действительно происшедшее в те годы загадочное убийство во Франции; в этом последнем явно просматривается влияние многочисленных французских детективных рассказов, прочитанных Агатой. Однако как раз в это время работу ей неожиданно приходится прервать.

Дело в том, что брат Агаты, беспутный Монти, после многолетних немислимых скитаний по всей Британской империи наконец собрался домой. В 1901 году после смерти Фредерика он наведывался в «Эшфилд» в отпуск, затем вернулся в свой полк в Индию, где, достигнув совершеннолетия и получив наследство по завещанию Натаниэла, зажил в свое удовольствие. Денежки закончились очень быстро, но, увязнув в долгах, он не уgomонился, а перебрался в Кению и решил заняться сельским хозяйством, однако вместо этого, забросив свою землю, взятую под честное слово, проводил время в охоте на слонов и других развлечениях. Вестей от Монти почти не было, если не считать нерегулярных, но щедрых подарков из Индии матери и сестрам — шелка и украшений, а также нескольких телеграмм с требованием срочно выслать деньги в Африку.

В конце 1910 года семья прилагает все усилия, чтобы найти Монти, и узнает, что он перебрался в Уганду, где «невероятно популярен», однако сильно страдает от безденежья. В 1911 году он задумал амбициозный проект перевозок грузов на малых судах по озеру Виктория. Он прислал Медж письма поддержки от многочисленных друзей-энтузиастов и попросил у нее финансовой помощи. Уверенная, что Монти наконец остепенился, Медж оплатила ему проезд в Англию и дала денег на постройку первого судна, «Батенга», на верфи в Эссексе. Монти занялся проектом с ужасающей расточительностью: «Батенга» была отделана изнутри тиком, эбеновым деревом и слоновой костью, для нее был закуплен огнеупорный фарфор и изящная стеклянная посуда, а форму для капитана Монти заказал у дорогого портного. Между визитами на верфь Монти обычно ездил в Лондон, где останавливался в роскошном отеле на Джермин-стрит и тратил огромные деньги и на собственные нужды — покупал себе шелковые пижамы, лучший китайский чай и т. п., — и на подарки матери и сестрам: так, он подарил Медж сапфировый браслет и роскошную вечернюю сумочку, приобретя это на ее же деньги. Семья отчаялась увидеть «Батенгу» наконец спущенной на воду.

Возможно, проект и закончился бы успешно, но когда судно уже было готово к отправке в Африку, разразилась война, и его за бесценок продали правительству. Монти вернулся в армию и записался в полк Королевских африканских стрелков. Среди приятелей-офицеров он был известен под кличкой «задавака Билли», и только годы спустя от одного из них Агата узнала о «подвигах» брата. Монти чуть не попал

под военный трибунал, поскольку настаивал, чтобы его конвой сделал привал именно в том месте, где предполагалось дать бой немцам. Вышестоящий офицер не согласился и стал обвинять Монти в неподчинении, когда вдруг появился большой отряд немцев, завязался бой и стрелки потерпели поражение. Трибунала, к счастью, там не оказалось, а сражение стало известно как «битва Миллера». Во время африканской кампании Монти был ранен и позже с большими трудностями доставлен в госпиталь, поскольку неоднократно сбежал из санитарного поезда. Как рассказывал Агате один полковник, «каждый раз они его клали с одной стороны, а он вылезал с другой...». Он сбежал из госпиталя через три дня и, хотя был еще очень слаб, продолжил свои бурные и беспорядочные похождения. «Псих, — говорил о нем полковник. — Старатель-одиночка».

Теперь, спустя четыре года после войны, ставший инвалидом Монти направлялся домой, и надо было его встретить. Однако оказалось, что Агата в этом участвовать не сможет. Еще одно обстоятельство заставляет ее прервать работу над детективами: выяснилось, что вместе с Арчи они уезжают на целый год из Англии путешествовать по территориям Британской империи.

Глава 8

«Классно! Шикарно! Самое оно!»

Это турне сегодня кажется весьма комичным. В самом путешествии, впрочем, ничего забавного не было, хотя маршрут проходил через довольно диковинные места, а способы передвижения оказывались самыми экзотическими, как и сами обитатели дальних уголков империи, чей быт и нравы поражали, а иногда и шокировали. Но источником комизма по большей части были сами члены экспедиции. Наиболее колоритной фигурой был ее руководитель майор Э.А. Белчер. Будь майор Белчер не столь яркой личностью, экспедиция превратилась бы в скучное до банальности мероприятие. Но под темпераментным и гениально безалаберным руководством Белчера любые планы, стремительно возникая, вскоре катастрофически рушились, а участники похода все более дичали и зверели, понемногу утрачивая чувство приличия. Белчер обладал талантом провоцировать наихудшие страсти в людях и животных, но, возможно, именно благодаря ему Агата написала свои са-

мые лучшие вещи. Все имеющее отношение к путешествию в «Автобиографии» описано уморительно смешно, но это лишь малая часть их приключений, если судить по ее дневнику, письмам родным, двум огромным альбомам с фотографиями и сувенирам, которые она приобрела, когда им с Арчи наконец удалось вырваться из лап Белчера.

Майор Белчер учительствовал в Клифтоне — закрытой школе, где учился, а потом и был директором Арчи. С тех пор оба стали приятелями. Белчер очень ценил работоспособность Арчи и питал глубокую привязанность к его жене, потому что Агата всегда внимательно его выслушивала. Он обладал поразительным даром убеждения, благодаря чему его неизменно назначали на руководящие должности. Например, во время войны он придумал, а потом получил должность инспектора по снабжению картофелем; как позже писала Агата, производство и распределение картофеля было до крайности запутанным: «В госпитале, я знаю, картошки никогда не было. Если хранением и распределением занимался лично Белчер, то это меня не удивляет». Но Белчера это совершенно не огорчало, главным для него было то, что теперь называют «саморекламой». С этим у него все было в порядке, а в отношении занимаемой «картофельной» должности он выразился так: «У меня об этом не было никакого понятия. Но я и не говорил, будто что-то знаю. Можно выйти из положения, если только иметь заместителя, который хоть немного в курсе дела, он еще почитает что-нибудь — и дело в шляпе». Исполненный самодовольства, он предвкушал повышение жалованья и новые перспективы, совершенно не ожидая, что на его пути могут возникнуть какие-либо трудности. Одним из его амбициозных замыслов и явилась Всебританская имперская выставка.

Предполагалось, что она откроется в Лондоне в 1924 году и на ней будет представлена продукция со всех концов Британской империи, как в свое время на Большой выставке 1851 года. Белчер был назначен помощником генерального директора и приглашен (скорее всего, по его собственной инициативе) возглавить миссию в доминионах — Австралии, Новой Зеландии, Канаде и некоторых территориях Южной Африки с целью заинтересовать в участии тамошние политические и деловые круги. Командировка планировалась на девять-десять месяцев, транспортные расходы — на железную дорогу и пароход — должна была взять на себя принимающая сторона. Белчер предложил Арчи занять в его команде должность «советника по финансам»: «Ты ведь директорствовал в

Клифтоне, у тебя есть опыт работы в Сити. Ты — именно тот, кто мне нужен». Дорога, разумеется, бесплатная, оклад — тысяча фунтов. И Агате, если она поедет, тоже обещали бесплатную дорогу, а Арчи из своего жалования оплатил бы ей отель, а также месячный отдых в Гонолулу на двоих.

Со стороны Арчи это была авантюра, поскольку его принципал в Сити отнюдь не обещал, что его должность за это время не будет занята. Однако в самой рискованности предприятия крылось нечто притягательное. Арчи до смерти надоели деловая рутина Сити и собственные крайне ограниченные, по сравнению с армейскими, полномочия. С принципалом он не ладил и не доверял ему и вообще хотел большего. Агата же ничем особенным занята не была и, будучи натурой увлекающейся, попалась на удочку. Она страстно мечтала поехать в дальние края, о которых имела представления только по книгам, рисункам да по экзотическим сувенирам в домах родственников и друзей. Путешествия в те времена отнимали много времени, и Агата опасалась, что при таком коротком отпуске, как у Арчи, вряд ли удастся когда-нибудь поехать в дальние страны и посетить места, о которых она всегда мечтала. А теперь, благодаря Белчеру, у них появился шанс. Единственной сложностью была долгая разлука с двухлетней Розалиндой, но ее вместе с няней можно было отправить к Медж или Кларе. Правда, Агата чувствовала себя немного виноватой за то, что уезжает из Англии перед самым возвращением Монти. Медж, бывшая ближе брату по возрасту, даже упрекнула за это сестру, но Агата осталась непреклонной и получила неожиданную поддержку матери. «Женщина, — заявила Клара, — обязана быть подле мужа всегда, если ее нет рядом, у него возникает ощущение, что он вправе забыть ее».

Агата, конечно же, не думала, что если она не поедет с Арчи, то потеряет его любовь, но одобрение Клары явилось дополнительной поддержкой ее решения.

Миссия стартовала 20 января 1922 года. Кроме Агаты, Арчи и Белчера, в нее входили мистер Фрэнсис В.Бейтс, который должен был выполнять обязанности секретаря Белчера — худой, бледный как смерть молодой человек с густыми бровями и большим беспокойным ртом; в качестве консультанта по сельскому хозяйству Белчер взял своего друга мистера Хэйема, «картофельного короля» из восточной Англии, вместе с женой и дочерью Сильвией. В поход вся компания выступила с большой помпой: Белчер пы-

жился от гордости после аудиенции в королевском дворце, где в качестве подарка «на дорогу» получил пару фазанов из королевского поместья, а корреспондент «Таймс» сфотографировал всю группу на перроне вокзала Ватерлоо. Но подписи под фотографией перепутали, поэтому нервная миниатюрная Сильвия, закутанная в меха, с многочисленными пакетами и свертками, указана как миссис Кристи, а Агата в шикарной шляпе, с букетом фиалок на пальто и еще одним букетом в руках — как Сильвия. Вид у Бейтса испуганный; у Арчи с трубкой — скептический; миссис Хэйем выглядит суровой и полной решимости преодолеть все опасности путешествия и любые происки иностранцев; мистер Хэйем с собакой на поводке кажется солидным и преуспевающим; а Белчер в своем безупречном пальто являет собой образец уверенного в себе финансового магната.

Миссия отплыла на судне «Замок Килдона» компании «Юнион-касл-лайн». На обороте списка пассажиров был изображен галеон, смело идущий навстречу огромным волнам. Волны и правда оказались немалые. Агата, как выяснилось, не переносила качки — измученная морской болезнью, она не оценила всей прелести бурного моря и решила сойти на Мадейре. Она писала Кларе на портативной машинке «Корона», которую взяла с собой:

«Все время, пока мы сюда плыли, мне было очень плохо. Тошнило беспрестанно, я перепробовала все от шампанского и бренди до сухих бисквитов и пикулей. Ноги и руки дрожали, я была просто полумертвая. Арчи привел врача, и тот мне дал полную чайную ложку какого-то лекарства с хлороформом, после чего тошнить сразу перестало. Врач не велел ничего есть в течение двадцати четырех часов. Когда мы прибыли на Мадейру, Арчи вывел меня на палубу и покормил бифштексом (как и советовал доктор). Я чуть не заплакала от восторга — Мадейра, оказывается, такая прекрасная! Я не могла такого даже вообразить!»

Агата поправилась, и тошнило ее только при сильной качке. Стоя на палубе, она наблюдала за резвящимися дельфинами и, к своей радости, наконец увидела летающих рыб. На борту было много развлечений: для членов миссии устраивались импровизированные концерты и танцы, выступали акробаты, был даже проведен крокетный матч между пассажирами первого и второго класса, а также спортивные вечера и костюмированный бал, на который Агата явилась вакханкой. Белчер, разумеется, стал председателем

корабельного комитета по спорту и развлечениям. Арчи и Агата храбро принимались за любое дело: «Вчера было наше первое состязание по метанию колец, и, к нашему большому удивлению, мы победили двух бельгийцев, которые своими тренировками приводили в ярость все судно. Это была самая громкая победа. Каждый подходил и говорил: «Я слышал, что вы победили этих даго¹. Чудесно!»

К обеду столу главного механика были поданы два фазана под аккомпанемент рассказа Белчера о его визите во дворец. Белчер обещал королеве альбом с фотографиями и доклад об успехах миссии, поэтому он тщательно вел дневник, в который записывал, среди прочего, разговоры с находящимися на борту антибритански настроенными голландскими пассажирами. «Выдержки» из дневника, отпечатанные Бейтсом, следовало периодически отсылать во дворец.

Вечером 6 февраля путешественники прибыли в Кейптаун, где их встретили и препроводили в отель «Маунт Нельсон». Агата была очарована местными садами: «Красивейшие цветы увивают тут дома, много каких-то розовато-лиловых и голубых, огромных. Они раскрываются каждое утро, а еще живая изгородь из чего-то вроде боярышника», — и большими сочными персиками. Но лучше всего было солнце, она обожала жару и серфинг, или «купание на доске», как она выразилась в своем первом большом письме домой, написанном 8 февраля. Агата и Арчи при любой возможности ускользали в Муизенберг, чтобы заняться серфингом, или на белый песчаный пляж у поселка под названием Фиш Хек, окруженного горами. Тут не было кабинок для переодевания, как в Торки, но посетители, как пишет домой Агата, вели себя скромно:

«Здесь совершенно негде переодеться (и нет никакого укрытия!), но один любезный молодой человек предложил нам хижину, в которой он хранит рыбацкое снаряжение... после серфинга мы немного плаваем. Мы собираемся купить легкие изогнутые доски, которые не врезаются в тело и сделаны совершенно мастерски».

Белчер раздражался, ворчал, что африканские персики совершенно незрелые, и под конец стал абсолютно невыносим. У него на ступне образовался нарыв, и «доктор предписал ему лежать, а он говорит, что не может терять вре-

¹ Даго — принятая среди англичан презрительная кличка итальянцев, испанцев и португальцев

мя. Причем Бейтс забыл достать карболки, и наш Белчер целый день проходил в тесном ботинке, так что вечером доктор промывал его ногу виски с питьевой содой, в общем, вчера наступил полный апогей». Бедняге Бейтсу худо пришлось. «С самого того момента, как он покинул Англию (раньше он никуда не выезжал), Бейтс считает, что вязался в смертельную опасность и живым домой не вернется. Перед отъездом он настоял на страховании жизни...» Остальные дразнили его. «Вчера мы подарили ему открытку с картинкой африканской гадюки, а еще раньше вручили предостережение якобы из «Комитета по защите туристов», и Бейтс озадаченно искал его номер в телефонном справочнике, недоумевая, почему никто не знает, где находится офис этой организации».

Агата превосходно проводила время. Она была в числе гостей на приеме в саду архиепископского дворца (и, по выражению местной газеты, «выглядела настоящей красавицей, в бледно-желтом платье, расшитом бисером по корсажу, с большим черным бантом на левом бедре»), на открытии местного парламента и на официальном завтраке в официальной резиденции губернатора. «Белчер и Арчи вовсю обхаживали принцессу и весьма в этом преуспели. Белчер рассказал свою знаменитую историю про льва, а Арчи согласился с ее высочеством, что самое ужасное в жизни — это рано вставать. Потом он сказал, что ему, как и ей, трудно запоминать имена. И весело добавил: «Но это, наверно, весьма неудобно при вашем образе жизни». Одним из самых интересных мероприятий для Агаты оказалось посещение кейптаунского музея. Она выразила такой интерес к доисторическим пещерным рисункам и музейной коллекции черепов, что директор, проводивший экскурсию, в итоге заявил: «Это один из лучших дней моей жизни».

Агата надеялась, что экспедиция доберется до Индии и Цейлона, но пробить там финансирование было настолько сложно, что Белчер решает вместо этого в начале апреля отправиться в Австралию. Но прежде супругам Кристи, Белчеру и Бейтсу предстояло совершить поездку в Родезию. Тут Белчер вдруг обнаружил, что ему и его спутникам не оказывают должного уважения: «Вчера вечером наступил великий перелом. Объединенное правительство предоставило нам бесплатные железнодорожные билеты и салон-вагон на железной дороге, но Родезия запрямялась и выделила нам только три билета и отказалась пропустить наш вагон бесплатно по своей железной дороге, и придется платить около 140

фунтов... Белчер был в полной ярости, потому что требование поступило только вчера вечером. После энергичных выражений в адрес того, кто все напутал, он принялся отправлять телеграммы. Бейтс быстренько печатал их, летел на такси на почту и возвращался в ожидании дальнейших указаний Белчера... К девяти часам наш маршрут был полностью переработан, — Арчи весь в мыле! — и теперь в следующий четверг мы отправляемся в Дурбан на «Брайтоне», а оттуда будем выбираться через Трансвааль».

А через день: «Родезия сдалась, все будет по-нашему! Неистовые усилия Белчера увенчались успехом. Снова полная переработка маршрута, с Дурбаном все устроено. Я думаю, что мы начнем с него, а Родезия потом... И успеем вернуться к отходу «Энея» 7 апреля».

Однако из-за поднявшегося ужасного юго-восточного ветра на «Брайтоне» остался только Арчи, а Агата решила вместе с Белчером и Бейтсом ехать в Преторию поездом. Поездка оказалась ужасной: «...такого жаркого дня я не помню в своей жизни. Столовая гора просто плавала в алом зное, и казалось, что дышишь красной горячей пылью... Первая ночь в поезде прошла нормально. На следующее утро, когда я проснулась, мы были уже в горах Кару — вокруг пыль, да камни, да крошечные кустики, да невысокие холмы — унылый, дикий пейзаж, в котором, впрочем, была своя прелесть; но с каждым часом становилось все жарче и жарче, пока поезд не превратился в настоящую духовку. Мы с Белчером целый день играли в пикет и не переставая пили лимонад!»

А поезд тем временем мчался через холмы к Дурбану, где им предстояло встретиться с Арчи. Но там их ждали очередные неприятности: «После отъезда из Кейптауна Белчер был просто очарователен, но в Блумфонтейне, когда глава администрации решительно отказался его принять, Белчер совершенно расшвырялся, и чего только не пришлось выслушать бедному Бейтсу! На самом деле нашему Белчеру официально дали от ворот поворот, и он заявил, что возвращается в Саутгемптон первым же судном. А мы с Арчи получили приглашение от командующего поехать вместе с ним в Йоханнесбург и Родезию. Белчер в Родезию не едет, он возвращается на «Брайтоне» в Кейптаун и, если успеет, отплывет оттуда на «Софокле». Но мы с Арчи уверены, что он не успеет и в конце концов мы все вместе поплывем на «Энее».

После краткого осмотра тропических садов («действительно прекрасные места, почти как Торки») Арчи, Агата и Бейтс отправились в Йоханнесбург и Родезию. Эта поездка оказа-

лась намного опаснее, чем они предполагали. Они угодили в самую гущу общественных беспорядков, спровоцированных администрацией золотых приисков, которая решила срывать оплату белым и за их счет нанять побольше негров.

«В Джермистоне нас ждала телеграмма от торгового атташе с предупреждением, что в Йоханнесбурге опасно, так что он встретит нас там прямо на перроне и устроит... Все отели в тот вечер были закрыты, а портье, официанты и т. д. бастовали, бастующие останавливали такси и вытаскивали водителей из машин... На улицах бросали гранаты... Сегодня в Йоханнесбурге опубликован закон о собственности, и все бары закрыты. Трудно представить более несуразное занятие в этот момент, чем идти куда-то договариваться о выставке, которая состоится через два года, но в среду нам уже надо уезжать, так что нужно будет сделать все, что в наших силах. Надеемся, что железная дорога бастовать не будет...»

В это время Агата уже получила первое письмо из дома: Клара купила для Монти инвалидное кресло, возникли проблемы с покупкой китайских акций, Розалинда кашляет. Агата написала дочери из «Гранд-отеля» в Претории. В ее письме есть несколько строчек о бабочках и поездах, но главное в нем — тревога, что Розалинда может ее забыть:

«Я надеюсь, что ты крепко любишь дядю Джима и Москитика (так с легкой руки Джека стали называть Медж), но если кто-нибудь спросит, кого ты любишь больше всех, ты должна сказать: «Мамочку».

Агата и Арчи проторчали в Претории около недели: «Снова все то же, мы не можем выехать, забастовка превращается в молодежную революцию». По городу разъезжали бронемшины, слышались взрывы. Агата, Арчи и Бейтс коротали дни, плавая в море, играя в бридж и изучая архивы, но спустя пять суток стали беспокоиться, что до Родезии могут так и не досхать. Они изводили своих хозяев, но разрешения на выезд все не было, пока вдруг однажды утром (Агата еще спала) не появился представитель властей, заявивший, что машина будет подана к отелю через двадцать минут.

«Впопыхах собрались! Успели только одеться, все остальное как могли распихали по чемоданам, их заберет Бейтс, он отправится к Белчеру в Кейптаун, как только будет поезд. На улицах наш автомобиль несколько раз останавливали невозмутимые джентльмены с трубками в зубах и оружием наперевес. Наш поезд должен был отправиться в 10.45,

но только в 11.30 под артиллерийские выстрелы и вой шрапнели он тронулся с места».

Бунт был подавлен силами армии, а его зачинщики, члены Третьего интернационала, приговорены к смертной казни. Агата и Арчи смогли выехать в Родезию через Бечуанленд, где на каждой станции туземцы продавали коврики, бусы, корзины и резные фигурки животных, множество которых Агата накупила для Розалинды. На подъезде к Булавайо в три часа ночи они проснулись, когда «щегольски одетый молодой человек, похожий на героя вестерна, вошел в наше купе и спросил Арчи, куда он направляется. Когда Арчи пробормотал: «Чай, но без сахара», тот невозмутимо повторил свой вопрос и несколько нервно добавил, что он не стюард, а офицер пограничных войск. Полусонный Арчи ответил: «В Австралию, нет, теперь, теперь я еду сначала в Солсбери».

Они провели два дня в Солсбери, играя в бридж и посещая цитрусовые плантации, и наконец прибыли к водопаду Виктория. Агата написала Кларе из отеля:

«Я чуть не умерла от восторга. Я имею в виду не сам водопад, хотя он бесподобно красив, мощен и огромен — милая с четвертью, а местность вокруг. Ни одной дороги, только тропинки, только отель, первозданные рощицы и необычайный голубой простор. Прекрасный отель, длинный, низкий и белый, красивые чистые комнаты с сетками от москитов».

Но даже там не было покоя:

«От Белчера пришла срочная телеграмма — велит, чтобы мы возвращались в Кейптаун через Йоханнесбург, а также требует телеграфировать ему, потому что сам он уезжает, благодарение Богу, на «Софокле».

Пришлось возвращаться. В Кейптауне их ждали письма от родных Арчи и от Джона Лейна. Агата пеняет Медж:

«Напиши! Мы получили письма только от миссис Хемсли, Уильяма и Кемпбелла (отчима и брата Арчи) и Джона Лейна, а моя родня как будто вымерла. Напиши мне о моей девочке. Уже месяц от вас ни слова, я получала письма от мамы только первые три недели... Я хочу знать о Монти и обо всем остальном, а особенно о Розалинде».

Были также новости относительно «Тайного противника»:

«Отзывы прессы, присланные Джоном Лейном, все хорошие, ни одного негативного. Особенно расстарался «Панч»...

Ни слова благодарности от людей, которым я послала экземпляры «Таинственного противника» (даже от моего соседа!!)».

В Кейптауне же супруги Кристи познакомились с «очень хорошим бывшим флотским капитаном Краутером», путешествующим по Южной Африке. Агата упросила его прихватить с собой в Саутгемптон ее коллекцию деревянных фигурок животных — антилоп, жирафов, гиппопотамов, зебр, — чтобы оттуда переслать в Торки.

Судно «Эней» компании «Блу-фаннел-лайн» отправилось из Кейптауна 9 апреля. Когда вся группа прибыла в Аделаиду, «дикого человека» (как Агата называла Белчера) там не было, но он оставил им распоряжение — отправиться в Мельбурн и встретиться там с ним перед тем, как отбыть в Тасманию. В Мельбурне Агата и Арчи нашли Белчера «довольно спокойным, хоть и с больной ногой». Спокойствие, впрочем, оказалось недолгим: «Сегодня утром дикий человек хуже, чем всегда. Он сидит в своей комнате, темной, как первобытная пещера, ест хлеб с молоком и на всех рычит. Я предложила ему перебинтовать ногу, а он мне в ответ: «Вы не могли бы оставить меня в покое?» Он не сказал, поедет ли в Тасманию сам, и никому не выделил денег на поездку...»

В Лонсестоне у них возникла масса проблем: «Мы прибыли в магистрат и несколько минут ждали мэра. Белчер кипятился. Когда мэр появился и спросил у Белчера, кто он такой и чего ему надо, я подумала, что нашего дикого человека хватит удар! Затем нас пригласили в Коммерческий клуб на имбирное пиво и лимонад, а Белчер все время бурчал: «Завтра же возвращаюсь в Мельбурн, и точка!». К счастью, его попросили произнести речь, и это его утешило. Но следующим ужасом был вокзал. Спальных вагонов нет, только первый класс. Он в истерике! Он, видимо, считает себя королем или лордом Нортклифом. Что это? Мания величия?! Австралийцы необыкновенно приятные и добрые люди, очень гостеприимные, но бахвальства здесь не любят».

В Хобарте команда Белчера снова занималась делами выставки — посетила кондитерскую фабрику и выставку тасманийских товаров: «Мы старались, как могли, объяснить отсутствие Белчера, всех успокаивали, а Арчи даже произнес речь, причем не мямлил, как бывало, а говорил четко и выразительно...» Агате понравилась Тасмания с ее прохладным, бодрящим климатом, а особенно запомнилось посещение электростанции на высоте трех тысяч футов, там было очень холодно, но «красиво — все в серебристо-голубой дымке. Все австралийские пейзажи, которые я

видела, были какие-то чистые и строгие — в голубовато-зеленых, иногда серых тонах, тут и там большие группы мертвых белых деревьев-призраков, качающих своими безжизненными ветвями. Кажется, вот-вот возле них появятся полупрозрачные неуловимые нимфы». Следующий день они провели в музее, с большим интересом изучая черепа, скелеты и туземную историю. «Там были различные останки аборигенов и большая коллекция набросков и рисунков, сделанных более ста лет тому назад (некоторые совершенно изумительные) на бледно-желтой, серой и даже специально окрашенной бумаге».

Вернувшись в Мельбурн, путешественники обнаружили целый мешок почты, который притащили с собой Белчер и Арчи — в полной уверенности, что это сигареты. Оказалось, что Медж написала сценарий фильма и уже нашла продюсера. «Потрясающе, — пишет Агата, — я крепко разозлюсь, если она добьется успеха с фильмом прежде меня. Хотя, кажется, хорошего агента найти весьма непросто. Я вообще обленилась: единственное, к чему я время от времени притрагиваюсь, это набросок к повести-гильюлю и короткий рассказ». На самом деле времени она не теряла: писала длинные письма и короткие рассказы, а в перерывах между чаепитиями, дамскими завтраками, официальными обедами и экспедициями сочиняла эпизоды для своей следующей большой книги.

Очередным требованием Белчера была поездка в буш. Участники миссии совершили ее в конных фургонах, прозванных «буш-трамваями», сидя на мешках с опилками. На следующий день состоялось путешествие на кирпичный завод, на холодильную фабрику, ленч и прогулка на «буш-трамвае». (Агата часть пути ехала на машине.) Каждый вечер на ужин было примерно одно и то же: «Обычная австралийская еда — блюдо с ломтиками говядины, кусок индейки, кусок ветчины, немного пастернака, немного моркови, картошка — и жареная, и отварная, хлеб, соус с хреном, кусочек йоркширского пудинга и чашка крепкого черного чая. Потом яблочный пирог и огромные кувшины сливок».

После возвращения из Тасмании Белчер стал бережлив. «Он обедал в клубе (чтобы сэкономить шиллинг, но перед отъездом забыл сдать свой гостиничный номер, так что его сохранили за ним и потом пришлось за это платить, так что его усилия оказались тщетными) и придумал новый вид экономии (поскольку он теперь трезвенник) — все члены миссии должны платить за выпивку из собственного карма-

на. Мы изо всех сил сопротивляемся!» Агата не любила и не употребляла алкоголь, и сопротивлялась решению Белчера из бескорыстной солидарности.

Уже был конец мая. Агата, которой выдержки было не занимать, несмотря ни на какие передраги, радовалась жизни, и на снимке в мельбурнском «Геральде» она выглядит здоровой и счастливой: «Фотограф снимал меня, как мистер Пексниф собор в Солсбери, — с северо-востока, с северо-запада, с востока, с юга, с юго-востока и т. д.». Под фотографией помещалась заметка, сляпанная по мотивам интервью, которое она дала австралийскому журналисту: «Миссис Кристи выглядит юной девушкой и всячески стремится сделать карьеру...» Это было ее первое знакомство с методами работы прессы — и тогда уже Агата имела случай убедиться, сколь велика разница между тем, что говоришь журналисту, и тем, что потом появится в газете.

Подстрекаемая общим вниманием и успехом Медж, она решает написать еще несколько коротких рассказов. А в очередном письме в Англию напоминает Монти о его обязанностях в «Эшфилде»:

«Приглядывай за мамой — чтобы она переодевалась после работы в саду, она вечно об этом забывает».

Из своих бесчисленных посещений консервных заводов она также извлекала практическую пользу. В письме Кларе она советует:

«Если покупаешь консервированные персики, бери «Фэнси» с зеленой наклейкой компании «Шинпертон Пэкинз», они хорошие...»

Во время поездки в Брисбен Агата подружилась с несколькими молодыми женщинами. Вот уже около шести месяцев она была единственной женщиной среди троих мужчин, каждый из которых требовал к себе внимания: Бейтса приходилось все время успокаивать, Арчи нуждался в ее заботе как муж, хотя и не дергал по пустякам, а Белчеру надо было ежеминутно выражать почтительное восхищение. К тому же постоянные поездки, встречи, официальные приемы и инспекционные визиты, а также вынужденное утомительное общение друг с другом делало Бейтса все более унылым, Арчи — нервным, а Белчера — вспыльчивым.

Возможно, и у Агаты стали сдавать нервы, но в письмах она этого не показывает — они неизменно спокойные и ве-

селье. Но она с удовольствием воспользовалась приглашением сестры майора Белла, с «которым Белчер и Арчи болтали вчера вечером про крупный рогатый скот». Мисс Уна Белл остановилась в том же отеле, познакомилась за обедом с Агатой и пригласила ее к себе домой. Мисс Уна рассказала, что живет с родителями, братьями и сестрами на огромной ферме в Каучине. Ее рассказ напомнил Агате большую, веселую и дружную семью Льюси в Торки — ей сразу стало легко. На следующий день, после очередного «тоскливого приема гостей в саду» Агата уехала в Каучин, оставив на Арчи всю деловую программу. Это была, как она писала Кларе, *«бесконечно долгая поездка, в течение шести часов поезд полз как черепаха. Мы прибыли в десять часов. Комната была полна тощих девушек, которые все вместе готовили на очаге яичницу-болтунью и все одновременно разговаривали! Я пошла спать совершенно оглохшая... Я должна была пробыть два дня, а пробыла неделю... Наконец я рассортировала всех Беллов... Миссис Белл восхитительна — это сильная личность, занята исключительно своим садом!.. Кажется, они владеют большей частью всего австралийского скота и похожи на королевскую семью — так же ощущают ответственность за собственную страну и вдумчиво руководят своими подданными...»*

Этот визит напомнил Агате счастливые и веселые времена в Торки перед войной: «Они готовили представление для деревенских жителей в среду вечером, мы сделали костюмы и отрепетировали. Долл и я изображали «живые картины», и было действительно смешно. Я пела и имела большой успех — Эйлин и Виктор на следующее утро обошли всю деревню и узнали впечатления жителей. Выяснилось, что во время войны они все были в Англии. Мальчики учились в Беверли, у них там дом. Оказалось, у нас куча общих знакомых... Я почувствовала себя членом их семьи! Уезжать было очень грустно».

Беллы стали именно теми людьми, которые смогли дать Агате возможность перевести дух и успокоиться в теплой домашней обстановке после многих недель тревожной кочевой жизни. Но ее привлекала не только атмосфера большой дружной семьи, но и стиль их жизни — сестры не были похожи ни на кого из тех женщин, которых Агата знала раньше. Энергичные, независимые, они сами занимались фермой, договаривались с арендаторами, ездили верхом, осматривая пастбища, и выражали свое мнение наравне с мужчинами. В то же время они были очень привлекательны и признаны в обществе, как в лондонском, так и в

австралийском, — в Каучине они принимали принца Уэльского, а часть года проводили в Европе. «Красавицы Белл» стали для Агаты примером, в каком-то смысле идеалом женщин: независимые, деловые и вместе с тем женственные и изысканные. Кроме того, у них в гостях она и саму себя увидела по-новому — много повидавшую, достаточно уверенную в себе, чтобы в одиночку принять приглашение в незнакомый дом, участвовать без смущения в местном концерте и танцах, готовую и петь, и танцевать, и представлять «живые картины».

В течение многих недель Агата была чисто декоративным членом миссии, она ничего не решала, ее участие в общей работе заключалось в посещениях консервных заводов и лесопилок, но на переговорах с властями и деловыми людьми она чувствовала себя чем-то вроде приложения. И вдруг она почувствовала себя в центре внимания — смелая, опытная тридцатидвухлетняя женщина, побывавшая в гуще революционных событий в Южной Африке, знающая массу забавных историй, жена героя войны, опубликовавшая стихи и два детективных романа, — она с легкостью вошла в эту большую семью, проникшись духом переодевания и игры, смеялась и радовалась вместе со всеми. Никем не сопровождаемая, она могла блистать и сама. Агата вернулась в Сидней к Арчи оживленная и довольная.

Следующей остановкой стала Новая Зеландия. Ониплыли на «Мануке», трехдневное путешествие запомнилось в основном из-за навязчивой агитации одного пассажира-попутчика, которого миссия прозвала Дегидратором. Он рекламировал патентованный способ высушивания продуктов: «На любую пищу всегда смотрите с точки зрения того, как ее можно обезвожить». Каждый раз во время еды он подсаживался с тарелкой высушенных продуктов к спутникам Белчера, который чувствовал себя обязанным высоко отзываться об этом товаре, поскольку Дегидратор был «очень богатым и влиятельным чиновником и мог существенно помочь делу выставки».

Их первая деловая встреча состоялась в здании местной администрации, где «какой-то джентльмен произносил речь по поводу заимствований по номиналу, вызвавшую у Арчи как у финансиста презрение». Арчи тут приняли за председателя Английского банка (Монтегю Нормана). Он был такой же тощий, как мистер Норман, хотя моложе и мрачнее. Эта ошибка преследовала их все путешествие. Агата играла в бридж и гольф с местными дамами, посетила

предприятие по переработке шерсти и, самое ужасное, стала почетной гостьей, по выражению местной газеты, «изысканного утреннего чая» в кентерберийском женском клубе. Та же газета писала, что Агата была «в легком платье в крапинку, чудесной местной шали и очаровательной шляпке в крапинку, украшенной лентами в тон шали». Там ей пришлось с листа, без подготовки выступить с речью. «Ужас!» — написала она Кларе, но однако блестяще справилась с задачей, «произнеся речь восторженной, чем местные новозеландские красавицы актрисы».

Впрочем, восторг Агаты был искренним. Она считала эту страну самым красивым местом, которое когда-либо видела, особенно Отиру, а также горячие источники и гейзеры на Роторуа, которые посетила одна: «...изумительный пейзаж, воздух полон серных испарений и вырывающегося из-под земли пара. А грязь кипит и чавкает, и все маори купаются и стирают одежду в горячих заводах».

Оставив Белчера, Бейтса и компанию, Арчи с Агатой наконец отправились на свой долгожданный и честно заработанный отдых на Гавайи. Они прибыли 5 августа. Агата в полном экстазе пишет Кларе из отеля «Моана»:

«Розалинде три года, а мы прибыли в Гонолулу. Здесь совершенно так, как нам рассказывали. Приезжаешь рано утром, берешь такси и по дороге, обсаженной пальмами и красивейшими цветами (гибискус, красные, фиолетовые и белые олеандры, голубые барвинки, кусты золотого дождя и еще какие-то деревья с кроваво-красными цветами), попадаешь к зелено-белому отелю с внутренним двориком, посреди которого растет огромная банановая пальма (на ней ночью горят разноцветные огоньки), и прямо у ступенек плещется море — гавайцы на огромных досках мелькают между рифом и берегом».

Радуюсь свободе, Агата и Арчи бросили вещи в отеле и помчались к морю, но навыки серфинга, приобретенные в Южной Африке, здесь не понадобились. В конце недели Агата написала Кларе:

«Мы пока еще радуемся жизни, хотя уже появились проблемы. В первый день купания мы жутко обгорели. Арчи стало совсем худо — спина, плечи и ноги все в волдырях. Он ничего не мог надеть... Перепробовали все средства: мазались кокосовым маслом, мелом, кремом и т. д. Наконец, Арчи стал ходить купаться в пижаме, к полному восторгу местных, которые просто покатывались со смеху».

Гавайи оказались более цивилизованным и дорогим местом, чем они ожидали: «Здесь прекрасные дороги и целые полчища автомобилей — у каждого машина! Этот поток не прекращается до трех часов утра. Так приятно видеть снова красивых, хорошо одетых людей после всего убожества колоний!» Через пять дней они решают, что недельки в отеле «Моана» с них хватит, а то можно и разориться. Поискав в округе, они нашли отель «Донна» — «на полпути между городом и Вайкики», где сняли бунгало на двоих и проводили все время «или на пляже, или в городе, попивая охлажденную содовую и покупая новые средства от ожогов». Приятель помог им вступить в местный клуб, где они могли проводить досуг, пить «запрещенные всюду напитки» и наслаждаться местными блюдами, в основном из бананов, о которых Агата с восторгом писала домой. Возможно, по инерции они приняли приглашение посетить завод по изготовлению консервированных ананасов.

Это идиллическое существование лишь изредка нарушалось мелкими неприятностями. «С гор пришел ужасный ливень, мы вымокли до нитки, и Арчи жутко простудился! Но он все равно подолгу сидел в море и опять весь покрылся волдырями, а потом кожа облезла. Так что теперь он снова выглядит как недожаренный бифштекс». Другая авария ввела их в непредвиденные расходы — красивый шелковый Агатин купальник, который она привезла с собой из Англии, порвался, «просто расползся пополам на спине, пришлось в магазине отеля купить другой. Он просто прекрасный, облегающий, изумрудно-зеленый, как раз такой, как мне хотелось, и кажется, он мне очень идет». Арчи тоже так считал и послал Кларе фотографию вместе с письмом, суховатый стиль которого весьма контрастирует с длинными веселыми и добродушными письмами Агаты.

Более серьезной неприятностью стал неврит — у Агаты вдруг так разболелась левая рука, что ею нельзя было шевельнуть. Эта боль не прошла и к сентябрю, когда закончился их отпуск и они с Арчи должны были ехать в Канаду, чтобы присоединиться к Белчеру и Бейтсу. Они и сами уже рвались уехать, поскольку тысяча фунтов, заработанных Арчи, стремительно таяла, а в Канаде они надеялись получить Агадины гонорары. В письмах она об этом не упоминает, однако настоятельно просит Клару не стесняться обращаться к ней за помощью, — в частности, просит сохранить слугу для Монти:

«Я сама могу платить Шебани. Я заработала больше денег, чем даже могла предположить. После этой поездки я должна получить от Джона Лейна сорок семь фунтов за «Шведские порядки», еще что-то за «Стайлз», а в сентябре приличную сумму за «Таинственного противника», все деньги будут в твоём распоряжении — можешь делать с ними все, что захочешь».

В Канаде ей пришлось привыкать к экономии; по решению шефа они завтракали в отеле — всего за доллар, — а в обед и на ужин только брали кипяток и разводили концентраты из пакетиков, как оказалось, самый полезный из сувениров, привезенных из Новой Зеландии. С запоздалым сожалением она вспоминала об упущенных возможностях: «Как бы мне теперь хотелось, чтобы рядом в номере оказался Дегидратор, чтобы он предлагал нам обезвоженную морковь, сушеные бифштексы, помидоры и другие деликатесы в неограниченных количествах». При таком питании и диких нагрузках Агата еле ноги таскала, так что от поездки из Виктории на западном побережье через всю Канаду в Оттаву она воздержалась.

К этому времени все члены экспедиции очень устали. «Из Калгари мы поехали в Эдмонтон, оттуда в Реджайну, а оттуда в Виннипег. В каждом месте мы проводили по одному дню, спали обычно в закрепленном за нами автомобиле... Все эти похожие друг на друга города расположены в абсолютно голых прериях, и смотреть в них нечего». В Виннипеге случилась беда: Белчер взял с собой Арчи инспектировать элеватор, и у того так обострился синусит, что начался застой в легких, перешедший в бронхит, и врач заявил, что Арчи нужен постельный режим. Белчер рассвирепел и стал вести себя «как дикарь» и даже проигнорировал состоявшееся в тот же день прибытие в Виннипег генерал-губернатора — засел в своем номере, диктуя Бейтсу статью «Виннипег — американский город» для «Дейли телеграф», а потом отправился куда-то, захватив с собой Бейтса. Несчастливая Агата, оказавшись практически без денег, осталась ухаживать за больным мужем. Она написала Кларе об этом суровом испытании:

«Несколько дней у него была невероятно высокая температура, а потом выступила ужасная крапивница (по всему телу!), и он едва мог дышать из-за боли и зуда... Однажды вечером ему было так плохо, что доктор заявил, что хорошо бы провести консилиум, и с этой целью привел еще одного старого идиота, совершенно немощего, который даже не помнил, где его сте-

тоскол. Но крапивница понемногу сходит, сегодня он смог поспать пару часов. Я так за него переживаю».

Когда Арчи поправился, они присоединились к Белчеру и Бейтсу и поехали в Скалистые горы и в Банф, где Агата каждое утро принимала горячие серные ванны — от неврита. Она не особенно верила в успех, но, к ее удивлению, боли прошли и неврита как не бывало. С Белчером случился очередной курьез. Выйдя из поезда, он увидел огромную толпу на платформе и решил, что это встречают его, но, как оказалось, это поклонники актеров Мэри Пикфорд и Дугласа Фербенкса, решившие, что их кумиры приехали этим поездом.

Болезнь Арчи заставила всю команду пересмотреть маршруты путешествия. Еще слабый, неокрепший Арчи с Бейтсом и Белчером поехали в Ньюфаундленд, а Агата поездом отправилась в Нью-Йорк — навестить свою тетю Кэсси, невестку миссис Пирпонт Морган. Она очень волновалась за Арчи, боялась, что у него начнется пневмония — наступила зима, и все время шел снег, — но была рада наконец отдохнуть от экспедиции. *«Мы оба сыты по горло нашей поездкой и очень хотим домой»*, — написала она Кларе. Агата настолько соскучилась по матери, Розалинде, Медж и Монти, что даже намеревалась отплыть домой раньше остальных. У тети Кэсси ей было поначалу очень неплохо; Агата узнала очень многое о юности своего отца, ее водили в ресторан и на приемы. Однако через неделю она уже чувствовала себя как в клетке, потому что тетя никуда не отпускала ее одну, даже в аптеку (которую Агата называла кафетерием).

Арчи, Белчер и Бейтс приложили все усилия, чтобы закончить свою работу в Канаде, вовремя приехать в Нью-Йорк и погрузиться на «Маджестик» (Агата в «Автобиографии» ошибочно называет судно «Беренгарией»). 25 ноября они покинули Нью-Йорк и 1 декабря прибыли в Саутгемптон. Наконец миссия вышла из вагона на вокзале Ватерлоо после десяти месяцев кругосветного путешествия в сорок тысяч миль. В интервью для «Таймс» Арчи сказал: «Путешествие было успешным. Нас всюду очень тепло встречали, мы полностью удовлетворены результатами нашей работы. У нас было очень напряженное время, и мы рады снова вернуться домой, но нимало не жалеем о проделанном пути и потраченном времени». Менее дипломатичными, но более красноречивыми были заметки, сделанные на меню праздничного ужина в честь Дня благодарения, в последнюю ночь на «Маджестике». Под перечнем деликатесов (устрицы, то-

матный суп-суфле, яйца-пашот, телячьи почки, жаркое из индейки с клюквенным соусом, салат, сладкие пирожки и десерт) майор Белчер и его коллеги вынесли свой честный вердикт. Под своей размашистой, два раза подчеркнутой подписью Белчер написал: «Forsan et haec olim meminisse juvabit» — цитату из первого тома «Энеиды»: «Возможно, когда-нибудь придет день, чтобы с удовольствием вспомнить все это»; Арчи под своей добавил более скромно, но тоже по-латыни, подражая своему бывшему учителю: «Finis itinegum» — конец путешествия; Агата, вспомнив австралийский сленг, нацарапала: «Классно! Шикарно! Самое оно!»; а под подписью Фрэнсиса В. Бейтса стоят три буквы кладбищенской аббревиатуры: «R.I.P.» («Requiescat in pace»¹).

Глава 9

«Пора братья за пятую»

За пять лет, прошедших после путешествия, Агата из малоизвестного нештатного автора газетных и журнальных публикаций, пишущего больше ради забавы, чем ради денег, превращается в профессионального литератора, имеющего имя и писательским трудом зарабатывающего на жизнь. Ей пришлось на собственном опыте убедиться, что мастерство приходит не сразу, что его оттачивание требует времени и сил; она поняла, что профессионализм — это еще и защита собственного имени, и соблюдение договорных сроков, даже когда тебе самому опротивело собственное творение.

Первоначально Агата и не думала становиться профессиональной писательницей. То, почему она начала писать, легко объяснить живостью и одаренностью натуры, оказавшейся в определенных обстоятельствах. Сложнее понять, почему ее потянуло в профессионалы. Вероятно, дело в ее природной практичности. Она всегда занималась делами, приносящими практический результат, — будь то стряпня, работа в саду или уход за цветами. По-видимому, ей было неинтересно писать рассказы, просто чтобы складывать их в стол. Весьма сдержанной и даже скрытной, ей было легче выражать свои чувства опосредованно, и дело тут ни в чопорном воспитании — просто Агата, как мы помним, сама была «не склонна распространять информацию», она пред-

¹ Покойся в мире (*лат.*) — общепринятая надпись на надгробиях в англоязычных странах.

почитала сначала хорошенько подумать, сделать собственные выводы. И тогда уже все мастерски рассказать. Ибо публичное признание ей все-таки очень нравилось.

В то время, когда Агата по предложению Клары показала свою работу Идену Филпотсу, у нее и мысли не было, что она тоже может стать профессиональным писателем. Ею двигало простое любопытство — узнать его мнение, выяснить, в чем ее ошибки и как их исправить. Но с первых его слов она поняла, что писательство — это такое же ремесло, как и любое другое, и в нем есть методы и приемы. Она начинает учиться не только стилистической технике, но и тем сюжетным приемам, которые привлекли бы к ее произведениям интерес публики. Со временем к ней приходит уверенность, что она знает потребности своих читателей и может писать произведения, которые им понравятся. Ее переписка с издателем показывает растущую решительность и уверенность в себе, а также добросовестность, уже проявившуюся во время длинного путешествия с непредсказуемым Белчером, потребовавшего немалого самообладания.

Мало что способно так подбодрить новичка, как открытие, что его уже воспринимают как профессионала. С профессионализма вмиг слетает весь флер непостижимости, дилетант сознает, что он уже и сам авторитет и может влиять на других и диктовать свои условия. Так случилось и с Агатой, которая, поверив в свои силы, вскоре сумела поставить своего издателя на место. Она обнаружила, что «Бодли Хед» зависит от нее, а не наоборот, и что ее необычный талант может приносить ей деньги. А значит, надо взять инициативу в свои руки и самой вести договорные дела. Ее отношение к собственному имени и авторству тоже стало профессиональным.

Сама Агата в «Автобиографии» практически не останавливается на этой стороне своей жизни, описывая в основном свои семейные проблемы. Когда они с Арчи в конце 1922 года вернулись в Англию, их навалилась масса. Во-первых, Арчи остался без работы, поскольку его старое место оказалось занято, а кроме того, ему пришлось улаживать проблемы Монти. Агата узнала, что когда перед самым их отправлением с миссией Белчера Арчи встретил Монти и его слугу Шебани в Тилбери и привез в меблированные комнаты, которые подыскали для них в Лондоне, Монти попросил не селить их там, а отвезти в излюбленный им роскошный отель на Джермин-стрит. Несмотря на тяжелую болезнь, — врачи предрекали, что ему больше шести меся-

цев не протянуть, — Монти оставался по-прежнему веселым и обаятельным и очень понравился Арчи.

— Почему бы и не поселить его на Джермин-стрит, ведь ему так мало осталось, — заметил Арчи жене.

— Ты не знаешь Монти, — ответила Агата и рассказала о прошлом брата.

После курса лечения в Лондоне здоровье Монти настолько улучшилось, что мать и сестры надеялись, что он сможет прожить еще немало лет — при условии, что будет соблюдать режим и распорядок, предписанный врачами. Его привезли в «Эшфилд», где Клара переделала несколько комнат и пристроила специально для него отдельную ванную — поскольку служанки боялись Шибани и заявили, что они «не могут жить под одной крышей с дикарем» (в провинциальном городке начала двадцатых негр-слуга и правда был экзотикой), а также постарались сделать все возможное, чтобы привести Шибани в лоно христианской церкви.

В своих письмах Агата часто спрашивала про Шибани; они пополам с Медж платили ему жалованье. Это был очень добрый человек, он терпеливо слушал, как служанки читают ему Библию, и с готовностью исполнял любую прихоть своего хозяина, даже самую нелепую (например, поджарить отбивные ровно за час до восхода солнца). Монти постепенно поправлялся, и размеренная жизнь в «Эшфилде» начинала его раздражать. Теперь каждый раз, когда кто-нибудь посторонний заходил в дом, он принимался палить из пистолета, целя то слева, то справа от гостя. Клара совершенно измучилась. Когда через несколько месяцев после возвращения Агаты в Англию Шибани объявил, что ему нужно вернуться к своей семье в Африку, стало ясно, что вопрос с Монти нужно срочно решать. Агата и Медж в складчину за 800 фунтов купили домик в Дартмуре, где поселили брата под присмотром спокойной и невозмутимой пожилой экономки, вдовы врача, которая умело успокаивала Монти и хорошо за ним ухаживала. Итак, после многих передряг одна проблема наконец разрешилась.

Со второй же было сложнее. К началу 1923 года деловая активность в стране резко упала, и тридцатичетырехлетний Арчи никак не мог найти работу. Растерянный и подавленный, он раздражался в ответ на любую попытку Агаты успокоить его. Она страстно хотела помочь ему, но не представляла, как это сделать. Не имея специального образования, сама она не рассчитывала устроиться на работу — спроса на неквалифицированных работников в то время не было. Арчи предложил ей отправиться с Розалиндой к Кларе и

Медж, но Агата наотрез отказалась. Целыми днями она готовила, стирала, убирала — нанять прислугу они не могли, — стараясь не падать духом и поддерживать Арчи. Наконец Арчи все-таки взяли в его прежнюю фирму, а к концу года из Австралии вернулся его старый друг Клайв Бейли и предложил ему место, о котором тот давно мечтал.

Творческая жизнь Агаты с 1923 по 1925 год была в некотором смысле топтанием на месте. Вся энергия растрчивалась в повседневных заботах о дочери и доме, писать удавалось урывками. Вечно возникали проблемы с нянями для Розалинды. Первая, которую девочка называла Куку, оказалась доброй до идиотизма, и Розалинда помыкала ею как хотела, вторая вечно хныкала и жаловалась. С третьей, мисс Уайт (девочка говорила «Сайт»), дело вроде бы пошло на лад. Это была славная, умелая, энергичная семнадцатилетняя девушка, которая с удовольствием играла со своей маленькой воспитанницей. Когда Сайт уехала работать за границу, ее сменила рекомендованная Медж швейцарка Марсель, оказавшаяся мрачной, нервной и начисто лишенной педагогических способностей. С ней и Розалинда стала раздражительной, капризной и плаксивой, так что Марсель долго не задержалась.

По характеру Розалинда была девочкой живой и смышленной, ласковой и красивой и очень непосредственной. Арчи обожал ее, Агата тоже очень любила дочку, но в проявлениях любви была более сдержанной. В «Автобиографии», говоря о своих материнских чувствах, она среди прочего пишет: «В мире нет ничего более волнующего, чем свой собственный ребенок — ведь, в сущности, это таинственный незнакомец. Ты — просто калитка, через которую он вошел в мир, да, ты должна заботиться о нем какое-то время, а потом он покидает тебя и начинает свою собственную самостоятельную жизнь. Это как неведомое растение — приносишь его домой, сажаешь, ухаживаешь и с нетерпением ждешь, что же из него получится».

Это вовсе не значит, что Агата мало занималась дочерью. Она заботилась о ней, переживала за нее и радовалась ее успехам. Но не давила: у Розалинды были свои склонности и способности и свои разочарования, а у Агаты — свои (писательница объясняет это долгим собственным отсутствием, когда девочка жила с Кларой и Медж). Кроме того, в «Автобиографии» Агата делает сомнительное обобщение, что как у кошки после рождения и выкармливания котят материнский инстинкт как бы утоляется, так и у человеческих матерей прочная природная связь с детьми слабеет по мере их

взросления, а потому любая мать с тревогой и одновременно с таинным удовлетворением отпускает ребенка идти своим собственным путем. Две ее детективные повести («Испытание невиновностью» и «Фокус с зеркалами») описывают последствия губительной материнской любви к приемному ребенку, а роман «Дочь есть дочь» повествует о несчастье, к которому привела неумеренная любовь матери к дочери. Было бы пустой тратой времени обсуждать, являются ли эти сюжеты Агаты отражением ее собственного эмоционального опыта, или все они — плод чистой фантазии, и более чем глупость — относить Агату к какому-то особому сорту «матерей-писательниц». Мы можем сказать только то, что к дочери она относилась тепло и нежно, но без экзальтации.

Предположить, что Агата уделяла ребенку мало внимания потому, что все ее время поглощало творчество, было бы упрощением. Никак нельзя сказать, чтобы все ее интересы сводились к книгам, а голова была занята одним только обдумыванием детективных ходов и деталей да перепиской с Джоном Лейном. По ее собственным словам, она сочиняла сюжеты, характеры и человеческие отношения все время, чем бы ни занималась. Однако при всем том, что писала она урывками между стиркой, выговорами няням и присмотром за Розалиндой, Агата воспринимала писательский труд очень ответственно, а свое творчество рассматривала как нечто цельное: синтез прежних достижений, сегодняшних усилий и будущих перспектив.

В конце 1922 года Агата в своем письме из Канады уже рассуждает по поводу будущих прибылей от рукописей, отправленных Джону Лейну. В 1923 году вслед за «Таинственным противником» было опубликовано «Убийство за кулисами». Из экспедиции Агата прислала домой сборник коротких рассказов про Эркюля Пуаро, предварительно озаглавленный «Пуаро расследует» и переименованный Лейном в «Серые клетки мосье Пуаро». Сначала эти короткие рассказы были по отдельности опубликованы в «Скетче», а потом Агата отправила их Джону Лейну вместе с «Видением», большой книгой, написанной несколькими годами раньше. Она радостно сообщила Кларе:

«Он посоветовал не откладывать публикацию, поскольку считает, что это уже готовая и вполне стоящая книга. Итак, пора браться за пятую».

Этой пятой был «Человек в коричневом костюме», первоначально названной «Тайна «Мельницы» — в угоду Белчеру,

которому хотелось детективной истории о его собственном поместье, называвшемся «Мельница», и о нем самом, — только не в качестве жертвы! В самом деле, образ самодовольного и чванливого сэра Джастиса Педли («Дай ему титул, — предложил Арчи, — он будет очень доволен») весьма напоминает Белчера. Сюжет «Человека в коричневом костюме» навеян драматическими событиями, свидетельницей которых Агата оказалась в Претории. В этом произведении, как и в «Таинственном противнике», речь идет о тайной и могущественной международной организации, занимающейся торговлей оружием, медикаментами, драгоценностями, произведениями искусства, живым товаром, организации, в руках у которой мощнейший ресурс — деньги. Тема денег звучит в новой книге еще мощнее, чем в «Таинственном противнике», — деньги, перемещающиеся по невидимым секретным каналам, деньги, за которые можно не только получить все радости жизни, но и перекроить мир и сокрушить чужие судьбы. Агата успела изведать их силу и на своем опыте, и на примере жизни всех Миллеров.

Глубоко личным и прочувствованным является и другой сквозной образ — задумчивой и печальной молодой женщины, энергичной, но разочарованной, причем не личной драмой, а отсутствием денег. У Таппенс в «Таинственном противнике» нет работы; Энни в «Человеке в коричневом костюме» после смерти отца остается без средств к существованию. В некоторых книгах Агаты этим юным женщинам поначалу приходится побывать в оперенье гадкого утенка, прежде чем стать грациозным лебедем; в других они — белокрылые гордые птицы с самого начала. Храбрые, пронырливые, находчивые, мужественные и стойкие, они бросаются в авантюры по воле судьбы или собственной неугомонной натуры. Однажды ввязавшись в приключения, они становятся помощницами или союзницами мужчин, которые сначала лишь снисходительно принимают их преданность, а в конце концов с благодарностью признают, что без них не обойтись.

В «Бодли Хед» получили рукопись «Человека в коричневом костюме» в конце 1923 года, именно с этого времени издатели начинают понимать, что Агата Кристи уже не такой покладистый автор. Ее отношения с Джоном Лейном меняются, тон ее писем за ноябрь-декабрь в «Бодли Хед» становится куда более уверенным. Для этого есть причины — договор на публикацию «Пуаро расследует», виды издателя на «Человека в коричневом костюме» и ее долгосрочный кон-

тракт. К тому времени когда «Пуаро расследует» заинтересовал издателя, она уже не принимает с восторгом любое его предложение. В своем письме от 1 ноября она с достоинством осведомляется о предполагаемых сроках издания. Коллега Джона Лейна мистер Уиллет также столкнулся с весьма дотошным отношением молодого автора к предложенным ему условиям — в своем письме от 4 ноября Агата заявляет, что из контракта на «Серые клетки мосье Пуаро» она хотела бы исключить права на экранизацию, постановку и продажу за рубеж. Пять дней спустя она просит внести вполне определенные исправления в проект контракта (убрать некоторые пункты) и недоумевает, почему ей полагаются всего десять процентов потиражных при издании «Клеток» в дешевой массовой серии. В ее письме от 4 декабря явственно звучит металл. В отношении уступки прав на публикацию в Индии она пишет:

«Я полагаю, Вы не станете выдвигать возражений по этому поводу, но в соответствии с Вашей просьбой в письме от 12 ноября я непременно проконсультируюсь с Вами, прежде чем принять предложение».

В середине декабря она уже делает одолжение издателю, возвращаясь к той же проблеме:

«Единственное, что бы я хотела спросить, превратится ли страховая компания в гарантийную компанию и выделят ли курсы на странице пятьдесят два... Я предпочитаю мое первоначальное название «Пуаро расследует», Вы писали, что оно Вам тоже нравится, так почему бы не остановиться на нем?»

Переписка не прекращалась до мая 1926 года, когда Агата «вынуждена была написать мистеру Уиллету «относительно ошибки» (десять процентов вместо двадцати) в присланном ей счете за продажу двенадцати экземпляров издания, — издатель те же торгующи, и с ними надо держать ухо востро.

При издании книги «Человек в коричневом костюме» впервые встал вопрос об оформлении обложки — изображенный на ней эпизод, как пишет Агата Уиллету в июне 1924 года, «по-моему, больше походит на грабеж и убийство на большой дороге в средневековые времена, чем на сцену в метрополитене. Я-то имела в виду нечто внятное, конкретное и вполне современное. Может, у художника такой стиль, но мне кажется, что он вообще вряд ли сможет сделать так, как мне бы хотелось». Уиллет протестует, и пару дней спустя Агата написала «Я не просила у Вас «эскиза» (как Вы вы-

разились) обложки, но судя по нему, это темное нечто вряд ли будет похоже на станцию метро. Я думаю, что если бы на заднем плане была глянцевая белая плитка, получилось бы намного лучше». Агату всегда отличала высокая требовательность к внешнему виду своих книг, что впоследствии отметил ее новый издатель Коллинз.

Итак, с осени 1922 года дела Агаты пошли в гору. Из письма домой видно, с каким нетерпением она ждала подходящего момента, чтобы пристроить свою последнюю книгу. Неудивительно, что «Бодли Хед» отказалось от сильно увеличившегося в объеме «Видения». Агата и сама не особенно надеялась, что книгу примут, и даже писала матери, что она ее отправила «для счета» (под номером три). Согласно ее расчету, сборник «Пуаро расследует» должен был быть ее четвертой книгой, а «Человек в коричневом костюме» — пятой, после чего она наконец освободится от каменных договоренностей. «Бодли Хед» упорно сопротивлялось. Издатели не только не собирались принимать в расчет «Видение», но также отказывались включить «Пуаро расследует» в общее число, обусловленное договором, поскольку некоторые из рассказов сборника ранее публиковались в периодике. Агата боролась не жалея сил, видя, что позиции у «Бодли Хед» весьма слабые, и с помощью «Видения» хотела «додавить» издателей:

«Я не могу понять, почему Вы отказываетесь считать это произведение в ряду пяти, оговоренных в основном контракте. Опубликовать ее было бы весьма разумно и целесообразно. Возможно, Вы правы, считая, что это повлияет на объем продаж моих детективных романов... Тем не менее я определенно не намерена подписывать этого контракта на мои рассказы, в котором Вы оговариваете в качестве особого условия, что они не будут засчитываться в качестве очередной книги до окончания сроков основного контракта, прежде чем мы с Вами не внесем ясность в пункт относительно «Видения».

Она выторговала «Пуаро расследует», но проиграла «Видение». Теперь «Бодли Хед» больше нуждается в Агате, чем она в них. У рядового английского читателя все большую популярность приобретает сам жанр, в котором она работает — незатейливые повести и романы с небольшим количеством действующих лиц, короткими главами, ненавязчивыми сентенциями и психологическими проблемами как ключом к разгадке. Триллеры и детективные рассказы Агаты при их стилистической простоте необыкновенно занимательны.

Писательница никогда не ставила своей целью пугать нервного читателя, однако ее книги с самого начала привлекают особое внимание и с каждым годом становятся все популярней. Самые известные журналы («Гранд мэгэзин», «Блу бук мэгэзин», «Ройял мэгэзин», «Новел мэгэзин» и «Стори теллер») наперебой стремились заполучить ее произведения, а это подогревало интерес ее издателя. Со стороны «Бодли Хед» последовали некоторые намеки на новый контракт.

Агата ощутила прочность своего положения. Ее теперь донимали не только издатели, готовые печатать ее произведения, но даже налоговое управление проявило к ней свой интерес — явился налоговый инспектор с вопросами о ее литературных заработках. Это ее очень удивило, поскольку деньги за свои книги она считала «случайными доходами». Тогда она решает проявить практичность и поручить вести свои дела профессиональному литературному агенту. После возвращения из экспедиции она узнала о существовании «Общества авторов», но все-таки решила обратиться в литературное агентство Хьюза Мэсси — то самое, которое ей некогда рекомендовал Иден Филпотс.

Грозный Хью Мэсси к тому времени уже умер, и Агату принял его преемник Эдмунд Корк — высокий элегантный молодой человек с очаровательной лукавой улыбкой, делавшей его похожим на ласкового, но хитрого кота. В том, как держался мистер Корк, не было ни снисходительности, ни пугающей надменности, ни приторной сердечности. Он оказался корректным, внимательным и очень рассудительным, а то, что он немного заикался, сразу расположило к нему Агату. К тому же она была старше его на пару лет и уже имела опыт публикаций, поэтому, отбросив все сомнения, она доверилась Корку, и тот в течение последующих пятидесяти лет был ее верным помощником, способствовал как мог во всех ее начинаниях и успокаивал ее сомнения. Лучшего агента нельзя было и желать: Агата смогла вверить ему все самые сложные проблемы своей деловой жизни — он вел дела с агентами издательств, налоговыми инспекторами и адвокатами, вникал в детали театральных постановок и экранизаций и вообще взял на себя всю черную работу. Она доверяла ему не только за его осмотрительность и здравый смысл, но и потому, что он никогда не навязывал ей своего мнения. Эдмунд Корк прошел хорошую школу у Хью Мэсси и научился сдержанности и соблюдению известной дистанции в отношениях с клиентом — правилу, которому неукоснительно следовал всю жизнь.

Корк был буквально потрясен существующим контрактом Агаты, установленными в нем сроками и ее мизерным гонораром. Это радовало. Он развернул перед молодым автором увлекательные перспективы, много говорил о правах на экранизацию и постановку, на первую и повторные публикации в периодике, о переводах на другие языки и тому подобном. Хотя Агата и не воспринимала все это слишком серьезно, но тон ее писем к мистеру Уиллету сильно изменился. Идеи Корка, а возможно, и его рука чувствуются в обстоятельных письмах, благодаря которым удалось вернуть в перечень пяти книг «Видение» и изменить условия договора на «Человека в коричневом костюме».

В полезности литературного агента Агату убедили и литературные дела ее сестры. В конце 1923 года Медж написала пьесу, имевшую все шансы стать хитом. В ее основу легла знаменитая скандальная история, когда в 1873—1874 годах некий авантюрист, называвший себя сэром Чарлзом Тичборном, добивался своих прав на титул барона, семейное поместье и годовую ренту в 25 000 фунтов. Пьеса «Претендент» была смесью всего того, что обожала Медж: переодеваний, масок, обмана и атмосферы чинных викторианских званных вечеров, в которой понемногу накапливается тревожное, напряженное ожидание. К изумлению семьи и даже самой Медж, актер и режиссер Бэзил Дин тут же берется поставить пьесу в театре «Сент-Мартин» в Вест-Энде осенью 1924 года.

Сюжет был запутанным; а труппа — талантливой, но совершенно неуправляемой. Вскоре стало ясно, что понадобится согласие Медж на некоторые изменения в тексте, а главное, что не помешал бы хороший литературный консультант, который мог бы свести воедино замысел автора, постановщика и исполнителей. Медж переехала в отель «Браун» на Пиккадилли и проводила выходные с Арчи и Агатой, так что молодая писательница слышала все подробности закулисных передраг от самого Москитика. К слову сказать, среди персонажей пьесы была личность вполне узнаваемая — Чарлз (его играл Дин) — сообщник Претендента по вымогательству, в образе которого Медж вывела черты их кошмарного, но горячо любимого брата. «Каким-то таинственным образом, — писала Медж, — Бэзил Дин смог в точности изобразить Монти, его движение, как-им он берет деньги, и даже интонацию, когда он говорит: «Никогда не считай медяки. Никогда».

Однажды утром с согласия Медж сестер сфотографировали для прессы. Фотография получилась замечательная:

взволнованная, деловая Медж, центр общего внимания, жена респектабельного манчестерского бизнесмена, эксцентричная и бесшабашная, и Агата — спокойная, застенчивая, чуточку забавная и все подмечающая. Теперь уже Агата известна больше, чем сестра. Как великодушно рассказывала потом Медж мужу и сыну: «Когда глава пресс-бюро обратился ко мне по поводу интервью, я сказала, что не хочу, чтобы меня узнали. Он сказал мне, что все будут очень рады... но после представления он уже не захотел рекламировать ни меня, ни то, что я написала. Все, что я ему сказала, — это что я сестра миссис Агаты Кристи. Тогда он просто взял и прочитал все ее книги. Так что лучше всего было бы, — добавила Медж, вспомнив знаменитую пару исполнительниц чарльстона, — подписать тот снимок: «Сестры Долли».

Первое представление «Претендента» прошло 11 сентября, и хотя спектакль долго не продержался, сама подготовка к нему была счастливейшим временем. Агата искренне радовалась недолгому, но бурному успеху Медж, хоть и не демонстрировала своего восторга как человек воспитанный и к тому же застенчивый. Мнение публики и прессы не имело для сестер никакого значения, Медж и Агата писали для собственного удовольствия, соревнуясь друг с другом, — и, разумеется, ради денег тоже. Агата посылала экземпляры своих книг с дарственной надписью друзьям и знакомым, Медж заказывала для них ложи и кресла в театре «Сент-Мартин». Для обеих все это оставалось немного игрой и авантюрой, которая, к их великому удивлению, воспринимается другими всерьез. Обе были взрослыми женщинами, для которых писательство стояло на втором месте — и по их собственному мнению, и по мнению их мужей, — а на первом, естественно, дом и дети. Обе одинаково обрадовались и смущались, очутившись в мужском мире театральных и издательских интриг. Медж помогало то, что она — сестра писательницы Агаты Кристи, а той, в свою очередь, — что она сестра Медж Уотс, автора «Претендента».

Агате исполнилось тридцать четыре — возраст полного физического и духовного расцвета, когда к человеку приходит наконец уверенность в собственных силах. Как только Арчи получил обещанную ему Клайвом Бейли работу, они с Агатой решили осуществить свое давнее желание и найти домик в деревне (страсть Арчи к гольфу сыграла в этом не последнюю роль). После долгих поисков они поселились не в домике, а в большой квартире в доме под названием «Скот-

вуд», в городке Санингдейл, что в тридцати милях от Лондона. В начале двадцатых Санингдейл был «краем биржевых маклеров» — городком зажиточным, спокойным и скучным. Здесь у Агаты не было ни друзей и родных, как в Торки, ни театров и музеев, как в Лондоне. Зато был сад для Розалинды, а для Арчи — прямое железнодорожное сообщение с лондонским Сити плюс возможность играть в гольф. А кроме того, в «Скотвуде» была еще одна свободная квартира. В ней спустя некоторое время Агата поселит Клару, чье здоровье начинало внушать ей серьезные опасения. Здесь у Агаты все очень хорошо устроилось с домашними делами и с Розалиндой. После трудностей с Марселью она искала такую помощницу, которая могла бы заниматься с Розалиндой, а по утрам, пока девочка в школе, выполнять обязанности секретаря и машинистки. Зная, что шотландцы славятся дисциплинированностью и ответственностью, она приписала в объявлении: «Предпочту шотландку». Из всех претенденток она выбрала мисс Шарлотту Фишер, высокую, статную темноволосую девушку двадцати с лишним лет, спокойную и честную, веселую, неглупую и образованную дочь священника — ее отец был одним из капелланов короля в Эдинбурге. Мисс Фишер, или Карло, как скоро стали называть ее все в семье, немедленно взялась за Розалинду и «укротила демона», превратив девочку в прежнего славного и послушного ребенка. Что же до секретарской работы, то тут не все получилось так, как планировала Агата. Как только Карло садилась рядом, чтобы писать под диктовку, Агата начинала нервничать — она чувствовала себя намного увереннее в одиночестве за своей старенькой «Короной». Тогда Карло стала заниматься ее письмами, счетами и документами и держала все в безукоризненном порядке, а самое главное, она превратилась в настоящего друга, наперсницу и верного пса.

Главным событием этого счастливого времени стало приобретение собственного автомобиля. «Ивнинг ньюс» предложила пятьсот фунтов за право публикации «Человека в коричневом костюме». На эти деньги Агата собиралась купить необходимые для светской жизни вещи — «новое вечернее платье, золотые или серебряные вечерние туфли вместо старых черных и еще что-нибудь роскошное, вроде нового велосипеда для Розалинды». Но Арчи предложил купить автомобиль. Для Агаты это явилось одним из самых больших удовольствий в жизни. Иметь автомобиль было приятно не только потому, что он «раздвигает горизонты», как писала Агата в

«Автобиографии», но и потому, что в те времена он все-таки оставался редкостной диковиной. Казалось чем-то вроде чуда, что машина едет туда, куда хочешь ты, причем в нужное тебе время, что она полностью тебе покорна. Агату пьянило чувство свободы, которое давала машина. К тому же куплена она была на деньги, заработанные Агатой, отчего собственная независимость ощущалась еще острее.

Интересно, что именно муж предложил купить, а потом научил Агату водить автомобиль. Взбалмошный, немножко нервный Арчи, управлявший аэропланом еще в 1910 году, прекрасно знал упоительную свободу, которая приходит, когда держишь штурвал и машина в полной твоей власти. Он понимал, что Агата уже вполне созрела для того, чтобы испытать и по достоинству оценить это чудесное ощущение. Возможно, за этой его инициативой стояло нечто большее. Вспоминая самые первые уроки вождения, Агата говорила, что Арчи заверил ее: «Если ты чего-то хочешь, то всегда добьешься». Может, он подсознательно чувствовал, что придет пора — и ей захочется независимости, так что он не сможет ее удержать? Версия фантастическая, но в принципе возможная, особенно в свете решения, принятого четой Кристи пару лет спустя, когда Арчи и Агата убедились, что они гораздо богаче, чем предполагали. Агата предложила завести второго ребенка, а Арчи — купить новый автомобиль. Агата видела, что Арчи буквально очарован соседским «бенгли», но не исключено, что у него были и другие мотивы, подсознательные: супруги Кристи разъедутся в разные стороны, каждый из них выберет свою дорогу.

Агата почувствовала себя настолько уверенной и в творческом, и в финансовом отношении, что решила наконец опубликовать за свой счет свои стихи. В 1924 году Джеффри Блесом был напечатан сборник «Дорогой мечты», и очень скоро она получила доброжелательное письмо Идена Филпотса, который был в восхищении от «Маски из Италии» — цикла стихотворений про Арлекина и Коломбину, написанных десять лет тому назад. *«У вас задатки лирического поэта, — писал Филпотс, — и я надеюсь, что у вас найдется время для развития этого дарования».* Он пожелал книге успеха у читателей, но предупредил: *«Увы! Люди не покупают поэзию!»* Филпотс оказался прав — уже в шестидесятых литературные агенты слали писательнице запросы: что делать с так и нераспроданными экземплярами ее стихотворного сборника?

К этому времени Корк уже вел литературные дела Агаты. Он обсудил условия ее работы и оплаты с Годфри

Коллинзом, который предложил 200 фунтов аванса за каждую из трех следующих книг и солидные гонорары. Когда Корт упомянул об этом Джону Лейну, тот сердито заметил, что Агата уйдет ко всякому, кто заплатит такие огромные деньги. В январе 1924 года с Коллинзом был подписан авансовый договор на три книги, хотя Агата задолжала еще одну, последнюю книгу по контракту с «Бодли Хед». Это была «Тайна замка Чимниз», колоритный триллер, в котором много узнаваемых образов и описаний; там есть некоторые впечатления от Булавайо, и воспоминания об «Эбни»; инспектор Баттл (появляющийся впервые) напоминает инспектора Бакета из диккенсовского «Холодного дома»; в чем-то ее роман перекликается с некоторыми романами Джона Бьюкена¹ и ее собственными смутными воспоминаниями о замке Котрэ во Франции, увиденном в детстве. В «Автобиографии» она признается, что описанные в книге приключения были только «отзвуком» тех далеких и плохо сохранившихся в памяти событий, которые словно «выплывали» из ее подсознания.

Летом перед появлением «Тайны замка Чимниз» Агата вновь посетила Котрэ, чтобы показать Арчи те места, где была когда-то счастлива. В том, что их мнения о замке разошлись, нет ничего неожиданного («Мне не понравилось», — как всегда лаконично черкнул Арчи под письмом Агаты). Агата очень выразительно живописует их с Арчи далеко не комфортабельное путешествие: в целях экономии всю дорогу от вокзала Виктории они ехали вторым классом, и соседями была «парочка молодых испанцев, которая не переставала обниматься всю дорогу». Прогулки и пикники в Пиренеях скоро улучшили их настроение; Кристи поднимались в горы, бродили по цветущим лугам, пили из горных источников и совершили несколько экскурсий в дилижансе (первые страницы «Тайны замка Чимниз» как раз описывают этот вид развлечения). Фотография в альбоме запечатлела бодрую Агату и бесстрастного Арчи, прикрывшегося рукой, будто пытаясь отгородиться от происходящего. Из Котрэ они отправились в Сан-Себастьян, где днем купались, а вечера проводили в курзале за картами. Арчи, привыкший рано ложиться спать, шел к себе, как только начиналось музыкальное шоу, — в десять пятнадцать. К концу путешествия оба настолько расслабились,

¹ Бьюкен Джон (1875—1940) — шотландский романист и исторический писатель, а также известный политический деятель; одно время занимал пост генерал-губернатора Канады.

что оставили мысли об экономии и домой отправились первым классом.

Арчи и Агата благоразумно старались не надоедать друг другу, хотя Агате приходилось труднее. Теперь у нее не было своей компании, с которой можно было бы проводить выходные. По ее выражению, суббота и воскресенье были «самыми скучными и длинными днями», а сама она — «вдовой гольфа», поскольку эти дни Арчи целиком посвящал любимой игре. Большинство ее подруг были замужем, и приглашать их к себе без мужей или принимать в одиночку считалось неприличным. Единственными людьми, которые не раздражали Арчи, были Нэн, сестра Джеймса Уотса, и ее второй муж, поскольку он отлично играл в гольф. Друг Арчи Клайв Бейли жил по соседству, и Агате нравилась его жена Руби, но остальное общество Санингдейла было совершенно не в ее вкусе: «...люди средних лет, помешанные на своих садиках и ни о чем другом говорить не способные, и «золотая молодежь», много пьющая, которая не нравилась ни мне, ни Арчи». В сравнении с Лондоном или уютным Торки Санингдейл, по выражению Шарлотты Фишер, был «отвратительным местом, самодовольным, опрятным и унылым».

Позже Агата изобразит этот период своей жизни и крушение семьи в «Неоконченном портрете»; кое в чем она отступает от собственной истории — вечерами Дермут в отличие от Арчи сидел дома, «читая книги по финансовым вопросам», — но картина одиночества и разочарования Силии полностью передает состояние Агаты в то время. Проблема заключалась не в том, что Агата не знала, чем себя занять, а в том, что уже долгое время она была замужней женщиной и могла быть принята в обществе только в сопровождении мужа, но единственной страстью мужа был гольф, и все свое время он проводил только с фанатиками этой игры. А ей просто-напросто надоело одиночество — ни друзей, ни приятелей, ни привычного круга общения. Конечно, легко возразить, что выгод в ее тогдашнем положении было значительно больше — статус замужней дамы, смысленный, развитой ребенок, просторное и прекрасно обставленное жилье в спокойном и чистом месте вблизи Лондона, но без его шума и суеты; у нее был собственный автомобиль и куча свободного времени. Сотни женщин в подобных обстоятельствах не просто довольны, а счастливы, им вполне хватает дома и сада, они не ищут приключений на свою голову и не рвут своими руками мирный ук-

лад собственной жизни. Иногда, правда, они ссорятся с мужьями, но чаще обсуждают чужие счета и чужие поступки. Они всегда при деле.

А Агату утешала работа. Вместо того чтобы надоедать Арчи своими жалобами и попреками, она играла, общаясь со своими героями. Пусть муж не уделяет тебе должного внимания — ты сама можешь привлечь к себе всеобщее внимание, вызвав горячий интерес и нешуточные переживания у своих читателей. И вот в начале 1926 года Агата пишет следующую книгу — «Убийство Роджера Экройда».

«В ней я воспользовалась хорошим советом, — позже признается Агата, — которым я обязана моему зятю Джеймсу Уотсу». В «Автобиографии» она поясняет, что Уотсу принадлежит идея сделать Ватсона убийцей. Конечно, самым поразительным было не то, что Агата сделала преступником самого рассказчика, чем легко ввела в заблуждение многочисленных читателей, критиков и писателей; дело в самой необычности изложения: замкнутый круг людей с четким разделением на жертв и подозреваемых, в котором количество возможностей и вариантов весьма ограничено.

Одним из тех, кому похожая идея пришла в голову, был лорд Луи Маунтбэттен, который написал открытое письмо Агате 28 марта 1924 года, послав его в редакцию «Скетча». В этой газете он прочел рассказы про Пуаро и теперь, рассыпаясь в комплиментах, умолял принять его предложения для еще одной истории про Пуаро. «Изыюмкой» в его сюжете было то, что рассказчик должен сам оказаться преступником, а его алиби состоит в том, что «в момент совершения преступления он находился рядом с величайшим из живущих детективов», так что обвинение пришлось бы предъявить самому детективу. Маунтбэттен приложил к своему письму подробное изложение сюжета, детали которого раскрывались в письмах между Пуаро, Гастингсом и человеком, причастным к убийству. *«В заключение, — написал Маунтбэттен, — лорд Луи (все письмо было написано от третьего лица) просит прощения за свое письмо незнакомой ему женщине и, естественно, не ждет, что миссис Кристи использует этот сюжет, если он ей не понравится. Сам он никогда не воспользуется этим сюжетом, поскольку, будучи морским офицером, не имеет времени писать что-нибудь, кроме коротеньких рассказов в журналы, для которых прилагаемый материал совершенно не подходит».* Почти полвека спустя, в ноябре 1969 года, лорд Маунтбэттен снова написал Агате. После поздравлений автору по поводу успеха ее пьесы «Мышелов-

ка» он упоминает о своем давнем письме. Ответ Агаты был искренним и благородным:

«В течение многих лет меня преследовало время от времени чувство какой-то вины: «Отблагодарила ли я Вас за то давнее письмо?» И какое-то неловкое чувство, что я написала Вам письмо, но, возможно, забыла отправить его. Было облегчением узнать, что я его все-таки отправила. ...Идея «Это сделал доктор Ватсон» пришла ко мне сразу из двух источников. Как-то раз мой зять заметил, что «однажды получится так, что доктор Ватсон окажется убийцей», на что я ответила: «Это будет ужасно трудно сделать чисто технически», но всерьез его соображения как-то не приняла. Но очень скоро я прочитала Ваше письмо, в котором, если я правильно помню, излагалась самая интересная фабула... И тогда Ваша мысль показалась мне очень привлекательной (никто никогда такого не делал!), я только сомневалась, справлюсь ли. Но это был вызов! Идея засела у меня в подсознании, и я наконец вгрызлась в нее, как собака в кость».

Это письмо воодушевило лорда Маунтбэттена. Он ответил немедленно, поздравив Агату «за самую прекрасную разработку моей идеи в «Убийстве Роджера Экройда». Эту книгу я считаю самым лучшим из когда-либо написанных детективов». Он также поблагодарил Агату за предложение прислать последнюю книгу, попросил надписать ее и, «если можно, упомянуть наш необычный контакт сорок пять лет тому назад в связи с замыслом «Убийства Роджера Экройда», что Агата любезно сделала. Так что довольны остались все, даже, наверно, стусевавшаяся тень добрейшего Джеймса Уотса.

В конце весны 1926 года «Убийство Роджера Экройда» было опубликовано в Англии издательством Коллинза, а в Америке издательством «Додд и Мид», которые в 1922 году перекупили фирму Джона Лейна. Мастерство Агаты всегда вызывает удивление и восхищение. А в двадцатые годы детективы были существенной частью основного круга чтения широкой публики, и та уже привыкла к неписаным правилам жанра, позже зафиксированным в «Правилах Клуба детективов», — автор не должен пользоваться такими приемами, как божественное откровение, женская интуиция, стихийное бедствие и т. п. для определения преступника. Поэтому «Убийство Роджера Экройда» с его Ватсоном-убийцей вызвало бурю страстей. Некоторые критики выступили с гневным осуждением — «Ньюс кроникл» назвала книгу

«безвкусицей, неудачной работой и разочарованием в авторе»; один читатель даже написал жалобу в «Таймс». Выход в свет этой книги стал поворотным пунктом в писательской карьере Кристи. Уловка, примененная в «Убийстве Роджера Экройда», была не просто предметом обсуждения, она сделала Агату знаменитой. Люди, жившие в двадцатые — тридцатые годы, позже вспоминали споры вокруг этой книги — честно ли поступил автор, действительно ли он выложил перед читателем все улики, — но их воспоминания постоянно смешивались с воспоминанием о большом публичном скандале, в центре которого Агата оказалась в тот же год. Людская память — вещь вообще довольно странная, именно в этом корень стольких мифов и небылиц.

После чопорного письма в «Таймс», сентенций и пустой болтовни в газетах, в среде обывателей и в высшем обществе складывается смутное впечатление, будто миссис Кристи — особа ловкая и весьма корыстная. Под этим углом зрения публика взглянет потом на личную драму Агаты. Рассуждения о книге во всех воспоминаниях незаметно переходят в рассуждение о ее авторе, так что теперь, много лет спустя, уже не поймешь, что первично: волнение из-за «Роджера Экройда» или досужие сплетни.

Глава 10

«Я не уверен, что она сознает, кто она такая»

У пресловутого исчезновения Агаты могло быть много причин. Довольно трудно объяснить, почему она это сделала, но можно предположить, что решающим фактором оказалось нервное перенапряжение. Чтобы разобраться в этом происшествии, необходимо вникнуть не только в мотивы Агаты, но и в отношении к этому поступку и в то время, и даже сейчас. История, разумеется, некрасивая, но показывающая не с лучшей стороны не только Агату, чье душевное состояние все-таки можно понять, но — и прежде всего — тех, кто раздул сплетню до масштабов бульварной легенды. Более полувека спустя именно она легла в основу сценария явно надуманного фильма «Агата». Само событие, бесспорно, имело место, оно много раз обсуждалось и объяснялось и дилетантами, и профессионалами и

до сих пор интересует многих. Поэтому предшествующие ему события, весьма интересные сами по себе, отчасти могут пролить свет на эту скандальную загадку.

К концу 1924 года Агату до того одолело чувство неустроенности и одиночества, что неодолимо захотелось что-то изменить. Она, как обычно, взглянула на вещи практически: «Хотя в «Скотвуде» мы чувствовали себя довольно уютно, были там определенные неудобства. Оборудование оказалось весьма ненадежным. Нас донимали вечные проблемы с электропроводкой, обещанная в рекламе «горячая вода круглосуточно» не была ни горячей, ни круглосуточной; вообще масса проблем...» (В первом варианте «Автобиографии» говорится, что одной из проблем было «слишком большое количество автомобилей».) В доме повеяло тоской и разрухой, нужно было что-то предпринимать, но Арчи заявил, что можно, конечно, оставить «Скотвуд», но из Санингдейла они не уедут, нужно купить дом именно здесь, потому что «отсюда очень удобно добираться до Лондона, а теперь здесь «Вентуорс» открывает новые поля для гольфа».

Агата не возражала. Возможно, перспектива покупки дома показалась ей настолько заманчивой, что мигом отпустила все сомнения. Кроме того, она всегда с готовностью поддерживала любые планы Арчи. Отчасти же дело могло быть и в том, что ее отношения с гольфом неожиданно улучшились. В финале женского турнира в Санингдейле она встретилась с противницей, играющей примерно так же, как она, и такой же нервной. Агата, совершенно отчаявшись победить, расслабилась и выиграла серебряный кубок. Миссис Кристи 1926 года не сильно отличалась от Агаты Миллер пятнадцатилетней давности, убеждавшей себя, что сможет разделить идеи Уилфреда Пири. Даже когда они с Арчи пришли к выводу, что дом (даже самый дешевый) им не по карману, тем не менее Агата приобрела акцию «Вентуорса» за 100 фунтов, которая, как трогательно замечает писательница, «даст мне право играть в гольф по выходным на тамошних полях. Поскольку, — храбро добавляет она, — там будут две группы, можно будет играть в той, что послабее, и не слишком расстраиваться. Пока в Санингдейле функционирует школа «Вентуорса», у меня по крайней мере будут противники, которые мне по силам».

Дом, в котором они в конечном счете поселились после многочисленных осмотров, привлек Арчи в основном своей близостью к вокзалу, а Агате понравился окружавший его сад. Цена была сносной, хотя более высокой, чем они мог-

ли себе позволить, поскольку в то время цены на недвижимость резко подскочили. Сам же дом показался Агате каким-то претенциозным и тоскливым: «Нечто в излюбленном миллионерами стиле отеля «Савой», только в деревне, — дорогие панели с позолотой и многочисленные ваннные комнаты, туалеты при спальнях и прочие роскошества». Она утешала себя тем, что когда их финансовое положение улучшится, они смогут переделать интерьер на свой вкус — она тосковала по привычным вещам и мебели. Прелести сада несколько компенсировали недостатки дома. Он был большим и ухоженным, с азалиями и рододендронами и с лужайкой, окруженной ручейком с водяными растениями, где могли играть Розалинда и Джуди, дочка Нэн. В конце сада был небольшой огород, а за ним начинались заросли кустарника.

Дом у местных жителей считался несчастливим. Агата узнала, что из трех живших в нем семейных пар одна разорилась, в другой умерла жена, а третьи развелись и уехали. Агата и Арчи начали с изменения названия дома. Арчи предложил название «Стайлз», в честь первой книги, которая «начала приносить удачу в жизни». Он, конечно, рассчитывал сделать приятное Агате и уверял, что с новым названием и сам дом принесет им счастье. Вряд ли он при этом задумывался о странных событиях, происходящих в романе «Таинственное происшествие в «Стайлз». К тому же в предложении Арчи слышится какая-то фальшь, как будто само собой разумеется, что дом принадлежит Агате, а не им обоим; согласие же Агаты означает, что она приняла это название, поскольку вдвоем они не смогли бы придумать ничего получше. На стену в гостиной они повесили довольно примечательный рисунок — обложку книги Агаты, подготовленную издательством «Бодли Хед». Эта картинка не из тех, рядом с которыми можно чувствовать себя уютно, и не только потому, что она надуманна и бездарно выполнена, но и потому, что она невероятно зловещая. На черном фоне из-за драпировок цвета морской волны выглядывает странная фигура в ярко-алой мантии с ввалившимися глазами и ужасом на лице. Пламя свечи озаряет еще один мрачный силуэт, деловито скрючившийся над столом, и надменную фигуру женщины — из-под заброшенной вуали виднеются безупречной формы плечи, — а зади маячит несколько расплывчатых теней.

Кристи пытались как могли сделать «Стайлз» уютным гнездышком. Супруги купили новые ковры и занавеси и с некоторым трудом нашли супружескую пару присматривать за домом (жена — отличная кухарка, муж — бездельник) и

хохотушку-горничную. Эти новшества, однако, осложнили их финансовое положение. Стало даже хуже, поскольку возросли расходы на дом, две машины и трех слуг. Видимо, имелись серьезные основания для беспокойства. Агата чувствовала себя неуверенно: «Наш банковский счет тает просто катастрофически». Медж несколько отвлекла ее от домашних забот, пригласив на две недели отдохнуть на Корсике. Агата с радостью приняла приглашение, но на корсиканских фотографиях из-под тяжелой и неуклюжей шляпки-колокола, очень модной в то время, напряженно глядят печальные глаза.

Месяц спустя после ее возвращения Клара заболела бронхитом. Уже несколько месяцев она жила в «Скотвуде» в квартире напротив Агаты и Арчи, с большим удовольствием играя с Розалиндой, и очаровала мисс Фишер, считавшую Клару «умной, хоть и своеобразной», своими «необыкновенными идеями по воспитанию детей». Помимо квартиры в Санингдейле Агата и Арчи сняли для нее комнаты в Лондоне, где она могла, если хотела, пожить одна или встретиться с друзьями. Однако «Эшфилд» не продавали — он был очень важен для Агаты и служил ей убежищем от жизненных передряг. Время от времени навещивалась в Торки и Клара; когда Арчи с Агатой уезжали в Пиренеи, она жила там с Розалиндой. Содержать дом было тяжело, но всех туда тянуло. Как раз в «Эшфилде» Клара и заболела, и Агата приехала, чтобы быть с ней рядом. Затем ее сменила Медж, которая в конце концов перевезла Клару в «Эбни», чтобы легче было ухаживать за ней, и Агата какое-то время провела там с матерью. Хотя Кларе вроде бы стало лучше, она почти не выходила из своей комнаты. Ей было семьдесят два, и после болезни она очень ослабела. Агата вернулась в Санингдейл, но через неделю ее срочно вызвали в «Эбни». Уже в манчестерском поезде у нее появилось предчувствие («я ощутила холод, словно меня окатили ледяной водой»), что ее мать умерла.

Сколько бы смертей ты ни видел (а в госпитале Агата, по ее словам, их нагляделась), смерть близкого человека не становится от этого легче. «Осталась только оболочка, — писала она. — Моя мама, добрая, чудесная, импульсивная, исчезла». Агату с Кларой связывала не просто любовь дочери и матери; после смерти Фредерика Агата, наоборот, ощутила что-то вроде материнского чувства к Кларе, и то, что Агаты не оказалось рядом с Кларой в момент ее смерти, усугубило ее горе ощущением смутной вины. Арчи не смог поддержать

ее, потому что во время смерти и похорон Клары находился по делам в Испании, да и вообще чужое несчастье и горе его лишь тяготило. Его собственное отношение к Кларе было каким-то смешанным, некоторые их друзья считали даже, что он ревнует Агату к матери. Вернувшись к убитой горем жене, он чувствовал себя явно не в своей тарелке. И поскольку заниматься деловыми вопросами дома в сложившейся обстановке казалось неудобно, Арчи предложил Агате вернуться в Испанию вместе с ним — разумное предложение, поскольку поездка немного отвлекла бы жену от ее утраты. Впоследствии Агата винила себя за то, что предпочла остаться дома. «Теперь понимаю, — писала она, — что совершила ошибку... Мы были счастливы вместе, абсолютно уверены друг в друге, и ни один из нас тогда даже не помышлял, что мы можем когда-нибудь расстаться». Эти слова вовсе не доказывают, что их семейная жизнь дала трещину именно после смерти Клары. Просто Арчи по характеру был беспечным и не слишком чутким. Как позже писала Агата, «он оставался таким, как всегда — веселым и жизнерадостным», и, наверно, такое его поведение тяготило ее. Разделить чужое горе — вообще трудная работа, нужно приложить немалые усилия, чтобы поддержать человека в мучительный для него момент и помочь ему, потому что тот рассчитывает на твое понимание, сочувствие и помощь. Арчи с этой задачей не справился.

Кроме горя, Кларина смерть принесла много новых хлопот и огромную физическую и нервную нагрузку. Остался дом, который надо было вычистить и привести в порядок, и это легло на плечи Агаты. Клара оставила «Эшфилд» ей, и его надо было спасать от разрушения и запустения. Тяжелый физический труд в какой-то степени помогал ей забыть, отвлекал от горестных мыслей. Агата занялась приведением в порядок самого дома и всех накопившихся за многие годы вещей. На ремонт денег не было, крыша обваливалась и протекала, стены облупились, а изнутри он был до потолка забит ветхим, никому не нужным старьем. Вещи, привезенные тетушкой-бабулей из Илинга, дряхлые и бесполезные, ужасали Агату — она буквально приходила в отчаяние среди этих ужасных и бесполезных предметов вроде огромного венка из восковых цветов под стеклянным колпаком в память о бабушке: «Для бабушки он был важен и нужен — напоминал ей о муже, но ведь я его даже не знала. Зачем человеку такая вещь? Что с ней делать?»

Она работала как проклятая (утром ей помогала одна служанка, после обеда другая) — перебирала, сортировала,

выбрасывала хлам, наводила чистоту не ради самой чистоты, но и, как она писала в «Автобиографии», для того, чтобы, «если понадобится, подготовить «Эшфилд» к продаже». В дополнение ко всем неприятностям у них появились проблемы с деньгами: Кристи перерасходовали кредит в банке, как говорится, пришла беда — отворяй ворота. Появляется идея сдать «Стайлз» на лето за хорошую цену; Агата и Розалинда могли бы пожить в «Эшфилде», где оставалось еще очень много работы, а Арчи побыл бы в своем клубе, играя в гольф по выходным. К августу, когда Медж освобождается и сможет уехать из «Эбни», основная работа в «Эшфилде» будет закончена, и Агата со спокойной совестью оставит Розалинду с Медж и уедет с Арчи в отпуск за границу. Они поедут в Италию, в Алассио. Эта надежда грела ей душу, пока она работала в «Эшфилде» не покладая рук.

Отпуск сулил перемены, отдых, общение, что было для Агаты особенно важно, ведь теперь у нее не осталось никого, кому она могла бы довериться. Арчи, целиком поглощенный делами и гольфом, из экономии приезжал в «Эшфилд» не каждые выходные; уехала и Карло — у ее отца, как предполагалось, был рак в последней стадии, так что она вернулась в Эдинбург, испытывая перед Агатой огромную неловкость. Точно неизвестно ни время ее отъезда, ни возвращения. Агата пишет, что это случилось тогда, когда она была полностью опустошена своим горем и тяжелой работой, а сама Карло в письме к Розалинде, описывая эти тягостные дни, ссылается на письмо Агаты, в котором та сообщает ей, что Клара умерла. Собственно, это не так уж и важно, дело в том, что единственная подруга Агаты в этот горький и мрачный период ее жизни оказалась далеко.

Неудивительно, что хронологию событий тех месяцев Агата совершенно перепутала. Она в то время плохо спала, почти ничего не ела, так что не всегда хорошо соображала. Некоторые считают описание Агатой своего тогдашнего состояния в «Автобиографии» смесью правды и самообмана, что вполне возможно, поскольку, вне сомнения, тогда она была нездорова или, по крайней мере, глубоко подавлена. С болью поняв, сколь произвольно толкует публика тогдашние и последующие события, связанные с ее внезапным и скандальным исчезновением, она пытается дать хотя бы запоздалые объяснения, а может, оправдывается. Однако все объяснения почему-то касаются каких-то мелких, малосущественных деталей. Например, подписи на чеке — почему она вдруг подписалась именем «Бланш Эймори»? Хотя

в последнем варианте «Автобиографии» этот эпизод описан совсем коротко, в черновиках ему уделено довольно много внимания: «Мне до сих пор кажется: что-то тут не так. Было там имя Бланш или какое-то другое? Написано было «Эймори» или «Эмери»? У меня с этим именем что-то ассоциировалось, и наконец я вспомнила, что это одна из героинь в каком-то романе Теккерея, наверно в «Пенденнисе». Но ведь мне не очень нравился Теккерей, просто я почему-то вспомнила, что это был любимый писатель отца, а мне всегда нравился Диккенс. Так при чем здесь Бланш Эймори?!»

Наконец наступил август, а вместе с ним день рождения Розалинды, приехала тетушка Москитик, и можно было отправляться с Арчи в Италию. Однако Арчи вел себя довольно странно — стал раздражительным, замкнутым, каким-то чужим. Агата вспомнила свои детские сны, в которых любящие близкие люди превращались в чужого, страшного Стрельца с ружьем. Обеспокоенная — вдруг у него неприятности на работе, — Агата решила поговорить с мужем начистоту и попросила все ей рассказать. В течение нескольких дней Арчи пытался отговориться тем, что не все устроил с их отдыхом в Италии и поэтому просто зол на себя, но наконец признался, что полюбил другую — мисс Нэнси Нил, свою партнершу по гольфу. Эту новость Агата узнает в «Эшфилде» в день рождения Розалинды.

В жизни всякого человека бывают моменты до такой степени интимные, что просто неприлично о них рассуждать. Иной раз и сам человек не в состоянии объяснить собственную реакцию на происходящее. В «Автобиографии» Агата описывает свои ощущения после заявления Арчи о том, что он ее больше не любит и хочет развода, очень правдоподобно и понятно: полное недоумение, замешательство и шок, ощущение какой-то неведомой собственной вины и раздражение. Сначала она даже не поняла, о чем Арчи говорит. Потом была просто не в силах поверить: «Я думала, что все это временное». Она искала объяснения и причины, упрекала себя: «Если бы я была умнее и знала своего мужа лучше — или хотя бы постаралась узнать его лучше, вместо того чтобы идеализировать... Если бы я не уехала в «Эшфилд»... Если бы я осталась в Лондоне... Я не была способна заполнить жизнь Арчи...» После приступа самобичевания она пытается объяснить все происшедшее характером Арчи: «Он уже созрел для того, чтобы в кого-нибудь влюбиться, хотя сам о том и не догадывался. Или все дело

было в этой девушке? Может, ему на роду было написано неожиданно влюбиться в нее? Когда мы встречались с ней прежде, он ничуть не был в нее влюблен. Он даже не хотел, чтобы я ее приглашала, так как это могло сорвать его воскресную партию в гольф. Но когда он в нее влюбился, то влюбился внезапно, в одно мгновение, как когда-то в меня. Что ж, вероятно, так было назначено судьбой». Нет причины не доверять объяснениям Агаты. Она не имеет возможности манипулировать героями, как в романе, — смерть матери и предательство Арчи ясно показали, что в реальной жизни нельзя заранее сочинить и спланировать человеческие чувства, все описанное — не плод фантазии, а собственный опыт, мучительный и горький.

Она уговорила Карло вернуться, тем более что диагноз отца врачи не подтвердили. Карло ужаснулась состоянию Агаты — она не могла есть, совершенно не спала и все время плакала. Про Арчи мы знаем меньше, но его дружба, с которыми он провел начало лета, пока Агата приводела в порядок «Эшфилд», видели, что он подавлен и одинок. Агата и сама видела, что он очень раздражен, а позже объяснит его эгоизм, припомнив, что «...он говорил: «Когда-то давно я предупреждал тебя, что ненавижу, когда рядом кто-то болен и несчастен, мне это отравляет жизнь... Я не терплю, когда у меня нет того, что я хочу... Я не переношу, когда я несчастлив. Все не могут быть счастливы, кому-то приходится быть несчастным». Это детские рассуждения глубоко страдающего мужчины. Арчи видел, что Агата расстраивается все больше, злился на самого себя, и ситуация сделалась просто невыносимой. Как позже вспоминала Карло в письме к Розалинде, он терпеть не мог постоянных слез и уныния. Агата говорила, что «он страдал, потому что, думаю, действительно любил меня и ненавидел себя за то, что причиняет мне боль, и поэтому старался убедить себя, что не причиняет мне никакой боли, что мне самой так будет гораздо лучше, что я стану счастлива. Буду путешествовать, найду утешение в писании моих книг. Укоры совести, однако, заставляли его вести себя довольно безжалостно. Мама всегда говорила, что он по натуре человек безжалостный, а я этого не замечала. Я всегда видела столько его добрых поступков, знала его благожелательность... Прежде мне нравилась жесткость его характера, теперь я увидела обратную сторону этой медали».

Как часто нам, взрослым и самостоятельным людям, не хватает материнских советов и поддержки! Ведь Клара часто

говорила Агате, что мужчинам требуется постоянное внимание, их нельзя надолго оставлять одних, и советовала никогда не заводить подруг моложе себя. Теперь Агата потеряла и Арчи, и мать. У нее осталась Розалинда, но она была маленькая и нуждалась в уходе и заботе. Рядом с ней оставалась верная и преданная Карло, но Агата не привыкла перекладывать свои тяготы на чужие плечи. Она чувствовала себя совершенно опустошенной и одинокой. Главным утешением, как считала сама Агата, стала для нее сумасшедшая преданность Питера, — жесткошерстного терьера, которого Розалинде подарили в Санингдейле. Несколько лет спустя, когда Питер заболел, Агата призналась своему второму мужу, что хоть это и может показаться глупым, но именно собака вернула ее к жизни, спасла от одиночества и утешила.

Когда Агата и Розалинда возвратились из «Эшфилда» в «Стайлз», было решено, что Арчи вернется в свой клуб в Лондоне, тем более что и Карло уже приехала в «Стайлз». Однако пару недель спустя Арчи возвращается домой. Как позже писала Агата, он заявил, что, «возможно, ошибся». Кроме того, Арчи и семилетняя Розалинда обожали друг друга, — в общем, он решил остаться. Было невыносимо тяжело, Агата пыталась удержать его. Она не хотела развода по нескольким причинам. Развод подобен смерти — человек, с которым прожито столько лет, пусть не всегда гладких и безоблачных, вдруг уходит из твоей жизни. Развод также осложняет и материальную сторону жизни — все приобретенное за прожитые годы приходится делить. Так считала Агата, так считают многие. Но развод прежде всего альтернатива: принять его, превозмогая свою боль, — или бороться до последнего, чтобы спасти семью. Когда есть дети, принять решение намного труднее. А в 1926 году и еще много лет спустя развод отягощала еще одна серьезная эмоциональная проблема — развестись было тяжело и стыдно, единственным принимаемым в расчет основанием был адюльтер, который требовалось доказать унижительными для обеих сторон процедурами.

Впрочем, так далеко вперед Агата наверняка не заглядывала. Все было проще — ее жизнь с Арчи до тех пор казалась счастливой и прочной, поэтому развод внушал ей ужас. «Между нами никогда ничего подобного не было, мы жили счастливо, понимали друг друга, — писала она. — Мы никогда не ссорились, и он не обращал особого внимания на других женщин». Знакомые Агаты уверяли ее, что такое слу-

чается со многими мужчинами, что Арчи вернется. Агата и сама верила в это, но, видя, что Арчи все такой же мрачный и ожесточенный, поняла: возвратившись в Санингдейл, он только укрепился в своем намерении оставить ее. Он снова перебирается в свой лондонский клуб.

Арчи и мисс Нил не жили вместе. Как человек честный и порядочный, он не хотел рисковать своим и ее добрым именем и деловой репутацией. К тому же ему не хотелось ломать налаженный годами ритм жизни — завтракал он в одно и то же время, дни проводил неотличимо один от другого, а спать ложился ровно в десять тридцать. Увидев, что в «Стайлзе» он жить не может, Арчи, естественно, вернулся в клуб: это было проще для него самого, не так травмировало Агату и не компрометировало мисс Нил.

Женщина, которую полюбил Арчи, была не наивной девочкой, а неглупой и рассудительной особой на десять лет моложе его. Она происходила из многодетной семьи — кроме нее там были братья-близнецы, сестра и еще один брат, а отец служил в администрации железной дороги. Закончив школу, Нэнси решила получить профессию стенографистки и машинистки в одной из специальных школ для девушек. Она выбрала школу секретарей-машинисток мисс Дженкинс под названием «Трайэнгл» на Саут-Молтон-стрит, недалеко от Бонд-стрит. Закончив это довольно известное и уважаемое учебное заведение, Нэнси устроилась в Сити, в фирму под названием «Империал континентал гэс ассошиэйшн». Вначале она была единственной работавшей там женщиной (фирмы предпочитали служащих-мужчин), но через год туда устроилась еще одна выпускница «Трайэнгла», Медж Джеймс, которая и познакомила ее с Арчи.

Медж Джеймс с мужем Сэмом жили в городке Гартмор в Суррее. Сама Нэнси, все еще жившая с родителями в Кроксли-Грин, время от времени навещала подругу. Общительная и привлекательная, Нэнси любила вечеринки и ее с удовольствием приглашали. Сэм Джеймс, сослуживец и приятель Арчи, видя, что тот выглядит усталым и несчастным, пригласил его к себе на выходные. Медж знала, что Арчи женат, и думала, что он придет с женой, но со слов мужа поняла, что у Кристи не совсем ладится семейная жизнь и Арчи предпочитает приехать один. Нэнси как подругу Медж тоже пригласили. Выяснилось, что она, как и Арчи, большая любительница гольфа, так что они буквально нашли друг друга, притом что Сэм вообще не иг-

рал. К тому же гости в чужом доме вообще быстрее сходятся друг с другом.

Агата и Нэнси были знакомы. Однажды Агата даже пригласила ее погостить в «Стайлзе», когда у одного из соседей был бал, и, как старшая и замужняя женщина, в каком-то смысле опекала ее. Позже Агата вспоминала: Арчи ведь говорил ей, что, чувствуя себя одиноко в Лондоне, он часто виделся с Нэнси. В «Автобиографии» Агата пишет, что Арчи называл Нэнси «секретаршей Белчера». Но и Агата, и Арчи не правы, поскольку Нэнси тогда еще работала в «Империял континентал гэс ассошиэйшн». Однако майор Белчер, женатый на девушке из Австралии, которая когда-то помогала ему печатать письма во время пресловутого путешествия, конечно же, знал Нэнси, поскольку в 1925 году она вместе с четой Белчер отдыхала во Франции. А вот ее знакомство с Агатой было поверхностным.

К зиме 1926 года все трое страдали и мыкались, не зная, куда себя деть. Арчи жил в клубе и виделся с Нэнси только по выходным у друзей. Миссис Джеймс, в частности, старалась, чтобы Арчи и Нэнси могли побыть вместе в ее доме, не нарушая рамки приличий, защищая доброе имя подруги и ее счастье. Агате приходилось намного труднее — ко всему прочему у нее не было службы, как у Арчи или Нэнси, где можно было бы отвлечься днем, и у нее не осталось никого, кто бы пожалел ее или защитил. Она пыталась писать следующую книгу для издательства Коллинза, но видела, что ничего не получается. По ночам она бредила. Карло испугалась за Агату и пригласила врача. Тот велел не спускать с нее глаз даже по ночам. «Я старалась, чтобы в доме все было тихо и мирно, старалась ради тебя», — писала Карло Розалинде позже. Но даже такой уравновешенной женщине это давалось весьма нелегко.

Агата пребывала в отчаянии, но было бы неверно считать, что она всерьез помышляла о самоубийстве. Если бы она действительно хотела убить себя, то со своими фармацевтическими знаниями сделала бы это легко и безболезненно. Но это шло вразрез с ее верой в Бога, ведь Агата была глубоковерующим человеком. Просто она обезумела от горя, ей было настолько плохо, что никто, даже собственный ребенок, не мог дать ей утешение и надежду. Спала она плохо, иногда принималась лихорадочно работать, почти ничего не ела, выглядела ужасно, изводила себя и окружающих. Ее мир рушился, и она этого не выдержала.

«Ужасные десять дней»

Наступил декабрь, приближалось Рождество. Агата посоветовала Карло съездить на денек в Лондон, тем более что поклонник мисс Фишер давно приглашал ее как-нибудь пообедать с ним и потом потанцевать. Карло согласилась, потому что очень устала — с Агатой было нелегко. Она уехала в пятницу третьего декабря. После обеда позвонила в «Стайлз» удостовериться, что с Агатой все в порядке. Голос Агаты показался ей ровным и спокойным, она заверила Карло, что все нормально, что она может пойти потанцевать и вернуться домой попозже.

Приехав вечером в «Стайлз», Карло обнаружила, что двери гаража открыты, а на кухне собралась перепуганная прислуга. Они сказали, что около одиннадцати миссис Кристи спустилась вниз, взяла машину и уехала, не сказав никому ни слова. Карло постаралась скрыть испуг, успокоила служанок, отправила их спать, а сама решила подождать.

В написанном впоследствии письме к Розалинде она вспоминает, что наутро в субботу около десяти часов в доме появился полицейский и сказал, что в Ньюлендс-Корнере, сразу за Гилфордом, нашли брошенную машину. По извилистым дорогам, ночью, в плохую погоду требовалось не меньше часа, чтобы на автомобиле добраться из Санингдейла до Ньюлендс-Корнера. Почему Агата уехала, почему она бросила автомобиль, было тайной.

Теперь, шестьдесят лет спустя, очень сложно судить, как развивалась эта запутанная история. Должно быть, в воспоминаниях Карло есть какие-то неточности, поскольку в рапорте старшего инспектора полиции Суррея записано, что он ничего не слышал про автомобиль до одиннадцати утра. В тот же день позднее один свидетель показал, что помогал леди завести указанную машину в шесть двадцать. Прошло какое-то время, прежде чем сообщение достигло полицейского участка Беркшира, к которому относился «Стайлз». Есть еще одно расхождение. В письме Карло говорится, что полицейский сказал ей, будто машину нашли перевернутой вверх дном. В рапорте старшего инспектора полиции констатируется, что положение найденной машины «указывает на возможность какого-либо необычного происшествия. Автомобиль нашли внизу, на травянистой обочине в кустах, куда он съехал с основной доро-

ги...». Неудивительно, что Карло неправильно поняла полицейского, который принес ей эту пугающую новость.

Карло объяснила ему, что миссис Кристи была не совсем здорова и что ее родные сильно беспокоятся. В прессе появлялись утверждения, что Агата оставила для Карло письмо с просьбой отменить ее бронь на выходные в отеле в Йоркшире и что в субботу после обеда мисс Фишер телеграфировала в отель в Беверли и сняла заказ.

Она сочла своим долгом немедленно сообщить Арчи о случившемся. Тот проводил выходные с мистером и миссис Джеймс в Гартморе; Нэнси тоже была там. Карло позвонила утром, после прихода полицейского. Услышав про машину Агаты, Арчи немедленно выехал в «Стайлз».

К приезду Арчи пресса успела пронюхать об этой истории. Ему и Карло предстояло осмотреть машину, вокруг которой уже собралась толпа зевак и даже подъехали фургончики с горячительными напитками и мороженым. «Начались ужасные десять дней», — позже напишет Карло. Дом осаждали репортеры, и Розалинда ходила в школу в сопровождении полисмена, полицейские дежурили у дверей и возле телефона. Хотя территориально «Стайлз» относился к полицейскому управлению Беркшира, граница с Сурреем проходила совсем рядом — он начинался буквально через дорогу, — поэтому бедной Карло приходилось общаться с полицейскими обоих графств. Каждое утро они снова и снова допрашивали ее. По предложению Арчи Карло послала за своей сестрой Мэри, чтобы та немного пожила у них — для моральной поддержки. Самого Арчи все больше и больше раздражает полиция и пресса, и он не считает нужным это скрывать — что Карло считала большой ошибкой. Сама она каждый день терпеливо давала интервью «Дейли мейл», любимой газете Агаты.

В 1926-м, как и многие десятилетия спустя, издателю «Дейли мейл» и корреспондентам приходилось буквально биться с конкурирующими газетами за популярность и рекламу. Для прессы история исчезновения Агаты стала просто подарком. «Дейли мейл» и «Ивнинг ньюс», ее главный конкурент, буквально соревновались в освещении дела Агаты и впоследствии немало спекулировали на этой теме. Репортеры из «Ньюс уолд» и «Дейли ньюс» тоже шли по горячему следу. Много говорилось об этом событии не только в газетах. Старший инспектор Годдард, глава Беркширского управления полиции, был осторожен и немногословен в высказываниях, зато Кенуорд из Суррея постоянно делал все-

возможные заявления и пространно высказывался по поводу исчезновения Агаты. Казалось, он упивается своим звездным часом и вниманием прессы к своей персоне. Так, через день после обнаружения машины Агаты он заявил «Ивнинг ньюс»: «Я всегда могу воспользоваться аэропланом», а другой газете позже он же скажет: «Полиция не имеет никакого отношения к аэроплану».

Однако кое в чем с Кенуордом не поспоришь. «Нет сомнения, — заявлял он, — большая часть информации, выдаваемой прессой, не имеет под собой оснований». В этом, конечно, была и его доля вины, хотя по большей части газетчики сами раздували историю, перевирая факты, преподнося свое мнение как официальное, связывая исчезновение Агаты с исчезновением других людей и предлагая свои собственные направления расследования и поиска. Достаточно прочитать всего несколько тогдашних публикаций, чтобы понять, как рождались и поддерживались мифы. Сегодня измышления тогдашних корреспондентов, строящих умозаключения, даже не потрудившись поинтересоваться истинным положением дел, выглядят смехотворно, — это большей частью голословные спекуляции наподобие парочки версий, ставших известными Арчи; по одной из них он сам убрал свою жену, а по другой — она сбежала со своим любовником. Прочие «версии» до того абсурдны, что приводить их просто нелепо.

Выяснить, что же случилось с Агатой на самом деле, и по сей день представляется делом непростым. Так, в рапорте старшего инспектора Кенуорда в министерство внутренних дел много неясностей, однако все остальные полицейские записи, которые могли бы пролить дополнительный свет на эту историю, безвозвратно утрачены. Если же оперировать тем, что осталось — смесью спекуляций, вымысла и неподтвержденных фактов, — можно понять, почему не только тогдашняя публика, но и многие, кто интересуется этой проблемой сегодня, могут только развести руками.

Итак, согласно рапорту старшего инспектора полиции Кенуорда, он провел субботний вечер 4 декабря, а также все воскресенье и понедельник вместе с семьей или восьмью полицейскими из Суррея, «констеблем из спецподразделения и добровольными помощниками из числа местных жителей», обследуя все спуски с холмов в окрестностях седловины Ньюлендс-Корнер. В понедельник газеты сообщили, что сельскохозяйственный рабочий Эрнест Кросс, по его словам, в субботу утром по дороге на работу «наткнулся

на женщину, стоявшую в совершенно невменяемом состоянии возле машины в нескольких ярдах от гостиницы «Ньюлендс-Корнер». По свидетельству мистера Кросса, женщина стонала и держалась руками за голову. Ее губы посинели и дрожали от холода, и неудивительно, потому что она была очень легко одета («тоненькое платье и легкие туфли, даже без шляпы»). Фары машины были включены. Едва свидетель подошел, женщина бросилась к нему, умоляя помочь завести машину. Он завел мотор, который «был еще горячий», и, как только женщина села обратно в машину, заметил, что едет она «плавно». В других отчетах этот же свидетель именовался мистером Эдвардом Мак-Алистером, и в своих показаниях он якобы утверждал, будто радиатор был «уже холодный». Однако описал он женщину настолько подробно, что Кенуорд был совершенно уверен, что свидетель видел Агату. На этом основании подразделение Кенуорда запросило дополнительную помощь для расследования, в результате чего «было собрано около трех дюжин полицейских со всего графства... и бесчисленное количество констеблей из спецподразделения...». С помощью добровольных помощников эти люди прочесали все окрестности, однако все, что им удалось обнаружить, были женские черные туфли, покрытые грязью, и коричневая дамская перчатка на меху.

Когда газеты поместили описание Агаты, появились новые свидетели и очевидцы. Одной из них была миссис Де Силво, соседка Кристи, которая поведала корреспонденту «Мейл» историю «об очаровательной и красивой женщине (о которой можно говорить только возвышенно!) и ее нежном преданном муже и о том, как блистательный ум не вынес непомерного напряжения на потребу ненасытной праздной публике, жаждущей все новых и новых книжных приключений». При всей его цветистости, из интервью миссис Де Силво можно было понять, что Агата заболела совсем недавно, потрясенная смертью матери, но ее состояние не было угрожающим — так, например, она якобы вполне здраво обсуждала возможность снять дом с мебелью в Лондоне, чтобы «проводить больше времени с мужем». В среду первого декабря миссис Де Силво, по ее словам, поехала с Агатой в Лондон за покупками, и они строили планы насчет совместной поездки в Португалию в новом году. Агата намеревалась провести предстоящий вечер в своем клубе в городе, и, после того как они в середине дня расстались, соседка больше ее не видела.

Через три дня после исчезновения Агаты Арчи обратился в Скотленд-Ярд. В ответ ему сказали, что Скотленд-Ярд не намерен вмешиваться без соответствующего запроса местной полиции — Суррея или Беркшира. По официальной версии, Агата разбила свой автомобиль, бросила его и заблудилась в лесу. Видимо, местная полиция все же дала запрос, потому что во вторник седьмого декабря (по сообщению «Ивнинг ньюс») прибыло около пяти сотен человек, чтобы обыскать лес. Была обследована каждая пядь местного озера под умиротворяющим названием Тихий пруд; не нашли ничего.

В течение недели появились новые свидетели. Миссис Китчингс заявила, будто в субботу в полдень она встретила женщину «в шляпке и костюме», которая близко подошла к ней и пристально посмотрела в лицо: «Сначала я подумала, что она заговорит со мной, поскольку стояла прямо передо мной, но она резко повернулась и направилась в другую сторону». Мистер Фредерик Доре сообщил, что он увидел брошенную машину, когда шел на работу в субботу утром, и заметил «совсем молодую девушку», идущую от машины, которая сказала ему, что слышала, как примерно в полночь машина проезжала по верхней дороге. Мистер Доре работал испытателем в фирме по производству автомобильных моторов, и, осмотрев автомобиль и следы шин, предположил, что машину столкнули с холма и она медленно сползла вниз. Чета, содержащая гостиницу «Ньюлендс-Корнер», сообщила, что Агата провела ночь с пятницы на субботу в одном из их номеров, а мистер Ральф Браун заявил, что встретил ее, когда проезжал недалеко от Ньюлендс-Корнера в субботу около одиннадцати утра. «Казалось, что она была не в себе и не соображала, что происходит, — сказал он. — Я предложил подвезти ее, но она ответила: «Мне вообще никуда не нужно. Спасибо за предложение. Но я бы предпочла остаться там, где я нахожусь». Фермер из Ширы заявил, что в субботу в четыре часа утра видел машину, направлявшуюся к Ньюлендс-Корнеру, а мистер Ричардс, владелец близлежащего охотничьего уголья, показал, что в субботу после обеда видел женщину, похожую на Агату, в обществе «хорошо одетого мужчины приблизительно тридцати двух лет, в серой шляпе, надвинутой на глаза», в машине на тропинке недалеко от его владений. Согласно мистеру Ричардсу, ту же машину он снова увидел на той же тропинке поздно вечером в пятницу — вместе с машиной, похожей на автомобиль миссис Кристи.

Это свидетельство частично совпадало с показаниями мистера Фолдса, сына соседского фермера. Он также заявил, что видел две машины поздно вечером в пятницу и в субботу после обеда, и добавил: «Дважды за день я видел женщину возле машины, но каждый раз, заметив меня, она пряталась в машину и закрывалась, как будто не хотела, чтобы я ее видел. Это показалось мне странным».

Подобные заявления заставили прессу предположить, что Агата уехала не одна. Предположение подкрепилось тем, что в заброшенной хижине в лесу, недалеко от Ньюлендс-Корнера, были найдены какие-то письма и коробка пудры (а также мертвая сова в очаге). Местный лесничий возбужденно рассказал журналистам, как полиция попросила его осмотреть хижину, причем офицер нарочно рассыпал немного пудры на пороге в надежде обнаружить следы.

Между тем криминальный репортер «Дейли скетч», запуливший пуховку из пудреницы Агаты, показал ее ясно-видцу, и тот сказал, что труп пропавшей женщины лежит в бревенчатой избушке. Ричи Колдер (в ту пору молодой репортер «Дейли ньюс») описал в «Нью стейтсмен» пятьдесят лет спустя, как они с коллегой из «Вестминстер газетт» нашли в лесу эту избушку, закрытую на зиму, но со следами совсем недавнего пребывания людей. Репортеры сообщили, что нашли там пузырек с опиумом. «На самом деле, — признает Колдер, — это была ипекакуана с мизерной добавкой опиума — известное средство от поноса. Прихватив нашу невероятную и казавшуюся тогда страшной находку, мы вернулись в Гилфорд и рассказали коллегам развеселую историю о наших приключениях. Они все тотчас бросились туда. Наш фотограф взял с собой барменшу из отеля в Гилфорде, насыпал на порог избушки пудры и попросил девушку наступить на нее. На следующий день появилась фотография с надписью: «Это нога миссис Кристи?»

В среду 8 декабря, через пять дней после того, как Агата покинула «Стайлз», газеты сообщили, что брат Арчи, Кемпбелл, получил письмо с почтовым штемпелем юго-западного Лондона от 4 декабря, 9.45. Оно было отправлено на адрес Королевской военной академии в Вулвиче, и он нашел его у себя на столе в воскресенье. Прочитав письмо, он куда-то отложил его, а позже, узнав, что Агата исчезла, не смог найти. Однако конверт сохранился, и он немедленно позвонил Арчи и послал ему конверт. Некоторые газеты утверждали, что в письме Агата говорила о своей болезни и о том, что собирается поехать с друзьями на

курорт в Йоркшир, подлечиться. Согласно «Таймс», полиция Суррея «связалась со всеми курортами в Йоркшире и не обнаружила там никаких следов миссис Кристи».

«Мейл» предложила и вовсе невероятное объяснение, как Агата умудрилась послать письмо деверю в тот же самый день, когда она, совершенно беспомощная, бродила по лесам и тропинкам Суррея, где и встретила миссис Китчингс в полдней, а миссис Браун — в одиннадцать пятнадцать. Это объяснение газета озаглавила «Наброски к теории подсознательного». Газета писала: «Полиция без достаточного внимания отнеслась к тому факту, что миссис Кристи провела ночь в среду в своем клубе в юго-западном районе Лондона и могла отправить письмо оттуда, датировав его более поздним числом». Далее следует невообразимая мешанина из самых разных версий: Агата-де потеряла память, но ее детективное мастерство осталось при ней и все это как-то связано с исчезновением писательницы. «Некоторые предполагают, — пишет «Мейл», — будто миссис Кристи страдает тем, что психоаналитики называют утратой «я». В такой ситуации, чисто подсознательно контролируя все свои действия, она вполне способна гениально спланировать собственное исчезновение в духе тех, которые она с таким мастерством описывала в своих произведениях». «Ивнинг ньюс» еще больше замутила воду, припомнив некоего портного, мистера Даниэльса, который жил в Пламстеде, в миле от дома Кемпбелла в Вулвиче. Согласно мистеру Даниэльсу, около одиннадцати вечера в понедельник, шестого декабря, с грохотом распахнув входную дверь, к нему в прихожую вбежала взволнованная женщина. Незваная гостья протянула руку с зажатой в ней фунтовой банкнотой и потребовала разменять ее. Поняв, что ошиблась, женщина покинула дом. Правда, как написала «Ивнинг ньюс», капитан Кристи считал совершенно невероятным, чтобы Агата появилась где-нибудь вблизи Вулвича.

В первые дни после происшествия корреспонденты отнеслись с одинаковой симпатией и к Арчи, и к Агате. «И она, и ее муж, — писала «Мейл», — очень популярны во всей округе, и все тревожатся не только за судьбу чудесной женщины, талантливого автора приключенческих романов, но и за полковника Кристи, единственным утешением которого теперь является его маленькая дочь Розалинда». Но к середине недели пресса узнает, что в отношении четы Кристи не все было ладно. Миссис Хемсли рассказала «Мейл» о депрессии Агаты после смерти матери: «...казалось, что

она не соображает, что делает». Она проиллюстрировала «безумное состояние» Агаты, описав ее поведение, когда Питера (собаку Розалинды) сбила машина. Она также рассказала «Мейл», что в пятницу после обеда, прежде чем исчезнуть, Агата навестила ее в Доркинге. «Когда она уходила, — добавила миссис Хемсли, — то казалась веселой, но, сев в машину, на несколько секунд словно отключилась».

Пресса, узнав, что Арчи в ночь исчезновения Агаты был в Гартморе, ринулась туда наводить справки. Кухарка и горничная миссис Джеймс уже были уволены — возможно, за болтливость. Арчи, которого спросили о событиях того вечера, заявил «Ивнинг ньюс», что он не намерен исповедовать их корреспонденту. Его раздражение усиливалось: «Я уже все рассказал полиции. Я не намерен впутывать в это дело моих друзей. Это мое личное дело. Меня изводят и делают из меня преступника. Единственное, о чем я прошу, это оставить меня в покое». Для Арчи это было действительно тяжелое время: «Телефон у меня звонит не переставая. Все спрашивают о моей жене. Мне звонят даже ясновидцы и предлагают за деньги помочь найти ее». Сам он не собирался никому объяснять, почему она ушла из дому, а просто сказал: «...у нее сдали нервы, и она уехала куда глаза глядят...».

Тем не менее в 10 десятого декабря, неделю спустя после исчезновения Агаты, Арчи дал интервью «Мейл». Оно началось с замечания, которое будет снова и снова цитироваться впоследствии. «Да, действительно, — заявил Арчи, — моя жена обсуждала возможность исчезновения как такую. Однажды она сказала своей сестре: «Если бы я захотела, то могла бы исчезнуть и проделала бы это легко и просто». По-моему, они обсуждали какой-то случай в газете. Значит, она могла инсценировать свое исчезновение, возможно, это как-то связано с ее творчеством. Лично я думаю, что так оно и случилось. В любом случае это дает мне надежду». Арчи приводит собственное объяснение случившемуся: «Знаете, есть три возможные причины ее исчезновения: сознательное бегство, потеря памяти и самоубийство. Я склоняюсь к первому, хотя, конечно, возможна и потеря памяти, как результат сильного нервного перенапряжения. В самоубийство я не верю. Она никогда не угрожала самоубийством, но если бы она на это решилась, то выбрала бы яд. Я вовсе не хочу сказать, что она когда-либо заявляла, что может отравиться, но в своих книгах яд использовала часто. Мне даже казалось, что в ее произве-

днейх многократно отравлений, и я говорил ей, но она оставалась при своем мнении. Если бы она хотела принять яд, она бы так и сделала. Она всегда добивалась всего, чего хотела». В конце интервью Арчи приводит вполне резонное соображение: «Однако, говоря о самоубийстве, надо иметь в виду, что человек, собравшись покончить с собой, вряд ли поедет за много миль и не станет, сняв шубу, разгуливать по округе. Именно это заставляет меня думать, что моя жена не покончила с собой: она сняла шубу и, прежде чем выйти из машины, аккуратно положила на заднее сиденье, а потом, я думаю, пошла вниз с холма... Бог знает куда. Я считаю, что она спустилась вниз, потому что всегда терпеть не могла ходить в гору».

Это интервью, вероятно, встретили с недоумением. Вполне разумные соображения насчет шубы и хождения в гору подаются в нем на патетической ноте выпендренными, нарочито сложными фразами. Арчи явно волновался, беседуя с корреспондентом, был, что называется, не в своей тарелке: ситуация в самом деле щекотливая, а к тому же он и вправду чувствовал себя виноватым, что уехал из дому, когда Агата была серьезно больна. Опытный журналист «Мейл» знал, что делает, он сумел заставить Арчи оправдываться. Но был ли Арчи подозреваемым? Корреспондент «Мейл» «обратил внимание полковника Кристи на определенные слухи, появившиеся в Санингдейле и кое-где еще». Арчи ответил: «Это абсолютная ложь, что в пятницу утром между женой и мною была ссора или размолвка. С ней все было в порядке, то есть я хочу сказать, что она была такой же, как несколько последних месяцев. Она знала, что я уехал на уикэнд; она знала, кто еще, кроме меня, будет в доме моих друзей; она ни раньше, ни тогда не возражала. В таком деле не стоит принимать во внимание нелепые сплетни. Они не помогут найти мою жену, а это единственное, чего я хочу. Моя жена не имела ни малейших возражений против моих друзей. Всех их она хорошо знала». Тогда корреспондент огорошил Арчи вопросом о том, на что же Агата живет все эти дни. Арчи признал, что с обеих ее банковских счетов (в Санингдейле и Доркинге) не было снято ни пенни. Действительно, обе чековые книжки остались в «Стайлзе». По словам Арчи, когда она уезжала из Санингдейла, с собой у нее было не больше пяти — десяти фунтов. Ее одежда и шубка остались в машине. Корреспондент «Мейл» заключил статью многозначительно: «Друзья миссис Кристи сказали мне сегодня, что последнее время

она была очень подавлена и как-то заметила: «Если я не брошу Санингдейл, то Санингдейл меня прикончит». В контексте всей публикации это замечание звучит зловеще. Однако, зная отношение Агаты к Санингдейлу, мы можем поверить, что она вполне могла сказать что-то в этом роде, не вкладывая в эти слова ничего фатального.

Исчезновение Агаты и ее судьба вызвали у публики колоссальный интерес. 12 декабря большое количество народу (включая другую детективную писательницу, Дороти Сойерс) отправилось на мероприятие, названное «Ивнинг ньос» «большими поисками миссис Кристи». Полиция посоветовала своим добровольным помощникам из числа гражданских лиц «надеть старые вещи и быть готовыми к нелегкой работе»; «Ньюс» порекомендовала «всем, у кого есть собаки-ишейки, взять их с собой». Мужчинам надлежало надеть сапоги повыше, женщинам — ботинки на крепкой подошве и теплые шерстяные юбки. Фермеры приехали на своих тракторах, над головами кружил аэроплан. С драгой прошли дно Тихого пруда, а окрестности обследовали с собаками. Тела не нашли, и тут офицер Кенуорд предложил еще один план. Всю территорию поделили на секторы: пустошь, карьеры, пруды и ручьи. Свои услуги предложили водолазы и члены мотоклуба.

Газеты предлагали вознаграждение каждому, кто сможет найти «пропавшую писательницу». На это предложение откликнулись люди со всех концов страны. Работа полиции осложнялась еще и тем, что пресса то и дело привлекала внимание к другим исчезнувшим. Письма и сообщения в газеты поступали в больших количествах, но чаще касались не Агаты, а совершенно других лиц.

В прессе уже появились собственные эксперты и теоретики. Один из них, некто Коф, бывший инспектор полиции, рассуждает на страницах «Мейл» на темы психологии: «Проблема еще и в том, что искать женщину намного сложнее. Женщина вообще талантливее, изобретательнее мужчины. Естественно, она не пойдет стандартным путем — сознательно или подсознательно она устроит что-нибудь из ряда вон выходящее». Другой, Эдгар Уоллес, делает свои выводы. «Исчезновение, — пишет он, — стало своего рода спонтанной реакцией на некие события. Можно допустить, что это попытка в каком-то смысле перестать существовать или стать невидимой». Он предположил, что Агата «была на грани самоубийства и в какой-то момент решила уйти... Но после всех своих ночных приключений она, скорее всего, решила отдохнуть, пришла в какой-нибудь отель и до

воскресенья не подозревала обо всей этой шумихе, поднявшейся в связи с ее исчезновением». Его высказывания подытоживал вывод, выделенный жирным шрифтом: «Если Агата Кристи не умерла от потрясения и нервного перенапряжения, то она наверняка жива и полностью вменяема и, возможно, находится в Лондоне. Потеряв память, никуда дороги не найдешь». Последняя фраза попала во все отчеты и статьи, став неким символом надежды.

Следователи были обескуражены. Полиция Беркшира в лице старшего инспектора Годдарда запросила разрешение на поиски в других районах Англии, удаленных от Санингдейла. Сам Годдард выразился четко и ясно: «Я не думаю, что миссис Кристи совершила самоубийство в Ньюлендс-Корнере. Я бы поддержал эту теорию, будь у меня хоть какие-то основания считать, что она мертва». Арчи разделял его мнение. Однако старший инспектор Кенуорд «придерживался точки зрения, что миссис Кристи мертва и ее тело находится где-то недалеко от Ньюлендс-Корнера». Его мнение основывалось на «документах, которыми он располагает» (имелось в виду письмо, которое Карло передала в полицию).

Прав оказался Годдард, а не его экспансивный коллега. Во вторник 14 декабря вечером Арчи встретился с Агатой в отеле «Гидропатик» в Харрогете, что в Северном Йоркшире. На следующий день новость облетела всю страну, газеты печатали все подробности этой истории от начала и до конца, в местной «Харрогет геральд» не умолкал телефон.

Все полторы недели, которые Агата провела в «Гидро» под вымышленным именем «миссис Тереза Нил», которое в результате репортерских ошибок превратилось в некоторых газетах в «миссис Терезенил», она выглядела «довольной и счастливой... Танцевала, играла в бильярд, читала газетные статьи о своем исчезновении, болтала с другими постояльцами и ходила гулять». Все это живо описал специальный корреспондент «Мейл», приехавший скорым поездом из Санингдейла, чтобы взять интервью у постояльцев отеля и его владельцев, мистера и миссис Тейлор. В день вселения Агаты, 4 декабря, никто из Тейлоров ее не видел, но мистер Тейлор понял, что она «не стеснена в средствах», поскольку выбрала «хорошую комнату со всеми удобствами на втором этаже» по цене семь гиней в неделю. Миссис Тейлор подумала, что их постоялица чем-то внешне напоминает Агату (ее фотографии были в газетах), и позже рассказывала «Мейл»: «Я приказала прислуге ничего никому не говорить — в полицию донес кто-то из посторонних».

Офицер Макдауэлл из полиции Йоркшира поставил в известность полицию Суррея, а оттуда позвонили Карло в Саннингдейл. Поскольку она не могла оставить Розалинду, то позвонила в контору Арчи, и тот немедленно выехал в Харрогет. Если верить прессе, Арчи, Макдауэлл и, возможно, другие полицейские стали в холле у лифта так, чтобы Арчи смог опознать Агату, когда та спустится к ужину. Как только она взяла в руки газету, в которой была история ее исчезновения и фотография, Арчи направился к ней. «Она посмотрела на него так, словно его лицо ей напоминало кого-то, — сказал мистер Тейлор, — но, кажется, не узнала. Однако, видимо, и этого было вполне достаточно, чтобы позволить собственному мужу проводить ее в столовую».

В заявлении для прессы Арчи сказал: «Нет никаких сомнений: это моя жена. У нее случилась полная потеря памяти, и я не уверен, что она сознает, кто она такая. Она не узнает меня и не понимает, где находится. Я надеюсь, что она отдохнет и поправится. Завтра я намерен показать ее специалистам в Лондоне». Потом Арчи, по утверждению прессы, выразил благодарность полиции.

На следующий день, 15 декабря, Агата и Арчи покинули отель и уехали, но направились не в Лондон, как могла предположить публика, а в Чидл. Это короткое путешествие оказалось мучительным. На вокзале в Харрогете их осаждали толпы журналистов, а в Манчестере, где им предстояло пересесть на другой поезд, за ними буквально гнались по перрону, пока они не укрылись в своем купе. В конце путешествия Агату и Арчи встретили Джеймс и Медж и на машине отвезли в «Эбни». Ворота захлопнулись.

Глава 12

«Несомненно, самая настоящая потеря памяти»

Многие не говорили журналистам всего, что знали, — ни Карло, впоследствии изложившая свои воспоминания в письме к Розалинде; ни миссис Джеймс, приятельница Арчи и Нэнси; ни Альберт Уайтели, музыкант, игравший на банджо в оркестре в «Гидро», ни миссис Шофилд, жена тамошнего пианиста; ни Реймонд Росс и Стэнли Хикс, молодые местные репортеры; ни Дик Ледбеттер, местный фотожурналист; ни Салли Поттс, горничная, убиравшая ком-

нату Агаты, вместе с еще одной служанкой, Рози Эшер. Из того, что все они рассказали впоследствии, и из воспоминаний самой Розалинды, чья встреча с матерью была более чем странной, вырисовывается картина того, что произошло с Агатой после отъезда из «Стайлза».

Сначала сама Агата никак не могла вспомнить, что же случилось после ее отъезда и до встречи с Арчи в Харрогете. Два приглашенных в «Эбни» врача (доктор Генри Уилсон, семейный врач Медж в Чидле, и доктор Доналд Кор, известный невропатолог из Манчестерского университета) опубликовали свое заключение, что у писательницы случилось «несомненно, самая настоящая потеря памяти». Они порекомендовали проконсультироваться у психиатра. Агату это сильно расстроило и испугало — психиатрия в то время казалась чем-то вроде жупела, но Медж настаивала. Она упрекала сестру, что та ей ничего не говорила о своих переживаниях, — она даже не представляла, до какой степени больной и несчастной чувствовала себя Агата все лето и осень. Агата, понимая, что причинила сестре много беспокойства, согласилась встретиться со специалистом с Харли-стрит. Вместе с Карло и Розалиндой она сняла квартиру на Кенсингтон-Хай-стрит, откуда регулярно ходила на прием.

С помощью психиатра Агате удалось восстановить в памяти многое из случившегося. Она только никак не могла вспомнить, как уезжала из «Стайлза», куда ехала, что случилось с машиной. По словам Карло, психиатр решил, что «выпадение» этого периода было связано с потрясением. Очевидно, Агата села в поезд, идущий из Гилфорда на вокзал Ватерлоо. Добраться от Ньюлендс-Корнера до Гилфорда, вероятно оказалось сложнее, между ними приблизительно три-четыре мили, впрочем, в 1926 году по этому маршруту по утрам ходил автобус, доставлявший людей на работу. Неизвестно, как Агата проделала это путешествие, однако она припомнила, как, прибыв на вокзал Ватерлоо, выпила в буфете чашку кофе. Она также вспомнила, что, хотя на лице у нее была кровь и на ней были только юбка и кардиган, никто не обратил на это внимания. На вокзале Ватерлоо она увидела объявление, рекламу отдыха на курорте Харрогет. У нее болела ушибленная рука, и она решила, что нужно отправиться в Харрогет на лечение. Это кажется вполне логичным — объявления, обещающие хорошее лечение в Харрогете, были развешаны в двадцатые годы на всех лондонских вокзалах.

Агата смогла вспомнить, что на такси поехала в университет («Уайтели»), где купила пальто, сумочку и кое-ка-

кие предметы туалета. У нее были с собой не только те небольшие деньги, которые Карло получила неделю назад по чеку, но еще и сто фунтов, зашитые в пояс. В своем смутном состоянии она не забыла совет тетушки-бабули, что при себе всегда надо иметь припрятанную наличность — на непредвиденный случай.

Агата села на поезд до Харрогета или на вокзале Кингс-Кросс в 11.15, или на вокзале Сент-Панкрасс в 11.45. В двадцатые годы Харрогет был фешенебельным курортом. Туда съезжались не только разбогатевшие провинциалы — покутить, поправить здоровье и потеряться в высшем обществе, — но и те, кто уже занимал самые высокие ступени социальной лестницы, — местная знать, иностранные герцоги и герцогини, члены августейших семей. Имена приезжающих еженедельно печатались в «Геральд». В таком вот списке с 5 по 15 декабря значится и некая «миссис Нил из Кейптауна». Возможно, Харрогет чем-то напоминал Агате курорт, на котором они с Арчи побывали в конце своего путешествия в Пиренеи, а в чем-то мог показаться похожим на Торки, только перенесенный на север.

На вокзале в Харрогете были не только такси, но и специальный транспорт, который большие отели («Гидропатик» в их числе) высылали к приходу лондонских поездов. Отель «Гидропатик» уже одним своим названием¹ привлекал тех, кому действительно требовалось восстановить здоровье. Расположенный в живописных садах недалеко от центра города, как раз над минеральным источником, он был пусть не самым модным, но зато самым респектабельным. Во-первых, он был «трезвый» — столовое вино можно было заказать только на ужин. Зато лечебных процедур отпускалось с избытком. В холле, например, стоял автомат, разливающий целебную харрогетскую воду, а за дополнительную плату стакан с водой доставляли прямо в номер. Специальная медсестра наблюдала за пациентами на протяжении всего курса лечения, включавшего такие процедуры, как турецкая баня, холодный душ, ванна Виши и тому подобное, все это можно было получить или в Королевских банях, или в самом отеле. «Гидро» был комфортабельным: прислуга вышколена, горничные строго одеты и мгновенно готовы выполнить любую просьбу. Гостей развлекал оркестр Гарри Кодда, который играл в «Пальмовом двореике» — так

¹ Hydro-patic — с английского приблизительно можно перевести как «водолечебный».

именовалась просторная оранжерея — за чаем и вечерами после ужина, за исключением воскресений. Тогдашний танцевальный репертуар включал чарльстон и медленные танцы, а заканчивался вечер всегда вальсом «Голубой Дунай». Кроме того, была специальная «дама по развлечению» — распорядительница, хозяйка бала и гид в одном лице. Она должна была устраивать партии бриджа, поощрять присутствующих к танцам, передавать персональные заказы оркестру. Она сама пела и играла на пианино, давая возможность музыкантам Гарри Кодда съесть по бутербродику и потихоньку распить бутылочку пива.

Агата прибыла в «Гидро» как раз накануне рождественского сезона. Гости еще не съехались, поэтому с получением номера не было проблем. Она поселилась в пятом номере, маленькой комнатке с ванной. Агата приехала с одним небольшим саквояжем. Она держалась скромно и замкнуто, завтракала у себя в номере половинкой грейпфрута и «сладким тостом» — что потом станет неотъемлемой частью диеты для желающих похудеть, — а после завтрака откидывалась на подушки и прикрывала руками лицо, будто пряталась. Через пару дней горничная, приносящая завтрак, спросила ее о самочувствии — выглядела постоялица неважно. Агата ответила, что очень устала, что у нее есть проблемы, но она «должна со всем разобраться». Скрытый характер не позволял ей откровенничать с горничной, максимум, что она могла — это попросить достать ее носовой платок из саквояжа. Когда вместе с платком из саквояжа выпала фотография, Агата только вскользь заметила, что это ее «маленькая девочка».

В ходе психотерапевтических сеансов на Харли-стрит Агата вспомнила, что играла в бридж с гостями и обсуждала исчезновение известной писательницы. Через некоторое время она начала беспокоиться, что у нее не хватит денег и что нет никаких писем. Она поместила объявление в «Таймс», которое было опубликовано в субботу 11 декабря: «Друзья и знакомые Терезы Нил из Южной Африки, напишите», — и оставила номер почтового ящика. Агата не понимала, почему она назвалась Терезой Нил. Терезой звали одну ее знакомую в Торки, а Нил была фамилия женщины, которую любил Арчи. Газеты также сообщили, что универмаг «Хэрродс» в Найтсбридже получил письмо от миссис Кристи с просьбой, чтобы бриллиантовое кольцо, оставленное для ремонта, было отправлено в Йоркшир. Письмо не сохранилось, а сама Агата о нем нигде не упоминает.

Те, кто видел Агату во время ее пребывания в «Гидро», обратили внимание на то, как тихо и неприметно она себя вела. Пианист Шофилд, сидевший боком к публике, мог краем глаза наблюдать за гостиней отеля и видел, что Агата после обеда всегда тихонько сидела в уголке и разгадывала кроссворды, а по вечерам усаживалась в неосвещенной части оранжереи. Правда, в более поздних газетных сообщениях, наоборот, говорилось, будто она играла на пианино и пела на публике. Однако напомним, что после обеда в «Пальмовом дворике» не пели, а по вечерам всеми делами управляла «дама по развлечениям». «Мейл» опубликовала фотографии «пропавшей писательницы», и горничные в гостинице, заметив, что у «миссис Нил» точно такая же сумочка, как у писательницы с фотографии, сказали об этом миссис Тейлор, которая посоветовала им молчать, дабы не скомпрометировать отель. Барабанщик Боб Тэппин и саксофонист Боб Лиминг решили, что леди настолько похожа на миссис Кристи, что этого нельзя игнорировать. Гарри Кодд, единственный профессиональный музыкант оркестра, отменил возможность пойти в полицию, опасаясь за собственную репутацию и репутацию отеля. Для консультации были приглашены жены Тэппина и Лиминга, они пришли поглядеть на постоялицу и высказать свое мнение. Решили в газеты не обращаться (хотя там была обещана награда в 100 фунтов), а сразу сообщить в полицию, но не открывать своих имен до тех пор, пока полковник Кристи сам не опознает свою жену.

По словам оркестрантов, которые позже получили от Арчи серебряные карандаши в благодарность за благозвучие, встреча супругов была спокойной и лишенной всякого драматизма. Первой об обнаружении Агаты сообщила «Йоркшир пост». Начиная с восьми часов вечера, пресса бросилась в «Гидро», оккупировала все телефоны и заполнила все гостиные. Мистер и миссис Тэйлор, как могли, ограждали супругов Кристи. Прислуга была проинструктирована, горничные отвечали, что только что заступили на смену и ничего не знают. Заказы на номера принимались с крайней осторожностью. Арчи поселили в десятом номере в противоположном от Агаты конце коридора, но пресса считала, что он находится в одном номере с женой. Один из сотрудников «Мейл» умудрился получить комнату на первом этаже и всю ночь не спал и караулил, чтобы не пропустить, если «они вздумают сбежать». «Мейл» также заказала на вокзале Харрогета специальный поезд. Молодые и не

очень опытные репортеры рассчитывали догнать на нем Агату в Лондоне и взять у нее «эксклюзивное интервью» обо всем происшедшем для своей газеты. Все это выглядело более чем некрасиво. В полночь позвонил начальник вокзала и спросил, что делать с поездом, «стоящим под парами». Корреспондент «Мейл» проконсультировался со своим шефом в Лондоне. «Отменить!» — приказал тот.

Арчи не проявлял желания объясниться с прессой, никто из репортеров не смог поговорить и с Агатой, хотя впоследствии нашелся один, заявивший, будто добился своего. Некий журналист был обвинен коллегами в том, что он написал репортаж, основанный на выдуманном им самим разговоре с писательницей, а тот, пытаясь выкрутиться, заявил, что даже если Агата и отрицает, что беседовала с ним, ей никто не поверит, поскольку «она ведь потеряла память». Арчи, вопреки некоторым появившимся сообщениям, пресс-конференции не давал. Дело в том, что старшего инспектора полиции Макдауэлла репортеры попросили договориться с полковником Кристи о встрече хотя бы с одним-единственным представителем прессы. Макдауэлли удалось уговорить Арчи. Прессу представлял старейший репортер «Йоркшир пост» Кенион, которому Арчи только передал подготовленное заявление о том, что у Агаты констатирована потеря памяти. Все другие интервью были сфабрикованы.

К утру журналисты уже отчаялись узнать что-нибудь еще. Дик Ледбетгер с молодым помощником тайком залезли за стойку портье и сфотографировали подпись Агаты в регистрационном журнале отеля. В половине десятого ко входу в «Гидро» подъехал автомобиль с откидным верхом. Репортеры бросились к нему, некоторые даже взобрались на капот, расталкивая друг друга, защелкали фотоаппаратами. Самыми предприимчивыми оказались фоторепортеры «Мейл» — пока один держал позицию возле автомобиля, другой бросился к черному ходу. Агата и Арчи вышли именно оттуда, и «Мейл», таким образом, получила «сенсационный снимок».

Преследуемые прессой до самого вокзала, Кристи наконец сели в поезд, который тут же тронулся, причем журналисты все равно продолжали бежать за вагоном. В Лидсе на супругов набросилось еще больше репортеров и фотографов. На фотографиях Агата в «прямом жакете, юбке и шляпке-колоколе. Один репортер вспомнил, что она заслоняла рукой лицо и что у нее были «очень красивые ноги». На Арчи, по его воспоминаниям, была «широкая куртка и перчатки, почти как у Гарольда Макмиллана». Агата выгляде-

ла похудевшей и бледной. В Манчестере преследователи появились снова и отстали только у ворот «Эбни». «Мейл» получила «самые лучшие» фотографии. На них вид у Агаты настолько затравленный и испуганный, что годы спустя Розалинда, увидев аналогичные газетные снимки других «жертв сенсаций», публично осудила такого рода преследования. Она хорошо помнила, что было с матерью, когда они встретились. Агата не узнала Розалинду. Она была любезна, но стояла с совершенно отсутствующим видом, даже не обняла свою дочь. Видимо, с ней и в самом деле творилось неладное.

В этой истории вообще много странностей и пробелов. Говоря о мотивах, заставивших Агату покинуть «Стайлз» поздно ночью 3 декабря, можно только предположить, что, затравленная и доведенная до крайней депрессии, она инстинктивно пустилась в бегство. Неизвестно, как она провела время с одиннадцати вечера до шести двадцати следующего утра. Она могла хватиться Карло и отправилась в Беверли ее искать, забыв, что аннулировала заказ на комнату. С равным успехом она могла поехать в Лондон и вернуться, могла просто бродить по окрестностям. Возможно, она направилась в Доркинг, потому что ездила туда днем раньше. Мы не знаем, почему Агата взяла с собой так мало вещей, уложив их в небольшой саквояж: ночную рубашку, перчатки, туфли и водительские права. Может, она хотела замести следы, и права должны были выполнить функцию удостоверения личности. А возможно, этот набор вещей мог означать, что, несмотря на свое омраченное депрессией состояние, Агата попыталась взять все то, что обычно берут с собой люди, внезапно уезжая из дому. Мы никогда не узнаем, что было у нее на уме. Некоторые считают, что она хотела покончить с собой, а права должны были помочь найти и опознать тело. Однако у данной версии есть слабое место — кто же, собираясь покончить самоубийством, берет с собой ночную рубашку?

Теперь относительно брошенного автомобиля. Если дамой, которой помогал мистер Мак-Алистер, была Агата, значит, машина в самом деле была неисправна; если мотор заглох, то неудивительно, что в такую холодную погоду его пришлось заводить с помощью рукоятки. Рассказ Мак-Алистера передавался в разных вариантах, и неясно, был ли мотор горячий или уже остыл, когда он заводил его. Позже машину нашли внизу холма — по словам инспектора Кенуорда, фары были выключены, а согласно газетам, фары потухли, потому что

сел аккумулятор. В прессе также писалось, что машина была вся или частично покрыта инеем — причем есть три совершенно разных сообщения по этому вопросу. Теперь выяснить такие подробности, разумеется, нет никакой возможности.

Из материалов, собранных при тщательном обследовании окрестностей Ньюлендс-Корнера, вырисовывается примерно следующее. Едущая в направлении Гилфорда машина поднялась на вершину холма и там остановилась: было холодно, мотор барахлил и, вероятно, заглох. Агата пыталась ее завести, возможно, сняла шубку, потому что от физических усилий ей стало жарко. Ей на помощь пришел мистер Мак-Алистер, и затем она смогла двинуться вниз по склону холма с другой стороны. Ее «моррис» был оборудован специальной коробкой передач, и переключать скорость можно было только при определенном числе оборотов двигателя. Возможно, Агата неправильно переключила скорость, и автомобиль, потеряв управление, начал сползать под откос. На левом склоне холма, примерно на середине, был неглубокий карьер, теперь полностью заросший. Даже после расширения полотна дороги откос остался в этом месте настолько крутым, что и сегодня машина могла бы, вылетев с обочины, свалиться вниз. При подобной аварии водитель наверняка получил бы какую-нибудь травму.

Психиатр полагал, что Агата перенесла сотрясение мозга, а сама Агата вспомнила, что у нее на лице «была кровь». Горничная из отеля говорила, что «миссис Нил» закрывала лоб по утрам, пока не причешется. У нее был озноб и состояние шока, которые могли явиться следствием удара головой во время дорожного происшествия.

Возникает также вопрос о неких письмах, якобы оставленных Агатой. Одно из них, о существовании которого действительно известно, — это письмо к Карло с просьбой аннулировать заказ на номер в отеле в Беверли. Именно это письмо Карло передала в полицию; потом, когда Агата нашла письмо, вернули. Карло отказалась говорить о его содержании прессе, заметив только, что «были моменты, когда я не знала, чему верить... Письмо не дает ни малейшего представления, куда она могла отправиться... Это вообще очень личное письмо, в нем она говорит только, что чувствует — она должна покинуть этот дом».

Годы спустя Карло отдала это письмо Розалинде, которая показала его своему мужу. Тот был потрясен и сказал, что при таких обстоятельствах Агата вряд ли могла поехать в Йоркшир, что она просто ушла куда глаза глядят и дала

знать об этом Карло. Письмо еще раз доказывает, что самым мучительным для Агаты явилась именно унижительность всей ситуации, оно заканчивалось словами: «*Это совершенно непорядочно*». Вряд ли подобное письмо оставит человек, действительно собирающийся свести счеты с жизнью, а кое-что из написанного свидетельствует о том, что, несмотря на унижение, Агата все-таки ощущала себя хозяйкой своей судьбы: так, она подчеркивает в письме, что «*сможет уйти отсюда*». Видимо, это и была та «тревожная информация», которая навела старшего инспектора полиции Кенуорда на мысль, что миссис Кристи мертва.

Было и другое письмо — то, которое Агата послала брату Арчи, Кемпбеллу Кристи. Как и когда она его отправила, мы не знаем. Она могла, к примеру, написать его заранее и оставить у себя в клубе. Его могла отослать Карло, — впрочем, та ничего об этом не говорила. Агата могла и сама отправить его, когда делала покупки в субботу утром, если оно лежало в сумочке, которую она взяла с собой из машины. В этом случае возникает вопрос, почему имя и адрес на конверте не вызвали у нее никаких ассоциаций и не пробудили ее память. К этой проблеме мы вернемся, когда перейдем к рассмотрению различных проявлений амнезии.

Но согласно газетам, Агата оставила и третье письмо — для Арчи, в котором она объясняла, что уезжает в Йоркшир. Арчи не сообщал о нем полиции, впрочем, нет ничего удивительного, что Агата оставила письмо мужу, ведь написала же она о своих планах Кемпбеллу Кристи. Мы знаем, что она действительно собиралась поехать в Йоркшир и упоминала об этом в письме своему издателю, который, когда она исчезла, передал это кому-то еще, а этот кто-то десятилетия спустя вдруг вспомнил, что ему говорили, — типичный случай, показывающий, как постепенно и непреднамеренно искажались реальные факты.

Более серьезному и явно намеренному искажению подверглись обстоятельства ухода Агаты в книге Гвен Робинс «Тайна Агаты Кристи». Автор заявляет, что дочь старшего инспектора полиции Кенуорда (по мужу — миссис Добсон) открыла ей, что было «четвертое письмо», адресованное ее отцу с пометкой «строго конфиденциально», отправленное в пятницу, в тот вечер, когда Агата уехала из дому. «Он получил его в десять часов в субботу с утренней почтой и принес домой показать мне, прежде чем поставить в известность отделение полиции в Санингдейле и начать расследование, — будто бы сообщила миссис Добсон автору и

добавила: — Письмо было от женщины, которая опасалась за свою жизнь и просила помощи. На письме была подпись «Агата Кристи». В таком случае напрашивается целый ряд вопросов: почему Кенуорд не сообщил об этом письме в своем рапорте в министерство внутренних дел, почему он, допустив нарушение служебной этики, показал его дочери, несмотря на просьбу о конфиденциальности, почему Агата написала в полицию, притом что не доверилась даже собственной сестре, и почему она отправила письмо в полицейский участок Суррея, живя в Беркшире. Иными словами, строить догадки на подобном материале вряд ли вообще возможно.

Небрежное обращение с фактами и предвзятость — вообще характерная черта различных весьма сомнительных теорий, пытающихся объяснить исчезновение Агаты. Одна из них, совершенно дикая для всех мало-мальски знающих писательницу, будто она уехала из дому не одна; согласно другому столь же экзотическому предположению, она приехала в Харрогет, чтобы встретиться с сообщником или другом. На сегодня известно достаточно, чтобы отвергнуть эти теории не обсуждая.

Вскоре заговорили, будто Агата сбежала, чтобы насолить Арчи. Эта версия появилась в прессе вслед за «психологической гипотезой» Эдгара Уоллеса и основывалась на произвольной трактовке психиатрического заключения, где действительно отмечается «истерическое поведение» больной. Агата в самом деле чувствовала себя глубоко обиженной Арчи, но ее действия вряд ли были осознанной мстителью. Машина съехала в овраг в результате технической поломки, и Агата очутилась в Харрогете, скорее всего, спонтанно, по стечению обстоятельств.

Есть и такая версия, будто Агата попросту экспериментировала с сюжетом для одной из своих будущих книг. Эта теория получила распространение в результате неблагоразумных замечаний Арчи и опрометчивых предположений Кенуорда. С трудом верится, что ради интересного сюжета можно было уйти из дому посреди зимы, бросив маленькую дочь. А любому, кто знает, как Агата работала над сюжетами своих книг, совершенно ясна нелепость таких предположений. Для Агаты сочинение сюжета всегда было чисто интеллектуальным занятием — она никогда не описывала в своих произведениях реальных происшествий.

К этой теории близка другая — Агата-де исчезла для того, чтобы привлечь к себе общественное внимание. Зная ее за-

стенчивый характер, в это довольно трудно поверить. Одним из авторов этой версии стал Сэм Джеймс, муж небезызвестной Медж Джеймс. Совершенно не представляя себе возможного мотива бегства Агаты — он не был с ней знаком, — Джеймс предложил эту теорию, чтобы выгородить своего друга Арчи, которого могли подозревать (а может быть, он сам чувствовал себя подозреваемым) в убийстве жены. Сэм Джеймс не был одинок: предположение казалось реалистичным всем, кто верил во всемогущество прессы, и прежде всего самой прессе. Тем, чья работа — рекламировать самих себя или других, просто непонятно, как это человек может не желать быть в центре внимания. Ведь исчезновение Агаты вызвало просто шквал публикаций — предел мечтаний очень многих! Однако всем известно, что сенсация подобна снежному кому, она обрастает подробностями, все увеличиваясь в размере, собирает все хорошее и плохое на своем пути и в какую-то минуту выглядит очень впечатляюще, но потом потихоньку бесследно тает. Газеты, что называется, увлеклись. Простое и естественное объяснение — «потеря памяти» — казалось им слишком уж пресным! Хотелось чего-нибудь пикантного, иначе вся суета пропадет даром. Вот тут и пригодилась версия о «розыгрыше» — упор был сделан при этом на изобретательности Агаты как детективщицы, на то, какую шутку она сыграла с читателями своим романом «Убийство Роджера Экройда». Пресса якобы попала на хитроумную уловку писательницы, просто использовавшей ее, чтобы повысить собственную популярность. Это понять куда проще, чем вникать в медицинские и психологические аспекты понятия «амнезия».

Дело в том, что возможностей забыть так же много, как и способов вспомнить; даже новейшие исследования феномена памяти ставят больше вопросов, чем дают ответов. Можно утратить память как полностью, так и частично, воспоминания могут «перетасовываться», могут нарушиться ассоциативные и иные связи, но сам человек при этом может вести себя как бы нормально — «на автопилоте», в особенности если он устал или глубоко подавлен. Он может совершенно не ощущать боли, душевные страдания, видимо, тоже притупляются. Однако воспоминания иногда удается частично восстановить с помощью щадящих психотерапевтических методов (Агата, например, прошла несколько сеансов гипноза). Более редким и сложным проявлением загадочных процессов, протекающих в мозгу, является внезапная потеря памяти, известная под названием

«истерическая фуга», когда человек спасается от стресса, от непереносимого напряжения бегством в себя, отгородившись от внешнего мира, и, «хлопнув дверью», полностью забывает, кто он и где он. Некоторые психиатры полагали, что именно это и случилось с Агатой. На ее случай также проливает свет недавно появившееся исследование природы сомнамбулизма, или снохождения. Этому особенно подвержены в первую очередь те, кто весьма восприимчив к гипнозу. Поведение спящей сомнамбулы весьма рационально — феномен, издавна обращавший на себя внимание. Оказывается, что это специфический тип людей, которые и в повседневной жизни могут вести себя так, словно они находятся под гипнозом: именно их удел — галлюцинации, амнезия и тому подобное. До сих пор такие наблюдения проводились только над женщинами; все обследованные имеют стойкую склонность к фантазиям. При этом они способны вспомнить свое детство в мельчайших подробностях, а будучи взрослыми, склонны проводить свою жизнь в мире придуманного.

В данную теорию вполне укладывается и случай Агаты. Невероятная фантазерка, она относилась к той категории людей, для которых грань между реальностью и выдумкой почти прозрачна. Агата грезила наяву, вспоминала и рассказывала о своих грезах и сновидениях (например, про ужасного Стрельца с ружьем). Через свои грезы она познавала мир; некоторые из самых убедительных ее произведений — на грани сна и пробуждения, например, «Пес смерти», «Убийство во сне» и некоторые эпизоды из «Трупа в библиотеке». Агата также была необычайно впечатлительна. В отличие от Клары она не производила впечатления ясновидящей, способной читать чужие мысли, но есть много примеров ее удивительной чуткости в тех случаях, когда она бросалась на помощь своим друзьям, даже не услышав от них ни слова жалобы. Она сама описала свое предчувствие смерти Клары. Некоторые называют эту способность телепатией, другие — просто инстинктом. В «Неоконченном портрете» Агата описала, как художник Лэрреби интуитивно чувствует намерение Силии покончить с собой. Этот нюх присущ Эркюлю Пуаро, который анализирует «психологию преступления», и мисс Марпл, виртуозно применяющей прежний опыт к новым проблемам. Богатое воображение, застенчивость, интуиция — все это характерные черты тех, кто способен погрузиться в самогипноз по собственной воле. Она вполне могла забыть самое себя и в то же время заниматься обычны-

ми делами: садиться в поезд, делать покупки и т. п. От горя и невероятно нервного напряжения она могла сама спровоцировать потерю памяти, забыться и спастись в этом забвении — сработал защитный механизм психики.

В течение многих лет Агату беспокоило, что она не в состоянии полностью восстановить все события тех тяжелых дней. Уже после войны она посетила профессора теологии в Оксфорде, известного психоаналитика, который не практиковал, но считал своим долгом помогать всем, кто просит помощи. Он утверждает, что сказал Агате, что ее случай чрезвычайно сложный и что он не в силах помочь ей преодолеть ее собственные переживания, «заблокировавшие» ее память.

Спустя полвека после исчезновения Агаты версию о том, что оно было ловкой инсценировкой, реанимирует публикация в «Нью стейтсмен». В ней сообщается, будто бы лорд Ричи-Колдер (к тому времени он стал лордом) встретил Агату в «Гидро» еще прежде, чем ее опознал Арчи, и на его вопрос: «Вы Агата Кристи?» — она ответила: «Да. Но у меня амнезия». На самом деле заявление Ричи-Колдера звучало иначе. Он не говорил, что задавал Агате такой вопрос, не упоминал даже, что вообще с ней разговаривал, а сказал, что «встретился» с ней, — это может означать, что он просто видел Агату в помещении отеля. Цитирует ли автор статьи, мисс Робинс, газетную публикацию Ричи-Колдера или приводит его непосредственное высказывание, понять невозможно, поскольку прямые высказывания, цитаты из опубликованного источника и собственные рассуждения в ее тексте никак не разграничены. Воспоминания самого Ричи-Колдера (до сих пор не опубликованные) встречи с Агатой не описывают. Можно сделать вывод, что либо Ричи-Колдер предоставляет нам возможность самим домысливать, что же случилось тогда, либо он действительно говорил с Агатой, но по какой-то причине решил не распространяться на эту тему (что весьма странно для журналиста с его репутацией). Даже если он и обратился к Агате «миссис Кристи», а она ему ответила, это нам мало что объясняет. К тому времени Агата могла уже вспомнить, кто она, могла и растеряться и откликнуться машинально. По его словам, она держалась «сдержанно и хладнокровно», когда сталкивалась с людьми, которые вели себя чересчур назойливо. Но хладнокровие не означает намеренного обмана. В своей собственной статье для «Нью стейтсмен» Ричи-Колдер заявил: «Эмоциональное расстройство — да. Амнезия — нет», — весьма опрометчивый и скоропалительный

вывод после столь незначительной встречи, если таковая вообще произошла.

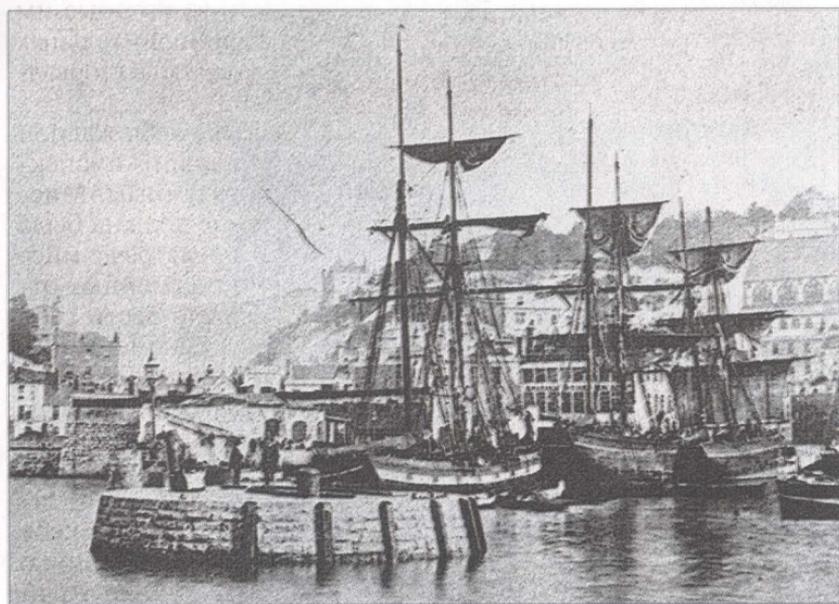
История, которую принимается раскручивать пресса, нередко обрастает самыми невероятными и немыслимыми подробностями. Так случилось и с Агатиным исчезновением. За те злосчастные десять дней о ней успели нагородить столько небылиц, что и теперь делается не по себе. Толпы журналистов, преследовавшие их с Арчи всю дорогу от Харрогета до «Эбни», их назойливость, и бесцеремонность, и наглые попытки сфотографировать — все это явилось для Агаты хорошей школой. С тех пор она тщательно оберегала свою личную жизнь от праздного любопытства прессы.

В то время в газетах появились сообщения, будто бы к поискам было привлечено много дополнительных сил полиции, на что затрачено около двенадцати тысяч фунтов из кармана налогоплательщиков Суррея и Беркшира. Этот вопрос поднимался даже в парламенте. Секретарь министерства внутренних дел ответил парламенту, что дополнительные расходы на поиски «составили 12 фунтов 10 шиллингов» и пошли в основном «на горячий чай для полицейских». Об этом, в частности, сообщил старший инспектор полиции Кенуорд, ядовито заметив, что «полицейские выполняли свои прямые обязанности, за которые им и платят жалованье», поэтому ни о каких дополнительных расходах говорить не приходится. На месте Кенуорда взорвался бы и менее импульсивный полицейский.

Итак, каковы же выводы? Пресса показала себя жадной до сенсаций и неприлично назойливой. Старший инспектор Кенуорд — невыдержанным и неблагоразумным. Миссис Джеймс, как она позже отметила сама, не должна была потакать Арчи, предоставляя ему свой дом для встреч с мисс Нил, не узнав прежде о состоянии Агаты и о семейных отношениях Кристи. Самой мисс Нил следовало вести себя более осмотрительно, но в ее случае давать рекомендации труднее. Пока Кристи разбирались со своими проблемами, она ни с того ни с сего отправилась в кругосветное путешествие. Карло проявила исключительное благородство. Она оказалась в трудном положении: ей доверяли, и она многое знала, но считала себя не вправе поделиться даже с Агатиной сестрой, Медж Уотс. Она никогда не переставала себя корить за то, что уехала в Лондон в ту роковую пятницу; с этого времени она посвятила себя Агате и Розалинде. Арчи вел себя опрометчиво — слишком импульсивно и безрассудно. Но он вовсе не был ни порочным злодеем, ни воло-

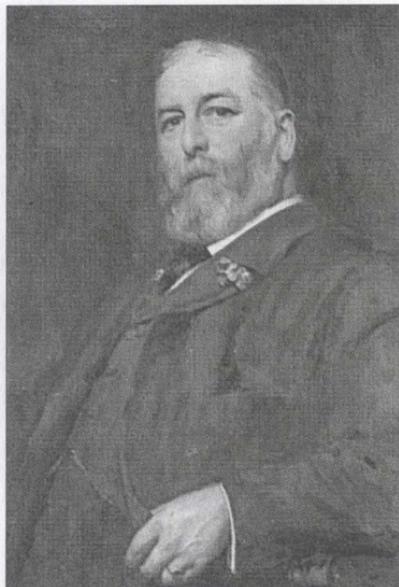
Торки. Центральная площадь города

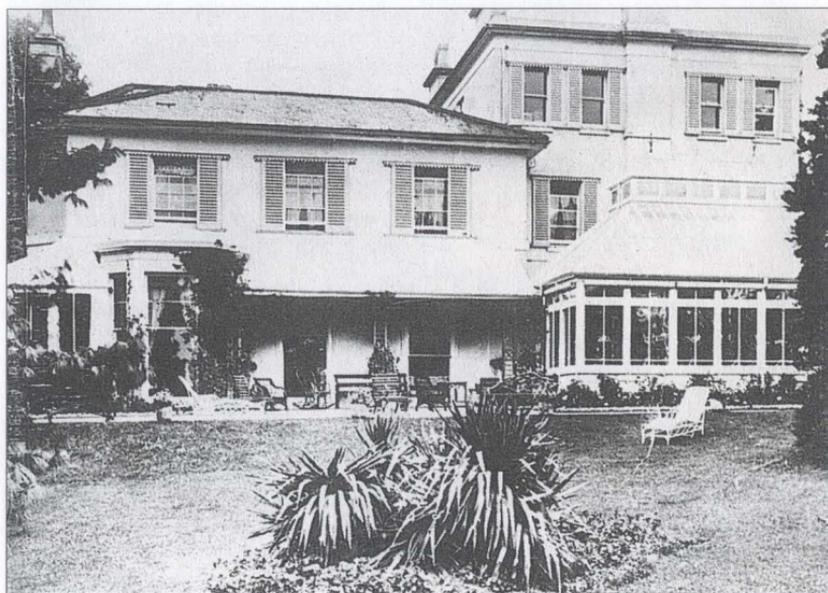
Торки. Вид с причала в год рождения Агаты

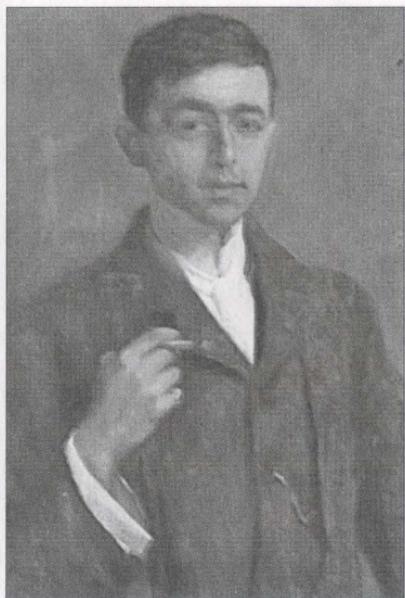
Мама

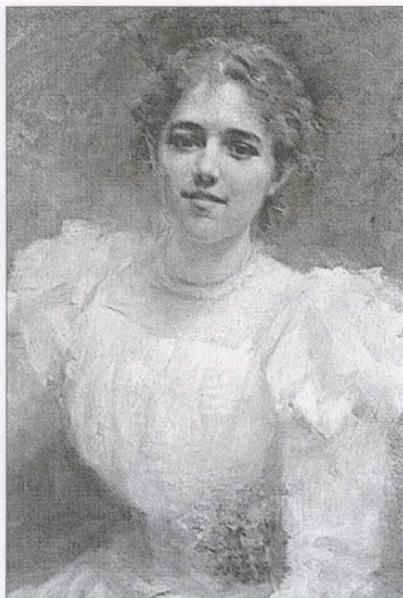
Отец

Эшфилд

Брат Монти

Сестра Мэдж

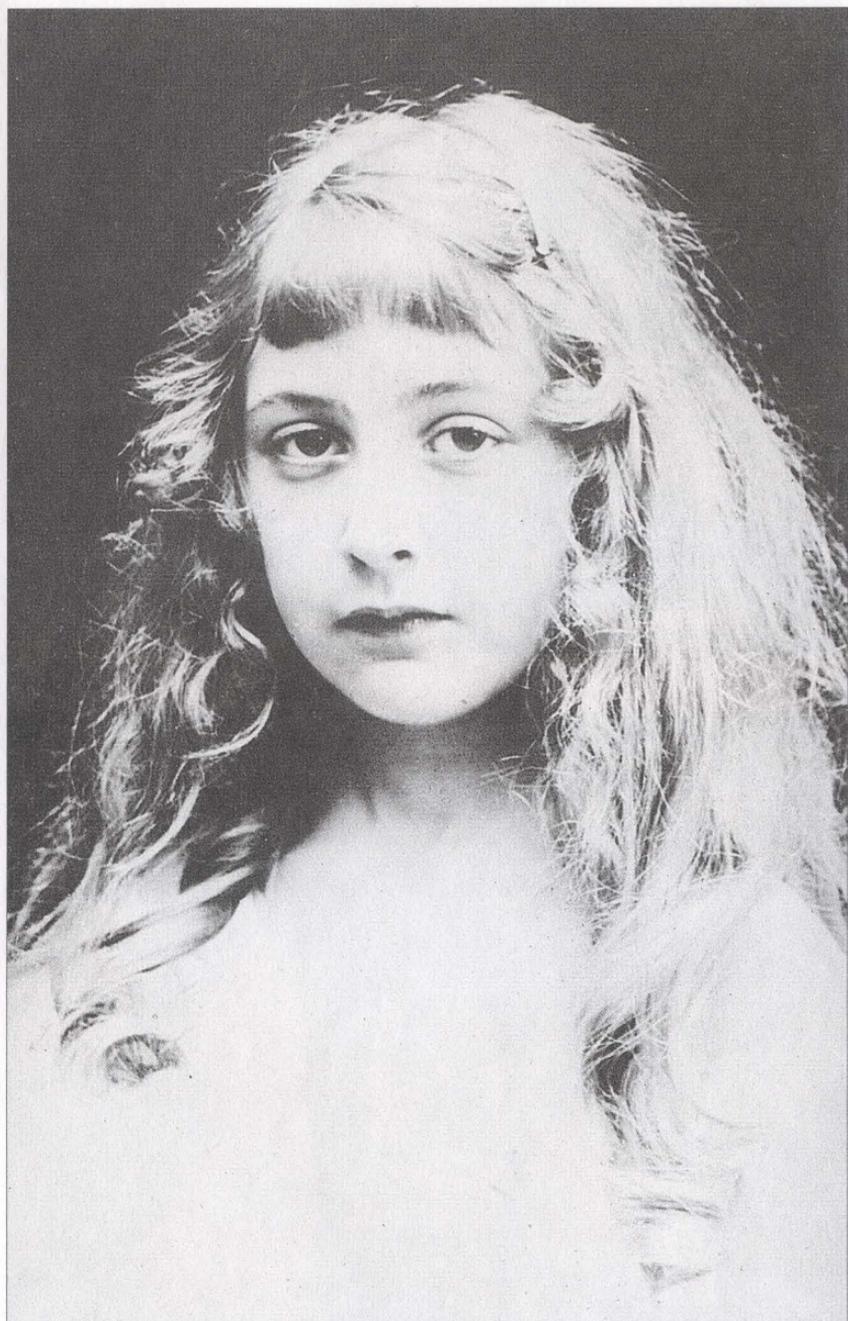
Няня

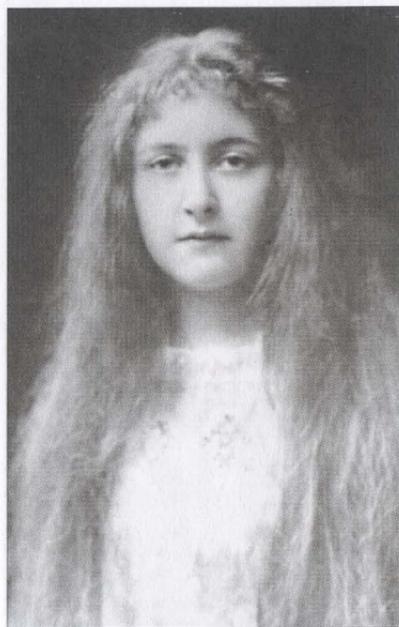
Портрет Агаты в 5 лет...

...она же в 16 лет

Сразу после возвращения из Франции, 1900 г.

После окончания школы

Урок танцев. Агата в центре

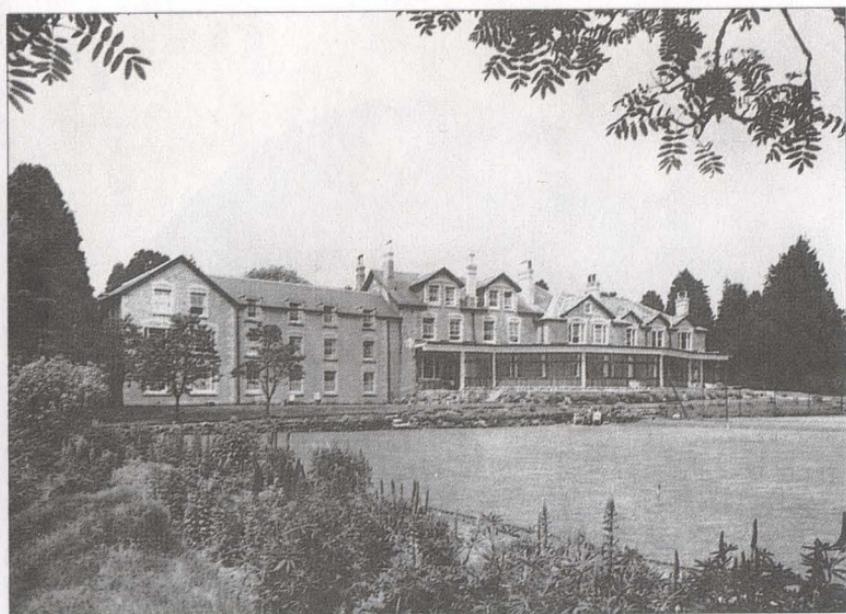
Мама незадолго до начала Первой мировой войны

Бабушка-тетушка. В дальнейшем прототип мисс Марпл

На Елисейских полях, в Париже

Отель «Мурленд», где Агата заканчивала свой первый роман
«Тайнственное происшествие в Стайлз»

Арчибальд Кристи.
Первый муж Агаты Кристи

С Розалиндой

С коллекцией деревянных игрушек, привезенной из Родезии

Уже известная
писательница, 1926 г.

Фотография миссис Кристи перед самым ее
исчезновением. 1926

MRS. CHRISTIE DISGUISED.

Mrs. Agatha Christie as she was last seen (centre), and (on left and right) how she may have disguised herself by altering the style of her hairdressing and by wearing glasses. Col. Christie says his wife had stated that she could disappear at will if she liked, and, in view of the fact that she was a writer of detective stories, it would be very natural for her to adopt some form of disguise to carry out that idea.

Статья в газете, где приводятся фотографии мистера Кристи, дома четы Кристи и его высказывание, что Агата могла исчезнуть, воспользовавшись одним из приемов, которые она применяла в своих книгах. Внизу в центре — последнее фото Агаты, справа и слева — как она может выглядеть, если вознамерилась изменить свою внешность с помощью очков и парика

Единственная фотография миссис Кристи во время ее «исчезновения» в Харрогейте

Заметка в «Дейли экспресс», в которой рассказывается о поставленном врачами диагнозе: «безусловная потеря памяти»

BULLETIN ON MRS. CHRISTIE

LOSS OF MEMORY
CERTIFIED BY
DOCTORS.

“UNQUESTIONABLE.”

HUSBAND'S LETTER TO
THE 'DAILY EXPRESS.'

“Daily Express” Special Correspondent.

MANCHESTER, Thursday.

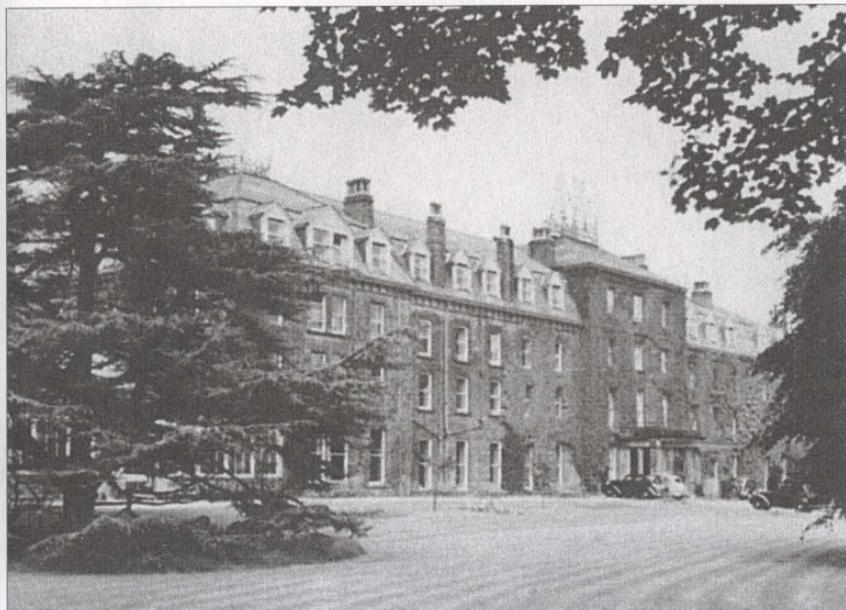
LATE this afternoon two doctors held a consultation over Mrs. Christie, and in the evening Colonel Christie, who is staying with his wife at Abney Hall,

MRS. CHRISTIE AND HER DAUGHTER.

Chandle, handed to me the following bulletin:—

“After a careful examination of Mrs. Agatha Christie this afternoon, we have formed the opinion that she is suffering from an unquestionable loss of memory, and that for her future welfare she should be spared all anxiety and excitement.

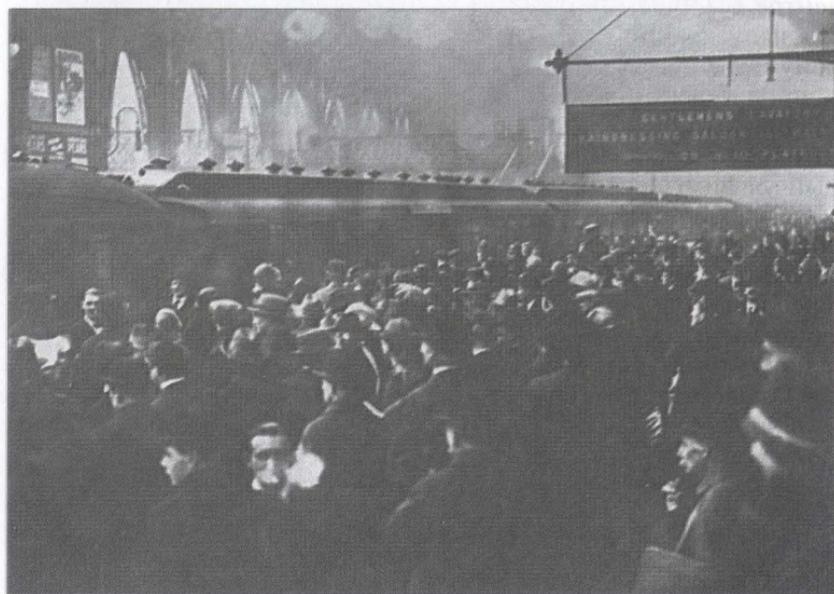
Харрогетский отель «Гидро», где Агата Кристи скрывалась
во время своего «исчезновения»

«Тихий пруд» у Ньюленд-корнер был обследован
в самом начале поисков

Полицейские прочесывают заросли

Огромная толпа почитателей встречает миссис Кристи на станции «Кингс-Кросс» после ее «исчезновения»

китой, ни каким-то особенно извращенно жестоким по отношению к своей жене. Самой же Агате, вероятно — если уж мы беремся давать свои рекомендации всем участникам былой драмы, — следовало проявить больше стойкости и обратиться за помощью к близким, а не замыкаться в своем горе, доведя себя до серьезной болезни. Цена, заплаченная за все Арчи и Агатой, — это плата за наивность и опрометчивость. Обошлось им это дорого — их жизнь стала объектом длительного и подробного обсуждения широкой публики, что весьма нелегко вынести. Но Арчи, претерпев все, в конце концов обрел счастье в браке с Нэнси Нил, и Агата, несмотря на перенесенный глубокий и длительный шок, сумела наладить свою жизнь

Глава 13

Лондон — Париж — Лозанна — Милан

С этого момента фигура Агаты как бы раздваивается. Одна Агата Кристи — это писательница, за которой с неослабным интересом следит пресса и читающая публика, она в центре всеобщего внимания — популярный автор, каждый год выпускающий без видимых усилий по детективному роману и по несколько рассказов. Достоинства и недостатки ее произведений подвергаются постоянному и тщательному анализу. Но по-прежнему множатся всяческие слухи и кривотолки о ее характере и поведении, особенно в тот, самый уязвимый период ее жизни. Этой Агате Кристи, при всем восхищении, питаемом к ней любопытной публикой, приходится следить за каждым своим шагом, тщательно оберегать свою личную жизнь, что только подогревает интерес к ней, делая ее образ более таинственным: чем больше она избегала откровенностей, тем настойчивее все пытались что-нибудь вызнать; чем меньше говорила о себе, тем больший интерес вызывала. Агата Кристи во всем мире становилась олицетворением самого понятия «детектив»

Другая Агата была человеком простым, естественным, домашним — обыкновенной женщиной, которая предстает со страниц ее «Автобиографии», без мифов, без фирменного ярлычка «Агата Кристи». В разные годы жизни ее называли по-разному: «Агата-Пагата, пеструшечка моя», — приговаривал отец; Агатой Миллер звали задумчивую и любознательную девочку; Мак-Миллер и Натаниэл Миллер, Мартин Уэст и Моустин Грей — такими псевдонимами она подписывала

свои первые литературные опыты; потом она стала миссис Кристи и Ангелом своего Арчи; а потом — Терезой Нил, несчастной, забывшей себя. Потом будет и Мэри Уэстмакотт, романистка; и миссис Агата Кристи — автор детективов; и миссис Мэллоуэн — по фамилии своего второго мужа, а позже — леди Мэллоуэн; Нимой станет называть ее внук и правнуки, Эндж — племянник Джек; и, наконец, Дейм¹ Агата, которую очень хорошо знало британское почтовое ведомство, поскольку мешками доставляло ей письма, адресованные просто: «Беркшир, величайшей писательнице». Публика читала книги Агаты, смотрела ее пьесы и писала ей письма, надеясь получить ответ.

А у нее совсем не было сил, особенно после суматохи 1926 года. Начало следующего года Агата провела, лечась на Харли-стрит, все еще не зная, что будет с ее семьей, где она будет жить и как все последние события отразятся на Розалинде. Она задолжала издателям книгу и отчаянно нуждалась в деньгах, но была совершенно не способна писать, так что ни одна из этих проблем не имела решения.

Пятнадцать лет спустя, попросив своего агента придер-жать рукопись про запас, она, вспоминая то время, объясняла: «Однажды я была в такой ситуации, когда хотела писать как раз ради денег и почувствовала, что не смогу. Ужасное положение! Была бы у меня тогда хотя бы рукопись, хоть что-нибудь в запасе! Именно тогда мне пришлось срочно сделать эту отвратительную книгу «Большая четверка» и бросить все силы на «Тайну «Голубого экспресса».

«Большая четверка» была сборником последних двенадцати рассказов про Пуаро, опубликованных в «Скетче». По предложению Кемпбелла и с его помощью Агата собрала их вместе. Книга хорошо расходилась, но Агата осталась ею недовольна. Они с Розалиндой провели лето в Девоне со старыми друзьями, а осенью Агата снова взялась за книгу, над которой работала перед самой смертью Клары. Она пыталась диктовать ее Карло, жившей теперь с ними в Челси. Розалинда ходила в маленькую частную школу и училась отлично (Агата сохранила все ее табели успеваемости), но очень скучала по отцу, хотя Арчи часто навещал ее и брал с собой. По вечерам в воскресенье Розалинда писала ему письма. Агата все еще надеялась сохранить семью. Однако Арчи был убежден, что только женитьба на Нэнси мо-

¹ Титул, аналогичный мужскому «сэр» и означавший рыцарское звание; присваивался женщинам, удостоенным ордена Британской империи.

жет сделать его счастливым. Поневоле Агате пришлось дать согласие на развод. Она глубоко переживала, поскольку продолжала любить мужа и скучала по нему; страдание усугублялось еще и чувством вины перед Розалиндой — из-за того, что Агата не смогла удержать Арчи, девочка лишилась полноценной семьи. Она всегда чувствовала себя виноватой перед Богом и после развода никогда не принимала церковного причастия, считая себя недостойной. В это тяжелое время главной поддержкой для Агаты были два человека — муж сестры Джеймс, который помог ей понять, что Арчи вернуть невозможно и нужно сконцентрироваться на собственной работе и собственной жизни, и Карло, с самого начала почувствовавшая, что, однажды уйдя, Арчи не вернется. Поддержанная и ободренная этими двумя верными союзниками, Агата в феврале 1928 года, взяв Розалинду и Карло, покинула Англию и направилась на Канарские острова, чтобы закончить «Тайну «Голубого экспресса». Они объехали все острова в поисках хорошего места для купания и остановились в Лас-Пальмасе, где имелся хороший пляж для серфинга. Фотографии запечатлели Агату, загорающую на солнышке и плещущуюся с Розалиндой среди скал, но глаза у нее запавшие и грустные, а поза напряженная.

С горем пополам «Тайну» Агата закончила. Из записной книжки, которую она брала с собой, видно, насколько тяжелой была работа. Кроме заглавий для каждой скрупулезно разработанной главы, она составляла целый словник. В повести много замечательных, лучезарных пейзажей — будто искрящееся море, яркий солнечный свет и длинные тени Канарских островов вдохновляли Агату, когда она описывала природу французской Ривьеры, где происходит значительная часть событий книги. Героиня, Кэтрин Грей, — одна из тех неунывающих, самодостаточных и независимых молодых женщин, которых немало и в других книгах Кристи. Как и Агате, в то время ей слегка за тридцать, много раз повторяется, что она примирилась с одиночеством, но ведет себя героиня совсем не так, как автор. Разумеется, «Тайна «Голубого экспресса» — не лучшая из вещей Кристи, она изобилует избитыми фразами и сентиментальными сентенциями, но все равно трогает читателя — и не только потому, что в ней много говорится о любви и разводе: это попытка самой Агаты стать энергичной и предприимчивой. Последние строки книги в этом смысле особенно показательны, в них, как в зеркале, отразилось тогдашнее душевное состояние Агаты. Не случайно застенчивая от природы писательница всегда приходила в му-

шение и замешательство, говоря об этой книге. Эркуль Пуаро беседует о «Голубом экспрессе», курсирующем между Лондоном и Ривверой, с молодой, брошенной мужем американкой, которая обращает его внимание на постоянство и неумолимость движения поезда: «Людей убивают, люди умирают, а поезда идут себе как всегда». Пуаро мягко, по-отечески, отвечает, что жизнь в этом смысле похожа на поезд, который в конце концов достигает пункта назначения. «Положитесь на поезд, мадемуазель, — советует он, — потому что сам Бог ведет его».

Агата успокаивает и уговаривает самое себя, ведь ее душевные раны все еще кровоточат. «Тайна «Голубого экспресса» посвящена двум верным товарищам, которые поддерживали ее в тяжелые времена в «Стайлзе» — Карло и Питеру. Надпись в начале книги гласит: «Членам моей семьи — Шарлотте и Питеру».

Агата мучительно переживает измену Арчи. В коробку с его письмами и различными памятливыми безделушками она положила вырванную страницу из Псалтири — псалом пятый, строфы 13 и 14: «не враг поносит меня, — это я перенес бы; не ненавистник мой величается надо мною — от него я укрылась бы; но — ты, который был для меня то же, что я — друг мой и близкий мой».

В апреле 1928 года Кристи развелись. В «Автобиографии» Агата очень мало говорит про этот год, за исключением упоминания о поисках школы для Розалинды, которая хотела ходить в большую школу — «самую большую, которая может быть». После многочисленных поисков Агата выбрала начальную школу в Бексхилле под названием «Каледония», которая со своим персоналом, учениками и традициями, как и следующая школа Розалинды — «Бененден» — стали прототипом закрытой школы для девочек в «Кошке на голубятне». Примечательно, что в поисках школы Агата обратилась к своей старинной подруге и коллеге Эйлин Моррис, не только потому, что брат Эйлин, Джон, был директором начальной школы для мальчиков и мог помочь советом. Всегда во все трудные моменты своей жизни Агата находила у Эйлин моральную поддержку. Именно рассудительная и самостоятельная Эйлин посоветовала Агате всерьез заняться писательством и посылать свои произведения в журналы, еще раньше она пригласила ее работать в аптеку, а теперь поддерживала в новой, независимой жизни. На фотографии того времени Эйлин в модном, шегольском пальто выглядит решительной и непреклонной

рядом со слабой и нежной Агатой. По всей видимости, на Эйлин действительно можно было опереться.

В это время Агате, несомненно, было одиноко. Конечно, у нее была Карло и круг замужних подруг в Лондоне, но идти одной или с другой женщиной туда, куда прежде ходила с мужем, для Агаты было просто невыносимо. И она поступила, как всегда в подобных ситуациях — с головой ушла в работу. В 1928—1929 годах она написала несколько рассказов, которые продала в журналы. Благодаря этим рассказам, а также последующим двум книгам («Тайна циферблатов» и «Сообщники») она расплатилась с долгами.

Первые наброски к «Тайне циферблатов» Агата сделала в маленькой записной книжке, забытой Арчи. Несколько первых страниц заполнены набросками для других рассказов («Пятна на остановке... Капли на обшивке поезда метро?.. Лежащий в крови зонтик...»). Агата обычно брала любую попавшую под руку записную книжку — иногда это были школьные тетради Розалинды или специальные книги для записей домашних расходов — и на свободных страницах поспешно набрасывала общий план своих будущих произведений. Она писала торопливо и неразборчиво, карандашом или ручкой — что подвернется под руку. «Новая книга» — этими словами начинается страница, на которой она записала первые наброски к «Тайне циферблатов». Вначале она не была уверена ни в названии (альтернативой было «Загадка шести»), ни в сюжете: «Бандл и ее отец. Она едет в Лондон — сбивает человека — или пытается его объехать — но ей кажется, что она убила его — он еще жив... Секрет шести... Врач говорит, что в мужчину стреляли...». Однако на следующей странице ее наброски уже выстраиваются в логическую цепь, предшествующую повествованию. В начале страницы четко написано: «Семь циферблатов», а дальше идет изложение сюжета: «Вечеринка в загородном доме. Одному из гостей очень тяжело вставать по утрам. Решают пошеутить над ним. Покупают будильники и расставляют по всей комнате. Утром он не выходит. Он мертв. Один будильник исчез. Осталось шесть...» Долго колеблясь с названием, она в конце концов все-таки остановилась на «Тайне циферблатов». С самого начала Агата решила снова взять в оборот энергичную и аристократичную Бандл, которая впервые появилась в «Тайне замка Чимниз». Другой роман Кристи, появившийся в тот год, «Сообщники», опять выводит на сцену Томми и Таппенс Бирсфорд. Теперь они женаты, стали немножко старше и, возможно, по этой причине держатся смелее и уве-

ренней. Альберт, помощник проводника в «Таинственном противнике», стал их доверенным слугой. И «Тайна циферблатов», и «Сообщники» — яркие, веселые книги с неприужденными диалогами и хорошо разработанным сюжетом. В «Сообщниках» интрига сделана настолько тонко, что напоминает хорошо взбитый пудинг, «очень вкусный, но мгновенно тающий во рту», — как заметила сама Агата спустя пятьдесят лет в письме к Эдмунду Корку. Идея заставить Томми и Таппенс пародировать разговор и манеру персонажей чужих книг (например, «французского инспектора» Фримана Уилса Крофта или «Отца Брауна» Г. К. Честертона) в то время ее совершенно захватила. Она сознавала, что больше всех ей удался рассказ «Человек под номером 16», в котором она иронизирует в адрес собственного Эркюля Пуаро. Тот факт, что Агате хватило духу шутить не только над другими детективными авторами, но и над собой, свидетельствует, что она обрела былую форму, к ней вернулось чувство собственного достоинства, — в общем, ее душевная жизнь понемногу возвращалась в норму. Ее постепенно составляют горькие воспоминания, она снова становится таковой, какой была когда-то. И о деньгах теперь не приходится беспокоиться — ее книги прекрасно продаются, газеты и журналы готовы печатать любые ее произведения, она вновь почувствовала вкус к работе. Она была полна идей, довольна новым издателем и уверена в своем агенте.

Об улучшении душевного состояния Агаты в конце 1928 года свидетельствует то, что в это время она решается на смелый эксперимент и приступает к написанию большого романа, который нельзя назвать ни детективом, ни триллером — со сложным сюжетом и амбициозной темой. «Хлеб великанов» был передан Коллинзу еще в январе 1929-го, но увидел свет он лишь в 1930 году под псевдонимом «Мэри Уэстмакотт» — судя по некоторым черновикам, вначале Агата и вовсе собиралась подписать его именем «Натаниэл Уэстмакотт» в честь своего дедушки и прадедушки. Взяв чужое имя, она, возможно, хотела этим подчеркнуть совершенно другой жанр произведения, дабы избежать невольных сравнений с ее собственной детективной продукцией; детективы уже стали ее профессией, и публика ничего другого и не ждала от книг под именем Кристи. А этот роман, при всей своей занимательности, — композиционно более рыхлый, чем детективы, он изобилует теоретическими рассуждениями, возвратами в прошлое и лирическими зарисовками. «Хлеб великанов» затрагивает очень

много разных тем — пожалуй, даже слишком много — и изобилует жизненными впечатлениями самого автора. Воспоминания героя о детстве восходят к детским воспоминаниям самой Агаты, а кое-что — например, история о том, как маленький мальчик мечтал встретить Бога, — появилось в результате общения с племянником Джеком. Жена главного героя, Нелл Дейр, работала сиделкой во время Первой мировой, как в свое время Агата, а образ певицы Джейн, сорвавшей голос, вызывают в памяти Агадины мучительные попытки стать оперной певицей.

Роман в первую очередь привлекает именно глубоко личной интонацией, тем, что выражает собственные мысли и чувства Агаты. Книга отразила все болевые точки жизни самой писательницы: несбывшиеся желания; трагическую любовь и предательство; стремление к признанию и глубинная потребность в анонимности. Что же до самого сюжета, то он весьма легковесный, но, как и в своих детективах, Агата в нем убедительна, отчасти оттого, что темп происходящих событий не оставляет времени для размышлений, отчасти же потому, что как бы отрывочно и схематично они ни были показаны, самый облик действующих лиц, их разговоры и чувства подлинны и точны. Агата выверяет каждую деталь и любую мелочь. Если по ее криминальным романам можно изучать действие ядов, топографию и тонкости юриспруденции, то «Хлеб великанов» столь же точно и достоверно отображает положение в искусстве перед Первой мировой и сразу после нее. Рассуждения писательницы о балете весьма профессиональны, описание общественной реакции на современную музыку очень точно соответствует действительности, она очень грамотно анализирует состояние театральной жизни, творческие амбиции футуристов, постреволюционное советское искусство и, в частности, истоки и возможности современной музыкальной композиции. Она интересовалась новыми музыкальными течениями, и в «Хлебе великанов» наиболее любопытными кажутся страницы, где она рассуждает о новых подходах и средствах художественной выразительности. Агата много размышляла об эксперименте в искусстве, наблюдая за творческим становлением композитора и пианиста Роджера Коука, мать которого была подругой Медж Уотс. Именно Коук подсказал Агате некоторые тонкости для описания оперы Вернона Дейра «Великан», хотя большая часть замысла была ее собственной, что видно, если сравнить окончательный текст романа с ее первыми набросками.

Образ Вернона Дейра нельзя назвать автобиографическим, за исключением того момента, когда Вернона, уже взрослого, одолевают неясные воспоминания. Друзья убеждают его обратиться к психоаналитику, который пытается восстановить смутные, давящие на него образы из прошлого. Доктор, «высокий, худой мужчина, глаза которого, кажется, смотрят тебе в душу и там читают такое, о чем ты сам даже не предполагал», заставляет его «увидеть те вещи, которые сам видеть не хочешь». Этот отрывок — явное воспоминание о курсе лечения, пройденном Агатой в 1927 году. Есть в романе и другие сходные моменты — боязнь Чудовища у Вернона перекликается с ужасом Агаты перед Стрельцом, и как Вернон сталкивается наяву со своим кошмаром, так и Агата при написании этой книги столкнулась со своим. Между первой и второй страницей ее записей заложен четырехлистный клевер. Никто не знает, кто и когда его туда положил, однако это весьма точный символ, означающий чудесное, счастливое преодоление.

Став преуспевающей писательницей и обретя финансовую независимость, Агата была готова сделать следующий шаг. И осенью 1928 года, когда Розалинда уехала в школу и, как вскользь упомянула Агата в «Автобиографии», ее «могли навещать Карло и Москитик», она решает отправиться в Вест-Индию погреться на солнышке. За два дня до отплытия она обедала с друзьями и познакомилась с парой, которая только что вернулась из Багдада. Агата была очарована их рассказом, а узнав, что в Багдад можно добраться не только морем, но и Восточным экспрессом, еще больше обрадовалась. С детских лет у нее в памяти остались волшебные сказки — Багдад казался ей тогда средоточием сказочного Востока, родиной Шехерезады, Аладдина и Синдбада, полной волшебными лампами и населенной султанами и джиннами, — а от названий мест, по которым проходил Восточный экспресс, веяло романтикой: Лондон — Париж — Лозанна — Милан — Венеция — Триест — Загреб — Белград — София — Стамбул, потом Алеппо и Бейрут.

Для Агаты, как и для многих людей до нее и после, путешествие поездом уже само по себе было чудесным отдыхом и развлечением. Достаточно купить билет — и ты уже чувствуешь себя свободным и летишь навстречу новым горизонтам: даже в самом стуже колес есть что-то умиротворяющее, гудки паровоза и мерное покачивание вагона убаюкивают, и кажется, будто все проблемы остаются позади. И сам поезд, и страны, через которые он проезжает, — это

новый, неизвестный мир для собравшихся вместе пассажиров. За время пути каждый пассажир мысленно сортирует всех своих спутников не только по классу их билета, но и по манерам, внешнему виду, национальности, возрасту. Покуда едешь по железной дороге, с тобой может случиться все что угодно, ты и ждешь этого, и не ждешь, и в уюте вагона предчувствие близкой опасности сладко щекочет нервы. Кроме того, поезд — идеальное место, чтобы доверить тайну незнакомцу, а главное — как открыла нам Агата, — замкнутое пространство вагона с его известным заранее числом пассажиров — идеальное место для совершения загадочного преступления. Многие из описанных ею убийств происходили именно в узком кругу знакомых между собой людей и при вполне вроде бы благополучных внешних обстоятельствах. Поезд для долго едущих в нем пассажиров становится их собственным маленьким миром. Агата часто описывает этот мирок в своих произведениях. В каком-то смысле это еще и метафора: бегущая по налаженным рельсам жизнь вдруг преподносит сюрприз, порой ужасный; спокойную логику нарушает алогичность человеческих поступков, и воля нелепого случая — образ символический, весьма подходящий для той эпохи.

Основной темой, к которой обращались английская литература и искусство в тридцатые годы, было пересечение границы и размышление о таинственной, порой условной природе моральных, эмоциональных, политических, а заодно и географических границ. Поезд давал благодатный материал для таких размышлений, а «Восточный экспресс» был идеальным поездом во всех отношениях. В общем, Агата поспешила в компанию «Томас Кук» и поменяла билет.

Пять дней спустя она отправилась в Багдад — самое длинное путешествие, совершенное ею в одиночку. В «Автобиографии» она описывает, каково было решиться путешествовать одной, проехать из Европы в Азию («Я чувствовала себя отрезанной от прежней жизни — тем интереснее была новая, незнакомая жизнь и оттого меня гораздо больше увлекали те места, по которым я проезжала»), чувствовать на себе восхищенные взгляды и принимать ухаживания разнообразных джентльменов. Агата вскоре осознала, что мир сам помогает тому, кто путешествует в одиночку. До приезда в Ур самые яркие впечатления у писательницы — от людей, встреченных в пути: словоохотливой английской дамы из Багдада, настойчиво приглашавшей ее в гости, служащего компании Кука, французского коммивояжера, дамы-турчанки, силь-

но горевавшей, что у Агаты только один ребенок. Но и местной экзотике она тоже по мере сил отдает должное: ужасающей паровой ванне в «Ориент-Палас-отеле» в Дамаске; прекрасным серебряным блюдам на базаре в Баальбеке; допотопному автобусу, на котором она через пустыню приехала в Багдад. Есть в ее дневниках и воспоминаниях описания более поэтические: солнце, садящееся в узком ущелье, которое ведет в Турцию и Сирию; завтрак на рассвете в пустыне, «когда стоит мертвая тишина, нет даже птиц; песок, струящийся между пальцами, встающее солнце, вкус колбасы и чая. Чего еще можно желать от жизни?!»

В Багдаде Агата обнаружила, что ее усердно преследует та самая гостеприимная англичанка — расставшись в Триесте, они снова встретились во время поездки через пустыню. Вместо того чтобы хоть на время забыть об Англии, Агате пришлось какое-то время провести в компании английских эмигрантов с их свято соблюдаемыми английскими обычаями. Агата решила сбежать. Следующей после Багдада достопримечательностью был древний Ур недалеко от побережья Персидского залива. Это название было хорошо знакомо тем, кто, как Агата, прекрасно знал Библию. Ведь в Уре зарождалась шумерская цивилизация, отсюда пошло Шумерское царство, ранее называвшееся Вавилоном. Уровень развития Шумера был настолько высок, что позволял строить каналы и водные пути, связавшие города и селения царства. Здесь была разработана система клинописи — один из первых в истории алфавитов. Ур стоял на слиянии двух великих рек, Тигра и Евфрата, и являлся самым важным центром Шумерского царства. В 1922 году здесь начала работать экспедиция под руководством Леонарда Вулли, знаменитого археолога, до Первой мировой войны работавшего с Т.Э. Лоуренсом в Сирии, а позже в Египте. Его работа дала возможность проследить историю Ура от самого зарождения (около четвертого тысячелетия до нашей эры) до его гибели.

В юности, как мы помним, Агата не проявила особого интереса ни к находкам в Каирском музее, ни к египетским пирамидам, но позже, во время «имперского путешествия» Белчера, она уже с энтузиазмом посещает выставки древностей и с восторгом пишет об африканских черепахах и тасманских окаменелостях. Про открытия Леонарда Вулли она прочитала в «Иллюстрэйтед Лондон ньюс». Отчасти веря в это сам, отчасти ради сенсации Вулли заявил, будто развалины Ура хранят следы Всемирного потопа, упоминаемого в эпосе о Гильгамеше, а также в биб-

лейской Книге Бытия. На дне глубокой шахты он наткнулся на полосу наносной глины, смешанной со светлым песком. Здесь же он нашел останки доисторических животных — по его мнению, жертв потопа, а ниже — следы тростниковых хижин, построенных первыми обитателями Ура. На самом деле Вулли нашел следы наводнения, происшедшего по меньшей мере за тысячелетие до предполагаемого потопа, однако его заявления наделали много шума во всем мире. К 1928 году все уже были наслышаны про Ур и про шумерские сокровища, найденные в царской усыпальнице, особенно про золотой кинжал в золотых, украшенных лазуритом ножнах, обнаруженный в 1926 году. Хорошо информированной английской публике были известны рисунки и фотографии зиккурата, впечатляющего своим экзотическим видом не меньше, чем названием: возвышающейся над равниной трехступенчатой башни-храма, сложенной из красного кирпича с тройной лестницей, «устремляющейся ввысь среди бескрайнего моря песка, меняющей свой цвет с бледно-абрикосового на розовый, голубой и розовато-лиловый».

Неумная, как и Клара, в своем стремлении увидеть все новое и необычное, Агата отправилась в Ур. Хотя обычно посетители на раскопки Вулли не допускались, ее приняли тепло. Причиной неожиданного гостеприимства оказался тот факт, что Кэтрин, жена Леонарда, только что прочитала «Убийство Роджера Экройда» и была в полном восторге от книги. Агате повезло, поскольку Кэтрин Вулли относилась к категории тех дам, кто не жалуется других женщин в своем окружении. Она принадлежала к числу тех эгоцентричных и очаровательных особ, которые предпочитают мужское общество и ждут от мужчин исполнения всех своих капризов — и те вполне оправдывают ожидания, в чем Агата имела возможность убедиться на раскопках. Кэтрин была неплохим, но не особенно успешным скульптором, и в заказах зависела от Леонарда. Он был ее вторым мужем; первый застрелился у подножия Большой пирамиды вскоре после их медового месяца, и шок от этого события сделал поведение Кэтрин еще более эксцентричным. Она была очень красива и, по словам Гертруды Белл, знаменитой путешественницы по арабскому Востоку, весьма опасна. Агата, почувствовавшая к ней одновременно и симпатию, и раздражение, назвала ее *allumeuse*¹ — женщиной, которая неизбежно, нередко впол-

¹ Поджигательница (*фр.*).

не сознательно разжигает сексуальный пожар, тип «вамп», который время от времени будет появляться в ее детективных произведениях. Страсти вокруг жены руководителя археологической экспедиции вообще явление обычное. Есть много рассказов о взрывоопасной атмосфере в экспедициях в межвоенные годы, куда сопровождали своих мужей такие выдержанные дамы, как миссис Гарстанг и леди Петри. А для женщины, которая наслаждается властью своего обаяния, экспедиционный лагерь — превосходный полигон. Рабочие и прислуга (исключительно мужчины), ассистенты (часто впечатлительные молодые люди, только что закончившие университет) были готовы на все, чтобы доказать свою преданность руководителю, а если нужно, то и его жене. Другие женщины, например жены коллег руководителя, вообще не признавались.

Агату усиленно уговаривали погостить подольше. Когда она объяснила, что должна вернуться в Англию к Рождеству и каникулам Розалинды, то получила приглашение снова приехать в Ур следующей весной. Любопытно, почему Кэтрин Вулли приняла Агату? Возможно, потому, что ее гостя держалась замкнуто и скромно. Агата была тихим и спокойным наблюдателем, не старалась привлекать к себе внимание, и, по-видимому, это обеспечило ей хороший прием у такой эгоистки, как Кэтрин. С другой стороны, понятно, что Кэтрин пришлось по душе роль гостеприимной хозяйки, принимающей у себя не кого-нибудь, а знаменитость. Но главное, видимо, было в том, что та приехала без спутника, не казалась особенно счастливой и в глазах Кэтрин не выглядела соперницей. Между тем в свои неполные сорок Агата была весьма привлекательной, она ни от кого не зависела, не тосковала по своему бывшему мужу и не искала нового, а просто жила для себя и в тот момент отдыхала на Востоке. И Агата, и Кэтрин будут очень удивлены тем, что случится позже.

Возвращаясь домой через Багдад, Агата получает известие о своем брате Монти. В «Тигрис-Палас-отеле» она познакомилась с полковником Дуайером из Африканского полка королевских стрелков. Они тепло вспоминали о «старине Билли Миллере, сумасброде-одиночке», и особенно о его способности очаровывать женщин. Как оказалось, это мастерство поддерживало его до конца жизни. Он умер осенью 1929 года в Марселе. Дом в Дартмуре оказался слишком сырым и холодным для Монти и его экономки, поэтому Медж с Агатой сняли им комнаты в маленьком пансионате на юге

Франции. Агата посадила их на «Голубой экспресс», но в поездке миссис Тейлор простудилась, у нее началась пневмония, и вскоре она умерла. Лишившегося помощи и поддержки Монти забрали в больницу, и Медж поехала навеситить его. Через неделю проблема была решена привычным способом. Сиделка Монти, Шарлотта, забрала его к себе домой. С ней, к их обоюдному удовольствию, он и жил до самой смерти. Умер Монти внезапно, от кровоизлияния в мозг, в кафе на приморском бульваре. Дар привлекать женские сердца не оставил его и по смерти. Бывший его сослуживец Уильям Арчер, работавший теперь в отделении «Ллойд-банка» в Марселе, добился, чтобы Монти похоронили на Военном кладбище. Когда через семь лет мистера Арчера перевели в Монте-Карло, за могилой по собственной инициативе присматривала его дочь, вышедшая замуж за француза и оставшаяся жить в Марселе, — время от времени она приносила на кладбище живые цветы.

Путешествие очень взбодрило Агату и позволило в том же 1929 году с удвоенной энергией приняться за дела. В Челси она купила «Крессуэл-Плейс», маленькую придорожную гостиницу, которую с помощью архитектора полностью переделала в хорошенькую виллу: внизу большая комната; гараж и комната для прислуги; наверху две спальни и большая столовая, а также чудесная ванная комната с зеленой фарфоровой ванной и разрисованными зелеными дельфинами стенами. Кухня, правда, была просто микроскопической, так что все удивлялись, как там вообще можно передвигаться. Но на этой крохотной кухне Агата готовила изысканные блюда, надолго запомнившиеся ее друзьям: яичницу с беконом — для неожиданных гостей, цыплят под соусом — для тех, кто заблаговременно предупредил о приходе, а также салаты, омлеты, тосты с анчоусами и т. д. Другими неудобствами «Крессуэл-Плейса» были сырость и глухая стена, на которую выходили окна с одной стороны дома. Агату это не смущало, одному из гостей она заявила, что стена заставляет ее думать, что же находится за ней — там, по ту сторону.

Агата покупала и обставляла дома, когда была счастлива. Теперь она чувствовала себя благополучно в финансовом отношении. В середине 1928 года Эдмунд Корк устроил новый контракт с Коллинзом на ее следующие шесть романов с авансом по 750 фунтов за каждый и двадцатипроцентным потиражным гонораром за первые восемь тысяч экземпляров. До этого он также заключил новый дого-

вор с американским издательством «Додд и Мид». По этому контракту (на «Тайну «Голубого экспресса» и два последующих романа) Агата получила аванс по две с половиной тысячи фунтов за каждое произведение и пятнадцатипроцентный потиражный гонорар за первые двадцать пять тысяч экземпляров с последующим увеличением до двадцати процентов. К тому времени ее книги регулярно печатались за границей. Коллинз присматривался к канадскому рынку; ее произведения были опубликованы в переводах в Австрии, Венгрии и Финляндии (которая заплатила пятнадцать фунтов за право выпустить «Убийство Роджера Экройда» тиражом в четыре тысячи экземпляров).

В это время Агата работает непрерывно; она настолько плодовита, что трудно установить, в каком порядке написаны пьесы, рассказы и книги, появившиеся в 1930 году: ее довоенная переписка с Эдмундом Корком и Коллинзом исчезла в войну — была уничтожена или потерялась во время переездов. В 1928—29 годах Агата время от времени писала рассказы для журналов, объединенные общим персонажем по имени мистер Кин. Эти рассказы (как ее ранние стихи и баллады) вдохновлены образом Арлекина, который ей всегда очень нравился тем, что он одновременно и вездесущ, и неуловим. Арлекин — маска в театре «дель арте» — всегда готов помочь влюбленным, и в то же время он — только прекрасное видение: он приходит и уходит когда ему заблагорассудится. Арлекин таинственным образом является доброму, спокойному и немного высокомерному мистеру Саттертуэйту, пожилому джентльмену, считающему себя просто наблюдателем, и, вдохновленный «мистером Кином», тот обнаруживает, что способен вмешаться в ход событий и разрешить самые невероятные проблемы. Агата не собиралась писать о мистере Кине специального цикла рассказов, но одна подборка под названием «Таинственный мистер Кин» все же вышла в 1930 году.

В тот же год появилось на свет еще одно детище Агаты — ставшая впоследствии всемирной знаменитостью мисс Марпл. По записным книжкам Агаты можно проследить ассоциативную связь между мистером Кином и мисс Марпл. В девятом рассказе из сборника «Таинственный мистер Кин» под названием «Мертвый Арлекин» повествуется о покупке мистером Саттертуэйтом странной картины. На картине изображено тело Арлекина, распростертое на черно-белом мраморном полу у окна, через которое в комнату заглядывает точно такой же Арлекин — то ли двойник, то ли... Мистер

Саттертуэйт узнает место на картине — терраса в Чарнли — и с помощью мистера Кина приступает к разрешению тайны якобы очевидного самоубийства его владельца. Однако в предварительных записях Агаты это не Чарнли, а Марпл-Холл, есть также пометка про «леди из Марпла».

Марпл-Холл, замок, теперь превратившийся в целый жилой квартал, находится в Чешире, и Агата знала его по посещениям «Эбни». Это был замечательный дом из красного песчаника, стоящий на насыпи, круто обрывающейся к реке. Говорили, что на насыпи часто появляется призрак короля Карла I, со своей отрубленной головой в руках, что здесь же бродит другое привидение — дочь хозяев дома, оплакивающая своего утонувшего в соседнем озере возлюбленного. В 1968 году Агата призналась одному из отпрысков семьи Марпл, владевшей частью этого имения в шестнадцатом веке, что она действительно позаимствовала имя мисс Марпл у этого красивого, но зловещего места. Агата описывает, как Медж взяла ее в замок на «...очень хорошую распродажу отличной старой елизаветинской и якобианской мебели, я там купила два прекрасных дубовых кресла, которыми до сих пор пользуюсь, и нашла имя для моей героини — я назвала ее Джейн Марпл».

Что же до характера мисс Марпл, то ей достались некоторые черты ее предшественницы, мисс Кэролайн Шеппард — другой пронизательной и наблюдательной дамы, чье всеведение и элит, и восхищает окружающих ее мужчин, — одной из героинь «Убийства Роджера Экройда». Она была, как отметила Агата в «Автобиографии», «настоящим домашним детективом». Сент-Мэри-Мид, где, как известно, проживала мисс Марпл, — это обобщенный образ деревушек, в которых Агата бывала в детстве, а в самой мисс Марпл было много от старых леди, с которыми общалась ее бабушка в Илинге. Тетушка-бабуля не была прообразом мисс Марпл («в бабуле было куда больше от старой девы»), но в одном они были похожи: «Хотя она и была веселым и жизнерадостным человеком, но всегда от всех и от всего ожидала худшего и обычно оказывалась права». Мисс Марпл присущи и другие привычки бабушки Агаты — она делала покупки в «Офицерском универмаге» и обожала ходить на распродажи, закупаая все новые салфетки и посудные полотенца. Мисс Марпл получилась значительно более обаятельной, спокойной и добродушной, чем мисс Шеппард. Позже Агата призналась, что мисс Марпл ассоциировалась у нее с «пушистой шерстью».

В 1929 году Агата также работала над своей первой пьесой, «Черный кофе», темой которой стало убийство знаменитого ученого и кража формулы опасного вещества. Такая тема должна была привлечь внимание публики. Агату разочаровал Эркюль Пуаро в пьесе «Алиби», которую поставил Майкл Мортон в Лондоне в 1929 году по мотивам «Убийства Роджера Экройда», хотя спектакль имел успех и дал неплохие сборы. Она также была очень недовольна фильмом, сделанным в том же 1929 году под названием «Приход мистера Кина». Более приемлемым оказался другой фильм, снятый в Германии по мотивам «Таинственного противника», однако Агата, поняв, что ее романы просто подгоняются под исполнителей, решила сама заняться инсценировками. Так появился «Черный кофе». В конце 1930 года начались его репетиции.

Глава 14

«У меня даже мысли такой не было»

Летом 1929 года Агата предоставила «Крессуэл-Плейс» в распоряжение Леонарда и Кэтрин Вулли, а они предложили ей следующей весной, за неделю до окончания раскопок 1929—30 годов, приехать в Ур и потом вместе с ними вернуться в Англию через Сирию и Грецию и заехать в Дельфы, которые Агата особенно хотела увидеть. Осень и зима были для нее тяжелыми. В сентябре умер Монти, а после проведенного в «Эбни» Рождества Розалинда заразилась в Лондоне от подруги корью. Агата взяла дочь в «Эшфилд», чтобы вместе провести остаток каникул. Поездка получилась мучительная, поскольку сама писательница только что сделала себе прививку оспы двойной вакциной. Через день Агата в бессознательном состоянии попала в частную клинику, а за Розалиндой ухаживала Медж. В середине февраля Агата наконец выехала в Италию, а оттуда пароходом в Бейрут.

В Уре она обнаружила, что в лагере Вулли появилось новое лицо — молодой археолог, двадцатипятилетний Макс Мэллоуэн. В предыдущем сезоне его не было, так как у него воспалился аппендикс. У Вулли он начал работать с 1925 года после сдачи экзамена на степень бакалавра в Нью-колледже в Оксфорде. Археологией он увлекся, прослушав лекции одного из профессоров по греческой скульптуре, и сразу после экзаменов поступил на должность хранителя музея Эшмолин в Оксфорде, куда, по счастливой случай-

ности, поступило письмо от Вулли с просьбой подыскать ему ассистента в Ур. Мэллоуэн был нанят сразу же.

Приехав, он самостоятельно стал изучать арабский. Его обязанности включали медицинскую помощь рабочим-арабам, которых было от 200 до 250 человек, упаковку и сопровождение находок, которые осторожно укладывались в конце каждого сезона в сорок или пятьдесят ящиков, и денежные расчеты («Беспросветная работа, — писал он в своих «Воспоминаниях», — особенно если принять во внимание большое количество нанятых рабочих и тот факт, что мы платили рупиями и аннами¹, а складывать их ужасно трудно»). Мэллоуэн оказался хорошим бухгалтером. Среди бумаг, оставшихся после его собственных археологических экспедиций в тридцатые и сороковые годы, сохранились расчетные книги с записями всех расходов, начиная с жалования работникам и заканчивая платой за полгаллона бензина.

Мэллоуэн быстро всему научился и вскоре стал незаменим. Он также очень понравился Кэтрин, поскольку, как сразу заметила Агата, был очень тактичен и искусно поддерживал отношения с обоими Вулли. Агата тогда еще не знала, какого послушания и услужливости требовали супруги Вулли от Мэллоуэна, например, от него неоднократно требовалось уложить Кэтрин волосы или сделать массаж и поставить пиявки, что, по ее мнению, должно было помочь от вечной головной боли. Дипломат Макс, да еще после длительного отсутствия, сразу угодил в фавориты Кэтрин. Этот весьма двусмысленный «пост» он занимал, когда в марте приехала Агата.

Дополнительной обязанностью Мэллоуэна было показывать место раскопок посетителям, среди которых бывали, к удовольствию четы Вулли, весьма именитые (младшие члены экспедиции не могли забыть, как Леонард чуть не умер от стыда, когда их удостоил посещением король Бельгии, а арабы, подававшие обед, забыли убрать суп, поскольку остановились как вкопанные при виде короля). С обычной безапелляционностью Кэтрин заявила, что теперь Мэллоуэн будет сопровождать Агату при осмотре местных достопримечательностей до самого Багдада, где должна собраться вся партия. Агата подумала, что для «молодого человека, много работающего на раскопках и нуждающегося в хорошем отдыхе», слишком тяжело «опекать незнакомую женщину намного старше себя, которая ничего

¹ Анна — индийская монета, равная 1/16 рупии.

не смыслит в археологии». Она поделились своими сомнениями с Эджи Уитборном, архитектором экспедиции и ближайшим другом Мэллоуэна, которого знала по прошлому визиту, но Уитборн объяснил, что решение Кэтрин отменить невозможно.

Так что, когда они отделились от остальной экспедиции, Агата немного нервничала. Но Мэллоуэн оказался спокойным и серьезным молодым человеком. Позже он писал: «Сразу же я почувствовал, какая она славная и милая и как с ней приятно общаться». Они не выглядели нелепой парой, как вначале показалось Агате. Макс был прекрасным специалистом и с готовностью рассказывал обо всем, что они видели, а знание арабского языка придавало ему дополнительный вес в глазах собеседницы. У него самого тоже был опыт общения с неординарными женщинами: его мать, парижанка, занималась исследованием христианства, писала лирические стихи («некоторые из них заслуживали самой высокой оценки»), читала лекции по искусству и много рисовала; леди Говард, жена британского посла в Мадриде, потом в Вашингтоне, была матерью лучшего друга Макса в Оксфорде; он хорошо знал Гертруду Белл, которая, будучи директором Музея древностей в Ираке, часто приезжала на раскопки Вулли; да и сама Кэтрин была яркой личностью. Поэтому Мэллоуэн не робел в обществе такой знаменитой женщины, как Агата, которая к тому же была в некоторой зависимости от него. А если еще принять во внимание Агатин веселый нрав, любознательность и незаурядное чувство юмора, то можно понять, что двум этим людям сразу стало легко друг с другом. Вырвавшись на волю из напряженной атмосферы лагеря, где все вели себя крайне осмотрительно, дабы не провоцировать Кэтрин, Макс и Агата смогли оценить всю прелесть этого путешествия вдвоем.

Оба напишут о том, что произошло дальше, — Макс в своих «Воспоминаниях», Агата в «Автобиографии». Впереди их ожидал и зиккурат в Ниппуре, одном из самых древних шумерских поселений, и не самый удобный ночлег в Дивани в обществе сварливого чиновника, его общительной жены и двух перепуганных миссионеров. Они побывали в старой крепости Неджеф, а потом во дворце Ухаидир, где Макс вел Агату за руку по парапету. С этого момента их воспоминания путаются. Когда они посетили Кербелу? До или после импровизированного купания в сверкающем соленом озере — Агата в скромном шелковом одеянии (блуза

и панталоны), Макс в шортах и фуфайке? Сломалась ли их машина по дороге в Кербелу или уже по дороге в Багдад, когда Агата преспокойно легла в ее тень и задремала? Прошло ли пять минут после того, как их бедуин ушел искать подмоги, оставив им свои запасы воды, или миновало больше часа, прежде чем появился «форд» с бедуином, чтобы вызволить их из песков? Декламировал ли гостеприимный полисмен на посту в Кербеле, где они провели ночь в соседних тюремных камерах, «Жаворонка»¹ по-английски (по воспоминаниям Агаты) или «Сверкай, сверкай, маленькая звездочка»² по-арабски (согласно Максусу)? В сущности, это не важно, главное, что они поняли друг друга.

Макс и Агата приехали в Багдад приятелями. К тому же они опоздали, и все это вместе вызвало раздражение Кэтрин. Старый приятель Агаты, полковник Дуайер, приехавший на вокзал встретить ее, предупредил, что остаток путешествия ей придется постоять за себя. Агата и сама это поняла по поведению Кэтрин, которая всегда полагала, что самая большая комната, самая мягкая постель, самая яркая лампа и самые лучшие мужчины должны доставаться только ей. (Наиболее болезненным для Агаты было открытие, что Макс раньше подчинялся Кэтрин, потому что «она так хотела».)

Преодолевая случайные помехи и неудобства, они добрались до Алеппо, а оттуда пароходом направились в Грецию. Здесь Макс должен был оставить их, чтобы поехать в Басайю, а Вулли хотели взять Агату с собой в Дельфы. Пребывание в их обществе становилось все менее приятным, и Агате не хотелось слишком долго оставаться с этой непредсказуемой парой. Но в Афинах, в отеле, ее ждала телеграмма: у Розалинды воспаление легких, ее перевезли в «Эбни» и положение очень серьезное. Самолеты из Афин тогда не летали, а дорога поездом занимала четыре дня. Пока мужчины ходили узнавать расписание поездов, Агата споткнулась на улице и, подвернув ногу, растянула связки. Именно Макс спокойно и без суеты наложил ей повязку и заявил, что изменил свои планы и поедет в Англию вместе с Агатой.

Они уехали на следующий день вечером и всю дорогу рассказывали друг другу о себе. Макс поведал ей всю свою жизнь. Много лет спустя, когда некоторые называли Макса типичным англичанином — как по должности (как-ни-

¹ «Жаворонок» — хрестоматийное стихотворение П.Б. Шелли.

² «Сверкай...» — столь же хрестоматийное стихотворение Энн Тэйлор.

как член совета колледжа, член научного общества и один из попечителей Британского музея), так по облику (твидовый костюм, трубка и мягкая шляпа) и привычкам (глиняная кружка, винный погреб, хороший обед и крикет), — его младшие коллеги со смехом отвечали, что «в нем нет ни капли английской крови». Родословная Макса действительно была космополитична. Его дедушка-австриец жил в Вене, где держал паровую мельницу. Она работала настолько успешно, что получила много престижных призов, среди которых была даже золотая медаль, врученная императором Францем-Иосифом. Но однажды мельница сгорела, и семья лишилась средств к существованию. И тогда Фредерик, отец Макса, уезжает из Австрии в Англию и остается там до конца своих дней. В Лондоне Фредерик нашел должность в коммерческой фирме и через некоторое время открыл собственное дело по торговле жирами, растительным маслом и копрой¹. Он также состоял экспертом по сырью в министерстве продовольствия. После Первой мировой войны он работал руководителем отдела контроля качества фирмы «Юнилевер». Макс рассказывал, как однажды в суде он взялся съесть на глазах у присяжных маргарин, который почему-то сочли испорченным, — Фредерик вообще был человеком решительным и упрямым. Об этом свидетельствует и эпизод, имевший место в Боснии-Герцеговине в восьмидесятые годы. Тогда Фредерик командовал эскадром на летних маневрах и отказался выполнить приказ отпустить своих людей домой в середине жаркого дня, а отправил их вечером, мотивируя это тем, что лучше будет, если они придут незапыленные и не уставшие от жары. В этом Фредерик чем-то напомнил Агате Монти, хотя в отличие от безалаберного и обаятельного Агатино брата, у Фредерика был тяжелый характер, он был педант и аккуратист и не терпел никаких возражений. Из-за этого родители Макса нередко ссорились. Женат Фредерик был на очаровательной, но неумной женщине, Маргарите Дювивье, родившейся в 1876 году в Париже в семье инженера и оперной певицы. Она унаследовала от матери порывистый нрав, любовь к развлечениям и артистическую восторженность натуры, и была дама утонченная и светская. Макс, старший из троих сыновей, родился в 1904 году.

В своих «Воспоминаниях» он пишет о детстве намного меньше, чем Агата в «Автобиографии». В отличие от нее

¹ Копра — сушеная мякоть плода кокосового ореха.

он не всегда чувствовал себя счастливым ребенком и образование получил ортодоксальное. После начальной школы его отдали в Лэнсинг — англиканскую школу в Сассексе, где ему показалось невероятно скучно. Одна церковная служба чего стоила: мальчикам полагалось посещать ее дважды в день, а в воскресенье — пять раз. Максу до того надоел этот режим, что, к удивлению директора, он отказался от конфирмации, и за это его не допустили к причастию. Кроме того, Макса изматывали многочасовые военные тренировки и парады. Все это было понятно, пока шла война, — Макс, воспитанный в патриотическом духе, был готов идти в бой. Но с окончанием войны муштра стала казаться глупостью, и принудительная строевая подготовка только усиливала у ребят антимилицаристские настроения.

Макс ушел из Лэнсинга, как только ему исполнилось семнадцать лет, после восьмого класса. К этому времени за ним уже было закреплено место в Нью-колледже в Оксфорде, и после конфликта по поводу конфирмации он решает уйти из школы немедленно. Фредерик согласился, но вовсе не потому, что сам был атеистом (Макс ничего не сказал ему о проблеме с конфирмацией и причастием), а потому, что он не считал Лэнсинг школой, которая может дать хорошее образование. Для Макса это решение явилось поворотным в его отношении к религии. Оно далось ему нелегко, и проблема отношений с церковью продолжала мучить его. Этот эпизод его жизни особенно заинтересовал Агату, поскольку сама она была человеком верующим и очень переживала, виня себя перед Богом за развод с Арчи. Душевные муки Макса усугубились к концу его пребывания в Оксфорде и на следующий год. Дело в том, что его друг Эсме Говард серьезно заболел и его отправили в клинику в Швейцарию. По дороге в Бейрут Макс навестил его в клинике, и Эсме стал уговаривать друга перейти в католичество и принять причастие (Говарды были глубоковерующими католиками), говоря, что очень страдает из-за его религиозных сомнений. В сохранившемся дневнике Макс подробно и откровенно описал собственные размышления и свое обещание Эсме.

На следующий год Эсме умер. Его болезнь и смерть глубоко потрясли Макса. Их дружба началась и продолжалась в Оксфорде, который, по его словам, был «шагом из чистилища в рай»; здесь он мог свободно выражать свои мысли и чувства. Он не сидел, как приклеенный, за книгами, хотя из его дневника явствует, что читал он много и серьезную

литературу — Платона, Декарта, Китса, и более легкую, например приключенческие романы Стивенсона. Как любил повторять сам Макс, в колледже он научился более серьезным и важным вещам, нежели книжные штудии, — например, «искусству выпить вина с друзьями». Ему был двадцать один год, он точно знал, чего хочет от жизни, но слабо себе представлял, как это реализовать на практике, до тех пор, пока не начал работать в экспедиции Вулли.

Четыре года в Уре закалили его. Он научился приказывать и руководить людьми, научился справляться даже с Кэтрин Вулли. Он ощутил наконец собственную силу и уверенность в себе, он, если надо, мог быть жестким и авторитарным, у него обнаружили большие способности к языкам, а обширные знания по археологии дополнялись недюжинной интуицией. За четыре полевых сезона у него было время поразмыслить о напряженности между родителями, о смерти Эсме, об отношениях с друзьями и коллегами по работе. Он многое понял и прочувствовал к тому времени, когда встретил Агату, но в некоторых отношениях был совершенно неопытным. В отличие от бравого и безрассудного Арчи Макс был обидчивым, легкоранимым и недоверчивым, но, как и у Арчи, у него было мало денег и, подобно Арчи до встречи с Агатой, он, по словам его лучшего друга, никогда не был в «таком замешательстве».

Агате понравился этот неглупый, образованный и внимательный молодой человек — при всей ее замкнутости и застенчивости путешествие с ним казалось приятным, к тому же ей очень кстати пришлось его поддержка. Всю долгую дорогу от Афин он помогал Агате, поскольку из-за вывиха ей было тяжело ходить.

До приезда в Лондон на их долю выпало еще одно приключение. В Милане они вышли из вагона купить апельсинов, и в этот момент поезд неожиданно ушел — вместе с их багажом. Им ничего не оставалось, как нанять автомобиль — дорогой, зато мощный — и догнать поезд на следующей станции, где они и заняли свои места, к облегчению переживавших за них спутников. В результате ни у Агаты, ни у Макса не осталось денег на оставшийся путь, поэтому при первой встрече с матерью Макса в Париже Агата после короткого знакомства заняла у нее всю имевшуюся наличность и одна поехала в Лондон.

Розалинда быстро поправлялась, и через несколько дней Агата забрала ее из «Эбни» в «Эшфилд». Макс снова приступил к работе в Британском музее и попросил Агату дать

ему знать, как только она будет в Лондоне. Через некоторое время Коллинз пригласил ее на прием в «Савой» для переговоров с ее американскими издателями. Возвращаясь назад она решила ночным поездом и пригласила Макса в «Крессуэл-Плейс». Как позже написала ему Агата, «ты был единственным, кого я когда-либо приглашала к завтраку». По сравнению с первой встречей, когда сразу возникло доверие, вторая оказалась довольно неловкой и напряженной. Поначалу оба чувствовали себя скованно, но понемногу напряжение ослабло, и Агата пригласила Макса в «Эшфилд». Однажды в апреле он оставил свои дела в Британском музее и вместе с Агатой выехал ночным поездом на уикэнд в Торки, где встретился с Розалиндой и Питером, ходил с ними на пикник и гулял под дождем в Дартмуре. Вечером под конец его визита, когда Агата уже поднялась к себе, он постучал к ней в комнату, присел на краешек кровати и попросил выйти за него замуж.

Агата была в глубоком изумлении. Поразмыслив, через пару недель она привела все доводы против такого брака: Макс на пятнадцать лет ее моложе, он католик и т. п. Но, как заметила Агата в своих письмах к нему, настоящей причиной ее колебаний был страх: «Я ужасно трушу — боюсь, что будет только хуже». В «Автобиографии» она отмечает, что лучше, как ей казалось, сохранить «хорошие дружеские отношения», и добавляет: «Если бы я восприняла Макса как вероятного будущего мужа, я была бы осторожнее: не отдалась бы так легко этим непринужденным счастливым отношениям».

Однако Макс настаивал. Агата обдумывала его предложение не так долго, как она описывает в «Автобиографии» со всеми подробностями бесчисленных разговоров с Розалиндой, Медж и Джеймсом. Как всегда, когда дело касалось важных моментов ее жизни, Агата путается в хронологии. Впрочем, вполне возможно довольно точно установить, когда именно она не выдержала натиска и уступила Максу. На ее письмах, посланных в то время, даты, как всегда, нет, а конверты не сохранились, но одно письмо все же датировано 21 мая. Это совершенно уверенное и страстное письмо к будущему мужу, в нем нет ни тени бывших сомнений. Макс спрашивает Агату, как она будет жить с человеком, профессия которого «раскапывать мертвых», на что та бодро отвечает: «Я обожаю мертвецов и трупы». В отношении их религиозных расхождений она все же выразила свои опасения: «Меня могут обратить в другую религию на смертном одре, и я умру без покаяния... Где нас

похоронят?» Поскольку католическая церковь не признала бы их брак, разъяренный Макс оставил свою веру.

Джеймс и Москитик предостерегали Агату, советовали быть благоразумной. Особенно неистовствовала сестра. Когда Макс взял Агату на летний бал в Оксфорд и познакомил с некоторыми своими друзьями, она осознала, что ее будущий муж и племянник Джек — ровесники, и, запааниковав, принялась снова доказывать Максусу, что слишком стара, чтобы стать его женой, а Москитик еще подливала масла в огонь. Агата писала:

«Как только ты уехал, я сразу струсила. Когда ты рядом, все в порядке — я спокойна, счастлива и ничего не боюсь. Дорогой Макс, я чувствую себя так рядом с тобой с самого начала, с нашей первой встречи. Но когда остаюсь одна, все меняется. Я говорю себе: «Идиотка! Ты что, совершенно не соображаешь?! Что бы ты сама сказала о человеке, поступающем подобным образом?» У меня накопилось недоверие к жизни и к людям, ты не сердись. Макс, я в самом деле жуткая трусиха и копуша, мне нужно время, чтобы сделать выбор.

Их решение отложить бракосочетание до сентября, по ее словам, «даст время проверить себя и друг друга». Но она была достаточно уверена, чтобы пообещать Максусу быть *«хорошей завтра и пунктуальной послезавтра, чтобы нам не пришлось догонять поезд всю нашу оставшуюся супружескую жизнь»*.

Чтобы избежать внимания прессы, которое так ужасало Агату, они сохранили свое решение в тайне. Розалинда, которой Агата кое-что уже дала понять намеками, узнала их секрет в августе. *«Дорогой Макс, — написала Агата, — Роза догадалась. Она даст свое согласие, если ты прилетишь ей две дюжины леденцов из «Селфриджа» (другие не пойдут!)»*. Агата считала, что Розалинда восприняла новость как «большую шутку», но Макс был настроен более серьезно и обрадовался, что девочка справилась с этой психологической проблемой. Когда Агата предложила Максусу принести какой-нибудь небольшой подарок (возможно, книгу) для Розалинды «в этот день», он купил ей брошь, чтобы девочка запомнила свадьбу и почувствовала, что тоже имеет отношение ко всему происходящему.

В конце августа Агата, Розалинда, Карло и ее сестра Мэри отправились в Бродфорд на острове Скай, где в церкви должны были огласить имена вступающих в брак. В таком безлюдном месте была надежда, что пресса их не заметит.

В Карло и Мэри Агата видела подруг, которые полностью поддерживают ее решение и с которыми Розалинда чувствует себя спокойно и уютно. А месяц, проведенный на отдаленном острове, спокойное и простое летнее житье на свежем воздухе стали для Агаты чертой, отделившей ее прежнюю жизнь от новой. Скай чем-то напоминал тот край, где она впервые встретила с Максом, — древнее пустынное место, удаленное от повседневной суеты. Только здесь, наоборот, она на какое-то время уединилась от всего мира, оставшись лишь с дочерью и двумя женщинами, чтобы духовно очиститься и психологически подготовиться к свадьбе. Она, естественно, не прекращала общаться с Максом, они писали друг другу каждый день. Письма Агаты были задумчивые и немного тревожные, Макса — уверенные и ободряющие. Он уверял Агату, что она нервничает только от самого ожидания «великого события», и обещал ей не быть «слишком суровым», хотя уже тогда начал предъявлять ей свои требования. Она, похоже, рисковала своей свободой, могла лишиться приключений, но, как решительно ответила Агата, она не намерена быть «собакой на поводке». В отношении денег Макс и Агата к тому времени явно пришли к взаимопониманию. Агата зарабатывала намного больше Макса и к тому же владела двумя домами и квартирой, но это ни малейшим образом не осложняло их отношений. Кажется, они без всякого смущения обсуждали финансовые вопросы. Так, Макс написал Агате, чтобы она сообщила ему, какова «плата за регистрацию брака, поскольку за все это должен заплатить я».

К концу августа оба были готовы. Макс обзавелся белым костюмом для медового месяца в Венеции, за которым должны были последовать еще пять недель на Далматском побережье. Он собирался вернуться в Ур в октябре и надеялся, что Агата сможет проводить его до Багдада. Кэтрин Вулли, узнав об их намерении пожениться, против ожидания, скандала не закатила. После долгих колебаний Агата обо всем написала ей, но та в ответ лишь колко заметила, что Макс следовало бы подождать хотя бы два года и «закончить обучение». *«Не нравится мне это, — написала Агата Макс, — я не верю в ее олимпийское спокойствие, когда дело касается мужчин...»* Но Кэтрин, по-видимому, поняла, что Макс и Агата ждать не собираются и она навсегда лишилась своего верного камердинера, а довольный Макс сообщил, что мадам намерена купить себе электромассажер.

Венчание состоялось 11 сентября в соборе Святого Коломба в Эдинбурге. Розалинда осталась с Карло в отеле, а Макс и Агата (с новым паспортом, в котором она немножко уменьшила свой возраст) отправились в Италию, прихватив с собой, по настоянию Макса, пледы, подушки и грелку.

По поводу медового месяца в «Воспоминаниях» Макса написано четыре абзаца, а в «Автобиографии» Агаты — четыре страницы. Описание Макса — тщательно продуманное, зато у Агаты оно более колоритное, с шутками по поводу еды и незнакомых людей. Она всегда писала вдохновеннее, чем Макс, не столь точно, но более живо. Различия видны даже чисто внешне. Рукопись Макса написана аккуратно, мелким почерком, хорошей авторучкой, в то время как страницы Агаты пестрые, разноцветные, где карандаш чередуется с чернилами разных цветов, часто размазанными, потому что промокнуть их она забывала. Предложение у Макса грамматически правильное, четкое и уравновешенное, у Агаты вместо глаголов часто стоят тире, много восклицательных знаков и подчеркиваний. Макс сообщает факты, Агата передает настроение.

Вначале они поехали в Венецию. Макс восторгался дворцами и световыми эффектами и растрогался, когда «ангел» (Агата) заметила резной крест на старинной пластинке. Агата более приземлена: «Романтика закончилась. Клопы начали атаковать (особенно меня) уже в поезде!!!» Ее особенно впечатлило посещение Лидо: «Совершенно невысказанный разговор с дамой (на трех языках!), которая потеряла весь свой гардероб — перевернулась гондола». По приезде в Сплит Макс начал учить ее греческому алфавиту, а Агата со своей стороны сумела внушить ему, что нужно купаться в море при малейшей возможности. В Дубровнике они купались днем и ночью. Они отвязались от других английских туристов, сначала наняв лодку, а потом взяв напрокат автомобиль, чтобы съездить в старую столицу Черногории в горах, а потом добраться в Котор, сесть на судно (с непроизносимым названием «Сбрин») и отправиться в Грецию.

Это было небольшое грузовое судно с внимательным и добрым капитаном. После первой остановки Агата и Макс остались единственными пассажирами и в каждом порту проводили время на берегу, пока не раздавался гудок их корабля. Они были необычайно счастливы. «Чудесные прогулки по оливковым рощам», — писал Макс. «Одно из редких мгновений полного счастья и радости», — вспоминала Агата. Макс, спланировавший путешествие как сюрприз для Ага-

ты, приберег под конец те места, куда не удалось попасть в прошлом году, — Дельфы для Агаты и храм Бассайя для себя. Первый день в Греции принес неприятности. «Ужас», — написала Агата. «Какие-то ядовитые насекомые искусали Агате ноги. Увы, мы не пользовались специальным порошком, а это было совершенно необходимо. Я сбрил усы, и Агата требовала вернуть их на место, постоянно повторяя, что без них я совсем другой», — записал Макс. На следующий день было еще хуже. Ноги покраснели и раздулись, и Агата вынуждена была ходить в лыжных брюках, но тем не менее рискнула съездить на автобусе в Олимпию. У Макса дневник заканчивается язвительным замечанием ученого: «Теперь всякий умник может опознать каждое строение в Олимпии, поскольку ее потрудились выкопать для нас изпод толстого слоя песка». Агата, наоборот, лирична: «Теперь наконец понятно священное значение этого места...» (следующие несколько страниц ее дневника остались пустыми. Возможно, она собралась заполнить их своими впечатлениями). Они провели вечер там же, на холме, читая «Завет красоты»¹, и домой вернулись уже при свете луны.

На следующий день их ждало испытание посерьезнее — четырнадцатичасовое путешествие на мулах в Андристену, вниз и вверх по ущельям с переправой через реку (Агата заметила: «...все эти ущелья, по мнению проводников, таят опасность... потом пошел дождь...») — вперед и вперед, все выше, с одеревеневшими от напряжения ногами. «Вдруг я остро почувствовала себя совершенно несчастной! Зачем я вышла замуж за Макса?! Он слишком молод для меня!! Наверно, я скорее умру, чем мы доберемся... Макс так заботится обо мне, что я счастлива быть его женой. Но больше он не должен так поступать!?» Бассайя, Триполи, Нафплон, Эпидавр — Агата была в восхищении от храмов, а особенно от купания. Наконец прибыли в Афины, где «все испортилось. Мы стали другими людьми. Ванна освежила нас и вернула к цивилизации. В последний вечер мы бродили как лунатики...» Но тут и случилось заключительное несчастье. Как сказано у Агаты в последней записи в дневнике: «...с удовольствием ели креветок и лангустов... Возмездие за креветки и лангусты...».

На вопрос врача «Чем вы могли отравиться, мадам?» Агата, обожавшая рыбу и особенно ракообразных, могла

¹ «Завет красоты» — написанная в 1925 году поэма Роберта Бриджеса (1844—1930), известного английского поэта.

лишь пожать плечами. Они так и не смогли установить, чем именно она отравилась, но ей действительно сделалось очень плохо.

Макс должен был уехать, поскольку получил строгий приказ от Вулли встретиться с ним и Кэтрин в Багдаде 15 октября. Перед самой свадьбой Агате стало ясно, что присутствие жен в Уре будет очень нежелательно, и Леонард, подстрекаемый Кэтрин, настоятельно советовал Макс, чтобы Агата не сопровождала его до Багдада, объясняя, что «это покажется странным руководству». Агата на это ничего не сказала, а только скромно заметила, что если поедет с мужем, то ей нечем будет заняться на раскопках. Все поняли друг друга. Леонард требовал, чтобы Макс прибыл в Багдад строго в назначенное время — получить указания по работе в этом сезоне: он отвечал за расходы по строительству дома для экспедиции. Теперь, видя, что Агате все еще плохо, Макс не хотел уезжать. Но Агата настаивала, поскольку понимала, что Кэтрин во всем обвинит ее. К счастью, это был последний сезон, который Макс предстояло провести у Вулли. Узнав, что в Уре для Агаты нет даже жилья, он хотел подыскать что-нибудь в другом месте, чтобы Агата смогла приехать и быть рядом с ним. Но, зная, что в разлуке им быть только шесть месяцев, Агата настояла на отъезде Макса.

И Макс, к большому удивлению врача, уехал. Агата написала в первом письме мужу:

«Доктор спросил меня, надолго ли уехал мосье. Услышав мой ответ «На пять месяцев», поразился — неужели я пробуду здесь все это время одна, слоняясь от площади к площади, туда и обратно, как шахматный ферзь?»

На самом деле уже через два дня она села в поезд до Лондона. А Макс, прибыв в Багдад, узнал, что чета Вулли задерживается еще на неделю, и, рассвирепев, сразу отправился в Ур, нанял сотню рабочих и приказал им как можно быстрее построить здание по его собственному проекту. Гостиная комната была просторной, с очагом, как в «Крессуэл-Плейсе», и камином, похожим на тот, который был в Венеции в их с Агатой номере. Ванную комнату Кэтрин он велел делать как можно более тесной. Все это потом пришлось перестраивать, в чем и состояла мечь Макса. Впрочем, и ему Агата впоследствии припомнит его отъезд — более тонко и впечатляюще: в появившейся в 1935 году книге «Смерть в облаках» молодой археолог рассказывает историю

про англичанина, который «оставил жену и уехал, потому что должен был вовремя приступить к своим обязанностям. И он, и его жена считали это вполне естественным и правильным. Но доктор, который не был англичанином, счел его варваром».

Очутившись дома, Агата и сама приступила к работе, несмотря на слабость и одиночество. Она чувствовала себя уверенно и спокойно. *«Знаешь, Макс, — написала она из отеля «Паддингтон», — впервые за многие годы, вернувшись в Англию, я не ощущаю усталости и тоски. Хотя я всегда стараюсь убежать от этих вещей, когда уезжаю за границу к солнышку, тем не менее, когда я возвращалась, то возвращались и все тяжелые воспоминания, все то, что пытаешься забыть. А на этот раз — нет. Просто в Лондоне, как всегда, идет дождь, просто это хорошее забавное старое место».* Как она поняла, Макс снял с ее плеч *«такую тяжесть, что я даже не предполагала».* Она почувствовала, что ее раны начали заживать: *«Они еще кровоточат, и любая мелочь может открыть их, но они заживут еще раз».*

Глава 15

«Мертвецы и трупы»

Писать книги вообще несколько труднее, чем письма, а сесть за написание книги, когда есть повод писать письма долго отсутствующему мужу, — поистине героизм. Агата одно за другим придумывала увлекательные названия и запутанные сюжеты, но все никак не могла засесть за машинку и приступить к работе. У нее было много других забот. Они с Максом приобрели еще один дом, на Кэмден-стрит, с зимним садом и недалеко от метро — Агата собиралась покинуть «Крессуэл-Плейс». Ее письма к Максусу в конце осени и зимой 1930 года полны подробностей о всяческих покупках для нового жилья: «комод орехового дерева, отделанный перламутром», чайный сервиз, — все это радовало так же, как когда-то радовали ее отца ежедневные походы в магазины в Торки. Тревожило здоровье Питера, собаки Розалинды, — у пса на плече выросла опухоль. В полном отчаянии Агата написала длинное письмо Максусу, в котором сбивчиво пыталась объяснить причину своей привязанности к несчастному животному: *«Ты же никогда не был в таком ужасном состоянии, как я, — тогда никто, кроме собаки, не смог поддержать меня».* Надо полагать, Макс привык к собакам Ага-

ты, поскольку они были частью ее жизни, но, по-видимому, особой симпатии к ним не испытывал. Агата же всегда воспринимала птиц и животных как своих близких, как разумных существ, имеющих собственную индивидуальность и характер. Описанные в «Автобиографии» картинки ее детства и некоторые эпизоды из книг свидетельствуют об этой искренней привязанности к канарейкам и собакам, о дружбе с ними, о горе и скорби от их утраты. Нежность Агаты к своим животным была вызвана не только тем, что она проводила с ними много времени в детстве — играла, разговаривала, ухаживала за ними, воспринимала их как неотъемлемую часть своей жизни, — но и тем, что она отождествляла их с собой. Животные многое понимают, но не могут говорить; они испытывают боль и привязанность, хотя не могут выразить это словами, — с детства знакомое Агате состояние. Чуткая, тихая, скромная с теми, кого знала, но смущенная и растерянная с незнакомыми, она и хотела бы выразить чувства, но не могла передать их словами. Одним из самых запоминающихся и важных в ее биографии был случай, когда проводник в горах во время экскурсии в Пиренеи Фредерика и его дочерей поймал бабочку и приколот ее, еще живую, Агате на шляпку, где, к ее ужасу, та трепетала и билась, пока не умерла. Смысл этого эпизода не столько в том, что ей было мучительно жаль бабочку, а в том, что девочка оказалась бессильна выразить свои чувства — муку от такой «любезности» проводника, жалость к бабочке, ужас и отвращение от трепета ее крыльев, а без слов никто ее не понимал. Только Клара увидела, что Агата смотрит на нее «долгим затравленным взглядом», и разом все поняла. Мама была для Агаты тем другом, которому ничего не надо объяснять. Такое же инстинктивное понимание она чувствовала от Питера, который своим собачьим сердцем понимал, что она больна и несчастна, в те ужасные дни в «Стайлзе», а потом радостно приветствовал ее после возвращения. «Верная собака» было у Агаты высшим званием для преданного человеческого существа; ее доверие к Максусу основывалось на том, что он тоже поймет ее без слов; а себя она ощущала, по ее выражению, его «собакой для прогулок».

Питер поправился, и Агата переключилась на другие дела. Она занялась рисованием, хотя говорила Максусу, что «молодые женщины, рисующие с натуры, эти рыжеволосые молодые женщины в испачканных краской халатах» внушают ей комплекс неполноценности. Она также попы-

талась заняться лепкой из глины, правда не очень успешно, и послала Максу рисунки «отличного горшка с загнутыми краями». Тот посылал из Ура целые трактаты (одно письмо почти полностью посвящено Геродоту), но у Агаты была другая, своя собственная программа. К этому времени она заинтересовалась теоретической физикой и математикой. Описание исследований сэра Клода Эмори по расщеплению атома в «Черном кофе» доказывают, что Агата неплохо ориентировалась в этом вопросе, а особенно в новейших гипотезах относительно понятия времени и развития материи.

Во время первой поездки на Средний Восток кто-то из знакомых показал Агате книгу, довольно популярную в конце двадцатых, — «Эксперимент со временем» Дж. В. Дана. Агата была потрясена: «Раньше я видела вещи в основном по частям, только один аспект целого в безбрежном мире с сотнями взаимосвязей». Теперь, в ноябре 1930 года, ее очень взволновала книга сэра Джеймса Джинса «Таинственная Вселенная». В своем письме Максу она призналась:

«Я мало что поняла в ней, но она наполнила меня смутными идеями...»

...Как странно предположить, что Бог — это не Причина, а Результат (о чем прежде и речи не могло быть). Тогда Божий Промысел — это то, к чему мы только движемся, цель и результат всей эволюции; получается, вся наша вера в Бога как в Создателя мира (как это ни больно) оказывается заблуждением... Я говорю очень бессвязно, но ты понимаешь, что я имею в виду... так приятно тешить себя, что Бог создал мир таким, каков он есть, и этот мир хорош... Но изначально человек умирал от голода и от холода и каждая чума и всякий мор, вызванные человеческой глупостью, относились на счет «Господней воли». Если жизнь на этой планете — чистая случайность, если ее суть — непредсказуемость, тогда куда же мы идем? К далекому и чудесному Разуму?..»

Это было время невероятного количества всяческих теорий мироздания, с которыми столкнулась и Агата:

«Если время бесконечно, оно могло бы идти совсем по-другому... и наша жизнь тоже, но мне почему-то нравится мысль, что Бог в будущем и каждый час нашей жизни делает нас ближе к Нему. В каждой клетке материи потенциально присутствует Человек, только скрыто; итак, предположительно, Бог сокрыт в каждом Человеке?»

Агата меньше доверяет новым изобретениям, чем новым идеям — в этом же письме к Максусу она язвит: *«Твоя почтовая открытка Карло прибыла сегодня, значит, авиапочта все-таки немного быстрее...»*, — и пространно подводит под это теоретическую базу из «Таинственной Вселенной».

Но профессиональные обязанности не позволяли Агате расслабиться. Самой настоящей была просьба Дороти Сойерс помочь пяти другим детективным писателям подготовить радиосериал для Би-би-си, который должен был выйти в эфир в январе 1931 года, так что времени оставалось совсем мало. Это была уже вторая работа такого плана, предыдущий сериал прозвучал в июне-июле 1930 года как раз перед отъездом Агаты на Скай. Соавторами первого сериала под общим названием «За занавесом» были Хью Уолпол, Дороти Л. Сойерс, Энтони Беркли, С. Бенгли, Роналд Нокс и Агата Кристи, написавшая вторую часть истории. Идею первого сериала предложил Дж. Р. Эккерли, тогда ассистент продюсера звукового отдела Би-би-си. Работа авторов была довольно сложной, поскольку каждая часть сериала должна была быть увязана со всеми остальными. Тем не менее каждый писатель стремился еще больше усложнить работу тому, кто будет продолжать сюжет после него. Несмотря на усилия продюсера сделать весь сериал связным и последовательным, каждый автор старался выделиться и придать своей части максимум индивидуальности (так, в Агатином тексте множество ложных улик, масса подробностей и уйма диалогов), да еще подчеркивал это голосом при чтении. Огромные микрофоны Би-би-си вели себя непредсказуемо — выступление в прямом эфире в те годы было делом непростым. За три дня до назначенного на 21 июня выступления Агата прошла радиопробу, а после того как она прочла свою часть, слушателям предложили присылать издателю журнала «Листенер» свои ответы на заковыристые вопросы о преступнике и его мотивах.

Начинание оказалось настолько успешным, что Би-би-си решила сделать еще один сериал. В начале ноября Дороти Сойерс сказала Агате, что поскольку на радиостанции «собственная организация в последнее время оставляет желать лучшего», то продюсеры попросили мисс Сойерс взять дело в свои руки, уполномочив начать переговоры с соавторами. Би-би-си надеялась, что таковыми будут Энтони Беркли, С. Бенгли, Клеменс Дэйн и Фримен Уилс Крофтс («шесть выдающихся детективных авторов», — как написа-

ла Агата Макс). На этот раз сериал под названием «Сенсация» должен был состоять из двенадцати частей, и на предварительном обсуждении 5 декабря было решено, что Агата напишет вторую и четвертую части истории. Продюсеры Би-би-си проявили дальновидность, перепоручив организацию всей работы мисс Сойерс, — дело оказалось необычайно сложным.

Сюжет «Сенсации» (опубликованной издательством «Голланц» в 1983 году) разворачивается вокруг убийства газетного репортера, который сам расследует некое убийство. Запутанность истории и обилие жертв, подозреваемых, оружия и мотивов — такова цена компромисса, к которому удалось прийти, удовлетворив каждого из авторов. Как сказала Дороти Сойерс, возникли «большие проблемы с Би-би-си, которая хотела простую историю с минимумом действующих лиц и без дополнительных сюжетных линий и диалогов о подозреваемых». На Би-би-си вообще плохо себе представляли, как создаются детективные истории. Дело осложнялось еще и тем, что все соавторы разъехались на рождественские праздники. Дороти Сойерс было очень трудно отловить Агату, поскольку та разрывалась между Кэмден-стрит, «Крессуэл-Плейсом» и «Эбни». Писательницы до хрипоты спорили по телефону, слали друг другу письма, обмениваясь мнениями по поводу сюжета. Одна из записок мисс Сойерс к Агате начинается с комплиментов по поводу «Убийства в доме викария»:

«...я думаю, что мисс М.— это лучшее, что есть в Ваших детективах, хотя мне очень нравится «Роджер Экройд». Но я бы предпочла первый, потому что в нем нет диктофона; у меня аллергия на звукозаписывающие средства».

Однако главная тема записки «Сенсация»:

«Только что мне позвонил мистер Крофтс и сказал, что с алиби как-то не получается и что 9.48 — это слишком поздно. Я все-таки надеюсь, что он погорячился, иначе просто скандал...»

Не подозревая об этих осложнениях, Би-би-си между тем отправила каждому автору серьезное предупреждение: «Осложняющих сюжет подробностей вроде точного времени до минут или секунд необходимо избежать... Диалоги должны быть написаны таким образом, чтобы слушатель понимал, кто говорит... Количество действующих лиц должно быть минимальное». Мисс Сойерс, однако, быстро

расправилась с заказчиком, вскользь заметив Агате: «Эккерли говорит мне, что и Вам послал свое дурацкое письмо. Я не собираюсь обращать на эту чушь никакого внимания. Если он еще будет надоедать нам, я ему объясню по-простому, что он хочет на самом деле не детектив, а какую-то любовную историйку».

Эккерли действительно не понимал, в какое затруднительное положение он поставил соавторов. В отчаянии Дороти Сойерс договорилась встретиться с представителями радио за ленчем, но встреча прошла бестолково и не принесла результата: «Все вели себя очень шумно, но я подумала, что это по случаю понедельника». В начале нового года Агата, уставшая от встреч и разговоров на Би-би-си и от генеральных репетиций «Черного кофе», сбежала в Швейцарию, захватив с собой Розалинду. *«Я никогда в жизни не возьму тебя сюда, — написала она Максусу. — Я уже познакомилась с двумя женщинами, которых бросили мужья из-за хорошеньких девушек, совсем не умеющих кататься на лыжах».* Отъезд Агаты сильно обеспокоил Эккерли. *«В тех двух частях человек пятнадцать персонажей, — написал он ей и, подчеркивая, как ждут слушатели этих передач, закончил: — Надо обязательно все подробно расписать, кто что говорит, — как для детской передачи».*

Вторая половина сериала была еще не написана, когда первую уже запустили в эфир. Мисс Сойерс прочла свою главу 10 января, а выступление Агаты должно было прозвучать на следующей неделе. Она уговаривала продюсеров разрешить ей говорить со станции в Девоншире, но в последнюю минуту Би-би-си прислала письмо с требованием срочно приехать в Лондон, угрожая в противном случае принять меры. Но Агату больше волновало, достаточно ли силен радиосигнал, чтобы Макс в Ираке смог ее услышать. Тот же, со своей стороны, сделал все возможное — проскакал галопом через всю пустыню (первый раз в жизни сев на лошадь) к майору Берри в Нахр-Умр, где имелся «отличный радиоприемник — берет Лондон регулярно». Восхищенное письмо Макса своему «выдающемуся Ангелу» пришло только через несколько недель после окончания сериала с припиской:

«Мне хочется, чтобы в твоём новом выступлении была тайная «кодовая» фраза — только для меня».

Такая же идея пришла и Агате — еще не получив письмо от Макса, она написала ему:

«Я прямо тряслась от страха, когда выступала в субботу, и мне не пришло в голову сказать что-нибудь специально для тебя. Возможно, тридцать первого я буду соображать лучше и что-нибудь скажу про Восток».

«Сенсация» отнимала много сил и времени, а оплата была небольшой — пятьдесят гиней за все, включая и написание обеих глав, и чтение их по радио, и первую публикацию сериала в «Листенер». К тому времени журналы за каждый рассказ платили ей как минимум сто фунтов. Агата приняла участие еще в одной совместной работе такого рода — в сериале «Последнее плавание адмирала», опубликованном в 1931 году, в котором ее глава называлась «Одни разговоры». Как она пожаловалась Максу, «это отнимает у меня много времени, а ничего особенно занятого не выходит». В феврале 1931 года она послала Дороти Сойерс короткий рассказ «Приключение Клема Кука» для готовящегося в печать сборника. «Самая интригующая проблема для Эркюля, — заметила мисс Сойерс. — Моему последнему сборнику очень его не хватало». Но Агате и ее агенту одних комплиментов было мало. «Я чувствую, что Хью Мэсси, — написала мисс Сойерс, — хочет хорошую (очень хорошую!) цену, а я не могу предложить больше чем 770 фунтов за британские права». Агата уже могла достаточно профессионально оценивать свою работу, да и агент отговаривал ее от публикации за «столь мизерную» цену. Она предпочитала продать написанное по настоящей цене, а деньги раздать, чем продешевить. Иногда потенциальным покупателям было трудно понять такую позицию. Например, в сентябре 1932 года Дж. Р. Эккерли предложил ей сочинить еще один сериал: «Ваш замысел, когда большое количество действующих лиц обсуждает определенные проблемы, — это именно то, что нам нужно...» Он интересовался, не напишет ли она что-нибудь вроде «маленьких пьес... без описаний и с мисс Марпл». Взвесив все «за» и «против», Агата написала ему кратко, но решительно:

«Дело в том, что я терпеть не могу писать короткие вещи, и потом, они невыгодны. Приходится обдумывать то одно, то другое. Мне гораздо легче сразу бросить все силы на написание книги. Вот так! Извините».

Эккерли не понял. Людям, работающим на твердой ставке в больших учреждениях, обычно очень трудно встать на позицию «свободного художника», которому самому приходится искать, чем зарабатывать на жизнь, — у него своя стратегия и свои расходы. Это тупое непонимание раздражает еще боль-

ше, когда начинаются разглагольствования, будто бы данное учреждение больше других потакает автору. Продюсеры (к счастью, не все), которые подобным образом вели себя с Агатой, дискредитировали Би-би-си в ее глазах. Эккерли, видимо, здорово допекали скандальные осложнения с «Сенсацией». Вспоминая, он в 1938 году сказал своему преемнику: «Насколько я помню, Агата Кристи была удивительно хорошенькой, при этом жуткой занудой. Никогда не сдавала вовремя свой материал, с ней вообще было очень трудно договориться. Я вспоминаю это с болью, потому что она — мой любимый автор детективов. Ее дебют как чтицы не слишком впечатлил. Она прочла свой кусок вполне прилично, но не более того. Если память меня не подводит, уже тогда эти сериалы всем слегка поднадоели, кроме этой пробивной и нахальной тетки, Дороти Сойерс». Он несправедлив к обеим — вероятно от обиды.

Не считая этой работы по мелочам, в 1931 году Агата опубликовала только одну большую книгу — «Загадка Ситтафорда», действие которой происходит в заснеженной деревушке в Дартмуре. Книга начинается со спиритического сеанса, участники которого узнают, что живущий в шести милях от них капитан Тревельян убит. Сюжет ловко закручен и для обычного детектива несколько эксцентричен. Книга отражает отношение Агаты к оккультному и оккультистам, к тем, кто считал себя медиумом, мог (или думал, что может) заглядывать за грань реального. С одной стороны, увлечение «трансцендентным» было в тридцатые годы модным поветрием, к чему Агата относилась с известной долей скептицизма. Но с другой стороны, в некоторых ее рассказах, написанных для журналов и появившихся в 1933 году в сборнике под названием «Пес смерти», виден серьезный интерес к таким гипотетическим феноменам, как телепатия, экстрасенсорное восприятие и т. п. Ее ранний рассказ «Взмах крыльев», переизданный в этом сборнике, отразил убежденность писательницы в том, что творческий гений или просто сильное чувство может стать материальной силой, — она верила в это с детства. В сборник вошли замысловатые истории, аналогичные «Загадке Ситтафорда», отчасти ироничные, отчасти наивные.

Весной 1931 года Агата едет в Ур, чтобы пробыть с Максом до окончания экспедиции. Его усы снова «были на месте» (кроме Кэтрин, никто их отсутствие и появление не комментировал) — ему пришлось их снова отрастить, поскольку Агата не могла его «терпеть без них». Тактичные

письма к Кэтрин и экземпляр «Убийства в доме vicария» (Агата послала его по совету Макса, написавшего: «Не забывай, кто был прототипом!..») сделали свое дело — Агату приняли весьма любезно. Мэллоуэны поехали домой через Персию, которую Агата мечтала увидеть, поскольку «просто обалдела от восторга» после персидской выставки в Лондоне в январе. В «Автобиографии» она с восхищением описывает посещение Шираза и Исфахана и рассказывает забавную историю их возвращения домой через Советский Союз. Одним из самых ярких воспоминаний Агаты об этой поездке стало съеденное ими «огромное количество восхитительной и очень дешевой икры», которую она «продолжала любить всю жизнь». (В этом смысле показательна записка, посланная ею подруге в 1961 году: «Черт возьми, что с твоим телефоном!.. Как насчет того, чтобы прийти в 8.30 и вволю полакомиться икрой? Post Scriptum. Кроме кофе, ничего не будет, но если наедемся икры, может, больше ничего и не захочется. На крайний случай ветчина всегда найдется».) Похоже, что этот деликатес подал Агате некоторые сюжетные идеи — она нацарапала в записной книжке: «Мышьяк... Похож на икру... Пудинг с изюмом...».

В то лето Агата работала над двумя книгами — «Загадка «Эндхауза» и «Тринадцать загадочных случаев» (сборник рассказов про мисс Марпл). «Загадка «Эндхауза» кажется просто тренировкой. Агата обдумывала сюжет и в тоненьком блокноте, в котором было записано только расписание поездов между Скотпортом и Торки, сделала краткие пометки: «Крофты. Мисс Бакли умерла. Ужасное волнение. Потом — вдруг — какие-то перемены... Частная лечебница. П. говорит — Вы мне не все сказали?..» Под руку Агате попала записная книжка Розалинды, и она выводит на первой странице: «Мысли 1931 года», а дальше заметки, касающиеся «Тринадцати загадочных случаев», куда вошли истории, рассказанные многоопытной и сведущей мисс Марпл, умеющей разрешать запутанные задачи, припоминая аналогичные случаи из жизни своих знакомых. Сборник посвящен чете Вулли.

Рабочим названием книги было «Тринадцать за обедом», под этим названием в американском издании появилась следующая книга Агаты, «Смерть лорда Эджвера». Эта книга большей частью была написана на Родосе — Агата отправилась туда осенью 1931 года, прежде чем присоединиться к Максусу в Ниневии, где тот теперь работал в экспедиции Кемпбелла Томпсона. Сильно скучая по Максусу, Агата писала ему длинные письма:

«Завтрак в восемь (без тебя!); до девяти — размышления. Жуткий стрекот машинки до одиннадцати тридцати (если заканчиваю главу — какой чудесный день! Делаю малюсенький перерыв), затем на пляж — сразу ныряю в море, а потом как можно дольше лежу на берегу, подставив солнцу спину. В час тридцать ленч — затем блуждание по городу или болтовня на террасе. После чая немного работаю (иногда не работаю, а сплю). В восемь тридцать обед, если днем не спала, тогда после ужина работаю; если не спала, а работала, тогда — интеллектуальная беседа, сопровождаемая укусами москитов. Потом в постель, под москитную сетку. Я все время одна».

Как и все ее книги, «Смерть лорда Эджвера» была продумана самым детальным образом. Идея сюжета у Агаты появилась после посещения в Лондоне представления американской актрисы Рут Дрейпер, которая в двадцатые годы выступала с драматическими монологами, перевоплощаясь на сцене в тех героинь, которых она представляла. Разработав сюжет, Агата принялась за персонажей, о чем и сообщила Максус с Родоса:

«С лордом Эджвером все отлично, он умер. Карлотта Адамс (Рут Дрейпер) умерла, а племянник, который унаследует все богатство, как раз рассказывает Пуаро о своем распрекрасном алиби. Имеется также киноактер с лицом «греческого бога», но он еще немножко сыроват. Думаю, что должно получиться здорово. Хотя, возможно, немного простовато».

Роман был закончен в Ниневию за столом, купленным, по словам Макса, за три фунта, а по словам Агаты, за десять — как бы то ни было, экономный Кемпбелл Томпсон посчитал его излишеством.

Перед самым Рождеством 1931 года Агата оставила Макса и поехала назад «Восточным экспрессом» — путешествие, на сегодняшний взгляд, совершенно кошмарное. Добравшись к себе на Кемден-стрит, Агата сразу (в шесть часов утра) описала Максусу все свои приключения. Это длинное письмо стоит привести полностью, поскольку в нем проявился не только ее талант рассказчицы, но и уже намечены характеры некоторых персонажей будущей книги «Убийство в «Восточном экспрессе».

«Мой дорогой, что это было за путешествие! Мы отправились из Стамбула в ужасную бурю. Всю ночь ехали еле-еле и часа в три утра совсем остановились. Я подумала, что мы на границе, но оказалось, мы еще никуда вообще не приехали».

За завтраком все разговорились. Там была пожилая американка, которая хотела попасть на «Аквитанию» в Шербуре; веселый маленький англичанин из Смирны; суетливый человек, очень интересующийся археологией; старый джентльмен (лет 85) со смешливой семидесятилетней женой (очень красивой), я подумала, греки, но оказалось, они из Стамбула, очень богатые люди, старик ехал на какую-то конференцию в Будапешт. Вместе с ними сидел венгерский министр и его жена, и вчетвером они обсуждали какой-то дипломатический скандал во Франции. С нами ехали также две датчанки-миссионерки, о существовании которых никто не знал, пока они не вышли к завтраку. А еще, к нашему счастью, был директор железнодорожной компании: если бы не он, я думаю, мы бы до сих пор никуда не приехали. Он ехал в одном вагоне со мной, так что я видела всех входящих к нему с докладом и, приложив ухо к дверям, могла услышать: «Да, господин директор. Нет, господин директор».

После завтрака становилось все холоднее. Мы провели утро, завернувшись в пледы, а кондуктор, принесший мою грелку, сказал, что последний раз они простояли подобным образом три недели!!! Он сказал, что о пассажирах, конечно, позаботятся и доставят их обратно в Стамбул. А дело было серьезное, потому что пути размыло в трех местах: в двух на греческой территории и одном на турецкой, и самое сложное — решить, кому их ремонтировать.

Миссис Хилтон, американка, была в совершенном замешательстве: «Но почему они ничего не делают?! Почему? В Штатах бы уже пригнали автомобили! Почему они не пришлют аэропланы?!»

Вскоре поползли слухи, что мы еще немного проедем поездом, а дальше на машине, и все стали собирать теплые вещи. Наконец настало время ленча, который, согласно расписанию, должен был состояться уже в Югославии. С грехом пополам мы доехали до следующей станции, где в вагоны поднялись греческие пограничники и буквально умоляли нас не беспокоиться о визах, а спокойно оставаться на своих местах. Потом был «ужин в Югославии». Среди ночи прибыл следующий «Восточный экспресс», и пятерых пассажиров из него переместили в наш вагон: здоровенного веселого итальянца, маленького немца с огромной лысиной, болгарскую даму, какого-то художника, кошмарного вида типа из Чикаго, турка в оранжевом пиджаке, с невероятным количеством золотых цепочек и прочих украшений, и голубом шелковом галстуке с нарисованной на нем лошадиной головой. Он тоже хотел попасть на «Аквитанию» и был

невероятно обходительным!!! Воскресенье стояло чудесное, всю ночь шел снег, кругом было белым-бело и ярко светило солнце. После «завтрака в Италии» мы решили, что нужно дать телеграммы и направились в контору, где очень небритый грек принял нас необычайно учтиво. Телеграммы полетели в Америку, в Англию, в Бремен, в Смирну, в Париж, в Будапешт!

Естественно, он хотел, чтобы мы заплатили драхмами, а их ни у кого не оказалось. Любезные греческие офицеры отправились на поиски газеты, нашли какую-то недельной давности, и мы, сверяясь с обменным курсом, заплатили в долларах, марках и франках.

После обеда кое-что изменилось. Всех нас собрали в один вагон, а остальные отправили назад в Стамбул; поскольку старый джентльмен опоздал на свою конференцию, его жена предложила вернуться, но он категорически отказался. Он выехал в Будапешт, бодро заявил он, и даже вселенский потоп его не остановит! Он достал откуда-то сухари и любезно предложил мне: «Не отказывайтесь, мадам! Вы же не знаете, когда можете поест в следующий раз».

Мы были очень взволнованы, потому что наконец тронулись. Паровоз толкал нас сзади — я думала, мы сойдем с рельсов! Но ничего... Мы не спеша преодолели Грецию и очутились в том месте, где хлынувшим с гор потоком все размыло. Мы вышли и зашагали по доскам, положенным над ямами и рывтинами (ты же знаешь, как я боюсь ходить по доскам!). Получилась большая неразбериха, потому что вдалеке стоял вагон другого поезда и те пассажиры тоже шли по доскам — нам навстречу. Рабочие перестали чинить пути и принялись очень усердно таскать чемоданы туда-сюда, а каждый пассажир старался хоть одним глазком проследить за своими вещами — потому что там была целая куча багажа и почты.

Садилось солнце, и видневшийся вдали Адрианополь со всеми его минаретами был необыкновенно прекрасен. Однако нам было не до поэтических красот! В нашем новом вагоне царило полное запустение! Ни пищи, ни воды — ни попить, ни умыться! Кое-как разместились. Американка обнаружила, что для нее нет отдельного купе, и перспектива провести всю ночь с очень разговорчивой болгаркой ее разозлила: «Дочка сказала, что у меня не будет никаких проблем, что мне вообще не о чем волноваться! Я раньше не ездила в Европу и больше никогда не поеду!» Мы все как могли утешали ее, датчанки из оставшейся в бутылках воды сделали чай, я достала печенье и шоколад, а ужасный мужчина из Чикаго выложил апельсины и сыр, и... болгарская дама в мгновение ока все это съела.

Постепенно все успокоились и стали выуживать каждый свой багаж, поскольку все было перемешано. Наконец тронулись с места (для меня это было самое главное), и чудесный маленький кондуктор (из Остенде) приготовил постели мне и датчанкам, наверно, потому, что мы не злились, как все остальные.

Ночь была спокойной, не считая того, что турок (он находился в соседнем со мной купе) периодически ломился ко мне в купе, наверно, думая, что там умывальник.

Наконец около шести часов утра поезд прибыл в Софию и остановился в миле от вокзала. В десять тридцать мы пересели (голодные и замерзшие!) еще на один поезд. Это был очередной «Восточный экспресс», только вышедший из Стамбула двумя днями позже! Каким счастьем нам показался горячий кофе!

В Белграде мы удостоились лицезреть короля и королеву, которые выглядели очень хорошо и мило улыбались. Сразу же поезд окружили сыщики и агенты — они были точь-в-точь как в кино и на сцене. Они так пристально и строго смотрели на двери туалетов, что вряд ли кто-нибудь осмелился туда зайти.

В среду вместо понедельника я наконец приехала домой...»

Глава 16

Параллельным путем

На Макса теперь навалилось множество забот по организации собственной экспедиции — его расходы все увеличивались. Агата как могла старалась помочь ему. В рождественском письме 1932 года она радостно сообщила, что получила предложения от «людей из кино, которые хотят сделать заказы нескольким известным авторам» и договор может принести «хорошую сумму, которая поможет в одну минуту стереть могильный курган с лица земли». Дело ничем не кончилось, хотя, возможно, у Агаты были кое-какие планы, поскольку она подготовила сценарный вариант «Тайны замка Чимниз», который так и остался на бумаге.

Агата писала много и хорошо. Ей только что исполнилось сорок, она была счастлива и полна сил. Правда, год назад ее жизнь омрачило одно печальное происшествие. Она ждала ребенка, но случился выкидыш, после чего они с Максом решили не заводить детей. Дело было в «Эбни». Москитик разволновалась, Розалинда не на шутку испугалась, но бледная, потерявшая много сил Агата уверила ее,

что с ней все в порядке. Про ее неприятность знали только несколько самых близких людей, а позже Агата рассказала об этом двум или трем женам молодых археологов, убеждая их, что во время беременности следует сидеть дома, а не мотаться по пустыне вслед за мужьями. Ее супружество с Максом было вполне счастливым, а Розалинда подружилась с отчимом, который оказался педагогом от природы и смог научить Розалинду тому, чему Агата за всю жизнь так и не выучилась, а именно привил ей вкус к философии и вину. Розалинда вполне освоилась с новым положением, она регулярно виделась с Арчи, хотя он и Агата после развода ни разу не встретились. Розалинда весело проводила время с отцом и старалась поддерживать добрые прочные отношения с обоими родителями.

Весной 1933 года Макс наконец стал главой попечительского совета Британского музея и Британского археологического института в Ираке. Местом раскопок он выбрал курган в Арпачийе, в нескольких милях к северо-востоку от Ниневии, и через несколько недель оказалось, что он не ошибся с выбором — было найдено много изящной керамики, в том числе статуэток. Вся экспедиция Макса, включая опубликование результатов, обошлась всего в две тысячи фунтов. Штат был маленьким: кроме повара, мальчика-слуги, рабочих и водителя грузовика — ирландца Галахера, в группу входило всего три человека — Макс, его друг архитектор Джон Роуз и Агата. Агата не была сторонним наблюдателем. Она собирала и приводила в порядок всю документацию, помогала очищать и сортировать находки. Одновременно она продолжала писать. За 1933 год было написано два сборника рассказов и роман «Убийство в «Восточном экспрессе».

Первые соображения относительно следующей книги, «Почему не Эванс?», датированы у Агаты 1931 годом — записи той части запутанного сюжета, в которой Пуаро выходит на след отравителя («яд окрашивает все в желтый цвет... попал на платье — и вот уже платье желтого цвета...»), а название навела случайно услышанная фраза (что и помечено в записной книжке): «Почему они не спросили Эванса?»

Сборники рассказов, написанные в 1933 году, назывались «Расследует Паркер Пайн» и «Тайна лорда Листердейла». Один рассказ из «Тайны лорда Листердейла» («Коттедж «Соловей») позже был адаптирован для театра (под названием «Любовь незнакомца»), и по нему был снят фильм. По мотивам другого («Катастрофа») Альфред Хичкок в 1957 году собирался снять фильм, правда, так и не снял.

Рабочим названием второго сборника было «Воспоминания Паркера Пайна». Герои некоторых рассказов обращаются за советом по объявлению в газете «Таймс»: «Вы счастливы? Если нет, проконсультируйтесь у мистера Паркера Пайна, Ричмонд-стрит, 17». А иногда мистер Паркер Пайн по собственной инициативе приходит на помощь людям, попавшим в беду, которых встречает во время своих путешествий. (В «Доме в Ширазе» и «Дельфийском оракуле» Агата описала некоторые реальные места и людей, с которыми они с Максом когда-то встречались.) В этих чудесных рассказах за размышлениями мистера Паркера Пайна относительно человеческой природы (он, к примеру, делает вывод, что крайне редко разные люди становятся несчастны по одной и той же причине) отчетливо слышна очень личная интонация самой Агаты с ее страстью к приключениям, ее отношением к ревности, ее пониманием (как в «Случае богатой дамы») свободы и независимости. Агате очень нравился ее Паркер Пайн — он получился более реалистической фигурой, чем, скажем, Пуаро. В 1947 году она скажет о Паркере Пайне своему литературному агенту: «...Он намного больше подходит для американского радиосериала». Однако Пуаро своей популярностью совершенно затмил Паркера Пайна, так что в результате появился сериал под названием «Эркюль Пуаро представляет».

Еще одной книгой, написанной Агатой в 1933 году, был роман «Неоконченный портрет», где главные герои, Силия и Дермут, весьма узнаваемы — это сама Агата и Арчи. К тому времени писательница уже была уверена, что сможет объективно описать свой первый брак. В 1930 году в день годовщины развода она написала серьезное письмо Максу, в котором благодарила его за все, что он сделал для нее. Однако даже с самыми близкими друзьями она не обсуждала крах своего первого замужества, свою болезнь и выздоровление. Боль засела слишком глубоко. К тому же это было очень интимное дело, и говорить о нем вслух значило бы злоупотребить доверием Арчи и предать огласке и его тайны, и свои собственные. Теперь Агата хорошо знала цену благоразумному молчанию. Однако она то и дело намекает на свою личную жизнь и анализирует ее в своих книгах, как будто эта невысказанная тайна не дает ей покоя. И вот, вручив свои воспоминания персонажам и заменив имена, она наконец рассказала нам о самой себе. В начале 1934 года, заключив контракт с Коллинзом на издание «Неоконченного портрета» и еще двух романов, на документе

она ставит подпись «Дэниэл Миллер», в очередной раз скрывшись под псевдонимом.

Раскопки в Ираке в Арпачийе Макс у пришлось прервать на многие годы. В стране зрели националистические настроения, и Макс решил, что благоразумнее будет уехать. Два последних месяца 1934 года они с Агатой проработали в Сирии, где по заданию Британского археологического института обследовали долину реки Хабур и изучали «телли» — огромные курганы-городища — на предмет возможных раскопок. Им помогал молодой архитектор Робин Маккартни, человек застенчивый и тихий, честный и добросовестный. Он великолепно чертил и к тому же был способным художником. Две его чудесные акварели с пейзажами пустыни висели в доме Агаты до конца ее жизни. Она всегда восхищалась прозрачным воздухом и холодными оттенками пустыни и один раз, вернувшись в зимний Лондон, попросила Мэрион Маккинтош, одну из самых артистичных своих подруг, расписать ей пижаму в цвет пустыни: оранжевым, как песок, брюки, а голубым, как небо, пижамную куртку (правда, с последней вышли затруднения, потому что крепдешин под кистью художницы все время сползал с плеч).

Макс и Агата провели несколько недель в Бейруте, готовясь к экспедиции. Все это время и позже, когда они уже разбили базовый лагерь, Агата набрасывала черновики и печатала свои рукописи. За 1934 год она написала три книги. Одной из них была «Смерть в облаках», в которой она еще раз использовала прием «ограниченного круга подозреваемых» — пассажир убит во время полета из Ле-Бурже в Крайдон. Шпилька Агаты по поводу слишком обязательных англичан, которые оставляют больных жен ради работы, была в этой книге не единственной. На ее страницах немало колкостей в адрес только что открывшихся пассажирских авиакомпаний. Агата не очень им доверяла с тех пор, как в 1930 году впервые летела самолетом «Империал эйруэйз». *«Я думаю, что все авиалинии — любительские, — написала она Макс у, — у них просто не было времени стать профессиональными».* В том же году Агата написала еще две книги, которые собиралась опубликовать в 1935 году: «Трагедия в трех актах», в которой снова появляется мистер Саттертуэйт, и «Убийство по алфавиту», где Эркуль Пуаро расследует серию преступлений, в каждом из которых фигурирует экземпляр железнодорожного расписания, — оригинальный сюжет, совершенно запутывающий читателя. Позже по роману был снят фильм.

Кроме своих книг и помощи Макс у, Агата тратила немало времени на своих многочисленных друзей и свои дома.

Очередным приобретением стал дом 48 на Шеффилд-Террас с просторными, хорошо спланированными комнатами. Там хватало места, чтобы устроить Макс кабинет-библиотеку с огромным столом, на котором он мог разложить свои глиняные черепки, и отдельный большой кабинет для Агаты. Здесь у нее был широкий удобный письменный стол, кресло с прямой спинкой рядом с печатной машинкой, уютное мягкое кресло с подлокотниками, диван и роуль «Стейнвей». В декабре она купила еще один дом, в деревне, чтобы проводить там выходные. В «Эшфилд» теперь удавалось выбраться разве что в каникулы Розалинды — Торки все-таки довольно далеко от Лондона. Поскольку Макс очень любил Оксфорд, они с Агатой искали небольшой домик в его окрестностях и в конце концов нашли «Винтербрук» в Уоллингфорде. Это был дом эпохи королевы Анны, стоящий у дороги, тогда вовсе не такой оживленной, как сейчас, к тому же его заслоняли высокие угрюмые деревья. Окна гостиной смотрели в сад и на луг, а дальше виднелся берег реки. Посреди луговины, также ставшей вскоре их владением, стоял большой кедр, под которым Агата собиралась пить чай летними вечерами. И в самом деле, в погожие дни Агата и ее гости после еды, захватив чашки, отправлялись пить чай на воздух. Гостиную Агата отделала в своих любимых розовато-лиловых тонах, белые деревянные панели красиво сочетались с белыми занавесями и мебелью, обтянутой белым простеганным ситцем. «Винтербрук» был большой — три спальни и три просторные общие комнаты. Самой лучшей из них была библиотека Макса, громадная, с окнами, выходящими на реку. Сад позади кухни стал раем для Агаты; иногда она сдавала дом друзьям, но только пока не созреют фрукты.

Здесь, в долине Темзы, зимой холодно и сыро, особенно в январе и феврале, но обычно эти месяцы Агата и Макс проводили на Востоке. В 1935 году начались раскопки в Шагар-Базаре. Место оказалось весьма удобное — всего в двадцати пяти милях к северу находился город с магазинами, банком и почтой. Вначале они сняли большой заброшенный кирпичный дом, в котором их атаквали полчища мышей. Агата испытывала к ним такое отвращение, что срочно пришлось обзавестись высококлассной кошкой. Затем они переехали в другой дом, специально построенный для них возле самого раскопа. В течение первого сезона штат состоял из Робина Маккартни, Ричарда Барнетта и 140 рабочих, в основном арабов и курдов, лишь немногие

из которых, по воспоминаниям Макса, были христианами. Лучшими рабочими были турки, нелегально переходившие сирийскую границу, которую в то время контролировали французские войска. Агата и Макс провели сезоны 1935 и 1936 годов в Шагар-Базаре. Агате очень нравилась полевая жизнь, ее простота, свежий воздух и доверительные отношения между членами экспедиции. Простота, впрочем, вовсе не подразумевает отсутствие удобств. Агата позаботилась о мебели и хорошо наладила питание, организовала снабжение свежими местными продуктами вдобавок к консервированным и сушеным, привезенным из Англии. Рабочие почитали ее как мать и королеву, с ней и с поваром они делились всеми своими тайнами. К тому времени Агата уже неплохо разбиралась в археологии. Она очищала от грязи и пыли глиняные черепки с помощью своих любимых кисточек для пудры и косметического молочка.

Известность Макса росла. У него было уже много публикаций и репутация работоспособного и талантливого археолога, он часто выступал с докладами о своей работе и завоевывал все больший авторитет. Может быть, он просто стал старше (ему было за тридцать), а возможно — по крайней мере, так считали его друзья, — сказывалось влияние Агаты. Ей импонировало, что ее муж — ученый, археолог и историк — приобретал все больший вес в научных кругах. Но ей очень не понравилось, и она никогда сама не упоминала ядовитое высказывание «как хорошо быть замужем за археологом — чем старше становишься, тем больше его интересуешь». Это саркастическое замечание впервые появилось в «Гетеборг трейд энд шиппинг джорнэл» и с тех пор неотступно преследовало Агату.

Экспедиции Мэллоуэнов считались самыми спокойными на Среднем Востоке. Агата была полной противоположностью незабвенной Кэтрин. В 1935 году, подстрекаемая Эгли Уитборном, архитектором из экспедиции Вулли, она набросала сюжет детектива, в котором героиню сделала похожей на Кэтрин. Это было «Убийство в Месопотамии». Первые имена в черновиках хорошо знакомы — супруги Вулли и супруги Томпсон. Для «Убийства в Месопотамии» она разработала два или три варианта сюжета, начертив для ясности план дома экспедиции и расписав порядок и направление передвижений его обитателей. Она имела обыкновение, делая записи, вслух рассуждать о различных деталях, проговаривая, например: «Как мы можем использовать окно?» Домик экспедиции внешне напоминает их жилье в

Шагар-Базаре, но атмосфера там совершенно иная. В набросках к роману читаем: «Жена очень эксцентричная — атмосфера накаляется — бомба может взорваться в любую минуту...» Агата хулиганским образом посвятила роман «моим многочисленным друзьям-археологам в Ираке и Сирии» — кое-кто из них потом обиделся, то ли потому, что узнал себя на страницах, то ли уловив издевку в этом посвящении. Робин Маккартни сделал для книги чудесную обложку по заказу Клуба детективов: всадник над обрывом и простирающиеся до горизонта пески.

Во второй написанной в 1935 году книге, «Карты на столе», Агата иронизирует сама над собой в качестве автора детективных романов. Миссис Ариадне Оливер, появившейся впервые в предыдущем цикле рассказов как помощница мистера Паркера Пайна, присущи некоторые характерные черты и привычки самой Агаты — например, она любит грызть яблоки, сидя в ванне. «Карты на столе» — это история убийства, совершенного во время партии в бридж. Эта карточная игра была распространенным времяпрепровождением в тридцатые годы; нередко игроки, увлекаясь, дерзили друг другу, иногда возникали ссоры. Сама Агата тоже часто играла в бридж после обеда. Она вообще любила карты и, оставшись вдвоем с Максом, играла с ним в покер. Ситуация с бриджем позволила в очередной раз использовать прием замкнутого пространства и ограниченного круга подозреваемых в преступлении. В данном случае их четверо, столько же и уже знакомых читателю героев: миссис Оливер, Пуаро, а также старший инспектор Баттл (из «Тайны замка Чимниз» и «Тайны семи циферблатов») и полковник Рейс (из «Человека в коричневом костюме»).

В одной из книг, написанных Агатой в следующем, 1936 году, действует персонаж, целиком списанный с натуры: это Боб, жесткошерстный терьер мисс Эренделл в «Немом свидетеле», чьим прототипом был, разумеется, Питер. В набросках к роману упоминается название места Бэрдли-Гарденс-Мьюз, но использовала Агата его для сборника «Убийство в Мьюзе», также законченного в 1936 году. «Смерть, внезапное убийство, — читаем в ее записях, — пистолет в правой руке, окна закрыты. В комнате пахнет духами...» Обложка книги снова выполнена Маккартни — арка, сквозь которую видно здание, все окна, кроме одного, темны, да еще горят фары черного заляпанного грязью седана.

У замысла другого романа, написанного в 1936 году Агатой, «Смерть на Ниле», есть своя история. В 1933 году

писательница путешествовала вверх по Великой реке с Максом и Розалиндой, а на следующий год в сборнике о Паркере Пайне появился рассказ «Смерть на Ниле», в котором описано отравление на борту парохода, идущего по Нилу. Во время своего путешествия Агата и Розалинда строили всяческие предположения насчет своих спутников, в частности, насчет одной довольно жестокой и деспотичной женщины, бывшей тюремной надзирательницы, которая явилась прообразом миссис Бойнтон. Сначала Агата решила использовать свои идеи и наблюдения для пьесы «Луна на Ниле», но потом отложила их для романа, тоже названного «Смерть на Ниле», но не имеющего с рассказом ничего общего, кроме названия. В первых набросках этой книги она наметила «миссис Бойнтон» и ее запуганную, но ропшущую семью, а потом отказалась от них. Однако она очень точно воспроизвела по памяти сам пароход. Судно «Карнак» — определяющий фактор сюжета; когда в 1978 году снимали фильм, продюсер с большим трудом нашел пароход требуемого размера и планировки. «Смерть на Ниле» имела большой успех, причем его обложка тоже вызвала общее одобрение — Маккартни снова оказался на высоте.

В то время Агату очень привлекал Египет и его истории. В древнеегипетской религии она находила начало не только мрачное и пугающее — странную смесь человеческого и животного в божествах, особое значение смерти и погребального ритуала, — но и умиротворяющее, «удобное устройство мира богов», как она выражалась. Размышляя о древней истории, она невольно выстраивала параллели с современной ей жизнью, ведь многие по-настоящему важные вещи были и будут всегда, меняется лишь форма их проявления: отношения мужчины и женщины, конфликт поколений, никогда не разрешаемое до конца противостояние добра и зла.

Писательница с удовольствием играла «смутными, неясными идеями», как многие тогдашние интеллектуалы. То было время споров «поджигателей войны», призывавших защитить существующие социальные устои с оружием в руках, и «миротворцев», веривших в силу слова и убеждения; сталкивались мнения тех, кто отстаивал консервативные ценности, сложившуюся социальную систему с ее иерархией, и поборников радикальных перемен. Политические воззрения самой Агаты трудно назвать последовательными, но она любила спорить на эти темы с Максом, да и персонажи ее время от времени выражают ее точку зрения, однако исключительно в праздных беседах, к которым сама Агата относилась

с иронией. Так, в «Смерти на Ниле» выведен очередной красноречивый выразитель очередного модного учения.

Тем не менее она восхищалась настоящими идеалистами-бессребрениками. В своей трехактной пьесе «Эхнатон», написанной в 1973 году, образ религиозного реформатора Эхнатона — он же фараон Аменхотеп IV, — обреченного на гибель идеалиста, вызывает сочувствие. Яркими получились и другие персонажи — преданный воин Хоремхеп; жена Эхнатона — Нефертити; Тутанхамон, обещающий восстановить культ прежних богов, чтобы получить за это трон Эхнатона, и всесильный Верховный жрец. Любопытно проследить, как четко Агата строит драматическую линию, не отклоняясь от исторических фактов: «Акт I, сцена I: Аменхотеп III умирает. Властитель Митанни присылает изображение Иштар в Египет (во второй раз)»; тут автора смущает историческая сторона проблемы, и она помечает в набросках: «...когда же был первый?». Пьесой она осталась довольна, хотя осуществить постановку оказалось слишком трудно и дорого.

Весной 1937 года Макс и Агата начали раскопки Телль-Брака, большого кургана, который Макс давно хотел исследовать. Он находился в двадцати милях от Шагар-Базара, где также оставалось много работы. Мэллоуэны разделились, им помогал Хамуди, бригадир из партии Вулли, и группа трудолюбивых молодых людей: Гилфорд Белл, племянник одной из австралийских приятельниц Агаты; бывший офицер индийской армии полковник Борн; Льюис Осман, которого все называли Бампс, и Розалинда, впервые попавшая в экспедицию. Розалинда поражалась тому, как здорово Макс организовал раскопки. Она и не подозревала, что отчим способен так рано вставать и так много работать, ее восхищало его строгое и вместе с тем заботливое отношение к рабочим. Сдружилась она и с молодыми специалистами. Агата тоже оказывала им всяческое покровительство. Позже Агата живо описала всю компанию в автобиографическом романе-хронике «Расскажи, как живешь» и в дальнейшем всегда поддерживала своих юных товарищей и одобрительно отзывалась об их способностях и успехах. Со временем все они многого добились: Льюис Осман отличился как мастер-ювелир по золоту и серебру; Гилфорд — как архитектор-проектировщик оригинальных домов; Маккартни — как художник; Джон Роуз, еще один архитектор из экспедиции Мэллоуэна в Сирии, занимался реставрацией, а со временем стал известным археологом и

адвокатом. Подружившись в экспедиции, они на всю жизнь остались друзьями и регулярно приезжали к Мэллоуэнам в «Гринуэй» и «Винтербрук» (где Бампс построил корт для игры в сквош). Джон Роуз был с Агатой и Максом на Барбадосе, Гилфорд регулярно наезжал из Австралии.

И в Сирии Агата не прерывала своего писательского труда. Как всегда, она прихватила с собой пару записных книжек — одну из которых подписала «Отель экспедиции, Шагар-Базар» — с разными соображениями и набросками будущих произведений.

Из одного такого наброска и появился роман «Свидание со смертью» (предварительное название «Розово-красное убийство» или «Розово-красная смерть»), действие которого происходит в Петре, удивительной красоты месте, которое Агата и Макс посетили как-то, возвращаясь из экспедиции домой. Поначалу Агата задумала сделать центральную фигуру, жертву, жадной и деспотичной женщиной. Экзотичное место преступления и образ жертвы, миссис Бойнтон — бывшей тюремной надзирательницы, впервые появившиеся в набросках «Смерти на Ниле», и стали отправными точками сюжета этого произведения. Другой давно задуманной героиней стала женщина — сильная личность и член парламента, «всю себя посвятившая работе». Сначала ее звали «леди Коупмен», затем «леди Бриджмен» и, наконец, «леди Уэстхолм», чьим прототипом была не леди Астор, как предполагали некоторые, а «выглядевшая исключительно свирепо мисс Уилбрэхем», прибывшая в Ирак в составе женской католической делегации, с которой Агата встретила там в 1939 году.

Компаньонка леди Уэстхолм, мисс Пирс, имела некоторое внешнее сходство с мисс Уилбрэхем. Агата была настолько потрясена огромным тропическим шлемом мисс Уилбрэхем, что упомянула его в ранних набросках, озаглавленных тогда «Смерть в Петре». В записях Агаты к этому роману одновременно прослеживаются две линии: убийца должен носить необычную шляпу: «Обычный человек, необычная шляпа... Необычный человек, обычная шляпа...» и что умертвить можно инъекцией: «...вещество — производное лимонной кислоты, введенное в вену перед смертью, сохраняется в крови. При диабете сразу дает трупное окоченение».

Тема шляпы определенно не дает писательнице покоя. «У вдруг видит мертвого человека... Это мистер Х... Встречает Z... Убивает его и сбрасывает вниз. Тело Х в пещере...

Шляпы. Y носит шлем... Z носит фетровую шляпу... X носит шлем... Кто они? Z — хирург-косметолог? Y — бывший пациент? У X нужный размер? Нужен ли шлем в такой стране?» Покончив со шлемом, Агата переходит к убийству: «Способ убийства. Фотоаппарат? Преступный муж. Он весьма ловок в такого рода вещах...» Не забывает она и про «инсулиновую идею». Миссис Бойнтон в конце концов была убита подкожным впрыскиванием, но шлем мисс Уилбрэхем не был забыт: сюжет про X, Y, Z появился три года спустя в романе «Зло под солнцем».

В другой записной книжке (начинающейся со списка того, что нужно привезти в Лондон: «Картины с цветами... ткани для Коллинза...») Агата написала новое название: «Ну кто бы подумал?» — начало фразы леди Макбет: «Ну кто бы подумал, что в старике столько крови?» Эти краткие предварительные записи к «Рождеству Эркюля Пуаро» — свидетельство возросшего мастерства писательницы: буквально несколькими словами очерчены характеры героев, их чувства, живые образы мест, сохранившиеся в ее памяти. Горстон-Холл, маленький, похожий на «Эбни», лазурные небеса, голубые барвинки и живые изгороди — все, о чем Стивен Фарр тоскует на чужбине, — взяты Агатой из собственных воспоминаний о Южной Африке.

Похожей сценой — путешественник возвращается в Лондон из тропиков — начинается роман «Убить легко», над которым Агата работала в следующем, 1938 году, когда экспедиции пришлось закончить работу в Шагар-Базаре и Телль-Браке. Осложнились отношения с местным шейхом — тот стал подбивать рабочих Мэллоуэнов на забастовку, — и осенью экспедиция перебралась на сотню миль к западу в болотистую долину Балиха, где с помощью Джона Роуза быстро, до зимы и дождей, успели обследовать пять курганов. Месяцы между сезонами Макс проводил, изучая и описывая находки. Агата решила, что теперь у нее есть что рассказать об экспедиции. В июле 1938 года она посоветовалась с Эдмундом Корком насчет книги, которая будет «...связана с жизнью на раскопках. Не слишком серьезная и не особенно археологическая». Хотя Корк поддержал Агату и предложил приступить к ней немедленно, она не начинала ее до сорокового года. Но в ее записях скопилось много материалов: запись случайных эпизодов, анекдоты, длинное рассуждение о культуре шайтана у езидов, отрывки из дневника.

Уже прошло около десяти лет с ее первого посещения раскопок и пять с тех пор, как она стала ездить в экспеди-

ции с Максом. Это было счастливое время — лето она проводила в «Эшфилде» с Розалиндой, Рождество — в «Эбни», позднюю осень и весну — в пустыне и остаток года — в Лондоне и Уоллингфорде. Как правило, Агата выпускала по две-три книги в год. Эдмунд Корк вдавался в юридические тонкости контрактов и смежных прав и т. п., а Гарольд Обер, его помощник в Америке, представлял интересы писательницы в Соединенных Штатах. Все трое хорошо сработались, и в течение многих лет книга появлялась за книгой, и казалось, что этому потоку не будет конца. И так, в середине 1938 года Агате было далеко за сорок, у нее все шло как по маслу, и ей захотелось описать все годы, проведенные с Максом в экспедициях на Среднем Востоке.

Однако за видимой стабильностью ее жизни уже назревали перемены. Во-первых, Розалинда выросла. Как и Арчи, она была лучшей в школе, но в Бенендене ей надоело. Хотя в университет она не собиралась, директриса настаивала, чтобы девочка доучилась до семнадцатилетия и получила аттестат. Для завершения образования Розалинде подыскивали пансион в Швейцарии, где ей решительно не понравилось. Поэтому она перешла в другой пансион, но там так и не выучилась французскому. Тогда Агата отправилась жить в Париж, в семью, где не говорили по-английски, и Розалинде волей-неволей пришлось овладеть французским языком и вжиться в историю, культуру и обычаи страны в непосредственном общении — так же как в свое время Агате и Кларе. Затем последовало несколько месяцев еще в одной семье недалеко от Мюнхена, прежде чем она вернулась, чтобы быть официально выведенной в свет во время «сезона» в Лондоне. Агата, к счастью, была избавлена от необходимости организовывать своей дочери посещение завтраков, чаепитий, обедов и танцев, подбирать ей гардероб и тщательно следить за ее друзьями, поскольку Розалинда начала свой «сезон» вместе с другой дебютанткой, Сюзен Норт, мать которой присматривала за обеими. Однако Агата написала в записной книжке: «Чай для дебютанток и т. д. Матерей просто доконала скорость, с какой все это сыплется». Сама Агата, будучи дебютанткой, не была представлена ко двору — ее сезон тихо прошел в Каире, — а теперь, будучи разведенной, не могла представить свою дочь. Так что Розалинду в страусовых перьях и со шлейфом отвезли в королевский дворец их друзья Макинтоши. Эрнест Макинтош, который был знаком с Монти и танцевал с Медж на балах в Торки, теперь был директором

Научного музея в Лондоне, так что семьи многое связывало. Агата и Мэрион Макинтош обычно вместе ходили на дневные спектакли — без мужей, которые, по словам Макса, считали, что пьесы «выбивают из колеи».

Миссис Дороти Норт, мать Сьюзен, тоже стала Агатиной подружкой, с ней они ходили на выставки, на оперные и балетные спектакли. Подружилась Агата и с Алленом Лейном. Они встретились с ним впервые, когда Агата зашла к его дяде Джону Лейну в «Бодли Хед» по поводу обложки ее книги «Убийство за кулисами». В 1935 году, когда Аллен начал работать самостоятельно, выпуская серии дешевых книг в бумажных обложках, Агата одна из первых предложила свою книгу его фирме «Пингвин букс», а Макс издал там же подборку своих археологических трудов. Аллен Лейн добился успеха не в последнюю очередь благодаря Агате и в знак признательности помогал как мог экспедициям Макса, в частности закупая для нее ежегодно запас сыра.

Сезон Розалинды оказался успешным — она была высокая, красивая и решительная девушка. Но с будущим занятием им со Сьюзен было трудно определиться. Первой их мыслью было «заняться фотографией». Когда Агата поняла, что это означает фотографироваться в купальных костюмах для рекламы, то пришла в ужас и стала убеждать их вместо этого серьезно освоить фотодело. Наведя справки про курсы, она сама заинтересовалась, а потом не на шутку увлеклась фотографией, снимала ведра и горшки, цветочные вазы и клубки ниток, считая, что ее новое увлечение очень пригодится на раскопках. Игра теней была в ту пору в моде, Агата научилась добиваться ее, но Макс забраковал фотографии, сказав, что предметы должны быть видны четко и ясно, со специальной шкалой на каждом снимке, указывающей их истинный размер. Агата пыталась поставить свое умение на службу археологии, но перемудрила с цветофильтрами, так что снимки находок получились такие же загадочные, как сюжеты ее книг.

Тем временем вопрос о ближайшем будущем Розалинды решился сам собой. Миссис Норт собралась навестить сына, служившего в военно-морских силах в Южной Африке, в Симонстауне, и предложила взять ее и Сьюзен с собой. После путешествия у Розалинды в альбоме появились их со Сьюзен фотографии, где они загорают в купальниках на палубе, но показывали их только самым близким.

Даже совсем маленькой дочь никогда не связывала Агату — она преспокойно оставляла ребенка на попечение Клары

во время «имперского путешествия», а впоследствии регулярно поручала ее заботам Москитика и Карло. Агата любила и гордилась ею, но такой близости и взаимопонимания, как когда-то с Кларой, у нее с Розалиндой не было. Знавшие их обеих объясняли их отношения по-разному. Некоторые считали, что воспоминания Агаты о счастье с Арчи, а потом боль от развода отдалили ее от Розалинды; другие предполагали, что Агата не только сама угрызалась из-за развода, но и Розалинда затаила на нее обиду и что ее детство было не таким уж безоблачным. Во всяком случае, это были две сильные личности с независимым характером; они заботились друг о друге, но ни одна из них не поступалась для другой собственной свободой.

В те же годы уходит в прошлое «Эшфилд» — некогда, после смерти отца, Агатино прибежище, а потом, после смерти Клары, — просто дорогое и памятное место. Торки стремительно рос, его окрестные луга и поля застраивались коттеджами, а большие поместья времен Агатиного детства разрушались или превращались в частные лечебницы. Когда они с Максом купили «Винтербрук», он стал, по ее словам, «домом Макса», а «Эшфилд» она считала только своим и Розалиндиным. К тому же Агата подозревала, что Макс недолюбливает «Эшфилд», ревнуя ее к этому дому и к прошлому. Детство Розалинды кончилось, теперь самым важным для Агаты были ее книги и жизнь с Максом. Теперь она была вольна расстаться с «Эшфилдом» навсегда.

Это был наилучший выход. К тому же ей очень понравилось большое поместье — дом в георгианском стиле, построенный в конце восемнадцатого века, окруженный тридцатью акрами парка на берегу реки Дарт в десяти милях от Торки. Поместье звалось «Гринуэй». В октябре 1938 года Агата купила его за шесть тысяч фунтов. Покупка была устроена с помощью ее нотариуса в Торки, отец которого вел еще дела Клары и Фредерика. Даже после продажи «Эшфилда» Агата с трудом собрала такие деньги. Она показала дом Гилфорду Беллу — это стало его первым большим архитектурным заказом. Он смело порекомендовал ей снести половину дома. Агата послушалась. Гилфорд привел здание в порядок, восстановил прежние пропорции, добавил уборную с круглым окном и сделал несколько ванных комнат. По одну сторону просторного холла находилась большая проходная комната, ведущая в гостиную со стеклянной дверью, откуда можно было выйти по лестнице в сад; по другую — светлая овальная библиотека, а следом — прямоугольная столовая с двусторон-

чатой дверью красного дерева, круглый холл с дверями соответственно на кухню, в буфетную, в кладовки и на улицу. На втором этаже было пять комнат: одна стала рабочим кабинетом, другая — туалетной для Агаты, третья предназначалась для Макса, четвертая — их общая спальня: ее большая кровать в центре, его, поменьше, сбоку. На этаже была еще одна спальня, остальное место занимали ваннные комнаты, а также маленькая комнатка, где хранились лекарства. На верхнем этаже, кроме комнаты для Розалинды, окна которой смотрели на реку, находилось еще четыре, а еще две ваннные и большие стенные шкафы. С задней стороны дома, рядом с кухней, имелись комнаты для прислуги. Агата была отличным заказчиком, она вполне доверяла вкусу своего архитектора и при этом внимательно вникала в мелочи. «Я хочу поехать с вами, Гилфорд, — заявила она, и они вместе отправились выбирать души, ванны и унитазы. — Я хочу большую ванну, и нужно, чтобы она была с бортиком, потому что мне нравится есть яблоки в ванне». В Лондоне они долго стояли около витрины магазина сантехники, Агата пересмотрела все образцы ванн и выбрала ту, которую увидела первой.

Мебельные ткани и картины Агата подбирала сама, она же занималась садом. В былые времена это был великолепный парк, он окружал прежний дом и спускался к самой реке. В конце девятнадцатого века в нем стали подсаживать новые деревья, а в начале двадцатого новый владелец расширил посадки. «Садоводческий журнал» за 1899 год считал мериодендрон, или тюльпановое дерево, растущий возле дома, чуть ли не вершиной изысканности. Перед началом Первой мировой владельцами дома стали Чарльз Уильямс и его жена, оба из знаменитых садоводческих династий, и в течение следующих двадцати лет появилось множество новых посадок, в частности рододендронов, магнолий, редких деревьев и необычных кустарников. В 1937 году дом купил отец друга детства Агаты сэр Альфред Хадсон. Хадсоны в «Гринуэ» не жили, и к тому времени, когда его купила Агата, сад одичал. Предстояла перепланировка, и в ее записных книжках рядом с набросками сюжетов будущих книг попадаются перечни сортов роз и тюльпанов.

За поворотами тропинок когда-то таились сюрпризы: лодочная пристань с крытой заводью, чтобы плавать нагишом, — потом там сделали купальню; артиллерийская батарея с древними мортирами на том месте, где по преданию причалил сэр Уолтер Рейли, когда привез первый табак и

картофель из Нового Света. Там были обширные огороды, конюшня и теннисный корт. Под соседней фермой проходил туннель железнодорожной ветки Лондон — Дартмут.

Девоншир стал местом действия другого большого романа, написанного Агатой в 1938 году, — «Десять негритяг». По форме написания эта книга похожа на «Прощальную» симфонию Гайдна, в конце которой различные части оркестра постепенно по очереди смолкают. Агата взяла название из старинного детского стишка, в котором один за другим исчезают все десять мальчуганов. Название заставило поволноваться издателей — в политически корректной Америке книгу пришлось перекрестить в «Десять маленьких индейцев», и в более поздних британских переизданиях она выходит также с «корректным» названием.

В 1938 году Агата также дополнила небольшим рассказом сборник «Тайна регаты» (опубликовав его в США в 1939 году), в котором Эркуль Пуаро разоблачает преступника, совершившего кражу в порту Дартмута. В этом сборнике снова появляются Паркер Пайн и мисс Марпл, рассказывающая загадочную историю, распутать которую ей, как всегда, удается исходя из собственного жизненного опыта — ее «особого знания». Еще раньше Агата записала кое-какие соображения о горничной: «Кто-то из всех одет как горничная, на нее не обращают внимания... Или кому-то кажется, что горничную он видел раньше...» Сегодня этот трюк Агаты иной раз осуждают, видя в нем пренебрежение — дескать, для нее слуги — неодушевленные предметы, а не личности. Но Агата обратила внимание на другое: что садовники, кухарки и горничные часто перенимают привычки и манеру хозяина: всегда можно сказать, что это прислуга врача, это — торговца рыбой, это — викария, то есть об обезличивании говорить не приходится. Но суть не в этом, главное, «прислуга» у Кристи — это социальная роль, такая же, как «полицейский» или «почтальон». Этому способствует и форменная одежда — она обязывает вести себя соответственно униформе, усиливая «ролевой» эффект.

Это вообще характерный прием в детективах Агаты. Нарядиться горничной значило превратиться в горничную, а не обезличиться. Горничная у Агаты только горничная, а не убийца. Критики Агаты недоумевают, почему «нельзя просто выглядеть горничной». Ответ прост — нельзя просто выглядеть, потому что нужно выполнять обязанности горничной. У горничной, как и у почтальона, официанта или даже полицейского, даже их одежда несет смысловую на-

грузку: одет в форму — значит работает, значит занят делом и не может быть преступником. Преступник может лишь позаимствовать их наряд для совершения преступления. Впрочем, сама Агата, вероятно, немало изумилась бы, если бы ее заставили объясняться. Меньше всего она была расположена это делать — ее читатели сами разберутся, что к чему, а работа писателя-детективщика в том и состоит, чтобы обмануть их, сбить с толку.

В июне 1938 года Агата закончила еще одну детективную историю под названием «Печальный кипарис». Ее американские издатели были недовольны названием, боясь, что публика перепутает слово «кипарис» с названием острова Кипр¹. Агата предложила название «Я убит» по первой строчке песенки из «Двенадцатой ночи» Шекспира, но в конце концов американцы оставили первоначальное название. В 1966 году Агата призналась в интервью Фрэнсис Уиндхем для «Санди таймс», что впоследствии поняла, что испортила «Печальный кипарис» присутствием в нем Пуаро. К концу тридцатых ее уже начинает раздражать популярность Пуаро у читателей и издателей, особенно издателей американских журналов «Кольерс» и «Сатердей ивнинг пост», которые хватались за любое ее произведение и очень хорошо платили. «Пуаро просто невыносим, — написала она Корку. — *Есть такие деятели, которые уходят в отставку только вперед ногами. Я боюсь, что Пуаро из их числа*». Но расстаться с маленьким бельгийцем она не могла себе позволить, несмотря на очень приличные заработки (в 1938 году, например, только от Коллинза она получила около двух с половиной тысяч фунтов), — Агата снова была вынуждена беспокоиться о деньгах. И не только о них.

Глава 17

Пора тревог

Идиллическая в общем-то жизнь Агаты оборвалась летом 1938 года, когда умер преданный ей Питер. Корк предлагал прислать ей другую собаку, но Агата на тот момент «не могла даже слышать ни о ком другом». О следующей неприятности она узнала из письма Корка. Оказывается, американские налоговые власти в связи с судебным решением

¹ По-английски cypress — кипарис, Cyprus — Кипр.

по делу английского писателя Рафаэля Сабатини, которого заставили платить огромные налоги, сделали запрос Гарольду Оберу, нью-йоркскому партнеру Корка, относительно доходов Агаты, полученных на территории США. Это явилось неожиданностью — прежде «нерезиденты» местных налогов не платили. Обер связался с налоговым адвокатом Говардом Э. Рейнхеймером, «ведущим дела всех известных авторов», и попросил его заняться делами Агаты. Мистер Рейнхеймер пообещал «заняться этим через неделю» — Агате оставалось лишь ждать.

После сезона 1938 года в долине Балиха они с Максом в экспедицию не поехали, поскольку к весне 1939 года политическая ситуация в Европе стала настолько непредсказуемой, что совершенно не располагала к поездкам через несколько границ на Средний Восток. Макс даже отказался от приглашения посетить вместе с Агатой археологический конгресс в конце августа в Берлине, а месяц спустя Британия уже находилась в состоянии войны с Гитлером.

Мэллоуэны и миссис Норт, которая в это время находилась в «Гринуэе», услышали заявление премьер-министра по радио на кухне. Агата спокойно продолжала готовить салат. Даже для тех, кто, как она, не сильно интересовался интригами мировых политиков, эта новость не стала сюрпризом, хотя, как позднее она напишет в «Автобиографии», после уверений и успокоений Чемберлена «мы подумали, лучше бы мы все-таки разошлись миром». Война ни в коей мере, никогда не избавляет человека от повседневных дел — это Агата знала хорошо. Она трудилась не жалея сил в Первую мировую и так же будет во Вторую. Она, как и все, беспокоилась о своих любимых, праздновала национальные победы и оплакивала поражения, она снова начинает добровольно работать в аптеке при госпитале, но главное, продолжает делать свое дело.

Лето Макс и Агата провели в Девоне, он дописывал свой очередной труд, она занималась «Печальным кипарисом», сборником рассказов и еще одной книгой. В сборник вошли двенадцать рассказов («Подвиги Геракла»), переданные Корку один за другим в 1939 году для публикации в журнале «Стрэнд». Это были славные забавные рассказы с крепко сбитым сюжетом. Из-за этого сборника впоследствии у Агаты возник небольшой конфликт с Коллинзом. В 1947 году она буквально взорвалась, написав Корку по поводу рисунка обложки, предложенного Коллинзом для книги:

«Я не могу выразить Вам мое возмущение! Какая вульгарная суперобложка! Похоже, что Пуаро на ней голый! Непристойных намеков я не терплю даже от моих домашних! Я требую: поместите на обложку скульптуру, но сделайте так, чтобы было ясно, что это скульптура, а не странный Пуаро в Гайд-парке!!!»

За многие годы совместной работы Коллинз привык к подобным взрывам и не обижался на автора. Наоборот, он оказывал обоим Мэллоуэнам всяческие знаки внимания, добывал для них театральные билеты, места на Уимблдонском теннисном турнире, звал на ленчи и обеды и задаривал книгами своего издательства, от которых Агата не находила в себе сил отказаться. «Можно я пожадничаю? — спрашивала Агата осенью 1939 года, которую они с Максом коротали в «Гринуэ». — Вечера такие длинные и тоскливые!» — и запросила список из шести книг, которые были высланы ей в течение недели.

Одновременно со сборником «Подвиги Геракла» и «Печальным кипарисом» Агата занималась еще одним романом — «Раз, два, пряжка держится едва» (вышедшим в США под названием «Патриотические убийства»). Действие начинается с того, что Эркуль Пуаро оплачивает визит к зубному врачу, который в тот же самый день застрелился. В ее записной книжке появляются «идеи про дантиста» и короткие записи о преступнике: «безногий мужчина, высокий или маленький. Дитто — со сверкающими белыми зубами...». В 1939 году она попросила Карло и Мэри отвести ее к их дантисту на Вэлбек-стрит (там же практиковал и ее собственный врач). Ей не нужно было лечить зубы, как объяснила доктору Карло, — «миссис Кристи заплатит обычную цену», задаст ему несколько вопросов и осмотрит его кабинет. Медсестра в приемной навсегда запомнила, с каким видом врач показывал Агате шкафчик с ядами и как она расспрашивала о различных способах и видах инъекций. В записной книжке Агаты после этого визита появилась запись: «...в кресле дантиста — разговор после сверления — игла — выражение лица...».

После объявления войны Макс решил поступить на государственную службу, поскольку на военную мужчины старше тридцати пяти лет не призывались, к тому же отец Макса был австрийцем, что могло вызвать у армейских чинов опасения в его благонадежности. Но и в Уайтхолле¹ он

¹ Уайтхолл — здание британского правительства.

также не смог получить должность — там царила полная неразбериха, и высококвалифицированный ученый-востоковед оказался попросту невостребован. Тем не менее чувство долга заставило его вступить в ополчение в Бриксхеме. Однако в середине 1940 года Макс нашел более рациональное применение своим силам. Город Эрсинкан в восточной Турции был разрушен землетрясением, и срочно организовывалась британская помощь — отчасти из-за гуманитарных соображений, отчасти потому, что Британия зависела от турецких поставок хрома. Англо-турецкий комитет по оказанию помощи возглавил профессор Гарстанг, основатель Британского археологического института в Анкаре, друг и коллега Макса, которого и пригласил занять место секретаря. Обязанностью Макса было организовать сбор и распределение помощи, чем он и занимался до середины 1941 года. Между тем Розалинда нашла работу на соседней ферме в Девоне и одновременно записалась в ряды вспомогательного женского подразделения противовоздушной обороны. Она чувствовала себя независимой и нужной. В середине лета она объявила Агате, что через несколько дней выходит замуж за Хьюберта Причарда, который служил в роте Королевских валлийских стрелков, приданных полку Джеймса Уотса в Чeshire. Хьюберт часто бывал в «Эбни» и в «Гринуэ». Агата, невзирая на все сложности, побывала в Денби, где размещалась рота капитана Причарда, на бракосочетании дочери и отметила, что все произошло без «лишней суеты». *«Все так внезапно, — написала она Билли Коллинзу, — но он очень хороший человек. Я надеюсь, они будут счастливы, если он останется в живых. Однако, как мне кажется, любой из нас может погибнуть от взрыва или сгореть в огне. Молодым теперь не позавидуешь».*

Жизнь в «Гринуэ» стала беспокойной. Чета врачей Маклеодов, с которыми Агата познакомилась в Мосуле, приняла ее приглашение, и они привезли туда своих детей, забрав их с восточного побережья, где ожидалось первые авиационные налеты. Агата также обнаружила свой дом «переполненным военными, которые отрабатывали приемы уничтожения вражеского десанта». Наконец дети Маклеодов были отправлены к бабушке в Уэльс, но очень скоро «Гринуэй» оккупировали мистер и миссис Арбетнот с двумя нянями и десятью эвакуированными детьми младше пяти лет. В доме все перепуталось, привычная жизнь нарушилась. Агата лишилась Карло, которая ушла на военную службу («...без мисс Фишер я лишаюсь всего!»), садовник в Уол-

лингфорде записался в ополчение. Агата решила, что нужно переехать в Лондон и быть рядом с Максом. Сначала они жили в квартире на Халфмун-стрит в единственном на всю улицу уцелевшем после бомбежек доме, затем в служебной квартире на Парк-Плейс и, наконец, в собственном доме в Кенсингтоне на Шеффилд-Террас после того, как оттуда уехали квартиранты. Она вывезла оттуда почти всю мебель, потому что там «вокруг со свистом падали бомбы», и прослушала курс по противовоздушной обороне. В октябре оставаться в Шеффилд-Террас стало очень опасно, и с помощью старого друга Стивена Гленвилла Макс и Агата нашли квартиру на Лоун-роуд, в Хэмпстеде, недалеко от квартала, где жил сам Гленвилл. Египтолог, он был знаком с Максом с 1925 года, консультировал Агату при написании «Эхнатона» и очень высоко отзывался о ее романе «Смерть на Ниле». Теперь, служа в звании майора в отделе министерства авиации, он пытался помочь Максу получить работу, соответствующую военному времени.

Агата продолжала напряженно работать — издательство Коллинза ждало каждой новой ее книги. Ее отношения с издательством, координируемые Корком, в общем были хорошими, ей нравился Уильям Коллинз, который лично вел ее дела. Его первое знакомство с Агатой произошло при забавных обстоятельствах. Он только-только начал работать, когда его дядя, сэр Годфри, руководитель фирмы, послал его к Агате с извинениями, поскольку издательство изменило общий облик убийцы на обложке сигнального экземпляра. Агата очень разозлилась на сэра Годфри за то, что он схитрил и теперь прикрывается мальчишкой, но Билли сумел ее обаять, и они подружились. Тем не менее для Агаты всегда было тяжело отдавать собственные книги в руки издателей. После редактирования и чтения корректур Карло и самой Агатой все равно оставались опечатки и кое-какие ошибки, заметные в любой книге, но особенно бросающиеся в глаза именно в книгах с закрученным сюжетом, которые так тщательно исследуют дотошные читатели. Агата старалась сдерживаться, читая свои корректуры; она соглашалась вносить некоторые изменения — особенно часто этого требовали издатели американских журналов, обращаясь не прямо к Агате, а к дипломатичному Корку. Но если изменений было слишком много, она взрывалась, а поводом к взрыву, как и в случае с «голым Пуаро», оказывался рисунок на обложке. Так случилось и с «Печальным кипарисом». «Не могли бы вы упростить все свое влияние? — просила она

Корка. — Может, все-таки стоило бы вначале посоветоваться со мной!» Корк объяснил, что уже слишком поздно что-то менять: «...дело не только в художнике и в том, что уже нет времени для подготовки новой обложки, а в бумаге... Коллинз считает, что будет весьма непатриотично уничтожить пятнадцать тысяч экземпляров обложек в наше время, когда такой дефицит бумаги». Он пообещал, что в будущем все обложки будут согласовываться с Агатой.

В отношении постановок своих произведений она была не столь требовательной. В апреле в Брайтоне началась работа над сценической версией «Загадки «Эндхауза», адаптированной Арнольдом Ридли. Агата присутствовала на нескольких репетициях и так воодушевилась, что даже забыла в театре испанскую шаль, которую она взяла специально для постановки. Вообще одежда Агаты в то время представляла какое-то экзотическое смешение стилей: изысканные и строгие платья и жакеты от Харви Николс и Фрибоди вместе с каким-нибудь театрально-веселыми аксессуарами. Особенно она любила эту огненно-красную шаль. Постановка «Загадки «Эндхауза» вызвала интерес к Агате как к драматургу. Была неудачная попытка продать пьесу в Нью-Йорк, а позже поступило предложение сделать сценическую версию «Десяти негрят». «Если кто-то и будет это писать, то только я!» — заявила Агата Корку, который в ответ осторожно заметил: «Вообще говоря, я против, чтобы вы тратили ваше бесценное время на такое рискованное дело, как драма. Но «Десять негрят» — совсем другое дело».

Агата не сразу приступила к этому проекту. Первой ее работой в 1940 году была книга «М или Н?», в которой Томми и Таппенс Бирсфорд разоблачают шпионов, действующих на южном побережье Англии. Первоначально, в набросках, название звучало как «Т и Т», но уже в следующих записях было изменено на «М или Н?», или «Второй период». По записям видно, что Агата много думала над способами шифровки — переставляла буквы в словах, заменяла фразы на цифры, ставила точки и тире вместо слов, а в конце концов использовала детскую считалку «гуси-гуси».

«М или Н?» была написана быстро и уверенно, но задержка ее продвижения на американский рынок разозлила Агату. В конце концов Корк узнал от Гарольда Обера, что, «похоже, американским читателям (по мнению издателей) не очень понравится книга о войне. Но я думаю, что издатели просто боятся, что такое антинацистское произведение, как «М или Н?», заденет кое-кого из их читателей».

В ответ на сердитое письмо Агаты Корк заверил ее, что «когда спадет горячка выборов, издатели, возможно, станут более сговорчивыми». (Франклин Рузвельт был только что переизбран на президентский пост.) Агата была построена таким отношением американских издателей, и не только потому, что в «М или Н?» она выразила свои собственные патриотические чувства и мысли. Так, сразу после того как разбомбили Шеффилд-Террас, она с энтузиазмом предложила Корку: «Я думаю, что последнюю главу можно сделать намного лучше — по-новому: перенести действие в место, ставшее приютом Томми и Таппенс после того, как их дом был разрушен бомбежкой».

Отказ американского рынка от «М или Н?» беспокоил ее также с финансовой точки зрения. До выяснения ситуации с американскими налогами Агата была очень осторожна и аккуратна с расходами. *«Я думаю, мне очень пригодится эта тысяча фунтов, — написала она Корку в январе 1940 года, — но оставляю это на Ваше усмотрение».* К июлю она совсем пала духом: *«Скоро ли я получу хоть какие-то деньги из Америки? Похоже, они очень боятся перевести их!»* В августе американские власти и вовсе заморозили все переводы гонораров Агаты в Англию до полного разрешения вопроса с налогами, но в октябре слушание ее дела было отложено. К декабрю стало ясно, что все заработанное ею в Соединенных Штатах фактически будет удержано в качестве пени.

В такой ситуации «Додд и Мид» поневоле растерялись. Сентябрьский контракт Агаты с ними за 1940 год не сохранился, но по контракту 1939-го за «Убить легко», «Десять негрятят» и «Тайну регаты» они должны были заплатить по пять тысяч фунтов аванса за каждую книгу плюс пятнадцать процентов потиражных за первые десять тысяч экземпляров, а за последующие по двадцать. Контракт 1940 года тоже предусматривал уступку прав на три книги, последняя из которых, «Зло под солнцем», была передана Корку в том же 1940-м. Гарольд Обер получил жалобное письмо от Фрэнка Додда, спрашивающего, собирается ли Агата учитывать уже сделанные выплаты в счет аванса. Хотя цены были не самые высокие, ее книги продавались плохо и нестабильно. Но благодаря тактичному Корку Агата ничего об этом не узнала. Корк и Обер, как могли, защищали ее от плохих новостей и зловредной критики, по возможности скрывая то, что могло ее расстроить. Их переписка, беспорядочная в военные годы, но ставшая постоянной в пяти-

десятые и шестидесятые (один-два раза в неделю), показывает, насколько заботливо оба защищали свою клиентку, чьи требования и просьбы их подчас раздражали, но к которой оба питали привязанность и глубокое уважение.

В 1940 году Агата начала две книги. В первой действует Пуаро, и закончена она была в конце концов тридцать пять лет спустя под названием «Занавес». Это слово стоит уже в начале ее первых набросков сюжета: «Пуаро расследует причины смерти, вызванной, как считается, ядом кобры, — изучает подозрения и...». В другой фигурирует мисс Марпл. Первое, рабочее название, «Лицо ее закройте» — это часть цитаты из «Герцогини Мальфи»¹:

Лицо ее закройте,
Глаза мои слепнут,
Она умерла молодой...

Впервые Агата написала эти слова в своей записной книжке для сюжетов в середине тридцатых, а потом они встречаются и в других ее записях, всегда со ссылкой на сюжет «Герцогини Мальфи», иногда на «Еноха Ардена» Теннисона². Тема «Еноха Ардена» и даже персонаж с этим именем появляется после войны в ее рассказе «К берегу удачи». Мысли о «Герцогине Мальфи» постепенно превратились в рассказ о предстании этой пьесы, во время которого девушка, выступая перед публикой, пронзительно кричит, так что ее приходится увести. Позже Агата включит его в сборник о мисс Марпл. За годы войны у нее появились наброски еще одного сюжета: о женщине, возвращающейся в дом, который оказывается местом, где умерла в юности ее мачеха.

Еще одной темой, которая неотступно преследовала Агату и которая отчасти присутствует в рассказе «Лицо ее закройте», была тема смерти ребенка и особая роль мертвого младенца и его духа в некоторых inferнальных культах. Первые записи о культе вуду³ относятся к их с Максом пребыванию в Сирии — его исповедовал кто-то из местных рабочих. По какой-то причине эта тема связалась у нее с другим образом,

¹ «Герцогиня Мальфи» — трагедия английского поэта и драматурга Дж. Уэстера (ок. 1580 — ок. 1634).

² «Енох Арден» — поэма Альфреда Теннисона (1809—1892), заглавный герой которой, благородный и благочестивый, становится жертвой суровых обстоятельств.

³ Вуду — распространенная среди негритянского населения Африки и Гаити религия, особое место в которой занимает культ мертвых.

который повторяется в нескольких книгах: мертвый младенец, похороненный в камине, которым не пользуются, — упоминание о нем есть в «Лице», а позже в «Бледном коне». «Один в дымоходе... или за камином» — такие записи вновь и вновь появляются в записных книжках Агаты. Мы не знаем, откуда взялся этот жутковатый образ — из случайно услышанного разговора или из детских воспоминаний, пришла ли ей эта идея в «Эбни» или в каком-то другом доме («Дом священника — хорошее место, чтобы спрятать тело», — написано в одной из ее записных книжек). Возможно, это какие-то ассоциации с так восхищавшим их с Максом камином в отеле в Венеции или с белой стеной в «Крессуэл-Плейсе» («...Что же там, за этой стеной», — читаем в другой записной книжке). Ясно только, что образ глубоко волновал ее, — недаром он появляется в трех книгах подряд.

Но книгу ни про Пуаро, ни про мисс Марпл 1940 года Агата сразу печатать не стала — это был ее резерв на «черный день» для Макса и Розалинды, на тот случай, если вдруг она почему-нибудь не сможет работать. Кроме того, книга про Пуаро была написана в сердцах, когда Агата решила, что ее маленький бельгиец «невыносим»; в ней он умирает. Но поскольку он был основным источником дохода Агаты, «Последнее дело Пуаро» необходимо было «положить в хороший холодильник». Корк согласился. Никаких осложнений с передачей прав он не предвидел. По первоначальному замыслу Макс должен был получить Пуаро, а Розалинда — мисс Марпл, но к концу войны Агата передумала. Авторские права на «Спящее убийство» (под таким названием была опубликована история с участием мисс Марпл) получил Макс, а на «Занавес» — Розалинда. Оригиналы были переправлены в Нью-Йорк из соображений сохранности; Хью Мэсси, наученный горьким опытом — его офис на Флит-стрит, 40 разбомбили, — старался по возможности не хранить все рукописи в одном месте.

Гарольд Обер заявил, что миссис Мэллоуэн, видимо, «совсем пала духом, если решила убить своего Пуаро». У Агаты в самом деле было достаточно причин для огорчения, как Корк ответил в письме Оберу в декабре 1940 года, умоляя узнать хоть что-нибудь в отношении налога. Она не могла найти убежище ни в одном из своих домов — «Гринуэй», «Винтербрук» и дом в Крессуэл-Плейсе сдавались внаем, а Шеффилд-Террас разбомбили. Розалинда находилась в Северной Ирландии с Хьюбертом, Макс рвался служить за границей, а самое глав-

ное — рядом не было Карло. Агата передала ей дом в Лэдбрук-Террас-Мьюз и время от времени виделась с ней, но теперь Карло работала на военном заводе. Все это отравляло Агате жизнь. Кроме того, усугубились финансовые проблемы. К концу января 1941 года, когда слушание по вопросу с налогами снова было отложено, аналогичный вопрос подняли британские власти. Корт снова пишет Оберу:

«Ситуация весьма скверная, деньги не поступают... Невероятно, но Кристи негде взять денег для уплаты налога, поскольку она не получила заработанное. Нетрудно представить, какой это кошмар для нашего самого ценного клиента...»

Единственным выходом для Агаты казалось продать «Гринуэй». Пока шла война, они с Максом не могли туда ездить, к тому же Макс теперь прочно осел в Лондоне: после многочисленных хождений по инстанциям он получил-таки должность. *«Я думаю, что теперь достаточно тяжелое время, — в гневе писал он в министерство информации, — чтобы бюрократы наконец здраво подошли к вопросу назначения британского подданного».* Макс был доведен до такого отчаяния, что от обиды добавил: *«Моя жена, коренная англичанка, больше известная как Агата Кристи, только что написала антинацистскую книгу. Кроме того, невзирая на происхождение, я был принят в отряд местного ополчения».* Это письмо попало к Стивену Гленвиллу, который в феврале сумел добиться решения вопроса. Макс занял место Гленвилла в министерстве авиации, где стал руководителем Управления информации. С большой неохотой Агата решается-таки продать «Гринуэй». *«Приходили разные люди, осматривали дом, — горестно написала она Корку, — все какие-то неприятные. Но, кажется, у них много денег».* На это Корт осторожно ответил: *«Боясь, что вам придется продать «Гринуэй» какому-нибудь не совсем приятному человеку. У меня такое ощущение, что деньги в одном месте, а приятные люди — совсем в другом. Теперь вообще не так много людей, у кого есть деньги».* «Гринуэй» не купил никто.

Другим путем решения денежных проблем была, конечно, работа, но в ответ Корку, просившему поспешить, она написала: *«Могу я надеяться, что Вы также поторопите и их? Чувствую себя совершенно подавленной финансовыми проблемами. Что толку писать ради денег, когда ничего не получаешь?»* Тем не менее она приступает к работе. *«Следующей вещью Кристи, — написал Корт Оберу ровно через месяц, — будет чудесная история с мисс Марпл. Поскольку*

мисс Кристи пишет быстро, на одном дыхании, книжка скоро будет у нас в руках».

Идея этой книжки пришла к ней не впервые. Однажды глубоко оскорбленная сплетнями и клеветой, она не могла уже их забыть. Тема могущества молвы возникает в нескольких ее произведениях, первым из них был рассказ «Авгиевы конюшни» в сборнике «Подвиги Геракла», где хитроумный Пуаро использует сплетню против самих же сплетников. Роман «Отравленное перо» писался легко и первоначально увидел свет в Америке, правда, этому опять предшествовали споры по поводу названия. Вначале Агата предложила название «Хитроумная паутина», но Коллинзу показалось, что это слишком похоже на название только что опубликованной у них книги «Паук и паутина». Тогда она заменила на «Отравленное перо», но на этот раз против был Корк, предложивший вариант «Неправильное указание». Агата победила. Корк и Обер сошлись во мнении, что это одна из лучших ее книг. Закончив ее, Агата почувствовала какое-то уныние и тревогу. Корк снова занялся финансовым вопросом, умоляя Обера нажать на Рейнхеймера: «На нее безжалостно насаждают налоговые власти, английский банк со своей стороны требует заплатить налоги, а это все превышает суммы, которые она должна получить...» Корку удалось найти остроумный выход из создавшегося финансового тупика. Поступила заявка от американской кинокомпании «Майлстоун» на покупку прав экранизации «М или Н?», а поскольку такие права становились «фактически интернациональными», Корк посоветовал Оберу договориться с компанией, чтобы те «по возможности произвели выплату в той стране, где в первую очередь деньги получит миссис Мэллоуэн, а во вторую — казначейство». Кое-какие деньги неожиданно пришли в мае: пятьсот четырнадцать фунтов за «Загадку «Эндхауза».

Но тут грянула очередная неприятность. В июне Коллинз предложил новые условия контракта: он платит теперь аванс по тысяче сто пятьдесят фунтов за каждую новую книгу вместо прежней тысячи, но двадцать пять процентов потиражных начинаются только после шести тысяч проданных экземпляров вместо трех тысяч по старому контракту. В качестве основания Коллинз привел «невероятный рост производственных затрат». Корк не согласился. Тогда уязвленный Коллинз намекает, что у него имеются «основания для беспокойства» по поводу «М или Н?». Корк все претензии отклонил. В ответ издатель язвительно заметил, что хотя это

«чудесная шпионская история», в ней не хватает «таинственного убийства и детективного элемента», что она слишком короткая и у нее слишком неопределенный конец. Агата, рассердившись, ответила жестким письмом, и Билли бросился ее успокаивать. *«Ваш агент не прав, — написал он, — мы вынуждены попросить Вас сделать роман немножко длиннее, а не то читатели в библиотеках будут проглатывать его быстрее, чем оформляется заказ».* Агату это объяснение не удовлетворило, и она решает книгу забрать. Но Корк сумел деликатно отговорить ее: *«...очень сомневаюсь, что в теперешних условиях кто-то сможет заменить для нас мистера Коллинза. Ловкости и умения ему не занимать, с теми книгами, которые я ему продал в этом году, у него все прошло гладко...».* Агата успокоилась и опять засела за работу.

«Кажется, все навалилось сразу и никогда не кончится», — грустно пишет она Корку осенью 1941 года. По совету Рейнхеймера она уполномочила своих представителей в Америке вести ее дела и даже согласилась разрешить американским издателям включить в предварительную рекламу «М или Н?» «все, что захотите» о ее собственной жизни во время войны. Теперь несколько дней в неделю она проводила в университетском госпитале, и сообщения об этом появились в американской прессе. *«Госпиталь еще стоит, хотя все здания вокруг разбомблены, — написала она Корку. — Если они хотят поместить какие-нибудь фотографии, разрешите им. Но не навредите Максусу, не стоит писать о нем и о его службе».* В отношении Макса Агата не то чтобы боялась раскрыть какие-то государственные тайны, ей просто не хотелось сплетен. *«Я не намерена выглядеть роковой женщиной»*, — раздраженно выговаривает она Корку, приложив к письму вырезки из «Сатердей ивнинг пост», где подробно обсуждалось ее первое и второе замужество. Не меньше ее взбесило развязное письмо от восторженного американского поклонника, который заявлял, что «Агата — просто лапочка, притом с шикарным чувством юмора, чертовски обаятельная и о-очень хваткая».

К концу 1941 года финансовые дела понемногу улучшаются. Агата закончила еще одну книгу, «Труп в библиотеке», которая привела в восторг Коллинза, особенно ее начало — когда миссис Бэнтри, еще не вполне проснувшись, сквозь дремоту слышит, как служанка говорит ей про труп в библиотеке — не то кошмарный сон, не то детективная явь. Примерно в то же время пришла обнадеживающая новость из США: кинокомпания «Уорнер Бразерс» заинтересовалась правами на «Десять негрятят». (Впрочем, фильм был снят

только в 1945 году студией «XX век Фокс» под названием «И не осталось никого» режиссером Рене Клером). Корк и Обер также сумели устроить опцион на права по «М или Н?» с оплатой через офис «Майлстоуна» в Лондоне; Обер даже надеялся, что теперь, когда Соединенные Штаты вступили в войну, будут возможны какие-то послабления с налогами. Коллинз выдал аванс за «Отравленное перо» и «Труп в библиотеке», а Корк посоветовал Агате «не обращать внимания на некоторые досадные мелочи. Они бывают у каждого». К середине декабря Агата написала, что она «напряженно работает, счета не оплачены, письма не написаны», а у нее самой «забот и проблем выше головы!» Неделий позже она послала Корку корректуру «Трупа в библиотеке» и рукопись еще одного романа — «Час зеро». «*Это, — заявила она с оптимизмом, — поможет нам выбраться из ямы!*»

В этом письме Агата просит Корка «улучить немножко времени» и подумать о том, как бы издать «Час зеро» по частям в периодике. И тут же, рассказывая о том, каких сил ей стоило в свое время закончить «Большую четверку» и «Тайну «Голубого экспресса», писательница говорит, что хотела бы иметь наконец «книгу про запас». Возможно, она считала, что «Час зеро» для этой цели не вполне подходит, а может быть, Агата просто жила в то время одним днем, как и все ее соотечественники. Что можно было загадывать на завтра, когда здания и целые улицы могли быть уничтожены, а разрушенные дома реквизированы? Никто не знал, что завтра будет с ним самим, с его семьей, друзьями и знакомыми. Так что, быстро покончив с этой книгой, Агата бросилась на всякий случай запастись продукты, как некогда тетушка-бабуля: у своих приятелей Макинтошей, например, она хранила небольшие запасы консервированной ветчины и оливкового масла. Ведь Агата теперь осталась одна — Макс уехал, и новостей от него почти не было. В феврале он добровольно вызвался учредить филиал Управления информации в Египте и, получив звание майора авиации, отправился в Каир. Там по невероятному стечению обстоятельств на террасе своего отеля «Континенталь» он увидел родного брата Сесила, пившего кофе. Оказалось, что Сесил был интернирован финнами в 1939 году, выслан в Швецию, где работал лесорубом, и, наконец, репатрирован в Англию через Германию, Францию и Португалию. Теперь Британский совет направил его для руководства своими учреждениями в Египте. После этой неожиданной и счастливой встречи Сесил поселился с Максом в доме на берегу Нила.

Агата, мучимая страхом голода, скучавшая по Максусу и страдавшая от холода (несмотря на прощальный подарок мужа перед отъездом — теплый шерстяной халат), проводила почти все вечера и выходные за письменным столом. Она уверяла Корка, что, как только он пристроит «Час зеро», она сразу же возьмется за новую книгу, чтобы «не упустить рынок». Этой новой книгой стал роман «Пять поросят», один из «артистических замыслов» Агаты. В месте действия, Элдербери, легко узнать «Гринуэй». А сюжет — это «история делового человека — он действительно любит свою жену, а любовница стремится женить его на себе». В Америке он был опубликован под названием «Отложенное убийство». При сравнении «Поросят» и «Часа зеро» становится видно, сколько гибко и разнообразно проявляется талант Агаты, и насколько виртуозно она уже овладела техникой построения сюжетов и описаний. Если «Пять поросят» — интимная, несколько легкомысленная история, то «Час зеро» — глубокодраматическая повесть об отсроченной мести, настолько поразительная, что через несколько лет она привлекла внимание самого Клода Шаброля, собравшегося снять по ней фильм.

Новостей от Рейнхеймера все еще не было. Единственным, чем смог утешить Агату Корк, было известие, что ее американская налоговая декларация на 1941 год все-таки перерегистрирована. *«Я надеюсь, — писал он, — что это окончательное дело должно наконец утрястись»*. Однако письма Обера не особенно обнадеживали. Самым большим желанием Агаты на тот момент было уехать к Максусу в Каир, и она попросила Корка помочь договориться о серии статей для какого-нибудь журнала — тогда ей позволили бы поехать. Корк обещал попробовать. Между тем Агате предложили «конкретную работу здесь, в Англии... — фармацевтом у доктора в Вендове, если я не уеду». На это Корк ответил, что ей *«стоило бы заниматься более важным делом, впрочем, Вам виднее»*. Однако получилось так, что «Сатердей ивнинг пост» и вправду заинтересовалась событиями в Каире, так что надежды Агаты поехать к мужу стали обретать более реальные очертания. Корк мог уже конкретно определить задачи Агаты («...статьи о Ближнем Востоке; для Америки основное — описать, как война изменила жизнь людей») и сумел договориться о ленче с «всесильным Квентином Рейнольдсом», знаменитым американским журналистом, чьи газетные и радиорепортажи о британских боевых действиях явились для союзников реальной поддержкой в Соединенных Штатах. Но даже Рейнольдс, как сообщил Корк, не смог преодолеть

бюрократические барьеры. К июлю Агата смирилась с тем, что ее к Максy не пустят. К тому же появились сведения, что скоро его могут перевести из Каира, хотя, по ее словам, весьма неубедительные и недостоверные. Тогда же возникла очередная проблема с «Гринуэем»: теперь его реквизи́ровало Адмиралтейство для офицеров американского флота. Агате со старшим садовником пришлось перетаскивать мебель в гостиную, единственную комнату, которую ей оставили. *«Я просто обалдела и обессилела от того количества ящичков и ящичков, которые мне пришлось переносить и складывать, мне нужно подкормиться»*, — написала она Корку осенью. Тот любезно пригласил ее на ленч в «Экю де Франс».

«При всей этой нервозности, — написала она Максy, — здесь могут быть и два положительных момента. Во-первых, похоже, что они должны подсоединиться к центральной электросети (этого не произошло); во-вторых, теперь можно уволить старого Хэннфорда (садовника) совершенно безболезненно» (садовник остался). Она очень волновалась за деревья и кусты и написала Чарльзу Уильямсу, бывшему владельцу, попросив присматривать за ними. Она надеялась, что он «более влиятельная особа — как в военно-морском, так и в политическом отношении», чем она сама. Она также написала Максy, что было предложение по поводу покупки «Винтербрука»: *«...со временем мы должны решить, какой дом мы оставим, мне не верится, что нам удастся сохранить оба»*. «Винтербрук» она не продала, а сдала друзьям Хадсонов из Торки. Сама же Агата жила в Лондоне на Лоун-роуд, 17. У нее снова появилась надежда на поездку в Каир — Обер написал ей, что теперь «Кольерс» хотел бы послать ее туда, но Корк уперся в очередную препону: министерство информации ничего против уже не имело, однако сам министр, Бренден Брейкен, сообщил, что военное ведомство не готово к аккредитации женщин-журналистов на Ближнем Востоке. Корк старался сохранить невозмутимость: *«В любом случае мы теперь знаем: либо военное ведомство должно сделать для вас исключение, либо надо подождать, пока положение на фронте не улучшится»*.

Агата утешалась писанием длинных писем Максy — сначала она печатала их на машинке, хотя ее новой собаке, Джеймсу, очень не нравился этот стрекот, а позже писала от руки на папиросной бумаге «для радиogramм». Основное место в ее письмах уделялось «Гринуэю», деревьям и Хэннфорду: *«...соберем и сожжем листья, прежде чем он приступит к своим флотским обязанностям»*. К концу октября Агата освободила дом и прощалась с ним: *«Я подождала, пока все уйдут, а затем под-*

нялась наверх и села на скамейку, глядя на дом и реку. В какой-то момент мне показалось, что ты сидишь рядом... Дом был белым и прекрасным — тихим и спокойным, как всегда. Мне даже стало больно от его красоты. Но сегодня мне пришло в голову, что уехать оттуда — не значит лишиться чего-то невозможного, я даже не могу вспомнить, была ли я счастлива здесь, я просто почувствовала навалившуюся усталость... И потом, эта война, эта Турция — ты же не был здесь весной! Все мои счастливые воспоминания связаны не с ним, а с садом, как ты сажаешь свои магнолии, а я прокладываю новую тропинку к реке. Теперь этот дом снова перестал быть несчастным, и я очень люблю его. Ему все равно, что люди думают и чувствуют, он просто хочет быть красивым; я считаю, что я сделала его красивым или просто помогла ему проявить красоту. «Гринузэй» скорее любовница, чем жена! Слишком дорогой, чтобы обладать им, — но как восхитителен! Сидя здесь сегодня вечером, я подумала, что это самое прекрасное место в мире — даже дыхание перехватывает...»

На годовщину свадьбы с Максом Агата купила два эскиза Арбетнота — «на одном вид дома, на другом — зарисовка артиллерийской батареи». «Напиши мне, — спрашивала она, — я правильно сделала, или лучше было бы купить кольцо?»

Она напрасно тревожилась о доме. Адмиралтейство и американские моряки обращались с ним очень бережно: «Приехал очень хороший морской офицер Керквуд, он действительно очень беспокоился за наши красивые двери красного дерева». Двери были сразу же сняты, и, как объяснила Максус Агата, «должен прийти лучший корабельный плотник сказать свое мнение, и, возможно, их как-нибудь упакуют». Керквуд, по выражению Агаты, «проявил интерес к деревьям и кустам и предложил ухаживать за ними». «Это похоже на какую-то старую песню, — написала лишенная любимого дома Агата. — Меня не держит больше ни море, ни берег, я осталась только в твоём сердце, а это самое лучшее место, где можно остаться, храни меня в нём, любимый. До самого конца войны».

Глава 18

«...Только пауза»

И Агата, и Макс сохранили все свои военные письма. Это была необычная переписка, больше похожая на неприкрытый разговор, поскольку вперемежку с новостями Агата делилась с мужем своими соображениями и идеями,

а Макс высказывал о них собственное мнение и детально описывал местные древности и необычные геологические образования. Письма Агаты — порывистые, эмоциональные и не всегда связные; письма Макса — ровные, утешающие, написанные обстоятельно и внятно.

Многие из их писем осени 1941-го и зимы 1942 года посвящены Шекспиру. Агату занимает образ Отелло:

«Дездемона далеко не дуручка. Она дерзка, упряма, это сильный характер... Яго и Эмилия — парочка мошенников, а суть ненависти Яго к Мавру — обыкновенная ревность... Он снова и снова страдает из-за Эмилии, не потому, что особенно любит ее, а потому, что она унижает его как мужчину...»

Зато по поводу образа Офелии Агата высказывает полное недоумение:

«Все женщины у Шекспира выписаны очень точно, в нем самом было нечто женственное, так что он хорошо чувствовал женскую натуру. Но что касается Офелии, то у меня впечатление, что ее он списал с какой-то реальной личности, которую ~~я~~ встречал, или о которой слышал, и совершенно не представляет, как ей поступать в том или ином случае, и заставляет ее совершать поступки совершенно нелогичные, никак не вытекающие из ее характера или обстоятельств...»

Теперь Агата ходит в театр при любой возможности, читает много театральной критики и проводит время с друзьями из театра. *«Не знаю, — написала она Макссу, — что еще, кроме мира сцены, может так отвлечь от обыденной жизни. Это отдельный мир, и актеры никогда не думают ни о чем, кроме самих себя и своих проблем, своих ролей, своего дела, того, как они будут одеты!»* Ее интерес к театру был далеко не праздным: осенью 1941 года она наконец приступила к работе над сценическим вариантом «Десяти негритят».

В декабре того же года Корк начал подыскивать для них сцену, но найти ее было трудно. Заинтересовался, правда, Чарльз Кокрейн, хотя и ему, и Ларри Салливану, игравшему Пуаро в «Черном кофе», концовка истории казалась «несценичной». Тогда Корк просмотрел некоторые ранние произведения Агаты, чтобы подобрать что-нибудь подходящее для сцены. Вначале он решил, что можно адаптировать «Трагедию в трех актах», но, перечитав ее, понял, что лучше взять «Убийство в проходном дворе»: «Совершенно чудесная драматическая ситуация, и Пуаро на высоте».

Между тем и сама Агата принялась обдумывать возможную переделку трагического финала «Десяти негритят». Песенка, положенная в основу сюжета, в одном из вариантов заканчивается словами: «Он женился, и не осталось никого», и в 1942 году она написала Максу, что вполне можно воспользоваться этой строчкой. В сентябре 1942 года она пишет Корку: *«Получилась какая-то смесь... Я не думаю, что эти дешевые комические приемы лучше и выше, чем любовная интрига...»*. «Несомненно, — заметил невозмутимый Корк, — но их легче показать со сцены» — и начал переговоры с Берти Мейером, субсидировавшим в свое время постановку «Алиби», рассчитывая заключить с ним контракт на очередную пьесу.

Корк настаивал, чтобы это была «пьеса с Пуаро», Агата возражала. Тогда Корк заявил, что Ларри Салливан заинтересовался старой вещью, «Луна на Ниле». Атакуемая и Корком, и Салливаном вместе с Берти Мейером, готовым субсидировать вторую пьесу, Агата согласилась попробовать. Ее письма к Максу полны рассказов о постановках и выдержек из театральных обозрений.

Сценическая версия «Негритят» шла легко, но было много споров с Салливаном по поводу «Луны на Ниле», поскольку театральные боссы настаивали на другом названии. К тому же все упиралось в Пуаро, к которому Агата испытывала растущую антипатию. В конце октября она написала Максу, что осторожно натолкнула Салливана на мысль заменить Пуаро:

«...предложила вместо него отставного адвоката — ну, юриста — ну, бывшего дипломата — ну хоть священника: каноника или даже епископа. И тут он клюнул! Полузакрыв глаза, пробормотал: «О да! Лиловый шелк и большой крест». Понимаешь, он увидел это! Облик персонажа! Уверена, кто бы ни играл Гамлета, ему всего важнее, в шляпе играть или без».

Как раз тогда Агата только что прочла «Ванну» Эдит Ситуэл¹, о которой замечает: «Милый спор о далеких временах, разные актеры — все разговоры о костюмах, Гаррик играл Отелло в армейской форме, еще кто-то — в бедуинском плаще и т. д.». «Луна на Ниле» была закончена в начале декабря. Агата сообщила Максу, что, по ее мнению, она написала для Салливана «хорошую роль каноника Пенни-

¹ Ситуэл Эдит (1887—1964) — английская поэтесса, литературовед и переводчик.

фазера — что-то вроде архиепископа Кентерберийского и сэра Уильяма Бевериджа в одном лице». Она интересуется: «Что бы ты на все это сказал, если бы был здесь?! Сплошные переодевания, театральность, секреты и ошибки... вялая девица с простецким выговором и напористый молодой человек с копной черных волос — вот с кем я обсуждаю варианты «Десяти негрятя»...» В театре Агата забыла про свою робость, она прониклась его духом, расслабилась и признается Максусу: «Я теперь завзятая театралка и обращаюсь ко всем неприятным людям: «Дорогой мой».

С приближением Рождества Агата еще сильнее заскучала по Максусу. Розалинда, ведущая «бродячую жизнь», случайно оказалась в Лондоне и пошла с мамой в театр. Она упрекнула Агату, что та слишком много вяжет, что ей не надо уподобляться женщинам, которые «обвязывают себя с ног до головы», на что Агата ответила: «...Но мои «слоновьи» панталоны имеют большой успех». В «Гринуэй», где расквартировались военные, поехать на Рождество было невозможно; пришлось даже продать половину садового инвентаря арендатору огорода («благоразумно договорившись выкупить его обратно после войны»). Кроме этого, Агата продала с аукциона фарфор, которым она не пользовалась, и несколько не очень удобных кресел, среди них одно с дыркой, которую «прожег своей сигарой мистер Арбетнот». Установилась зима, и Агата одиноко бродила по Лондону в поисках рождественского подарка для Макса, но в книжных магазинах было «очень трудно что-нибудь купить. За прилавками там или древние, похожие на крабов старики, боящиеся лишней раз пошевелиться, или какие-то ученые девицы, понимающие только в экономике и планах города». Как подарок себе от Макса она купила кольцо с большим желтовато-зеленым жадеитом, но без мужа все равно было тоскливо и одиноко: «Мне сегодня ночью было грустно, и я немножко поплакала». Она читала и перечитывала его письма по многу раз, это поддерживало ее.

«Оттого, что ты с такой любовью пишешь мне после стольких лет совместной жизни... я чувствую, что не такая я уж неудачница, что я состоялась как жена. Какие перемены произошли с той несчастной, покинутой особой, которую ты встретил в Багдаде! А все благодаря тебе, ты сделал для меня все...»

Вместе с этим письмом Макс получил от Агаты в подарок «Завет красоты» Бриджеса. В ответном письме он по-

просил ее отыскать стихотворение номер одиннадцать в книге «Английская поэзия шестнадцатого века». Агата поехала в «Винтербрук», нашла книгу и ответила ему:

«Ты имел в виду «К его даме»? Если так, то я прямо вся раздулась от гордости».

В феврале Макс уехал из Каира в Триполитанию — поездом, поскольку обещанного самолета за ним не прислали, — и получил там должность помощника главного инспектора по гражданским делам в Западной провинции. Он был очень рад этому назначению, поскольку главное управление провинции располагалось в Сабрате, древнем финикийском городе с древнеримскими развалинами, отреставрированным итальянцами амфитеатром, музеем «с прекрасной разноцветной мозаикой» и библиотекой с богатым собранием классической литературы и книг по истории и археологии. Первые шесть месяцев Макс жил там на итальянской вилле у моря, лакомясь за обедом свежепойманным тунцом и оливками, — разительный контраст с жизнью в полуразрушенном Лондоне, где Агата по дороге в госпиталь съедала сосиску с картофелем и луком прямо у стойки паба.

Рождество и Новый год прошли. Агата приободрилась. Сценический проект с «Негритятами» снова приобрел актуальность; а еще Агата собралась, как она сообщила Максиму, написать «жуткую шпионскую драму». Прибыли прекрасные корректуры «Пяти поросят», с ними все было в порядке в отличие от других ее публикаций: так, Агата высказала Коллинзу недовольство по поводу безобразных опечаток в своих книгах, например, вместо «Смерть на Ниле» — «Death on the Nile» — на обложке стояло «Death on the Hill» («Смерть на холме»). Тогда Билли Коллинз вместе с извинениями прислал обложку к «Пяти поросятам».

Приближалась весна. Макс не забыл послать традиционные открытки на Валентинов день — одну Кэтрин Вулли, а другую Агате: *«Ты помнишь, когда мы поженились, я сказал, что мы будем как Дизраэли¹ и Мэри-Энн? Так оно и есть. Мы будем вместе до самой глубокой старости».* (Когда Дизраэли и Мэри-Энн поженились в 1839 году, она была старше его на двенадцать лет.)

В конце марта Агата съездила в «Гринуэй», который все еще был занят военными. *«Сад невероятно красив, все мимо-*

¹ Дизраэли, граф Биконсфилд (1804—1881) — британский политический деятель, занимавший должность премьер-министра, поэт и романтик.

зы в цвету — они хорошо перезимовали — зима была мягкая, — написала она Максу на его виллу на берегу моря и заметила: — ...а кто же не любит море? Лично я люблю! О, как несправедлива жизнь!»

Уже год они были в разлуке. Неустроенная Агата переехала на пару недель в квартиру на Парк-Плейс, затем в отель «Марин» в Салкоме. Она проводила выходные в деревне с друзьями — Алленом и Летисией Лейн, Ларри и Данаей Салливан; в Лондоне тоже было много друзей — Дороти Норт, Эрнест и Мэрион Макинтош, коллеги Макса — археологи Сидни и Мэри Смит. Но ей очень не хватало Макса. Невзирая на усталость, она поражает всех своей энергией, даже пытается организовать собственную столовую. *«Без тебя нет весны», — написала Агата, вспоминая расставание с Максом. Она перечитывает сонеты: «...как чудесны у Шекспира первые строчки, всегда намного лучше, чем заключительные». Строка сонета Шекспира дала название роману, который она написала очень быстро — в подарок Максу, — «Вдали весной». Это очень яркая книга. Как и у всех романов, написанных Агатой под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, в нем две основные темы — любовь и трагическая логика жизни.*

Героиня, Джоан Скадмор, анализируя прожитую жизнь, приходит к выводу, что многого в ней не понимала, порой неправильно истолковывала собственные побуждения и нередко ошибалась в тех, кому верила и с кем была близка. Агата написала книгу за три дня и в июле послала Максу экземпляр рукописи. *«Мне кажется, это неплохо», — написала она из «Винтербрука», где провела месяц «в стиле Тургенева» с ожидавшей ребенка Розалиндой, что, вероятно, подразумевало в числе прочего и возможность объедаться лососиной, которой было не найти в Лондоне, но которую в Уоллингфорде можно было заказывать у торговца рыбой «хоть каждый день».*

Розалинда должна была родить в сентябре. Временно она сняла квартиру на Лоун-роуд, потом они с Агатой провели четыре недели в Уоллингфорде, после чего вдвоем направились в «Эбни», прихватив «старый школьный портфель с детскими одежками». В «Эбни» тоже квартировали военные; Москитик и ее бывшая судомойка как могли заботились об офицерах, расквартированных в огромном доме. Агата волновалась за роды больше самой Розалинды. *«Иногда я просто в панике, — писала она Максу, — хотя никогда этого не показываю. Это глупо, я знаю, но Розалинда такая*

слабенькая, и жизнь у нее сложилась не очень удачно. Я так хочу, чтобы она была счастлива». Ребенок (как написала Агата, «крупный мальчик, вылитый Хьюберт, только монокля не хватает...») родился 21 сентября. Агата, вне себя от радости, бросилась в Чешир, куда постоянно звонил Хьюберт, волновавшийся за Розалинду.

В это напряженное время Агате очень не хватало Макса. Она мечтала позавтракать с ним в «большом деревенском доме, окруженном цветочными клумбами», очень ждала его, иногда ей снилось, что он умер: «Я просыпалась в ужасе и повторяла себе снова и снова, что это неправда, что я только что получила от него письмо, включала свет и перечитывала его». Чтобы успокоиться, летом она приступила к новому детективу — «что-нибудь о Древнем Египте». Идею предложил Стивен Гленвилл, который дал ей несколько «восхитительных книг, чтобы заманить в ловушку. Скоро я поняла, что мне ничего не остается, кроме как браться за дело. Корк в ужасе». «Змеиный язык Гленвилла» убедил Агату, и в июле в библиотеке Макса в «Винтербруке» она отпечатала начало книги «Смерть в конце». В одной из книг, подсунутых Гленвиллом, Агата находит описание документов, обнаруженных в каменной гробнице недалеко от Луксора в начале двадцатых годов экспедицией Метрополитен-музея. Это стало первым толчком. Ее записная книжка пополняется цитатами, а Гленвилла она просто закидывает вопросами. Тот был рад помочь, поскольку ему самому в это время было одиноко: его жена с детьми находилась в Канаде, и он, хоть и попадал из одной романтической переделки в другую, все равно тосковал. Как верный друг семьи Мэллоуэнов, он теперь не оставлял Агату. Она, в свой черед, посвятила ему «Пять поросят», а выход книги отметила, приготовив обед для Стивена: «Немножко паштета (конечно, суррогат, но несколько добытых мной трюфелей придали ему совершенно правдоподобный вид и вкус), омар (горячий, в масле) и вишневый компот. Мы открыли бутылку вина, оказавшегося очень хорошим, и Стивен предложил тост за тебя, Макс». (Это был поступок с ее стороны — вообще-то Агата предпочитала пить «чистую воду» и только однажды в своей взрослой жизни заказала спиртное. Выведенная из терпения соседом по столу, настойчиво спрашивавшим, что ей налить, выпалила: «Пива!»)

К концу июля Агата закончила первый черновик «детективной истории одиннадцатой египетской династии», отдала его на суд Гленвилла и написала Максус:

«Если это плохо, ему будет крайне неловко. Как он мне об этом скажет? С его-то тактом? Мне самой как-то противно от большей части того, что я наваяла! С досады я написала злое письмо К. с вопросом — продолжать ли мне все это, — и заявила, что это он во всем виноват! Затем мои наброски прочел Р. и сказал, что ничего страшного. Оценил Р., ничего не скажешь! Тут я совсем разозлилась, села и закончила».

Макс, испугавшись, отправил тревожные письма и Агате, и Гленвиллу, который заверил его:

«Что касается археологии, это отнюдь не главное, или, лучше сказать, она хорошо укладывается в сюжет. Она не выпирает, а естественно вписана в повествование. В то же время в книге вполне достаточно безусловно египетского, чтобы непрофессионал почувствовал, что такая история могла случиться именно в Пимлико, а египтолог понял, что с таким же успехом она могла произойти не только в Пимлико, но и в Фивах. Сделать это было чрезвычайно трудно. Но она справилась».

Гленвилл, Макс и Агата составляли весьма любопытное трио. Макс беспокоился о Гленвилле и тепло писал о нем Агате, радовался, что она заботится о Стивене, а тот как бы поддерживает Агату. Агата писала Максусу о нем очень часто и глубоко переживала несчастья Стивена, которые тот ей поверял. Она просила его помочь Максусу найти работу здесь, в Англии, или как-нибудь поспособствовать ей в переезде в Триполи. Возможности этого Гленвилл обсуждал в письмах к Максусу, из которых видно, насколько они близки с Агатой. В свои пятьдесят с лишним Агата уже не была, как прежде, худенькой, но оставалась стройной и элегантной. Она сохранила необыкновенную привлекательность — симпатичная, живая, наделенная природным умом и тактом, внимательная и чуткая к собеседнику. Поэтому неудивительно, что Гленвилл часто бывал у нее, невзирая на свою занятость в Уайтхолле и всяческие осложнения собственной личной жизни. Он проводил у Агаты много вечеров, доверяя ей все свои горести, писал о том утешении, которое давали ему беседы с нею. Агата тоже часто писала Максусу про Стивена, но никогда не выдавала доверенных ей секретов, никогда не жаловалась, сколько душевных сил отнимало общение с Гленвиллом. Непохоже, чтобы Макс ревновал, хотя его беспокойство по поводу книги «Смерть в конце» наводит на мысль, что он не очень одобрял замысел Агаты, возникший под влиянием Стивена и без его, Макса, ведома. Но Стивен

сумел убедить Макса, что все нормально, к тому же книга понравилась Корку, и Коллинз ее принял.

Стивен помогал Агате и в работе над «Луной на Ниле». Премьера пьесы долго откладывалась из-за нехватки средств и наконец состоялась в Уимблдоне в сентябре и в лондонском Вест-Энде в ноябре 1943 года, отзывы были благоприятные. *«Конечно, я была чуть жива от страха, — написала Агата Максу после первого спектакля, — но на помощь пришел Стивен, и Розалинда меня поддерживала. После окончания — ужин у Пруньеров. Копченый лосось и устрицы. Омар и шоколадный мусс. Мы были девять негритят, десятый — в Триполи (а может, в Каире?)»*. А на следующей неделе Агата «раскисла». *«Ничего не могла проглотить, кроме аспирина, отохла и стала невероятно элегантной»*, — сообщила она Максу. (Семь лет назад ее дочь заметила с обезоруживающей прямоотой: «Ты стала жирная! А я помню тебя худой! Я все время считала, что у тебя белокурые волосы, а они седые!»)

Неудивительно, что Агата заболела. Год выдался тяжелый, напряженный, помимо работы в аптеке госпиталя она написала две пьесы и два романа, регулярно присутствовала на репетициях («...для меня это все ново и необычно, я как дикар, который попал в кино»). Агата также помогала Розалинде ухаживать за Мэтью. Розалинда с мальшом не могла сразу переехать в дом Хьюберта «Пливреч» в Гламоргане, где жили его мать и сестра. В течение месяца они жили в Лондоне. К счастью, у Мэтью была няня — именно она сказала, услышав, что «Десять негритят», самую лучшую пьесу, идущую в театре, написала Агата Кристи: «Э, да я ее знаю, это наша кухарка». Дело в том, что Агата несколько раз в неделю приходила к Розалинде, чтобы помочь на кухне. Она и сама признавала, что очень устала, что «особенно утомительно делать покупки».

Рождество Агата провела в «Пливрече» с Розалиндой и Мэтью. Дом был красивый, но, как она написала Максу, «немного запущенный, как «Гринуэй», когда мы туда вселились». Она тосковала по довоенному времени, когда могла «распоряжаться заработанными деньгами», боялась их потратить и сетовала, что «теперь очень трудно найти мастера, который бы привел в порядок и как следует отделал дом Розалинды». Агата старалась держаться, но чувствовала себя усталой и подавленной — «как будто меня переехал автомобиль».

К Розалинде и Мэтью в Уэльс она ездила часто — Агата обожала внука, но признавалась, что ухаживать за ребенком ей весьма утомительно. Иногда она писала Максу сен-

тиментальные письма о взрослых и детях; в одном описывает свой визит к Аллену и Летиции Лейн и рассказывает, как они с Алленом «приготовили твою любимую картошку с луком и мясом под сладким соусом», а потом кормили молочным пудингом с черносливом маленькую Клару — «самого очаровательного в мире ребенка». Макс, в свою очередь, рассказал, как у него гостил коллега с ребенком, с которым он «провозился несколько часов, и Бог знает, каких трудов стоило накормить и умыть его...».

Никаких утешительных новостей от Рейнхеймера по-прежнему не было. Правда, пришли небольшие деньги за «Десять негритят» в дополнение к потиражным за публикации в Британии и в колониях, но в феврале Агата написала Максиму, что «Десять негритят» можно списать на «военные потери (в смысле их местонахождения)»: дом, в котором помещалось издательство Коллинза, разбомбили, почти все документы и записи погибли — военная действительность всегда непредсказуема. Агата старалась не паниковать по поводу накапливающихся долгов, но они ее все больше удручали. Она снова решает продавать «Гринуэй» и советуется с Максом. Тот ласково отвечает, что поддерживает любое ее решение: *«Как ты говоришь, мы должны примириться с тем, что придется отказаться от этого прекрасного места».*

Макс и сам приуныл: *«...Ты же знаешь, что все мои помыслы об археологии. В ней я могу еще очень много написать и еще больше сделать. Но надо быть практичным. Мы больше не должны вкладывать деньги ни в раскопки, ни в эту неопределенную профессию».* В будущем он видел себя колониальным чиновником и был готов делать то же, чем занимался сейчас в Триполитании. После шести месяцев в Сабрате, где он отвечал за распределение зерна в Западной провинции, его перевели в Хан, уединенный оазис, а затем на побережье, в город Мисурата, *«в городской магистрат судьей, — как написал он Агате, — и меня эта работа удовлетворяет, потому что по каждому конкретному делу нужно принимать конкретное решение в соответствии с четко определенными принципами...».* Макс ретиво приступил к своим обязанностям и заседал на Гленвилла, прося подыскать ему со временем место вроде этого, поскольку перспективы археологии представлялись ему туманными. Но его устремления были очень противоречивы. В октябре, когда его перевели в Триполи советником-арабистом, он однажды целый день просидел в библиотеке, где, по его словам, вспомнил, что он ученый по образованию и по призванию. Разумеется, на самом деле он этого никогда

не забывал и прекрасно осознавал, что административная работа — вовсе не его стихия.

Единственным плюсом его пребывания в Северной Африке было то, что Максуду удалось своими глазами увидеть множество археологических памятников — после войны он надеялся показать Агате такие знаменитые места, как Лептис Магна и Элитен и другие, менее известные. *«Я думаю, теперешняя твоя работа более интересна и больше тебе подходит, — написала она. — Жду не дождусь того дня, когда мы с тобой проедем по тем местам, где ты был во время войны, это компенсирует все мои нынешние неприятности».* Она имела в виду не просто развлекательную поездку. Агата верила, что после войны они снова займутся археологией, профессией, идеально подходившей им обоим: *«...Это будет частное предприятие, поскольку мы с тобой очень частные люди».*

Она старается всячески приободрить Макса, хотя самой ей немного грустно. Она пишет, как провела неделю с Хьюбертом, Розалиндой и Мэтью в Уэльсе: *«Я только представила себе, как вернусь в Лондон, совершенно одна, и буду думать о Роз, Хьюберте и малыше. Я ведь уже ничего не значу для них и не занимаю в их жизни никакого места. Поэтому я счастлива, что у меня есть моя собственная жизнь».* Полк Хьюберта перевели во Францию. В редких письмах к Максуду Розалинда в основном описывала свои невзгоды в неотопляемом доме, непослушных домашних животных и малыша. Агата восхищалась упорством Розалинды и очень беспокоилась за Хьюберта.

В начале 1944 года у Агаты появился шанс все-таки поехать с миссией в Африку. Это была надежда увидеться с Максом, но проект опять не осуществился. Она старалась не поддаваться унынию, но скучала по мужу (по ее выражению) «по нарастающей», на что Макс ответил, что у него «чувство какой-то пустоты и постоянного голода». В течение долгого времени он не имел возможности поговорить с Агатой и тон его писем становился более сухим и сдержанным. Чтобы немного развлечь обюрократившегося мужа, Агата шлет ему книги, среди которых два тома Геродота (на греческом и в переводе) и (специально чтобы подогреть интерес Макса к его новой профессии) роман Найджела Бэлчина о чиновниках «Маленькая задняя комната».

Агата работала. Репетиции «Скрытого горизонта» (как теперь называлась «Луна на Ниле») начались в январе в Данди. Она была рада: «Из Ларри получился прекрасный каноник —

настоящий епископ лондонского производства (!!!). Даная распоряжается костюмами и реквизитом, как главнокомандующий! Я прекрасно отдыхаю, и мне очень весело!» В первый вечер она «пряталась от всех на балконе с Данаей». «Приятель Салливанов (из кабаре) во втором акте издавал типичные, по его мнению, арабские звуки, было очень похоже на пустыню. Театр был полон, всем так понравилось, что многие купили билеты на следующее представление».

Полная впечатлений и энтузиазма, к марту она переделывает для сцены «Свидание со смертью». Выходят «Вдали весной» и «Час зеро», одна из самых оригинальных ее книг, отложенная с прошлого года. У нее было полно сюжетов для новых детективов, но тут началась «одна из тех ужасных бессмысленных пауз, когда ничего не движется и чувствуешь себя в полном отчаянии». Она вообще относилась к «творческой работе» как к чуду: «Это что-то мистическое из той же серии, что и культ вуду, и левитация». Левитация давно уже занимала Агату. «*Это снится каждому ребенку, — писала она Максу, вспоминая собственное детство, — будто ты летаешь, но не так, как летают птицы. Но невозможно увидеть во сне того, о чем у тебя нет врожденной памяти, о чем не имеешь никакого представления.*»

«Идеи на июнь 1944 года», — пересиливая усталость, твердой рукой вывела Агата в своей тетрадке. Одной из этих идей была пьеса про Арлекина. Она даже обдумывала балет, где Арлекин и Коломбина танцуют со смертью, — красивый образ, так и не затронутый ни в одной из ее книг, притом что многие ее детективы отличает завораживающая, буквально хореографическая пластика. Ее сюжеты — всегда перемещение в пространстве, подчиненное внутреннему ритму, некоему подобию мелодии, а логика загадок и разгадок скорее визуально-пластическая, чем формально-логическая. Другой идеей 1944 года было дальнейшее развитие ее давнего замысла насчет «домашнего убийства». Так, в письме Максу она замечает, что «...одно дело — убийство матери, другое — убийство мужа». В этот же период она читает эссе о творчестве Шекспира, в частности о «Ричарде III». «Осознают ли злые люди свою злобу?» — задумывается она и отвечает себе, что даже «самые плохие» люди «не считают себя плохими и не сомневаются в своей правоте и порядочности».

Обе эти темы — «домашнее убийство» и природа зла — легли в основу сюжета, на котором остановилась Агата. Роман получил предварительное название «Завещанная

смерть». Работа шла тяжело; Агата начала с перечня персонажей и перепробовала несколько вариантов развития сюжета, прежде чем окончательно решила, кто кого убил и почему. Коллинз заявил, что книготорговцам название не понравится, и предложил свое — «Сверкающий цианид», но Агата не согласилась, заметив, что это «легкомысленное название для серьезной книги». Однако времени на обдумывание уже не было, и в американском издании книга появилась под названием «Завещанная смерть».

«Наша разлука — это просто пауза», — уверяла Агата Макса и саму себя в 1943 году. Теперь уже казалось, что паузе не будет конца, Агата пишет и пишет, стараясь забыть, заглушая работу тоской. Закончив «Лощину», детективный роман, посвященный Салливанам, она приступает к сценической версии «Часа зеро». К Рождеству она собрала вместе несколько рассказов и стихотворений религиозного содержания и послала эту пробу Корку к Новому году: «Наверно, ничего хорошего?» Сборник был отложен на двадцать лет.

Осенью 1944 года разразилась трагедия. Хьюберт пропал без вести, и в августе Розалинда узнала, что он убит. Макс ничего не знал об этом до самого октября — настолько долго шла почта. Письмо Розалинды было кратким — сухое сообщение о случившемся. Агата очень волновалась за дочь и потом писала Максусу, как стойко та перенесла эту страшную новость.

Как и в детстве, в зрелые годы, Агата молча, в одиночку переживала все утраты, не жалуясь ни домашним, ни друзьям, — те могли только догадываться о ее страданиях. Горе Агаты всегда было молчаливо, будь то предательство Арчи, смерть Клары, развод, выкидыш, гибель зятя — она лишь замыкалась в себе, никому не показывая своих эмоций; только в книгах она давала волю чувствам — в романах, подписанных псевдонимом Мэри Уэстмакотт, в пьесах и в детективных рассказах. Но даже в своих произведениях она проявляет эмоции довольно сдержанно.

Написанные на знакомом и понятном материале, пьесы, романы и рассказы имели большой успех. Ее стиль не назовешь особенно изящным, ее персонажи часто стереотипны, а сюжеты нередко неправдоподобны, но все ее вещи искренни и непосредственны. Агата много размышляла о человеческих взаимоотношениях; у нее были вполне определенные воззрения на добро и зло, справедливость и со-

страдание, невинность, жестокость и месть — что она со всей прямотой и выразила на страницах своих книг, а позже — в пьесах.

К концу 1944 года Агата оставляет работу в госпитальной аптеке, поскольку ее театральные дела были связаны с частыми отлучками из Лондона. *«Я подхватила вирус театральной лихорадки, — написала она Корку в январе 1945 года, — со всем его холодом, снегом, фильмами, дневными спектаклями и костюмерами...»* Премьера «Свидания со смертью» должна была состояться в феврале, но, как считала Агата, «...это совершенно невысказано, они не успеют, но все ведут себя как ни в чем не бывало. Что за странный народ!»

Премьера состоялась в театре на Пиккадилли в Лондоне в конце марта. Критики были суровы. Корк прислал кучу нелестных отзывов из газет и утешительное письмо: *«Публике, кажется, понравилось — по данным Берти Мейера сборы намного лучше, чем после премьеры «Десяти негритят».* Кроме плохого приема «Свидания со смертью», появились другие неприятности — Салливан не смог договориться с лондонским театром о постановке «Скрытого горизонта». Загвоздка здесь, правда, оказалась из разряда курьезов: чиновник из министерства труда, увидев в пьесе горничную, заметил, что «ей совершенно нечего делать на сцене». Корк обещал помочь через «одно высокопоставленное лицо, поговорив с ним по-соседски». Но дурацкая проблема не решилась до самого сентября, только тогда пьеса наконец пошла на сцене в Кембридже. Агата присутствовала на спектаклях и заметила: *«...После войны, где-нибудь году в сорок шестом, надо будет кое-что переделать».*

В мае 1945 года закончилась война в Европе, а в августе — в Японии. Несколькими месяцами раньше, в феврале, начала приходиться в нормальное русло и жизнь Агаты — она начала свою «борьбу за «Гринуэй». Ее тогдашние дневники заполнены записями о домашних делах: уборке («...гоняю пыль двадцать четыре часа в сутки»), необходимых покупках («...пакеты, салфетки, полотенца, джем, мед...»), перестановке мебели и утвари («...ковёр — в спальню»). Офицеры-квартиранты оставили дом в гораздо лучшем состоянии, чем она ожидала. Двери красного дерева были установлены на прежнее место, а в библиотеке Агата решила на память об американских моряках сделать фриз в бело-голубых тонах с изображением тех мест, где побывала флотилия (был нарисован даже «Гринуэй»), и в конце путешествия — бравая фигура, которую Агата в «Автобиографии» шуточно назвала «часовым».

Она была счастлива — у нее снова ее дом и ее сад, и Макс вернулся домой, неожиданно нагрывнув майским вечером на Лоун-роуд. Агата знала, что он скоро должен приехать, и беспокоилась, как сложатся их отношения после долгой разлуки. «Я очень боюсь, что наши параллельные пути вдруг пересекутся и разойдутся в разные стороны», — написала она. За время войны она постарела, а ее известность превратилась в славу, и она боялась, что все это вместе с долгой разлукой может отдалить ее от мужа. В мае 1944 года Макс исполнилось всего сорок лет. «Его возраст слишком уж отличается от моего, — написала Агата и беспокоилась: — Не идеализировали ли мы с Максом друг друга за время разлуки — это разобьет мне сердце!»

Ее опасения были напрасны. Разумеется, Макс нашел жену постаревшей, усталой, поседевшей, но ведь и все остальное в доме постарело и обветшало за шесть лет войны и его отсутствия. С его возвращением Агата буквально ожила. Книга воспоминаний о раскопках в Сирии «Расскажи, как живешь» была закончена в июне 1945 года и послана на рецензию некоторым друзьям и коллегам. Мнения разделились. Стивен Гленвилл, например, заявил, что это восхитительная вещь, а Сидней Смит, хранитель отдела египетских и ассирийских древностей Британского музея (во время войны он занимался с Агатой алгеброй, которую та подзабыла), заметил: «Поскольку эта вещь чересчур легко и приятно читается, я не уверен, что ее вообще следует публиковать». Корку книга понравилась, а Макс был просто счастлив получить такой подарок по возвращении домой, тем более что Агата настаивала, чтобы книга вышла под фамилией Мэллоуэн.

Ее положение у Коллинза было теперь необычайно прочным. Судя по цифрам объема продаж на конец января 1945 года, три ее книги буквально шли нарасхват: «Час зеро» и «Отравленное перо» вышли тиражом по 25 тысяч экземпляров каждая, а «Пять поросят» — 24 тысячи. Такой успех вдохновлял издателей, и по настоянию Корка к середине 1945 года Коллинз увеличил аванс Агаты до двух тысяч фунтов. Корк сказал Оберу, что «книги продвигаются намного быстрее, их продажа выросла почти в три раза». «Сверкающий цианид» летом издавался частями в «Дейли экспресс».

Финансовые дела Агаты начали улучшаться. В феврале 1945 года с британскими властями удалось урегулировать вопрос о дополнительном налоге, добившись вполне приемлемой суммы; в мае Гарольд Обер сообщил, что Соединенные Штаты вот-вот заключат договор об избежании двойного на-

логообложения с Соединенным Королевством и Агата сможет наконец получить заработанное в Америке. Кроме того, фильм Рене Клера «И не осталось никого» («Десять негритят») с большим успехом прошел на экранах Нью-Йорка. Би-би-си тоже стала обхаживать Агату, предлагая ей принять участие в передаче, за которую они «будут иметь честь заплатить ей пять гиней», а министерство информации (по вине которого она не смогла поехать к Максу в Каир во время войны) попросило написать статью «о четырех ведущих авторах детективов этого столетия (включая Вас, конечно) для публикации в одном из московских журналов в России». Корк возмутился: «По-видимому, министерство думает, что детективы — это что-то вроде футбола, разменная карта для возобновления дружественных отношений». Агата отказалась от предложения Би-би-си, но была готова помочь министерству информации: «Я совершенно не против написать статью для русских журналов. Я думаю, что очень важно пойти на встречу России на внешнеполитическом поле».

Теперь, с приездом Макса, Агата забросила работу. «Какое занудство!» — пожаловалась она Корку, когда Обер попросил ее кое-что изменить в «Лощине». Издатели американского журнала «Кольерс» хотели немного сократить роман, чтобы убийца появился намного раньше. «*Просто с ума сойти*, — написала Агата, получив заметно урезанный текст, — *чисто американское крохоборство*». Коллинз тоже попросил ее внести изменения в одну из книг, и Агата провела за этим почти всю осень. «*Я очень устала от всех этих мелочей, когда есть занятия и поважнее и приятнее*», — написала она. Корк заверил ее, что Коллинз обещал в любое время выдать ей чек на две тысячи фунтов, на что Агата заметила: «Боюсь, как бы не вышло наоборот».

В конце 1944 года американский импресарио Ли Шуберт принял сценическую версию «Часа зеро», но тоже потребовал изменений. «*Я надеюсь, что они уже сами все сделали и только хотят получить мое согласие*», — написала Агата в январе 1945 года, загруженная работой по «Свиданию со смертью». Шуберт предложил Мэллоуэнам приехать в Соединенные Штаты в 1946 году, все согласовать. Агата было загорелась, но к концу 1945 года несколько остыла, поскольку в «Гринуэ» к тому времени стало так хорошо, что жалко было уезжать: «*...пытаюсь ловить моих курочек, которые перелетают в огород. Они уже несут яйца!*» Она собиралась уехать из Девона только в «Пливреч» на Рождество: «*Мы поедem в Уэльс. Это тяжело, но там такая чудес-*

ная еда!!! Утки, гуси и индейки гуляют и ждут своего часа». Ее письма в конце 1945 года, веселые и счастливые, подписаны «Агата». Она не утруждала себя работой и была довольна «таким образом жизни». Корк объяснил Оберу: «Миссис Мэллоуэн теперь в таком состоянии, что нужен какой-то серьезный моральный стимул, чтобы снова засадить ее за письменный стол. Я чувствую, Вы бы могли каким-то образом помочь в этом... Необходимо что-нибудь выплатить... Война и опасности изменили людей, изменилась сама жизнь, многое нужно начинать сначала».

Глава 19

И праздники и будни

Оглядываясь назад, Агата написала в «Автобиографии», что всю войну она занималась «какой-то ерундой», имея в виду, что в общественной и интеллектуальной жизни тогда ничего интересного не происходило, а вся ее писательская работа представлялась бессмысленной с экономической точки зрения, поскольку не окупалась из-за непомерных налогов. Но это на самом деле заявление слишком скромное. Как мы уже знаем, в годы войны у Агаты буквально не было ни минуты свободного времени. Она прочла множество новых книг, перечитала любимые старые, по совету Макса изучала работы по истории и классической литературе, часто ходила в театр и в кино, встречалась с друзьями, приглашала их к себе на обед или на ленч и принимала у себя коллег Макса, оказавшихся проездом в Лондоне. Это помогало, по ее выражению, не так сильно скучать по Максy и Розалинде, позволяя забыть на время про «оккупированный» любимый «Гринуэй» и про денежные проблемы.

Корк был прав. Долгие годы войны и тревог очень изменили людей: им требовалось время, чтобы сбросить оцепенение и вернуться к нормальному быту. Жизнь в Британии тоже сильно изменилась. После победной эйфории настали будни — предстояло не только отстроить разрушенное, но и модернизировать саму общественную систему страны. Всюду были нужны сильные, упорные люди — для новой системы образования, здравоохранения, для восстановления транспорта и промышленности, для строительства новых городов и обустройства сельского хозяйства. Война лишь обострила накопившиеся проблемы — теперь их предстояло решать незамедлительно. Конец сороковых

стал в некотором роде эпохой больших ожиданий, однако в бытовом плане это были тяжелые годы: не хватало хлеба и топлива, а все вокруг выглядело серым и унылым. Нервное напряжение военных лет спало, но за ним потянулись холодные, гнетущие дни разрухи.

Макс и Агата не торопились принимать приглашение и ехать в Соединенные Штаты, чтобы посмотреть, как можно переделать для сцены роман «Час зеро». Они потихоньку обустроивались в «Гринуэ», посадили огород, рассчитывая выращивать овощи на продажу, который, однако, несмотря на заботливый уход, ощутимой выгоды не приносил. Почти весь 1946 год Макс занимался описанием своих довоенных раскопок и обсуждал с коллегами-археологами свои шансы на получение академической должности. Вместе с Агатой они начали приводить в порядок дом и сад в «Винтербруке» и жилье в Лондоне, оставили квартиру на Лоун-роуд и вернулись в «Крессуэл-Плейс». Там тоже хватало работы — зато остро не хватало общения. Карло, страдавшая от сильных приступов артрита, в конце концов переехала в Истборн к своей сестре Мэри. Медж, которой было под семьдесят, в Лондон приезжала крайне редко, правда, ее сын Джек часто навещал Агату и Макса и в Лондоне, и в «Гринуэ». У него был дом на Честер-стрит, и он заезжал в Челси развлечь тетю. У них были сходные вкусы в литературе и искусстве. Джек, как и Агата, очень любил Диккенса, Комптона Маккензи, примитивистов и музыку, хотя Вагнеру предпочитал Баха. Как и Агата, Джек интересовался теологией — никогда не проходил мимо церкви, чтобы не зайти туда, и очень много знал о различных религиях. Большой гастроном, как и тетушка, он любил простую, но хорошо приготовленную пищу. Он всегда возил с собой растительное масло, уксус, перец и соль для салата, который потом давал попробовать своему шоферу — эта его привычка была известна официантам всей Англии, от ресторана в отеле «Савой» до вагона-ресторана в поезде, которым он ездил из Чешира.

Многие старые друзья Агаты тихо доживали век в деревне; некоторые ее ровесники уже умерли. Более молодые их с Максом знакомые по довоенным экспедициям в Сирию рассеялись по свету, а друзья из дипломатических миссий получили новые назначения. Нужно было время, прежде чем Мэллоуэны снова собрали вокруг себя друзей и те стали регулярно собираться вместе в «Гринуэ» летом и осенью. А сейчас в жизни Агаты главным была работа и книги.

Она очень устала за время войны и в 1946 году написала мало. Ироническая ода в стиле Льюиса Кэрролла, сочиненная ко дню рождения Розалинды, получилась у нее печальной:

— Я была молода и гордилась тогда
Бирюзой изумительных глаз,
И была я стройна,
И была я умна
И namного изысканней вас!

— Ладно врать-то, — сказало на это дитя, —
Сочиняешь на старости лет!
Ты сухой из воды можешь выйти шутя,
А другое что — это уж нет!

Агата по-прежнему «шутя» «выходила сухой из воды». Начиная с вызвавшего бесчисленные споры романа «Убийство Роджера Экройда», публика нарасхват раскупала все ее книги и с большим нетерпением ожидала новых. В тридцатые—сороковые возник необыкновенный спрос на детективы, особенно на детективы классического образца, с интеллектуальной головоломкой, которую автор с самого начала ставил перед читателем, тут же давая ключи к разгадке, замаскированные среди несущественных деталей, призванных сбить с толку. Чем искуснее автор морочил читателя, тем большим успехом пользовались его книги. Это был особый жанр: в октябре 1944 года американский критик Эдмунд Уилсон в своей на шумевшей статье попытался объяснить притягательность детектива как разновидности «литературы вымысла». Он считал, что эта литература «расцвела к концу девятнадцатого века»; рассказы и романы, где главное — хитроумные повороты сюжета, подобные тем, которые предлагает публике Агата Кристи, — это не более чем «развлекательное чтение». Уилсон резко раскритиковал стиль Кристи, находя его настолько банальным и безкусным, что «просто невозможно читать». Она наверняка прочла хотя бы выдержки из этой статьи, поскольку всегда интересовалась, что пишут критики о детективной литературе вообще и о ее книгах в частности, но никогда не упоминала об этом ни в семье, ни среди друзей — иначе близкие, естественно, постарались бы разубедить и успокоить ее, ведь и сам Уилсон признается, что прочитал только «Смерть в конце».

Есть несколько различных объяснений популярности детективной литературы в тридцатые—сороковые годы; но факт, что в предвоенное время публика ждала книг с захва-

тывающим сюжетом, интригующих, но не слишком сложных для восприятия. Детективы хорошо продавались, их брали с собой в дорогу. Возможно, в период между войнами криминальные романы позволяли отвлечься от неурядиц и экономических проблем. Возможно и противоположное — что публика повернулась к логичному миру детективного романа, отдыхая от бурных эмоций Первой мировой и набираясь сил перед следующей войной.

Однако в Британии, где в тридцатые годы как раз и расцветает детектив, жить было спокойно и приятно, особенно в Лондоне и южной Англии. У тех, кто имел работу, росли доходы, у многих появились автомобили и радиоприемники, многие покупали дома. У людей появилось чувство уверенности в завтрашнем дне, хотя газеты писали о начавшемся за рубежом кризисе. Именно эти обстоятельства, как нам кажется, и объясняют увлечение детективными романами. Классический детективный роман всегда невелик по объему, он подробно, в деталях описывает обычную жизнь — и этот домашний уклад становится еще пленительнее на фоне небывалого, изощренного преступления. А возможно, этот немного ненастоящий, чуть приукрашенный мир — что-то вроде «мыльной оперы» — нужен в любом обществе во все времена. Детективы — те же сказки с хорошим концом, центральные темы которых: любовь, смерть, ревность, зависть, конфликт между добром и злом — актуальны всегда.

А в годы войны особенно хочется отвлечься от зыбкости ненадежного бытия, хочется чтения легкого и светлого, чтобы скрасить долгие тоскливые часы, дни и месяцы неуверенности и тревог. Детективный роман стал прибежищем. От него не требовалось особой интеллектуальности, единственное, что было нужно — это держать читателя в напряжении. Сюжеты варьировались, но мораль оставалась неизменной — добро должно победить, порядок должен быть восстановлен. Детектив не только расширял кругозор, но и ненавязчиво воспитывал читателя, учил, как не надо поступать.

В тридцатые и сороковые годы существовал круг авторов, считавшихся асами классического детектива. Некоторые, подобно Агате Кристи, работали в этой сфере давно и были достаточно известны. Многие из них являлись членами Клуба детективов, который организовался в конце двадцатых годов по предложению Энтони Беркли. Агата в нем тоже состояла, хотя с ее здравым смыслом и чувством юмо-

ра, наверно, тяжело было сохранять серьезное выражение лица при проведении церемоний, придуманных Дороти Сойерс, — например, приносить присягу над «Эриком-Черепом», лежавшим на черной подушке со светящимися (от батареек) глазами. Сама Агата, став через тридцать лет президентом клуба (с условием, что все речи будет произносить вице-президент), провела церемонию присяги на яде, придав ей юмористическую окраску. Поддерживать профессиональные разговоры на клубных обедах, которые до войны проводились в ресторане, а после в помещении клуба на Кингли-стрит, ей стоило немалого труда. Больше ей нравились весенние и летние обеды в Гаррик-клубе и в кафе «Ройял», куда члены клуба могли пригласить гостей и где выборный председательствующий — офицер полиции, судья, адвокат и т. п. — мог поведать слушателям о тонкостях своей профессии. На этих безалаберных посиделках Агатиным друзьям неизменно сопутствовал успех.

Вообще-то она не особенно серьезно воспринимала правила клуба (они изложены в известных «Десяти заповедях детектива» Роналда Нокса). В них содержались требования к классическому детективному произведению, например, было непозволительно при описании использовать такие «нечестные» приемы, как тайные заговоры, неизвестно откуда взявшиеся люки и «таинственные яды, неведомые науке». Шумиха, поднятая критиками вокруг «Убийства Роджера Экройда», показала, что эти нормы весьма укоренились. Приняв участие в таких совместных опусах, как «За занавесом», «Сенсация» и «Последнее плавание адмирала», Агата тоже отдала дань некоторым из этих требований. Хотя это вовсе не значит, что ее следует причислить к школе таких известных писателей, как Джон Диксон Карр, Марджори Аллингем, Фримен Уиллс Крофтс, Крейг Райс и Элизабет Дейли, книгами которых она зачитывалась. Все-таки произведения Кристи сильно отличаются от работ ее коллег.

Ее секрет — в блестяще закрученных сюжетах при предельной простоте, даже бедности языка. Отказавшись, в отличие от других авторов детективов, от стилистических выкрутасов, она сосредоточивает все внимание читателя на самой интриге. Она не пытается вызвать симпатию к кому-либо из персонажей, не навязывает собственных теорий и точек зрения. Ее герои, а также места и обстоятельства, в которых они находятся, обрисованы схематично. Некоторые критикуют произведения Агаты за скучные описания, лишенные красок и эмоций. А ее почитатели, наоборот,

видят в этом достоинство, восхищаются ее книгами, поскольку они обращены не к чувству, а к ясному рассудку. «Прелесть Агаты Кристи, — как написал Роберт Бернارد в своей работе «Талант вводить в заблуждение», — не в том, что она дает читателю острые ощущения, а в том, что удовлетворяет его любопытство».

Действительно, ее книги не заставляют кровь быстрее бежать по жилам. Как говорит Бернارد, они представляют собой не стремительную последовательность событий, ведущих к кульминации и развязке, а «аккумулируют очевидное» и подводят к логическому выводу. В каждом ее сюжете есть элемент «нагнетаемой мистификации и постепенного прояснения», а в конце все расставляется по своим местам. Именно такой подход — причина популярности произведений Агаты. Ее детективы заставляют думать, предлагают гимнастику для ума, которая затягивает так, что невозможно оторваться. В середине сороковых читатели буквально проглатывали книги Кристи и ждали все новых работ; при этом сюжет каждой новой вещи всегда был совершенно оригинален — фантазия писательницы казалась неисчерпаемой.

Признали это и издатели — ей платят огромные гонорары. Так, в 1945 году американский кинопродюсер предложил пять тысяч фунтов за права на экранизацию «Любови незнакомца», а журнал «Гуд хаускипинг» — пятнадцать тысяч фунтов за рассказ в 30—40 тысяч слов. «Уик» давал две тысячи фунтов уже за 4 тысячи слов, а Фредерик Дэнни заключил контракт на переиздание рассказов Агаты по сто пятьдесят фунтов за каждый (другим авторам такие расценки и не снились). Радио Америки сделало серию спектаклей по мотивам рассказов о Пуаро; «по 65 фунтов в неделю, — сообщил Агате Корк, — но возможно, что будет намного больше». И в Англии непрерывно растут тиражи и дешевых, и солидных изданий ее книг. Мать Макса настойчиво советовала, чтобы Агата «приложила свою руку к чему-нибудь более серьезному» (невестка решила, что она имеет в виду «биографию какой-нибудь знаменитости»). Но Агата занималась своим делом. Она прекрасно понимала, в чем она сильна, и принялась за подготовку обещанной статьи для России. «Определять четырех лучших авторов детективов, — сказала она Макс, — министерство информации поручило Дороти Сойерс, но я боюсь, что она теперь уже не та — пишет религиозные пьесы и тому подобное. Но кто-то должен выбирать. Марджори Аллингем? Джон Диксон Карр? Кто

еще? Бентли? Энтони Беркли? Оставим ложную скромность — это я! Русским интересно мнение автора, активно пишущего именно сейчас».

Хотя тогда, осенью 1945-го — в начале 1946 года, Агата писала не очень «активно», ее имя было у всех на слуху. В марте в Уимблдоне начал идти на сцене «Скрытый горизонт», а с сентября эта пьеса уже шла в Нью-Йорке (под названием «Смерть на Ниле»). Вышли из печати «Расскажи, как живешь» и «Лощина», правда, и тут с обложкой не обошлось без проблем. Агата высказалась резко: «Мне не нравятся слишком натуралистические изображения на обложке, особенно представляющие какую-нибудь сцену из книги, я вообще не люблю, когда на ней нарисованы люди». Коллинз сдался и раздобыл билеты на Уимблдонский турнир («Хочет мириться», — заметила Агата) и более того — достал теннисные мячи и прислал их бандеролью в Девоншир.

Наконец Агата приступила к написанию двух новых вещей. Источником «серьезного морального стимула», по выражению Корка, стала, как ни забавно, Би-би-си. Весной 1947 года королеву Марию, мать Георга VI, спросили, как радио могло бы отметить ее восьмидесятилетие. Оказалось, что королева — большая любительница книг Агаты. Би-би-си связалась по телефону с Корком, и Агате предложили написать получасовую радиопостановку, чтобы передать ее 26 мая. Как сказал Агате Корк в середине мая: «...Все номера программы на этот день выбраны самой королевой». Когда встал вопрос об оплате, Агата пожелала сделать пожертвование в фонд детской больницы в Саутпорте. Радио выслало чек на сто гиней в фонд, Корк отказался от вознаграждения, и все стороны остались довольны. Пьеса, написанная по августейшему заказу, называлась «Три слепых мышонка», канвой для нее послужила история, о которой Агата прочитала в прессе в 1945 году, — о смерти мальчика Дэниэла О'Нила, которого вместе с маленьким братом отдали на попечение приемным родителям, а те издевались над детьми. Эта трагедия до глубины души потрясла Агату. Впоследствии пьеса «Три слепых мышонка» превратилась в рассказ, напечатанный в «Космополитен» в Соединенных Штатах, а в дальнейшем стала названием сборника, вышедшего в Америке в 1950 году. Она же лежит в основе созданного два года спустя всемирно знаменитой пьесы «Мышеловка».

Еще до этого, в 1946 году, Агата начала новый роман. Узнав в начале 1945-го от Корка, что в США в издательстве

Рейнхарта должны выйти ее романы, подписанные псевдонимом «Мэри Уэстмакотт», она посетовала, что «Мэри Уэстмакотт полна желания написать что-нибудь еще, но когда?!»

Как и «Вдали весной», замысел нового романа начинался не со списка действующих лиц или краткой записи сюжета, а со стихотворной строки. В записной книжке Агаты выписаны цитаты из стихотворений разных поэтов — Сесила Дэя Льюиса, Тэна и Элиота, которого она очень любила. В конце концов именно перифраз строки из его сборника «Головокружение» станет названием новой книги Уэстмакотт — «Роза и тис». Ее интересовало переплетение религии и философии в поэзии Элиота, возвышенность обыденного и ощущение присутствия некоего духовного начала. Она также восхищалась его театральными приемами и писала Максу в 1943 году: «Убийство в Храме»¹, — это открытие эффекта человеческого голоса — по тону, ритму и музыкальным ощущениям». Элиот, со своей стороны, отметил, что Агата Кристи его «любимый автор детективных романов, построение сюжетов у нее самое лучшее», и особенно восхищался «Убийством Роджера Экройда». Может быть, поэтому героиня в его пьесе «Сбор всей семьей», которая разгадывает тайну, носит имя Агата.

Корку роман «Роза и тис» понравился, но впоследствии принес немало трудностей и автору, и его агентам. Повествование в нем ведется от лица калеки, навсегда изувеченного в автомобильной аварии. Дело происходит во время выборов в 1945 году, где местный комитет партии консерваторов выдвигает своим кандидатом не «старомодного типа», а человека, обязанного всем самому себе, кавалера ордена Виктории и знающего «ответы на все вопросы», хотя и немного «скользкого». Для рассказчика, ироничного и трезвого, как и сама Агата, политика — только спектакль. Писательница многое знала о закулисной политической кухне от Медж, от племянника Джека и от одного своего знакомого — бывшего члена муниципального совета Манчестера. Редактору же показалось, что в романе много сомнительных моментов, а Билли Коллинз еще больше задел Агату, написав: *«Представляется, что в наше время не стоило (в свете всеобщих выборов) изображать кандидата таким несимпатичным человеком»*. Писательница холодно ответила: *«А мне представляется, что мой новый роман Вам просто не по вкусу. По-вашему, лучше и дальше строчить про уголовщи-*

¹ Трагедия в стихах Т. С. Элиота.

ну?» С Корком она говорит без обвиняков: *«Надо договориться издать роман у кого-то другого. У Коллинза никогда не ценили Мэри Уэстмакотт, Вы вряд ли читали что-нибудь более идиотское, чем письмо Билли Коллинза: он вообще не понял, про что книга. Решено, я не отдам им «мое сокровище», поэтому попытайтесь пристроить его у кого-нибудь другого — может быть, у Майкла Джозефа?»* Корк послал «Розу и тис» Майклу Джозефу, а затем Хайнеманну, который решил, что «Билли просто выжил из ума», и взял роман для публикации в 1948 году.

Были и другие досадные моменты. В конце 1946 года Агата написала новый рассказ про Эрколея Пуаро под названием «К берегу удачи». Американские журналы не проявили интереса, Обер объяснил Корку, что они считают, будто Пуаро «несколько не к месту» и умаляет «подлинную сущность рассказа»; будет довольно трудно продать «загадочную историю, раскрытую одним из трафаретно изображенных сыщиков. Такой сюжет больше подойдет для отдельной книги»; ее удастся пристроить, если Агата «согласится переписать и выбросить Пуаро», но попросил «употребить все Ваше умение, чтобы сказать об этом миссис Мэллоуэн». Корк тактично убедил Агату изменить текст. Однако, к ярости их обоих, в декабре Обер сообщил, что американский издатель, обещавший купить «версию без Пуаро», подвел его. Канадский журнал «Торонто стар» купил рассказ и выпустил под названием «Морской прилив», но Кристи разозлилась: «Стоило переделывать...»

Но апогея ярость Агаты достигла, когда вышло некое американское обозрение, в котором без согласия Агаты раскрывалась тайна псевдонима автора «Вдали весной» Мэри Уэстмакотт. Корк сделал запрос в библиотеку конгресса США, но по каталогу автором этой книги значилась только Мэри Уэстмакотт, и ему пришлось официально раскрыть секрет через Бюро регистрации авторских прав. Одна неприятность сменяла другую, расстроенная Агата написала Корку: *«Представляете, какой ужас — в каком-то интервью» в «Ньюс ревью» заявляют, будто у меня рыжие волосы! Что мой отец — американский биржевой маклер, а я — одна из самых богатых женщин в мире!.. Да как они смеют?!»*

Новый, 1947 год у Агаты начался с гриппа. Она тогда жила в Уэльсе, помогая Розалинде ухаживать за Мэтью, заболевшим бронхитом. «Как тяжело без прислуги, — жаловалась она, — домашняя работа, кухня — все это на плечах Розалинды». Уже выздоровев, она долго пребывала в

угнетенном настроении; только в конце января «тучи рассеялись». Корк достал билеты в театр на несколько спектаклей подряд, а потом ранней весной помог с поездкой в Швейцарию и на юг Франции. Впервые после окончания войны Агата выехала за границу и провела пять дней в Лугано и пять в Каннах. Возникли некоторые проблемы с обменом валюты, но Корк помог и в этом.

Корк и Обер тщательно оберегали Агату от нападок некоторых читателей по поводу «антисемитских» и «антикатолических» высказываний в ее книгах. Кое-кому из публики, очевидно, не нравились грубоватые описания персонажей-евреев (в отношении католиков ничего подобного просто нет). Например, в «Таинственном мистере Кине» есть строчки о «людях еврейского происхождения — мужчинах с желтоватым цветом лица и крючковатым носом, и дамах, которые носят слишком броские драгоценности», а в «Загадке «Эндхауза» описан «длинноносый мистер Лазарус», а по поводу еще одного персонажа замечено, что он, «конечно, еврей, но очень порядочный». Однако и английские, и американские издатели такого рода письма начали получать только после войны. «Это неслыханный позор, — написали «Додду и Миду», — печатать такую откровенную халтуру теперь, когда наконец воцарился мир». В 1947 году Лига по защите чести и достоинства прислала официальный протест «Додду и Миду», а те передали его Оберу. «Это одно из типичных писем, — написал он Корку, — из тех, что пришли в последнее время». Он предлагал не показывать этих писем Агате, но просил Корка позаботиться, чтобы в дальнейшем она не затрагивала в своих произведениях такой «деликатной темы, как евреи и католики». Корк с присущим ему тактом не стал писать Агате, возможно, поговорил с ней об этом, — во всяком случае, заверил Обера, что в будущем таких осложнений не предвидится. Естественно, «Додд и Мид» получило разрешение вносить изменения в подобные абзацы. Обер также договорился, чтобы «Додд и Мид» не пересылало Агате письма читателей, тем более что корреспонденцию по инерции направляли в давно проданный «Эшфилд».

В своих книгах Агата просто выразила воззрения своего класса и поколения — «обычный скучный британский антисемитизм», как его назвал историк Як Берзан в своей книге «Каталог преступлений». Безыскусные рассуждения Агаты о евреях и еврейском вопросе — это наивный протест против существовавшего негласного запрета касаться этой

темы из-за страданий, перенесенных еврейским народом с 1933 года. При этом иной раз она пишет о евреях с симпатией и деликатностью — например, в «Хлебе великанов». Агату раздражала именно мелочность такого рода претензий — она видела в них пустые формальные придирки. Когда она столкнулась с настоящим фанатичным антисемитизмом, то, как и многие ее соотечественники, была просто потрясена. В «Автобиографии» она описала свое первое знакомство с национал-социализмом в 1933 году, когда директор Музея древностей в Багдаде, ярый нацист, поразил ее своим злобным антисемитским высказыванием — «его лицо настолько искажено, что перестало походить на человеческое, я никогда ни у кого не видела такого лица».

Широтой кругозора Агата вообще не отличалась. Она не замечала многих общественных явлений, куда они не затрагивали ее окружения. При всем своем широком знакомстве с классическим и европейским искусством, литературой и музыкой, она оставалась человеком замкнутым внутри своих национальных и кастовых представлений. Разумеется, живя в разных странах, она со временем узнавала другие народы и их культуры, могла с симпатией относиться к разным людям, невзирая на их национальность, возраст, религию, привычки и наклонности — но это была терпимость, привитая чисто английским воспитанием. Она чувствовала себя непринужденно в местных условиях, но оставалась все той же несколько ограниченной и чопорной английской леди Эдвардианской эпохи.

Зато она многое умела почувствовать не осмысляя, постигая сердцем, а не умом, благодаря чему ее книги понятны людям разных стран. Так, известно, что любительскую постановку «Десяти негрят» — истории мрачной и, как некоторым кажется, с шовинистическим названием — смогла осуществить группа узников Бухенвальда. Впоследствии единственный выживший из этой «труппы» рассказывал Агате, как это их поддержало. Писательница растрогалась, но, похоже, не очень удивилась.

В отличие от жены Макс как выдающийся ученый-историк и культуролог, к тому же космополитического происхождения, был настоящим, широко мыслящим гуманистом. Теперь, когда ему было слегка за сорок, его по-настоящему уважали в научных кругах за довоенную работу в Сирии, за скрупулезные описания результатов раскопок и поддержку молодых, а сам он чувствовал себя как рыба в воде среди академических интриг. Осенью 1947 года он по-

лучил кафедру археологии Ближнего и Среднего Востока в Институте археологии лондонского университета, где читал лекции и работал со студентами. Институт обещал помочь с финансированием экспедиций, и таким образом у Мэллоуэнов появилась возможность продолжить раскопки. Агата сразу начала обдумывать, как им вернуться на Средний Восток.

Количество английской валюты, вывозимой за границу, было строго ограничено, но Корк без особого труда выхлопотал для Агаты бизнес-разрешение, указав в документах, что она едет собирать материалы для новой книги. «Ибо в первую очередь, — объяснял он, — написанная Вами книга о Месопотамии принесет тысячи долларов в казну». Предусмотрительный Обер позвонил в «Кольерс», а также «Додду и Миду», которое подтвердило свой заказ на «Дом в Багдаде», как предварительно назвала Агата свою новую вещь.

Перед отъездом Мэллоуэнам предстояло два дела: переехать из дома на Крессуэл-Плейс, который они сдали внаем, в квартиру на Суон-корт, 48, недалеко от Кингс-роуд в Челси, а кроме того, Макс должен был выступить с лекцией. Сама Агата заканчивала подготовку сборника «Свидетель обвинения» и новый детективный роман «Кривой домишко». Было сделано последнее предупреждение Билли по поводу книги «К берегу удачи»: «Не помещайте никакого (!) изображения моего бедного Пуаро на обложке! Ограничьтесь штормом — или штилем на море, или каким-нибудь кораблем...»

Они провели в Багдаде почти пять месяцев, добываясь от властей разрешения на проведение раскопок там, где хотел Макс. Вначале они жили в отеле «Зия», а позже переехали в дом, который, как и большинство домов Кристи, стоял над рекой. Там Агата каждое утро сидела на балконе и читала «тысячи американских детективов... и ни одного собственного, за исключением очень забавно изданного «И не осталось никого» с кадрами из фильма. Довольно комично».

Тем временем Корк, Обер и финансовые консультанты Агаты ломали голову над окончательным разрешением налоговой проблемы. Рейнхеймер полагал, что урегулировал вопрос с американской стороны. Корк и адвокат ликовали — казалось, Агата наконец сможет воспользоваться своими деньгами и ее счета в США разморозят; но теперь появилась проблема с британской налоговой службой, которая, будучи не в курсе всех деталей этого дела, посчитала эти заработки недавними и неучтенными. «Это предполагает, — добавил Корк

мрачно, — всяческие пертурбации с учетом меняющихся ставок налога и колебаний валютного курса за весь этот период...» Проблемы Агаты и не могли разрешиться быстро — каждая страна требовала их решения согласно собственным законам. Шел бесконечный обмен письмами и телеграммами. «Мы все еще ни к чему не пришли», — написал Корк Агате в Багдад. По возвращении она обнаружила, что проблема все еще далека от решения. Ее настроение летом 1948 года было тревожным и почти отчаянным: «Прекрасно, сначала я вволю повеселилась, а теперь стану полным банкротом!!!» Корк опасался, что такая опасность и вправду существует. В конце сентября он писал Оберу:

«...Весьма вероятно, что миссис Мэллоуэн не удастся избежать банкротства. Едва ли она сможет заплатить налоги по доходу, появившемуся в зарубежной стране и который не может быть ей переведен из-за действий правительства этой страны, — но, видимо, так составлены наши законы.»

Он объяснял Диксону, адвокату, что эта неопределенность очень мешает ее работе: «За целых двенадцать месяцев она не написала ни строчки. В этом мало хорошего и для нас, поскольку она — наш самый выгодный клиент». Конечно, Корк немного сгустил краски, чтобы припугнуть Диксона и заставить его более решительно отстаивать интересы Агаты, но основания для беспокойства у него были: Агата и в самом деле за весь год не написала ни строчки, несмотря на то, что осенью они с Максом съездили в Париж, где она встретила со своим французским издателем. Даже письмо из Америки, сообщавшее, что ей присуждена «Золотая Гертруда» («что-то вроде «Оскара» в литературе») не стало толчком к написанию новой книги. К счастью, у ее британского издателя на 1948 год в портфеле было два детективных рассказа и «Роза и тис»; а у американского — сборник «Свидетель обвинения». «Розу и тис» встретили тепло, несмотря на раскрытие псевдонима «Мэри Уэстмакотт». Прежние работы Агаты тоже пользовались большим успехом. «Пингвин букс» хотело переиздать кое-что из старенького, и Корк был вынужден предоставить для рекламы подборку из прежних вещей на свое усмотрение. Обер отыскал несколько рукописей и убедил Розалинду дать ему на время «Убийство в Хейзмуре», хоть она и сопротивлялась: «Мама не велела выносить из дома американские рукописи».

Поступало все больше предложений по постановке произведений Агаты на сцене, радио и телевидении. Настой-

чивее всех добивался Агатиной благосклонности импресарио и актер, игравший Пуаро в радиосериалах. Теперь он собрался сделать телесериал. Агата не поддавалась на его уговоры, тогда он нажал на Обера, заставив его написать Корку пространное письмо о больших возможностях телевидения, о его популярности в Соединенных Штатах, дабы убедить миссис Мэллоуэн не жалеть материала для телевидения — ведь оно «свяжет между собой многие страны». Американский драматург Бен Хэйт очень хотел инсценировать «Убийство в «Восточном экспрессе», однако Корк твердо заявил Оберу, что Агата не оставляет мысли самой заняться этим романом и сделать из него пьесу. Фильм появился только в 1974 году. Агату больше прельщало предложение Барбары Той и Мэй Чарлз, владевших маленькой театральной компанией «Фарндейл», которой Берти Мейер во время войны помог поставить «Десять негритят». В конце 1948 года они попросили Агату инсценировать для них еще одну книгу — к удивлению Агаты, «Убийство в доме викария». «Секс и религия всегда хорошо идут», — объяснила свой выбор мисс Той. Пьеса была поставлена в 1949 году.

В новом году Агата снова начала плодотворно работать. В январе они с Максом уехали в Багдад и в начале февраля начали раскопки в выбранном загодя месте. Это был Нимруд. Ровно столетие назад здесь провел первые раскопки Лэйард. Место было чудесное — большой холм, покрытый ярко-зеленой травой и весенними цветами. Двумя милями к западу бежали быстрые воды Тигра; на север простирались холмы; к югу лежала плодородная равнина, а на востоке возвышались горы Ирана. Агата и Макс поселились в доме, который, как Агата написала Корку, был «лучше любого отеля», и вели «очень спокойную и счастливую жизнь». Им помогли доктор Махмуд аль-Амин из Багдадского университета и Роберт Гамилтон, геодезист и знаток античности. Вчетвером они жили в крыле большого кирпичного дома и наслаждались стряпней своего повара — «изысканными блюдами с приправой карри, кексами и превосходным майонезом». Настроившись на работу, Агата просит Корка найти ей приличную пишущую машинку, но раньше, чем тот договорился с Обером «прислать самую последнюю бесшумную модель «ремингтона» из Соединенных Штатов, она сама купила маленькую шведскую машинку — «аккуратненькую и очень легкую». *«Ничего определенного пока нет, но в моем стареющем мозгу начали появляться кое-какие мысли»,* — написала она Корку.

В основном мысли были про мисс Марпл. Предыдущим летом Агата вскользь упомянула Корку, что подумывает на эту тему, и он поддержал ее, считая, что вернуться к писательской работе помогут любимые героини (но только не «невыносимый Пуаро!»). «Коротко о Марпл», — черкнула Агата в записной книжке. А дальше кратко перечислила некоторые соображения: «Стакан с отравленной водой»; «Инфракрасный снимок» (одна из любимых ее идей после увлечения фотографией); «Криптограмма в письме»; «Случай за обедом. Сливки? Креветки?» и еще: «Выходной у горничной — никогда в понедельник»; «Яблочный соус»; «Ветчина? Шпинат?..». Сборник «Три слепых мышонка», изданный в 1950 году, показывает, что получилось из этих набросков.

Она также начала работу над полновесным детективным романом «Объявленное убийство». Некоторые детали его сюжета Агата начала обдумывать еще прошлой осенью, а кое-какую предварительную работу провела с помощью Севернов, соседей по Уоллингфорду. Однажды вечером она попросила миссис Северн и двух ее сыновей-подростков выйти на минутку из гостиной, переставила кое-что из мебели, а потом, пригласив их назад, спросила, какие изменения произошли в комнате. Об этом вспомнил Гай Северн, когда книга была опубликована.

Тем временем Корк занимался правами на книгу «Кривой домишко». Американская компания «Джон Балл» собиралась передавать ее по радио по частям, прежде чем в мае она выйдет в издательстве Коллинза. Однако в конце концов Обер сообщает Корку, что затея с радиоинсценировкой не удалась — «радиовещатели в этой стране стали ярыми поборниками морали». Департамент цензуры радиовещания не дал согласия на предполагаемое время трансляции — вечером в воскресенье, — поскольку «для добропорядочной Америки это слишком позднее время».

«Кривой домишко» был напечатан вскоре после того, как в мае 1949 года Агата и Макс вернулись в Англию. Сразу по приезде Агате пришлось вникать в инсценировку, сделанную Барбарой Той по мотивам «Убийства в доме викария». Некоторые изменения, внесенные мисс Той, Агате не понравились — она заметила Корку: «В целом это весьма неплохая работа, но слишком уж у нее получилось уютненько — дескать, давайте-ка сядем и насладимся детективчиком. Я никогда бы не подумала, что она возьмется за подобную книгу». Однако идею своеобразной дуэли между двумя главными героями в конце пьесы Агата одобрила.

С постановкой «Убийства в доме викария» решили поменять, поскольку Берти Мейер был занят организацией рекламного турне с «Десятью негритятами» по Германии. Летом наконец начались репетиции «Убийства», на которые пригласили Агату. Постановку осуществляла Айрин Хентчил. Премьера состоялась в октябре в Нортгемптоне. Барбара Той сама привезла туда Агату из Лондона и устроила в отеле — у писательницы отекли ноги, и ходить ей было очень тяжело. Пьеса имела успех. «Совсем неплохо, — сказала Агате Корк, — соберем больше тысячи двухсот за неделю». Агата торжествовала, хмелея без вина от уютной театральной атмосферы.

Была и другая радость: Розалинда снова выходила замуж. В октябре Макс с Агатой получили торопливо написанное письмо, что бракосочетание состоится через пару дней в Лондоне. Розалинда и ее будущий муж Энтони Хикс приедут поездом, но торжественного ленча не будет, поскольку им надо побыстрее вернуться в «Пливреч» накормить собак. Если Агата и Макс очень хотят, то могут приехать, но особой необходимости в этом нет. Агата очень веселилась, получив это престранное послание, — ей тоже нравился Энтони, с которым Розалинда познакомилась в Сомерсете. Он был человеком ученым, знавшим все на свете, изучавшим юриспруденцию и Восток, полным любопытства к окружающему миру и людям, он увлекался садоводством, религиями, необычными бабочками, редкими почтовыми марками; как и Агата, любил поспорить, умел развеселить свою будущую тещу и, как она, страстно мечтал путешествовать.

Агата воспряла духом. После запроса из Америки по поводу покупки прав на экранизацию опубликованного в 1933 году «Свидетеля обвинения» она сама решает его инсценировать. Правда, ее разочаровала вышедшая в августе телеверсия ее «Негритят», сделанная Би-би-си: «Слава богу, я не смотрела «Десять негритят» по телевизору! Но я слышала, что генерал Мак-Артур (после того, как его закололи!) встал и, засунув руки в карманы, пошел своей дорогой, совершенно не подозревая, что он «в кадре»...»

Теперь она следовала совету Корка, не принимая близко к сердцу финансовые вопросы. «Чудесное письмо от Рейнхеймера, — сказала она ему, — я ни слова в нем не поняла! Но надо думать, что-то о налогах». Между тем конца истории с налогами не предвиделось — пришло письмо из Сити, и стало ясно, что все пошло по новой, по-

скольку последней администрации все решения предыдущей были не указ. «Мы понимаем, — заканчивался этот перл бюрократического жанра, — что «Агата Кристи» — это литературный псевдоним, но окружное налоговое управление может пригласить в качестве ответчика супруга указанного лица». Тем временем, съев рождественский подарок Билли Коллинза — фазана, который «просто таял во рту, не то что продукты от нашего мясника», — Агата с Максом сбежали от всех передыг в Нимруд.

Глава 20

Раскапывая погребенное

В свои шестьдесят Агата оставалась по-прежнему энергичной и плодотворно работала; у нее был все такой же живой ум, хорошее здоровье, и за десять послевоенных лет она написала немало превосходных книг, неизменно имевших успех — ежегодно выходила по меньшей мере одна: иногда роман, иногда пьеса или сборник рассказов. Каждый год организовывалась экспедиция в Ирак. Обычно Мэллоуэны уезжали из Англии в декабре или январе, направляясь сначала в Багдад, потом в Нимруд, и возвращались в марте по окончании сезона раскопок. Простая здоровая жизнь в пустыне, как и возможность избежать промозглой английской зимы позволяли Агате хорошо чувствовать себя физически, а Макс, родные и близкие друзья поддерживали ее морально. И в Археологическом институте в Багдаде, и на раскопках Агате было легко, спокойно и уютно.

Вообще археология в чем-то сродни детективу. Работа археолога требует напряженного внимания, чтобы суметь правильно сложить черепки и осколки, и по ним, в свою очередь, воссоздать цепь событий, случившихся много лет, а то и веков тому назад. Археология сильно изменилась с тех пор, как Агата впервые с ней познакомилась в тридцатые годы. В ней работали уже не энтузиасты-любители, финансируемые из частных источников и зачастую пользующиеся непроверенными фактами и своими собственными методами, а профессионалы — ученые и сотрудники университетов и музеев, состоящие в национальных научных обществах. Деньги на проведение работ они получали от государства и общественных организаций; они не тащили все свои находки домой, а распределяли среди всех тех, кто их финансировал, включая страны, давшие разрешение

вести у себя раскопки. Теперешние археологи не ставили себе амбициозных задач в духе начала века, зато их технические возможности выросли; уже после Первой мировой войны появились специальные методики ведения раскопок, были выработаны стандарты протоколирования культурного слоя, оценки и каталогизации находок. Иными словами, археология на глазах Меллоуэнов из промысла старателей стремительно превращалась в строгую науку, а роль такого фактора, как удача, понемногу сходила на нет. При том что лишь незначительное число людей реально представляло себе библейские или античные древности, средства массовой информации, в особенности телевидение, сыграли большую роль в популяризации археологии, внимание к ней все возрастало, что, в свою очередь, вело к возрастанию денежных пожертвований от частных лиц. Но одновременно с новыми финансовыми возможностями исследовать прошлое появляются и новые помехи. Власти стран, где проводятся раскопки, это все более раздражает, хотя национализм и изоляционизм еще не достигли такой силы, чтобы вообще запретить исследования на своих территориях.

По темпераменту и поведению археологи, среди которых Макс и Агата работали в сороковые и шестидесятые годы, были во многом похожи на своих довоенных коллег, а то и на их викторианских предшественников. Люди, сплоченные общей профессией, но соперничающие друг с другом, разделенные принадлежностью к разным школам, фанатически одержимые идеей и при этом невероятно терпеливые, — это были «штучные» специалисты, которые работали маленькими группами. В одной экспедиции нужны были различные профессии: архитекторы и топографы, историки и культурологи, требовалось знать основы геологии и фотодела и к тому же уметь рисовать. В экспедициях Макса, всегда малочисленных и экономичных, каждый человек владел несколькими специальностями — и Агата наряду со всеми остальными. Например, фотографированием находок в основном занималась она; в 1951 году она попросила Корка достать с помощью Обера фотоаппарат новейшей модели со вспышкой. Она же очищала находки — в Нимруде это были осколки предметов из слоновой кости, — раскладывала их на полотнах и методично протирала их губкой, смоченной косметическим молочком, — ее собственное изобретение. Кроме того, она занималась кухней, проявляя немалую изобретательность; выдумывала какие-то немислимые эклеры с кремом из «молока буйволицы» или пряное шоко-

ладное суфле, от которого, по выражению одного из гостей, «то ли пьянеешь, то ли дуреешь, то ли все вместе». Если вдруг суфле не удавалось, повар, страшно огорчаясь, просил у нее прощения: «Извиняйте, мадам! Извиняйте меня!» По сравнению с другими экспедициями команда Мэллоуэнов жила, по выражению Макса, «как у Христа за пазухой» — из Англии к ним регулярно поступал сыр от Аллена Лейна и всеми любимая «Таймс», доставляемая в Мосул по предварительной договоренности вместе с авиапочтой. В Нимруде, как и везде, Мэллоуэны к обеду переодевались. В пустыне Агата так же тщательно следила за собой, как и дома: она носила там те же твид, шелк и кашемир; для торжественных случаев имелись платья от «Ворта», а на каждый день — недорогие, но нарядные и качественные вещи. Сохранилась замечательная фотография — Агата на фоне песчаного холма в шляпке, чулках и туфлях на шнуровке, с сумочкой в руке. Шляпу всегда приходилось повязывать шарфом, чтобы ее не унесло ветром. Тем не менее каждый раз, вернувшись в Лондон, Агата первым делом шла к парикмахеру, чтобы привести себя в порядок. Как и все участники раскопок, она спала в палатке, но у нее была отдельная комната в самом торце экспедиционного дома, где она работала и где ее никто не беспокоил, поскольку постоянно приезжавших посетителей интересовали не столько раскопки и археология, сколько возможность хоть мельком увидеть знаменитую писательницу; особенно старались финны и шведы, на родине которых Агата была необычайно популярна.

Британский археологический институт в Багдаде очень скоро сделался местом хранения бесчисленных предметов, которые Агата приобретала во время частых походов за покупками. В сопровождении приятельниц из британского дипломатического корпуса и Археологического института она посещала базары, покупая украшения, светильники, ткани и большое количество ковров и ковриков, нередко даже не зная, кому достанутся эти вещи. Иногда спутницы Агаты, приглашенные помочь купить подарки кому-то, находили их потом среди собственных вещей по дороге домой. Много покупок отправлялось в Лондон, много оставлялось в дар институту, поскольку Макс и Агата воспринимали его как свое детище и всячески опекали коллег, особенно молодых. Ежегодно в честь окончания сезона Макс устраивал обед, на который приглашались не только все члены экспедиции, но и сотрудники Британс-

кого археологического института в Персии и Ираке, и первый тост всегда поднимался за Макса и Агату.

Это и в самом деле была большая семья, и как бывает в семьях, одни уходили из нее, другие приходили, но оставался неизменный костяк — несколько человек работали в Нимруде каждый год, в их числе верный бригадир Хамуди и неутомимая Барбара Паркер, каждый год занимавшаяся организацией экспедиции и бравшая ответственность на себя за любую накладку. Агата по-матерински заботилась об участниках экспедиции: выслушивала, утешала, помогала советом молоденьким замужним женщинам — это их она поучала не таскаться во время беременности по пустыне за мужьями и ссылалась на свой собственный печальный опыт, — а отошавших молодых людей подкармливала шоколадными трюфелями. Макс, описывая участников экспедиций в «Воспоминаниях», приводит выдержки из стихотворных «Предостережений для археологов», в которых Агата увековечила каждого, и отрывки из «Нимрудских од», писавшихся членам экспедиций ко дню рождения (очень часто праздновавшихся в «Гринуэе»). Была также «Книга снов в Нимруде», которая появилась после того, как однажды за завтраком Макс отказался выслушивать, что приснилось Агате прошлой ночью.

«Дорогой профессор Мэллоуэн, — предуведомляло письмо, прикрепленное к титульному листу, — смею заметить, что у Вас какое-то не совсем правильное отношение к снам. Я думаю, что Вы слышали про знаменитую книгу снов Наполеона. Имею честь предложить Вашему вниманию «Книгу снов в Нимруде». Она содержит совершенно подлинные сны, любопытные сами по себе и интересные тем, что проливают свет на психологию сновидений. В будущем мы собираемся опубликовать это великолепное произведение и надеемся, что Вы примете в этом самое непосредственное участие... С совершенным почтением, храпением и лунным сиянием к Вам Ваша Дремота».

Команда Макса работала очень напряженно, и к началу 1951 года их труд начал приносить плоды. Были раскопаны и тщательно исследованы «Дворец Правителя» и «Сгоревший Дворец» в восточной части телья, а также некоторые строения в западном секторе, особенно северное и южное крыло северо-западного «Дворца Ашурнасирапала». Раскопки Лэйярда, проводившиеся столетие тому назад, в основном сосредоточивались вокруг административного крыла «Дворца», а Макс и его помощники начали исследовать жилые помещения, в результате чего на свет было извлечено мно-

жество превосходных изделий из слоновой кости, в числе которых фигурка буйвола, названная в «Воспоминаниях» Макса «дамской безделушкой», а также несколько изящных резных шкатулочек, содержавших косметические средства. Также удалось откопать погребение царевны, среди украшений которой была драгоценная подвеска, названная прессой «сокровищем Нимруда». В административном крыле «Дворца» также обнаружилось множество различных сокровищ, а еще архивы и самое главное — монумент, сооруженный Ашурнасирапалом в честь окончания строительства города: надпись гласила, что в честь одного события во дворце был устроен торжественный пир, куда пригласили около семи тысяч гостей и пиروвали десять дней напролет. Находки во внутреннем двореке позволяли отчетливо представить это грандиозное пиршество на открытом воздухе весной 879 г. до нашей эры.

В 1952 году Макс решает обследовать колодцы на территории дворца. Это было тяжелое и опасное дело. Но вопреки мрачному пророчеству одного американского эксперта, будто «каждый колодец забирает по крайней мере одну жизнь», всю работу удалось осуществить без единой потери. Во время раскопок Лэйарда колодцы были исследованы только до водоносного горизонта. Команда Макса заглянула ниже, успев обнаружить в первой шахте остатки текстов, фрагменты клинописи на покрытых воском дощечках и пластинках слоновой кости, прежде чем стенки колодца обрушились. При исследовании второго колодца Макс был более осторожным, что позволило ему извлечь оттуда и передать в Департамент древностей Ирака множество предметов. Однако главные находки ждали его в третьей шахте. Она была очень глубокой и расширялась книзу. На глубине семидесяти или восьмидесяти футов, стоя в зловонной воде, работая лопатами и днем, и ночью при свете лампы «молнии», они наконец вскрыли тайник с сокровищами: двумя головами из слоновой кости — одна необыкновенной красоты, другая уродливая (которую они потом окрестили «безобразной сестрой»), конской сбруей, украшенной изображением сфинкса, и статуэткой крылатого змея. Все эти предметы Макс впоследствии описал в книге «Нимруд и его древности», их можно увидеть в Британском музее, Метрополитен-музее в Нью-Йорке и в Иракском музее в Багдаде. Агата осторожно протирала находки мягкими полотенцами, понимая, что их почти трехтысячелетний возраст требует нежного обращения. Самой чудесной наход-

кой была пара тарелок, инкрустированных золотом, самоцветами и слоновой костью, одна из которых осталась в Багдаде, а вторая в мае была отправлена самолетом в Лондон. В «Воспоминаниях» Макс описал изображенную на ней свирепую сцену — человек, терзаемый львицей в зарослях тростника и лотоса, шевелящихся под ветром. Цветы сделаны из лазурита, а выющиеся волосы человека — из тончайше проработанной слоновой кости и золота. Британский музей напечатал специальную афишу с изображением этого сокровища; экземпляр ее висел в «Винтербруке» и по сей день находится в «Гринуэ».

К опасностям, подстерегающим археологов, порой добавлялась непогода, как случилось в полевой сезон 1953 года. *«Живем в постоянной сырости, похоже, это кончится ревматизмом, — написала Агата Корку, — просто какой-то кошмар!»* Начало сезона выдалось исключительно тяжелым: «Погода ужасная, дороги и мосты разрушены, в предгорьях снег, и каждое утро мы вынуждены разбивать лед в бочках с водой». Ждали технику, отправленную иракской нефтяной компанией для исследования второго колодца, но грузовик застрял в грязи: «Грязь и беспрерывные дожди. Мы натягиваем по несколько свитеров. Палатки дождя не пропускают, но в них все равно очень сыро, по ночам дрожим как осиновый лист, от сырости и воды мы скоро превратимся в рыб». Это были не самые подходящие условия для шестидесятитрехлетней женщины, но Агата не только сохраняла бодрость духа, но и поддерживала других. Она неусыпно следила за кухней, зная, как важна в таких ситуациях хорошая еда. «Я была бы счастлива привезти домой нашего очаровательного повара-перса, — написала Агата, — он готовит такое замечательное суфле из грецких орехов. Только что он рассуждал по поводу мяса: «Скажите мне, как только захотите индейку. Я нарежу. Сегодня или завтра. В любой день. Она обязана нести яйца, а если не несет — ее жарят и съедают».

Сезон 1955 года тоже начался угрожающе — сперва пыльные бури, потом грозы. Однако, когда пришла весна, установилась прекрасная погода и пустыня преобразилась, став похожей на зеленый ковер, усыпанный яркими цветами под высоким чистым небом.

Через семь лет после начала раскопок в Нимруде работа Макса по исследованию Дворца была закончена. Он начал обсуждать с Корком планы выпуска большой, хорошо иллюстрированной книги «Нимруд и его древности». Его экспедиция вполне окупилась за счет многочисленных нахо-

док, которые стремились заполучить в свои экспозиции многие музеи мира. Однако к этому времени политическая ситуация в Ираке резко меняется. Молодому королю Фейсалу (которому Агата подарила одну из своих книг, когда тот приехал на закладку фундамента нового музея в Багдаде) и его премьер-министру Нури-ас-Саиду начали угрожать националистически настроенные радикалы. Атмосфера накалялась, вокруг иностранцев сгущались тучи. Даже книги, присланные Корком на имя Агаты в Багдад, были задержаны таможеней. Увидев тщательно заколоченные посылочные ящики, таможенники сочли, что это коммунистическая пропаганда, а то и бомбы.

В марте 1955 года экспедиция наткнулась на следы еще одного дворца в крепости Шалмансер. Он был огромен — около двух сотен комнат на территории более двенадцати акров. Со всех сторон крепость защищали башни, стены и рвы, а с западной стороны находилось два больших телля. Бригада Макса начала исследовать восточную часть и, вскрыв самый высокий курган, обнаружила развалины тронного зала правителя Шалмансера с разрушившимися массивными стенами. Через несколько дней они откопали основание огромного трона, расписанного сценами побед правителя. В «Воспоминаниях» Макс описал другие находки, обнаруженные его неутомимой командой из двенадцати человек, включая Агату: чудесно выполненные фрески, пятицветный амулет с изображением правителя под крылатым диском и древа жизни, окруженного растениями и газелями, а также великолепные изделия из слоновой кости, некоторые «отливают при свете голубовато-серым», найденные вместе с тимпаном из слоновой кости с изображением крылатого сфинкса и крылатого змея в комнатах, предположительно принадлежавших правительнице и гарему. Несмотря на тревожную политическую обстановку, Мэллоуэны решили продолжить эти раскопки, на их завершение нужно было не менее трех лет.

За время десятилетней работы Макса и Агаты в Нимруде много забот прибавилось и Эдмунду Корку, который был теперь не просто литературным агентом Агаты и поверенным в ее финансовых и литературных делах, но и стал ближайшим другом и помощником. Каждую весну он в качестве доверенного лица то отлавливал нанимателя Крессуэл-Плейса, постоянно забывавшего заплатить за аренду, то занимался Агатиными счетами за газ, телефон, электричество, он же неизменно пересылал всю корреспонденцию в Британское консульство в Мосуле. *«...Однако я вынуждена всякий раз платить за Ваши письма, — написала однажды*

Корку Агата. — *Это не бог весть какие деньги, но если нас с поваром вдруг не будет на месте, здесь остается только мальчик-судомой, а у него никогда никаких денег нет. Без оплаты почтальон письмо не оставит! Так что пусть в дальнейшем письма оплачивает консульство.*

Корк присылал Агате корректуры («Зернышки в кармане» задержала таможня, решив, что это «сельскохозяйственная пропаганда») и книги: в 1953 году она попросила «последние французские романы, не очень тяжелые»; переченный заказов 1957 года включал среди прочего «Основы архитектуры» и «Жизнь Марии-Антуанетты». Время от времени были и другие поручения Корку: *«Может прийти посылка с ветчиной из Австралии. Лучше бы передать ее мисс Фишер, пусть съест или сохранит...»* или *«...и, пожалуйста, перешлите в Мосул нейлоновые чулки, на Вас моя единственная надежда, поскольку здесь мне ничего не подходит!».*

В 1958 году в Ираке произошла революция. Молодой король Фейсал, его дядя и премьер-министр были убиты. Мэллоуэны глубоко переживали это не только потому, что, подобно большинству людей на Западе, страшились международных последствий такого рода событий, но и потому, что в руках восставших оказались многие из тех, кого они знали и любили. Новый режим им лично не угрожал, но все равно пришло время уезжать. Изменился и сам Нимруд. Сюда хлынули толпы любителей легкой наживы и просто любопытных туристов. На раскопки Макса в последние три-четыре года тоже приезжало много зевак. Агата написала в книге «О последних днях в Нимруде»: «Прямо новомодный курорт. Сплошная вежливость и обходительность. Сплошная механизация. Парковка автомобилей — 50 филов¹. Куча приезжих, многие с детьми. И культура, и развлечение! За осмотр телля — четверть динара. Восхождение на зиккурат и осмотр окрестностей в подзорную трубу — 100 филов. Не пропустите Нимруд на Тигре:

Дайте пять десятков филов —
И на курдском языке
Клинописью Ваше имя
Выведут на черепке.
А за сорок всем туристам
Мы покажем миссис Кристи.
Сняться с нею можно тоже —
Но значительно дороже!

¹ Один иракский динар равен 1000 филам

Телль утратил былую красоту: взрытый бульдозерами, он лишился своей первозданной чистоты и простоты, зеленой травы и ярких весенних цветов. Последние «детские стишки» о Нимруде были совсем невеселыми:

Хлещет ливень — тише, дети!
Буря с крыши рвет заплатки.
Если разойдется ветер —
Унесет к чертям палатки!

В начале 1960 года Макс и Агата навсегда покинули Нимруд. Лишь соломенная шляпка знаменитой писательницы до сих пор хранится в Британском археологическом институте.

Глава 21

«Реквизит фокусника»

Жизнь пожилого человека редко подвержена бурным переменам. Агата по-прежнему радушно принимает новых друзей, радуется новым пьесам, фильмам и книгам, обсуждает новые идеи и посещает новые места, но ее вкусы и привычки остаются прежними. С годами ее природный консерватизм даже усиливался. Детективы, написанные ею в пятидесятые годы и имевшие успех, отличаются от тех, что написаны в тридцатые и сороковые, только фактически — упоминанием новых исторических реалий и технических новинок. Сюжеты их оставались вневременными, а героями по-прежнему были типичные англичане первого послевоенного десятилетия с их набором привычек и психологическим складом. Естественно, кое-что менялось, но настолько медленно, что на фоне стремительного появления все новых книг Кристи уловить перемены не представлялось возможным. Писательница с успехом использовала проверенную десятилетиями связку приемов — остроумный сюжет плюс узнаваемый персонаж — и не считала необходимым изобрести «что-нибудь новенькое».

Ошибутся те, кто станет искать в ее книгах новых подходов и стилистических изысков. Агата сознавала пределы своих возможностей и не пыталась их превзойти. Не страдая особыми амбициями, она занималась своими книгами между другими, не менее важными для нее делами — садом, кухней, прогулками, помощью Максусу и без всякого сожаления могла бросить неоконченную главу ради беседы с дру-

зьями или пикника. Она никогда не заводила разговоров о своих детективах, и друзья знали, что эту тему лучше с ней не обсуждать. Тут она была сама себе хозяйка — понимала, чего хотят от нее читатели, знала, как удовлетворить эти желания, и само сознание этого приносило ей удовольствие.

Сюжеты у нее рождались сами собой, но написание книг она считала тяжелым трудом («поденщиной», по ее собственным словам). И оттого, что ее техника почти не менялась, а стиль оставался незамысловатым, работа над каждой последующей книгой легче не становилась. Агата, разумеется, достигла определенного мастерства, но оно, как известно, легко утрачивается без постоянной практики. И Агата трудилась день за днем.

Эксперименты пожилую писательницу совершенно не привлекали — по собственному признанию, она была трусихой и не любила рисковать. Даже в гости или в театр старалась ходить с кем-то «за компанию», а с большей охотой вообще оставалась дома. Научившись с детства проводить время самостоятельно, Агата и постарев осталась задумчивой и несуетливой, притом что энергии ей было не занимать. В свои шестьдесят с лишком она много гуляла, занималась садом, водила автомобиль, с энтузиазмом участвовала в различных играх; хотя на теннисном корте она двигалась уже без прежнего проворства, но удар у нее был так же точен, как и раньше, а душа — такая же отзывчивая и непосредственная. Агата никогда не злилась и не жаловалась, ее, как и прежде, заботили взаимоотношения взрослых, детей и животных, волновала красота и тревожили страдания окружающего мира. Она казалась спокойной и невозмутимой, но нервное напряжение время от времени давало себя знать — и тогда на ногах, руках и голове в очередной раз появлялась экзема.

Ее воображение работало непрерывно. Ночью рождались замыслы, а днем уже воплощались во все новые сюжеты и персонажи. Так появлялась книга за книгой, менялись темы и сюжеты, но техника оставалась прежней, стиль неизменным, разве что диалоги стали чуть живее. Книги имели устойчивый спрос, но писание их постепенно превращалось в рутину. Именно в это время Агату все больше влечет театр. К концу десятилетия вполне раскрывается ее дар драматурга.

Еще в начале 1950 года перед отъездом в Нимруд она вручила Корку машинописный текст законченной в «Григнузе» предыдущим летом книги под названием «Багдадская

встреча». Это было выполнение обязательства перед британскими властями, взятого ею во время их первого послевоенного выезда с Максом в Ирак. Она выполнила свое обещание; из-под ее пера появился триллер, события которого происходят в тех местах, где побывала Агата, включая отель «Зия» и ее собственный дом на Каррадет-Мариам, 17. Пригодилось также четвертое издание путеводителя Брентано «Багдад: как увидеть его». Что-то общее было у одного из персонажей, сэра Руперта Крофтона Ли — «вьющиеся седые волосы и бронзовая от загара мускулистая шея», — с коллегой Макса, археологом Мортимером Уилером. Корку и Оберу книга понравилась, Обер даже считал ее лучшей из всего написанного Агатой за последнее время, хотя его немного смущало «не очень естественное» окончание.

Зато редактор Коллинза был прямолинеен и резок: «...Трудно поверить, что миссис Кристи может всерьез говорить об этой вещи... Сюжет неправдоподобен, а большинство ситуаций неестественные и надуманные». Однако и он вынужден был отметить, что книга «необыкновенно легко читается». Это характерно для всех произведений Агаты. Читатель, увлеченный с первой же страницы, не может оторваться до самого конца книги, не замечая ни неправдоподобности сюжета, ни надуманности ситуации, ни даже банальности стиля. Агата, воспринимавшая свою книгу вполне серьезно, требовала опубликовать ее как можно быстрее, поскольку политическая ситуация на Среднем Востоке стремительно менялась и история устаревала на глазах. Коллинз пообещал опубликовать ее в начале 1951 года, а американские издатели «Додд и Мид» — немного позже.

Тогда, в 1950 году, Агата приехала в Багдад сильно простуженная. Две недели она болела, «лежала в постели и стонала». *«Но во время этих стонов и охов мне пришли в голову блестящие идеи»*, — написала она Корку. Приехав в Нимруд, она сразу же была очарована чудесной погодой и сокровищами, обнаруженными во «Дворце Правителя», и с энтузиазмом принялась за работу. Очень скоро были набросаны черновики, из которых впоследствии получилась книга «Миссис Макгинти с жизнью рассталась». Она также использовала куски неопубликованной книги про мисс Марпл, написанной во время войны. *«Мне кажется, это будет хорошее начало»*, — написала она Корку. — *Я решила, что там много интересных эпизодов. Изменила только политические аллюзии и кое-кого из персонажей, а также замечания, которые кажутся отзвуком прошлого. Все происходя-*

щее должно переместиться в наше теперешнее время, поэтому важное значение имеют разные мелочи (например, обильная еда). Кроме того, сейчас появилось много модных словечек и фраз, без которых книга кажется устаревшей. Но, перечитав ее, я решила, что она весьма неплоха. Не думаю, что с тех пор я стала писать хуже».

Тогда же Агата решает снова вернуться к драматической версии «Часа zero», которой Ли Шуберт остался в конце войны недоволен. Ей самой пьеса тоже не очень нравилась, она написала Корку:

«Это совершенно непохоже на «Час zero»! Большинство моих книг я бы назвала «беззаботными триллерами» (как «Десять негрятят»), и, если Вы хотите такую же легкую пьесу, инсценируйте одну из них. Но не касайтесь книг, атмосфера которых не годится для сцены, а то может получиться совсем другая история. Честно говоря, «Час zero» я никогда не считала подходящим материалом для пьесы... Если угодно веселья и юмора, обратитесь к какому-нибудь другому из пятидесяти моих детищ!»

В заключение она спрашивает: *«Может, лучше вообще отказаться от этой затеи? Как Вы считаете?»* В ответ Корк посоветовал Агате подождать.

В своих письмах на Средний Восток он подробно информировал писательницу об успехе ее пьесы «Убийство в доме викария» и прислал ей сигнальный экземпляр романа «Объявленное убийство» («...надеюсь, обложка понравится, — написал он, — ни единой глупой фигуры!»). Пьеса давала прекрасные сборы даже к концу января 1950 года. Продюсер Берти Мейер рассчитывал устроить из нее рекламное действо: гала-концерт «проводы знаменитой писательницы, уезжающей на Средний Восток на раскопки к своему знаменитому мужу», но Корк был настроен скептически, и Агата твердо отказалась от этой идеи. В начале февраля зрителей было уже меньше, как написал Корк, «наверно, из-за ужасно сырой погоды». Он договорился о публикации по частям романа «Объявленное убийство» в «Дейли экспресс», что тоже могло напомнить читателям, что пьеса «Убийство в доме викария» до сих пор идет на сцене. Однако в апреле пьеса, по словам Корка, «закончила свое существование на этих подмостках», но он уверял Агату, что «она еще долго будет радовать артистов и зрителей». Теперь он подбросил Агате новую идею — инсценировать «Лошину». Контракт с Берти Мейером был подписан, Корк решил, что пьеса должна «быть представлена к фестивалю в следующем году». (Открытие Британского фестиваля пред-

полагалось в мае 1951 года для, как говорится в тогдашнем анонсе, «поддержания в нации веры в будущее после тяжелых послевоенных лет».) «Я на самом деле очень рада, — заверила Агата Корка, — надеюсь, что все будет хорошо и пьеса получится (если не возникнет какое-нибудь «если» — не правда ли, слово «если» — хороший театральный термин?»).

Вернувшись в Англию, Агата напряженно работала, заканчивая два романа — «Миссис Макгинти...» и «Фокус с зеркалами» — и инсценировку «Лощины». Между тем «Додд и Мид» выпустило сборник ее ранних рассказов (включив в него рассказ о Клеме Куке, который Агата отправила Дороти Сойерс для опубликования в Америке под названием «Неудачник»). Осенью, перебирая старые бумаги, Агата наткнулась на свою пьесу «Уэстмакоттского» цикла, написанную в конце тридцатых годов, «Дочь есть дочь». В центре пьесы — еще молодая вдова, которая отказывается от поклонника и нового замужества, потому что этого не одобряет ее девятнадцатилетняя дочь. К этой теме Агата всегда испытывала явный интерес, ее занимал сам феномен материнской любви и жертвенности, исподволь посягающий на чужую свободу. Описанная ситуация, разумеется, не имела ничего общего с отношениями самой Агаты и Розалинды, однако те, кто близко знал Агату, считали, что прототипы героинь — старая подруга Агаты Нэн Уотс и ее дочь Джуди.

Точно неизвестно, когда была написана пьеса, хотя уже в январе 1940 года Корк сообщил, что ею заинтересовался Бэзил Дин. Теперь, больше десяти лет спустя Агата послала Корку другой вариант: «Так нормально?..» Тот отправил его Питеру Сондерсу, молодому импресарию, который перекупил у Мейера права на «Лощину» и чьим энтузиазмом и энергией восхищалась Агата. Сондерс вернул пьесу через несколько лет, в начале декабря 1959 года, предложив некоторые мелкие изменения, совершенно не касающиеся содержания пьесы и характера героев (например, заменить «пончики» на «тосты» и т. п.). Агата внесла исправления, и Сондерс разослал пьесу нескольким актрисам. К разочарованию Агаты, ни одна не горела желанием в ней сыграть. *«Я уверена, что она достаточно сентиментальна, чтобы иметь успех, — написала она Корку, — нужно только суметь привлечь к ней внимание».* В конце концов премьера состоялась. В афишах автором пьесы значилась Мэри Уэстмакотт. Ни для кого не являлось секретом подлинное имя автора, и театр был полон. Однако Сондерс не очень верил, что пьеса продержится на подмостках, и Агата это

поняла. Как выразился Сондерс, Агата «позволила себе забыть о пьесе». Но только как о пьесе, решив превратить «Дочь есть дочь» в роман, «не сказав никому ни слова» — заметил Корк Оберу на его вопрос, «когда же можно ждать чего-нибудь новенького от Мэри Уэстмакотт».

Лето выдалось ненастное. Агата жила в «Гринуэе», прекрасном в любую погоду, даже когда небо затянуто тучами и целыми днями льет дождь. В самом конце августа пришло известие о смерти Медж. Агата бросилась в «Эбни», а когда вернулась, почувствовала, что летний отдых закончился. *«Пожалуйста, пришлите мне бумаги для пишущей машинки, — просила она Корка, — понимаете, мне же нужно работать, а здесь ее нигде невозможно купить»*. Понемногу уходили люди ее поколения, но в «Гринуэе» по-прежнему былолюдно. В начале лета Розалинда и Энтони привозили Мэтью, приезжали коллеги Макса и студенты, частой гостьей бывала миссис Норт. Агата при всей своей любви к тихой и спокойной жизни всегда была готова составить компанию гостям, чтобы сходить на причал, или на пляж искупаться, или на пикник. До сих пор она была, как когда-то объяснила Макс, «собакой для прогулок».

15 сентября ей исполнилось шестьдесят. Корк предупредил Агату, что чествований не избежать, на что та согласилась при условии, что не будет «произносить никаких речей». Коллинз устроил праздничный прием по поводу ее шестидесятилетия и выхода шестидесятой книги — «Объявленное убийство». Агата не забыла их последнюю стычку. «Благодарю Вас за приглашение встретиться с Агатой Кристи, — ответила она на официальное приглашение. — Если Вы не против, я приведу с собой мою старую подругу Мэри Уэстмакотт». «Пингвин букс» по такому случаю выпустило отдельным изданием сборник произведений писательницы более чем двухмиллионным тиражом под общим названием «Миллион Кристи», а «Додд и Мид» совместно с «Эйвон паблишинг компани» приступило к репринтному изданию восьми самых популярных в Америке произведений Агаты, начиная с «Таинственного происшествия в «Стайлз».

Однако по-настоящему свой день рождения Агата отпраздновала в «Гринуэе». *«Слава богу, — пишет она Корку, — нам удалось временно нанять прекрасную кухарку. Как она готовит! Какое суфле! Хотя лил дождь, хорошая еда — это чудесно в любую погоду!»*

1951 год выдался удачным. Питер Сондерс поставил «Лощину», пригласив в качестве режиссера известного ко-

медийного актера Хьюберта Грегга, для которого спектакль явился первым шагом на новом поприще. Премьера состоялась в Кембридже в начале февраля. Агата волновалась, боясь, что Питер Сондерс сделает из ее вещи триллер. *«Мне это не нравится... Какая-то детективная реклама»*, — написала она Корку. Она беспокоилась и по поводу фотографий автора: *«Что за снимок? Я не хотела бы, чтобы брали мои фотографии, которых я не видела. Уберите их!»* Она не смогла приехать на премьеру, но из Ирака распорядилась по поводу «цветов для актрис. Что-нибудь экзотическое для Джоан де Казалис (которая играла леди Энкейлл) и, возможно, тюльпаны или что-нибудь еще для всех остальных». Она очень нервничала: *«О дорогой, я надеюсь, она будет иметь успех. Я думаю, постановка хорошая, актеры хорошо играют, я так хочу, чтобы она имела успех. Премьера в день святой Агаты, это хорошая примета. Ставлю свечку святой Агате»*.

Питер Сондерс телеграфировал Агате, что спектакль стал гвоздем сезона, а Корк подтвердил это в письме, добавив, однако, что на премьере он испугался, что «драма может вылиться в комедию» из-за того, что Джоан де Казалис «откровенно валяла дурака». На шестичасовом совещании после спектакля они с Сондерсом и Греггом все обсудили и приняли меры и уже на следующем спектакле «никаких неожиданных смешков в зале не было». *«Как жалко, что я не смогу его увидеть»*, — ответила Агата, — *я буду в Лондоне только в мае*. Сондерс, глубоко уважавший ее, регулярно посылал телеграммы и держал в курсе событий. Было довольно трудно найти подходящий театр в Вест-Энде, но в конце концов он договорился с театром «Форчун», где спектакль пошел в начале июня, потом несколько недель пьесу показывали в провинции, затем снова в «Форчуне» и в «Амбассадоре». Спектакль продержался в Лондоне в течение одиннадцати месяцев, так что Агата все же смогла его увидеть.

Сондерс был в фаворе у писательницы, а Берти Мейер оказался в немилости. Однако Корк сообщил, что Мейер хочет договориться с ними «по старой памяти», поскольку собирается поставить «Час зеро», если сумеет адаптировать. Мейер послал пьесу Джеральду Вернеру, тот внес несущественные изменения; о результате же Корк решил заметить: *«...мы думаем, это черт знает что»*. Агата тут же откликнулась: *«Я так и передам Берти Мейеру, чтобы отстал!»* Ничего толкового, в сущности, и не получилось — ни тогда, ни в последующие пять лет.

Теперь Агата целиком полагалась на Питера Сондерса. Он был человеком пронизательным и понимал, что ей нравится быть в курсе событий, когда дело касалось исправлений, он умел быть почтительным, а то и польстить. Но самое главное, он переживал за творения Агаты не меньше самого автора, считая ее пьесы пусть не блестящими, но очень занимательными. Кроме того, Питер Сондерс умел делать рекламу. Агата всегда расстраивалась, когда ее произведения недостаточно рекламировали в книжных магазинах; ей хотелось, чтобы рекламой занялись ее издатели и продюсеры, поскольку сама она чуралась всякой публичности. Так что она приветствовала усилия Сондерса и, переступив через отвращение к саморекламе, даже позволила вовлечь себя в это дело — то ли потому, что Сондерс сумел польстить ей, то ли потому, что в театральном мире все казалось каким-то мишурным и невсамделишным и оттого «нестрашным».

В начале 1951 года случилось печальное событие. Через месяц после приезда Агаты и Макса в Багдад они узнали от Филипа Мэллоуэна — младшего из двух братьев Макса, работавшего учителем в Суррее, — что свекровь Агаты в очень тяжелом состоянии и ей осталось жить не более двух недель. Последнее время ее здоровье было неважным, но когда Мэллоуэны уезжали из Англии, они считали, что у нее просто осложнение после бронхита («...если бы я знала, я бы не поехала», — написала Агата Корку). Сесил Мэллоуэн тоже был за границей. В действительности у Маргариты Мэллоуэн оказался рак. Ее поместили в частную лечебницу, но она просилась домой. Агата договорилась насчет сиделок, распорядилась, чтобы ей дважды в неделю приносили цветы. *«Я понимаю, что почти все время она будет дремать под действием болеутоляющих и успокаивающих препаратов, — написала она Корку, — но ведь она так любит цветы».* Агата также очень хотела, чтобы миссис Мэллоуэн получила сигнальный экземпляр книги «Багдадская встреча» и писала Корку: *«...Как только Вы получите, пожалуйста, отправьте сразу же ей, думаю, она будет очень рада. Дело не в том, станет ли она его читать, просто, когда я приезжала ее навестить, она каждый раз спрашивала об этой книге и добавляла: «Я не могу ждать, я хочу ее сейчас».* Однако прежде чем Маргариту перевезли домой, она тихо умерла. Для Макса это стало огромным потрясением. К счастью, в Нимруде у него было столько работы, что на горе почти не оставалось сил.

Оба они были настолько заняты той весной, что Агата с трудом выкроила время для книг, подготовив к печати две рукописи — «Миссис Макгинти с жизнью рассталась» и «Фокус с зеркалами». Хью Мэсси переслал корректуры в Нимруд с Робертом Гамильтоном. *«Я до сих пор благодарен, — написал Корк Агате, — что Вы все объяснили относительно этих рукописей»*. Дело в том, что «Миссис Макгинти с жизнью рассталась» — это название безобидной детской игры. В Америке она неизвестна, так что там название книги вызвало недоумение, но Коллинзу оно так понравилось, что он сравнил его с «глотком свежего воздуха». Потом возник спор по поводу обложки. По замыслу автора миссис Макгинти, пожилая женщина, должна умереть от удара острым предметом. *«Что-то вроде острого ножа или вот такого резака для сахара»*, — написала Агата Корку, и именно этот предмет она хотела видеть на обложке, сфотографировав свой собственный для образца.

К некоторым идеям в этой книге автор обращается впервые — непростые отношения матери и дочери, подозрение, падающее на невиновного, пока не находят настоящего преступника. Том Адамс, художник, изобразил на обложке большую синюю муху, злобно кружащуюся над тем, что можно принять за труп миссис Макгинти. Возможно, именно броская обложка заинтересовала «Журнал для женщин», собравшийся печатать книгу по частям, но они посчитали название не слишком подходящим и попросили изменить на более безобидное; Агата едко заметила Корку: *«Я считаю, что журналу вообще незачем брать такие вещи, если они даже названия боятся»*. Агата посвятила «Миссис Макгинти» Питеру Сондерсу — «в благодарность за доброту к авторам».

Вторая вещь, которую Агата передала Корку в 1951 году — «Фокус с зеркалами», — также затрагивает тему разрушительности материнской любви и гипертрофированного чувства ответственности за детей. Кроме того, писательница поднимает здесь еще одну проблему, интересовавшую ее всегда, — природа реального и иллюзии. Часть повествования связана с постановкой пьесы «Нил на закате солнца» воспитанниками заведения для малолетних преступников. Агата описывает не только смятение детей, запутавшихся между действительностью и вымыслом, но и взрослых, чьи мысли и цели кристально чисты. «Иллюзия на глазах зрителя», — заявляет один из персонажей, художник-декоратор. Его замечание явилось ключом, с помощью которого мисс Марпл раскрывает тайну «те-

атрального» преступления. «Место действия — сцена, — решает она, — значит, только картон, холст и подмости». Мисс Марпл видит, как возникает иллюзия: «Блеск золотых рыбок, ярды разноцветной ленты... исчезающие дамы... весь реквизит фокусника». «Фокус с зеркалами» довольно точно характеризует творческий метод самой Агаты — великой мастерицы зеркальных превращений, любительницы двойников-отражений и не последней фокусницы. К сожалению, в Америке название «Фокус с зеркалами» посчитали слишком непонятным и озаглавили книгу «Убийство с помощью зеркала», отчего потерялся его второй, метафорический смысл.

Привязанность Агаты к Питеру Сондерсу была отчасти вызвана родством душ двух иллюзионистов — замечательный театральный продюсер Сондерс мог привлечь внимание публики неожиданными рекламными трюками: то юбилеями, то специальными постановками, то выступлениями в прессе. Летом 1951 года он сделал блистательную работу, поставившую его имя в один ряд с именем Агаты Кристи. Дело в том, что в 1947 году в Америке прозвучала радиопостановка по ее рассказу «Три слепых мышонка», которая настолько понравилась, что писательница получила массу предложений от киностудий на покупку авторских прав, но не разрешила Корку даже вести об этом переговоры. Теперь же по сюжету рассказа она сделала пьесу, назвав ее, по предложению мужа Розалинды, Энтони, «Мышеловкой». Увидев текст, Сондерс пришел в восхищение и заявил, что если найдет театр, то осуществит постановку в 1952 году. Довольная Агата попросила Корка заодно снова попытаться пристроить старую пьесу — инсценировку «Тайны замка Чимниз», которую когда-то собирались поставить в «Амбассадоре», но так и не поставили. Однако Корк оставил просьбу без внимания, настаивая на появлении чего-нибудь в стиле Мэри Уэстмакотт. Агата пообещала, но, кроме пьесы «Дочь есть дочь», за этой подписью в течение двух лет ничего не появилось. Зато она принялась за собственную инсценировку «Свидетеля обвинения».

Лето и осень 1951 года были счастливыми. Продажа в Америке книги «Багдадская встреча» побила все рекорды, читатели журнала «Эллери куин мистери мэгэзин» назвали Кристи одной из «десяти величайших ныне живущих авторов детективов» или, как потом написали, «десяти величайших из ныне пишущих авторов детективов», чтобы исключить Дороти Сойерс, которая к этому времени ударилась в религию, а впоследствии увлеклась коммунистическими идеями. Про-

шло несколько месяцев, прежде чем Агате собрались выслать награду — маленькую деревянную пластинку с прикрепленным к ней старинным пистолетом, правда, американская почта отказалась принять его для пересылки, заявив, что он «теоретически может выстрелить». Тогда было решено выслать писательнице в качестве награды что-нибудь другое. «Кусок желтого муслина, — со смехом сказала она Корку, — надо сразу отослать его обратно и попросить заодно простегать им одеяло. Прямо руки чешутся им написать, что такого я от них не ждала; по-моему, такие награды могут вручать разве что в Советской России».

В 1952 году Мэллоуэны вернулись в Ирак, а месяц спустя пришло известие о смерти в Лондоне короля Георга VI. Агата и Макс приняли участие в церемонии в Багдаде, посвященной этому печальному событию, где «весь кабинет министров почтил присутствием британское посольство и расписался в книге памяти». Немного спустя Агата написала Корку:

«К несчастью, все мои костюмы светлые и довольно яркие, так что мне пришлось все эти дни проходить в старом черном платье, несмотря на жару.

...В этом году не было трудностей с покупкой пишущей машинки. ...Похоже, что нынче в Багдаде их навалом, я купила портативную «ройял», которая мне очень нравится, и надеюсь, поможет в моем писательском ремесле».

Однако той весной она написала совсем мало — только сделала новую концовку для романа «Дочь есть дочь» (по ее выражению, «менее сентиментальную»).

Исследование колодцев Нимруда было не единственным ее занятием — продолжалась нескончаемая переписка с Корком по поводу ее домашних дел. Перед отъездом Агата наняла женщину присматривать за садовником и двумя парнями, занимавшимися огородом в «Гринуэе». Та, не успев занять свой пост, начала бомбардировать Хью Мэсси письмами, в которых ультимативно требовала необходимую литературу о ценах на тепличные овощи и тому подобное. «...Мне эта дама кажется довольно усердной», — деликатно написал о ней Корк Агате в Ирак. Однако три недели спустя его срочно вызвали домой из южной Франции, где тот отдыхал. Домоправительница, угнетенная своими неудачами с огородом и, как выяснилось позже, неудачной игрой на скачках, пыталась покончить с собой; полиция сообщила об этом Розалинде и Энтони. После неудачной попытки самоубийства «усердная

дама» вместе с дворецким решила эмигрировать в Австралию. Розалинда и Энтони занялись поисками нового управляющего и садовника («желательно семейного человека»), а Корк — огромным количеством счетов. Главным же затруднением стал, по его словам, «огород для выращивания овощей на продажу». Это было его первое и единственное посещение «Гринуэя» (по совету Мэсси он всегда сохранял дистанцию между собой и авторами), и он был потрясен его размерами и расходами. *«Свежесть и качество овощей, разумеется, восхитительны, — уверил он Агату, — но сама затея слишком дорогая, расходы по осуществлению Вашего замысла вряд ли смогут окупиться...»* Дело в том, что изначально хозяйство Агаты было ориентировано не на рынок, а на удовлетворение прихотей самой хозяйки. *«Но персики уродились редкостные, они просто восхитительны и очень бы Вам понравились...»* — продолжает Корк. Однако из всего урожая продать удалось только шампиньоны. Героическими усилиями Розалинды, Энтони и Корка огород, однако, был спасен: наняли нового управляющего; мистер Хейвен, новый бухгалтер, занялся денежными проблемами «Гринуэя»; и в конце 1952 года Агата сказала Корку: «Огород выглядит прекрасно, там все чудесно растет, особенно салат. И выглядит все так, как полагается».

В Нимруде в 1952 году Агата написала мало, но вернулась домой полная планов, правда, касающихся пьес, а не романов. Она сочинила небольшую радиопьесу для Би-биси под названием «Вас к телефону!» — о женщине, которая то ли сама бросается под поезд, то ли толкает туда своего мужа. Продюсер назвал пьесу «первоклассной» и «использовал для нее всевозможные технические и звуковые эффекты». Тем временем Питер Сондерс уговорил известных актеров Ричарда Аттенборо и его жену Шейлу Сим взять роли в «Мышеловке», которую он собирался поставить к октябрю в Ноттингеме, а в декабре, к Рождеству, привезти в Вест-Энд. Читки начались в августе, а в сентябре Сондерс пригласил режиссера Питера Коутса. Берти Мейер все еще разбирался с «Часом зеро» («Собственно говоря, я никогда не воспринимала эту пьесу как свое детище», — пожаловалась Агата Корку), а Ли Шуберт хотя и «поднял много шума» (по выражению Корка) вокруг «Лощины» в Америке, но ровным счетом ничего не сделал для ее постановки там. Однако она продолжала с успехом идти в Лондоне, несмотря на то, что траур после смерти короля серьезно сказался на посещаемости театров.

Премьера «Мышеловки» состоялась в Ноттингеме в октябре 1952 года. Хотя постановка нуждалась в некоторой доработке, Питер Сондерс был счастлив и «ужасно взволнован». Посетившая премьеру Агата выразилась в том смысле, что «пьеска вышла неплохая», и предрекла, что она продержится не меньше шести месяцев. Все разговоры о том, будто пьесу встретили холодно и будто Агата на премьере заплакала, заявив, что это сплошное несчастье, ни на чем не основаны. «Мышеловка» не понравилась одной-единственной газете, «Санди диспетч», остальные критики были в восторге. Первые три месяца зал был полон, и, к удивлению Сондерса, билеты продолжали раскупаться. Агата тоже была изумлена и время от времени появлялась в театре на репетициях, чтобы подкорректировать некоторые сцены.

Успех «Мышеловки» имел для Агаты особую важность. Уверенная в себе как в беллетристе, она осознала, что наконец вполне состоялась как драматург. Подобно прозаическим произведениям, ее пьесы сочетают в себе элементы драмы и комедии на фоне стремительного развития событий. Ее акты и сцены, как и главы в книгах, заканчивались на самых напряженных моментах действия, заставляя зрителей (как и читателей) нетерпеливо ждать продолжения и строить собственные догадки — что же дальше. Как и романы, ее пьесы требовали интеллектуального напряжения, но не пугали и не шокировали — насилие и жестокость лишь подразумевались, они происходили за кулисами. Теперь Агата узнала своего зрителя, как прежде — читателя, научилась сотрудничать и спорить с продюсерами — как раньше с издателями. Она оценивала составы исполнителей и декорации так же спокойно и невозмутимо, как названия и обложки книг, и крайне редко ошибалась.

Лето 1952 года тоже выдалось дождливым, особенно на юго-западе. Вынужденная сидеть дома в «Гринуэе», Агата, чтобы не терять даром времени, сделала наброски двух новых детективов — «После похорон» и «Зернышки в кармане». Первый был представлен к концу августа; а в ноябре Агата кратко ответила «Нет!!!» на планы Коллинза в отношении рекламы второго: ее планы закончить «Зернышки в кармане» к сентябрю, к своему дню рождения, провалились — она упала, сломала запястье и не смогла печатать на машинке. Корк достал ей диктофон, и, несмотря на свое отвращение ко всяким техническим приспособлениям, к октябрю она уже настолько освоилась с диктофоном, что смогла записать несколько глав.

«Зернышки в кармане» были отправлены Коллинзу в феврале 1953 года. Издателю вещь понравилась, особенно то, как обыгран детский стишок под названием «Да здравствует шесть пенсов». Эта строчка в свое время дала имя одному из рассказов, включенному в сборник «Тайна лорда Листердейла», опубликованный в 1934 году, и на этом же стихотворении строится «Тайна черных дроздов» (1940 год). Коллинз должен был выпустить «Зернышки в кармане» зимой, «Додд и Мид» — весной, «Дейли экспресс» собиралась печатать книгу по частям в Великобритании, а «Чикаго трибюн» — в Америке. Обера, правда, беспокоило, что автор придал образу убийцы ненужную привлекательность, но Корк не согласился: «Пэт особенно дорога мне». Между прочим, Розалинда, слухая летними вечерами, как Агата диктовала главу за главой, догадалась с самого начала, кто убийца. Авторские права на эту книгу были переданы Британскому археологическому институту в Ираке, а часть полученных денег пошла на поддержку издания книги Макса о Нимруде.

Коллинз был очень доволен — новые книги Агаты становились бестселлерами, их продажа в 1951—1952 годах удвоилась и даже утроилась по сравнению с 1948 годом, а ведь и тогда они расходились просто феноменально. Было решено позволить печатать ее книги в мягких обложках в издательстве «Фонтана» при условии громадного процентного гонорара. За время Агатиного пребывания за границей Коллинз договорился насчет покупки для нее нового автомобиля. Перед отъездом в Багдад в 1953 году Агата посмотрела некоторые модели машин и написала Корку: *«...новый «хамбер-империал» — именно то, что надо. В нем очень много места — чтобы перевозить книги Макса, цветы и овощи из Уоллингфорда; там могут уместиться семь-восемь человек — очень удобно, чтобы летом ездить на пикники. Я думаю, именно это нам и надо»*. Билли Коллинз советовал «ягуар» как более изысканную машину, «а по-моему, — ответила Агата, — удобство и вместительность куда важнее. Вы просто не представляете, сколько всякой всячины смогут перевезти на этой машине археологи!». Так что к возвращению Агаты был заказан черный семиместный «хамбер-империал». Коллинз не унимался и спрашивал Корка в письме: *«Не знаете ли Вы, может, миссис Мэллоуэн хочет в машине что-нибудь особенное — радиоприемник, например, или калорифер?..»*

Начало 1953 года Агата провела в Багдаде, «сидя на балконе и отдыхая от трудов». Тем не менее она закончила

сценическую версию «Свидетеля обвинения» и теперь дальнейшая работа предстояла Питеру Сондерсу. Агата объяснила ему, как она пишет пьесу: это как ехать на машине — знаешь пункт отправления и место назначения, но нужно выбрать один-единственный из всех существующих путей, чтобы туда добраться. Прочитав наброски Сондерса по «Свидетелю обвинения», она предложила весьма неожиданное «место назначения», очень его удивившее. Ее вариант развязки представлялся очень сложным для постановки — она хотела завершить пьесу в зале суда и предложила дать под занавес такой трюк, чтобы публика, по ее словам, «пооткрывала рты от изумления». Сондерс очень удивился, но согласился попробовать. Он придумал много «юридических шуток» и послал пьесу на просмотр актеру Лео Гинну и адвокату Хэмфри Тиллингу. Предполагалось даже сделать фильм — Чарлз Лоутон, сыгравший Пуаро в «Алиби» в 1928 году, мог бы сыграть роль королевского адвоката, который защищает подозреваемого в убийстве. Однако переговоры Сондерса о возможности постановки «Свидетеля обвинения» в Лондоне зависели от того, поставит ли наконец Берти Мейер «Час зеро», но с этим дело дальше разговоров не шло. *«Я уже съита по горло Берти, — написала Агата Корку. — Уже столько лет... Мои пьесы будет ставить Питер».* Не меньшее раздражение у Корка и Сондерса вызывали бесплодные попытки Ли Шуберта поставить «Лощину» в Америке. Сондерс рвался выкупить американские права, но цена была слишком высокой, и оставалось только ждать «Мышеловка» тем временем продолжала идти, хотя дела у театра обстояли неважно.

А Коллинза беспокоило отсутствие новых книг. На зиму 1953 года в портфеле еще были «Зернышки в кармане» (посвященные Брюсу Ингрему, впервые напечатавшему рассказы Агаты в «Скетче») и «После похорон», но на 1954 год не было ничего. Он умолял о новом романе, но из Нимруда Агата ничего не привезла и в августе весело сообщила ему: *«Я все еще не начала ничего нового, я понимаю, что надо что-то делать, но так не хочется! У Вас когда-нибудь было такое чувство?»* И в самом деле, лето было слишком приятное, чтобы работать. В это лето состоялась коронация Елизаветы II. Неутомимый Корк раздобыл дополнительные билеты для Агаты. Еще был Уимблдон (благодаря Билли Коллинзу), короткая поездка в Париж с Максом, вылазки в Дартмур и на побережье. «. Машина божественная, — писала Агата, — когда мы собрались на пикник, в нее влезло одиннадцать человек». Однажды, когда Макс вез Агату в

«Гринуэй» из Торки, в машине разбилось стекло, чудом не травмировав Агату. «Вы чуть не потеряли автора, — сказала она Корку. — Я подумала, что в меня стреляли».

Однако, когда у Агаты было настроение, она работала быстро и продуктивно. В сентябре 1953 года театральный агент спросил Питера Сондерса, не напишет ли она пьесу для его клиентки, актрисы Маргарет Локвуд, которая до сих пор появлялась на сцене Вест-Энда только в популярном «Питере Пэне». Агате представили мисс Локвуд на завтраке в «Мирабелл», и всего за месяц она создала «Паутину», в которой написала роли не только для самой Маргарет Локвуд и Уилфреда Гайда Уайта, но и для четырнадцатилетней дочери мисс Локвуд Джулии.

Из-за спешной работы над «Паутиной» у Агаты не было никакой возможности присутствовать на последних репетициях «Свидетеля обвинения» — впрочем, как тактично объяснил ей Корк, и необходимости тоже. Премьера «Свидетеля обвинения» состоялась 26 сентября в Ноттингеме. *«Это очень дорогой спектакль, — написал Корк Оберу, — и он был обречен на успех».* Расходы оказались большими из-за количества исполнителей (тридцать человек) и декораций, одна из них — точная копия Олд Бейли¹. В Лондоне первый показ спектакля состоялся 28 октября. Спектакль имел блестящий успех, Агата была счастлива. Она улыбалась и махала рукой, когда весь зал повернулся к ее ложе и аплодировал стоя; до конца жизни она вспоминала, как какая-то женщина сказала ей, поймав после спектакля у выхода: «Это лучшее, что вы написали!»

«Агата Кристи написала свою самую удачную пьесу, — сообщил Корк Оберу в середине ноября. — Хотя я не думаю, что она долго продержится на сцене». Двумя неделями позже он написал еще раз: *«...Она шла в худшее время года и в самом худшем театре Вест-Энда, но с таким успехом... Мы продаем права на нее по всей Европе на условиях, о которых раньше только слышали».* Ли Шуберт мог бы купить на нее права для Америки, но с ним не удавалось связаться. Поэтому Питер Сондерс вышел на Гильдию драматургов США и договорился, что в Америке постановкой «Свидетеля» займется Гилберт Миллер. В Лондоне пьеса выдержала 468 представлений. Начали приходить предложения из Голливуда — от студий «Юнайтед артистс», «Уорнер Бразерс» и «XX век Фокс». Это был полный триумф Агаты.

¹ Олд Бейли — Центральный уголовный суд в Лондоне

Рождество прошло весело. Был замечательный прием в Плимуте («ошеломляющее разнообразие еды», — написала Агата) и другой, в январе, в честь сценического успеха «Свидетеля». В начале февраля Агата пригласила сотню гостей в «Савой», в их числе Дороти Норт и Джеймс Уотс, Барбара Той, писательница Дороти Сойерс, Марджери Шарп, адвокат Хэмфри Тиллинг и брат Арчи, Кемпбелл Кристи с супругой Дороти — все ее друзья, коллеги и знакомые. *«Не могли бы Вы прислать приглашение билет, очень хочется посмотреть, как он выглядит»*, — радостно написала она Корку, который вместе с организатором банкетов занимался цветами, шампанским и прочим. Тогда же выходит из печати новый рассказ Агаты, «Убежище», гонорар за который она целиком пожертвовала в фонд реставрации Вестминстерского аббатства. Единственной трудностью, как всегда, было получить ту часть денег, которая была заплачена в Америке. *«Деньги для фонда спасения аббатства в этой стране не облагаются налогом, но настоятель не может сам подписать справку об освобождении от налога»*, — доверительно написал Корк Оберу. — *«Как бы нам это все устроить?»* Так или иначе, дело было все-таки улажено.

Коллинза все больше беспокоило отсутствие новой книги на 1954 год. Решили напечатать сборник рассказов, но дело застопорилось, потому что Агата не хотела, чтобы переиздавался рассказ «Три слепых мышонка», пока на сцене идет «Мышеловка». Она также чувствовала, что переиздание первоначального варианта «Свидетеля обвинения» может разочаровать читателей, поскольку версия 1948 года сильно отличалась от теперешней пьесы. Билли Коллинз не возражал и вместо этих рассказов опубликовал детектив под названием «Критская подделка», который наверняка должен был «понравиться Максусу».

Тем временем Агата работала над обещанным Корку триллером «Место назначения неизвестно». В Нимруде она его закончить не успела, а потом ее отвлек театр. В триллере повествуется о том, как международная группа ученых оказывается в плену у злоумышленника, одержимого идеей мирового господства, и об их бегстве из далекой и странной тюрьмы. История, которую один американский издатель назвал «абсурдной бессмыслицей», тем не менее имела большой успех и в Соединенных Штатах, и в Великобритании — возможно, не только благодаря динамичному сюжету и вечно популярной теме тайного заговора, но и потому, что затронутая в романе тема долга и отступничества ученого нео-

жиданно стала актуальной: в обществе еще не забыли процесс 1950 года по делу ученого-атомщика Клауса Фукса.

Агата привезла оконченный черновик этого романа из Ирака в мае, но тут ее снова закрутили театральные заботы. «Паутина» должна была пойти в сентябре в Ноттингеме, а в середине декабря — в театре «Савой» в Лондоне, а премьера «Свидетеля обвинения» намечалась на декабрь в Нью-Йорке. Агата была по горло сыта рекламной кампанией и умоляла Корка пощадить ее: *«Можете рассказывать им все, что хотите, можете что-нибудь выдумать. Я не могу больше видеть фотографов! Избавьте меня от них!»* Летом, когда ее попросили встретиться с журналистами в «Винтербруке», она твердо написала: *«Интервью — да, если Вы считаете нужным. Фотографии — нет! Посмотрите на бедного старого Аллена Лейна в «Санди таймс» за прошлую неделю — какой он там усталый, старенький, семидесятилетний! Я намерена направить им протест!»*.

Пьесу «Свидетель обвинения» Нью-Йорк встретил с восторгом. Около двух лет она шла на Бродвее, а нью-йоркские критики назвали ее лучшей зарубежной пьесой 1954 года. Между тем «Паутина» сразу же сделалась хитом в Великобритании и продержалась на сцене очень долго. Агата, как и все зрители, была в восхищении от Маргарет Локвуд в главной роли. Она играла Клариссу, немного эксцентричную, но находчивую и очаровательную жену дипломата, которая обнаружилла труп в собственной гостиной и пытается от него избавиться. Хотя главной героине досталось имя и импульсивный нрав матери Агаты, нельзя утверждать, что Клара явилась ее прямым прообразом. Скорее это сама Агата в юности с той разницей, что Кларисса в самом начале пьесы только фантазирует о трупе в библиотеке, а для Агаты подобные вещи давно стали частью профессии.

Глава 22

«Просто радоваться жизни»

Лето 1954 года стояло душное. *«Такое солнце, так много купаемся! Совсем нет времени работать»*, — написала Агата Корку. Благодаря новому садовнику, Фрэнку Левину, лауреату цветочной выставки в Бриксхеме, сад в «Гринуэе» преобразился, в нем появились экзотические фрукты — инжир, нектарины, персики, различные сорта винограда, а на огороде много новых овощей. Фрукты красиво сервировались

на больших десертных блюдах тетушки-бабули, а старший дворецкий Говлер тщательно следил за их расстановкой, чтобы напротив каждого из членов семьи стояла ваза с его любимыми фруктами, например, перед Агатой — инжир, перед Розалиндой — крыжовник. Кроме того, к столу доставлялась семга из Дарта, камбала и устрицы из Бриксхема. Меню молочных блюд миссис Говлер было совершенно изумительным, хотя Макс и Энтони, бесконечно, на взгляд Агаты, обсуждавшие вина, не разделяли ее пристрастия к жирным сливкам. Впрочем, изысканная пища подавалась не каждый день — Агата любила простую еду на свежем воздухе не меньше, чем праздничное угощение.

Энтони, Розалинда и Мэтью каждый год часть лета проводили в «Гринуэе». Агата радовалась, наблюдая, как подрастает внук. Он учился в Элстри, начальной школе в Беркшире, и иногда писательница ездил туда на машине, чтобы взять его на пикник. Она посылала ему каждую свою новую книжку, едва только она выйдет из печати. Макс пытался обучить Мэтью клинописи, а вместе с Агатой они привили ему любовь к крикету.

«Гринуэй» явился прототипом места действия новой Агагиной книги, написанной осенью в Уоллингфорде, — «Причуда мертвеца». В ней миссис Оливер зовет Пуаро на местный праздник, во время которого происходит убийство. В книге довольно точно описан «Гринуэй», его лодочный сарай, длинный травянистый склон, ведущий в дальний конец сада, и молодежное общежитие по соседству, на самой границе земли Агаты (иногда его неугомонные обитатели забирались в сад и даже заглядывали в окна — поглазеть на семью Мэллоуэнов, сидящих при «полном параде» за воскресным завтраком). Агату часто просили сдать сад для проведения какого-нибудь праздника, и почти всегда она соглашалась. С большим удовольствием она устраивала и «поиски сокровищ» для Мэтью и Джона с Питером (сыновей Сесила Мэллоуэна), приезжавших погостить. Все эти подробности вошли в повествование, которое начинается очень весело и безоблачно, а заканчивается мрачно.

В первые месяцы пребывания в Нимруде в 1955 году Агата сделала черновой вариант еще одного романа — «Хикори-дикори». Он стал последним, для названия которого она использовала детскую считалку, хотя в ее записной книжке было полно всевозможных записей: «Ты считала, я считала, в яму кисонька упала — убита старая горничная. Раз, два, три, четыре, пять — надо всех живьем поймать —

У миссис С. есть дочь от первого мужа (довольно скверная). Что в садике растет у Мэри? — Цветы на каждом трупе — фиалки, анютины глазки...». Некоторые из этих смутных соображений станут затравками для новых сюжетов. В «Хикори-дикори» действие происходит в студенческом пансионе, принадлежащем миссис Николетис. Описание Агаты настолько реалистично, что некий мистер Николетис после выхода книги написал, что Агата вывела в ней его мать и что та, дескать, даже помнит, как миссис Кристи гостила у нее в пансионе. *«Но я же выдумала это имя, — возмутилась Агата в письме к Корку. — Я уверена, что это нонсенс... Я никогда не жила ни в каком студенческом пансионе, даже во Франции! Когда мы там бывали с мамой, то всегда останавливались в отеле «Йена», а позже это был какой-нибудь отель недалеко от улицы Риволи или славный «Бристоль» (Агата всегда выбирала отели со всеми удобствами и с хорошей кухней). Вероятно, мистера Николетиса преследует мысль, что его мать — весьма неприятная особа. Это ужасно — выдумываешь плохих людей, а они, оказывается, существуют на самом деле — в этом есть что-то жуткое и сверхъестественное!»*

Авторские права на «Хикори-дикори» Агата передала своим племянникам — Джону и Питеру Мэллоуэнам и отметила завершение книги посещением базаров и покупкой шелкового гобелена и картин иракских художников, заметив при этом, что «это еще далеко не все». Макс тоже был счастлив, поскольку наконец пошли находки. *«Ящики заполняются крылатыми джиннами и дьяволами, довольно отвратительными, — написала Агата Корку, — а вчера обнаружилось нечто громадное из обломков слоновой кости и обгоревшего дерева».* Погода на раскопках, однако, стояла плохая, и в конце марта Агата так простудилась, что ее отвезли в больницу в Мосул. К Пасхе она поправилась, чтобы поддержать ее, Корк слал ей в больницу книги — одна ей очень понравилась (что-то о «доисторических» черепахах). *«Что за чудесная мистификация — все, от начала и до конца!»* — восторженно писала Агата.

Другой радостью стала телеграмма Корка о том, что королева намерена присутствовать на спектакле «Свидетель обвинения» в Виндзорском театре. Пьеса продолжала идти с большим успехом, и, когда Агата в мае 1955 года вернулась в Англию, Корк сообщил ей, что появилось много желающих получить сценические права на другие ее произведения. Все театральные начинания Агаты были успеш-

ными. Казалось, что Питер Сондерс сможет наконец забрать «Час зеро» у Берти Мейера, в то время как юридические споры на американские права на «Лошину» в связи со смертью Ли Шуберта были переданы в более высокие инстанции. Хотя «Мышеловка» начала сдавать позиции в феврале в связи с окончанием ангажемента Ричарда Аттенборо, Сондерс считал, что она худо-бедно должна продержаться до тысячного спектакля, — за всю историю британского театра столько представлений выдержало только четырнадцать пьес. Он распорядился отпечатать памятную бесплатную программку на шелке для каждого зрителя тысячного спектакля. Дело закрутилось. Сондерс послал Агате восторженное письмо обо всем, но оно затерялось на почте. *«Скажите ему, — написала Агата Корку, — пусть меньше занимается шелковыми программками, а получше полизет марку, приклеивая ее на конверт!»*

Сыпались письма от читателей и антрепренеров. Какое обращение Агата предпочитает — миссис или мисс Кристи? Миссис Кристи. Собирается ли она участвовать в выпуске книги о любимых блюдах знаменитых людей? Нет. Не могла бы Би-би-си снять «Гринуэй» для телевидения? Нет. Будет ли она принимать участие в программе Би-би-си под названием «Откровенно говоря»? Может быть. Одно время Би-би-си в самом деле надеялась снять передачу про Агату. В 1953 году они пригласили ее принять участие в новой программе, «Панорама» — «просто посидеть в кресле и ответить на несколько вежливых вопросов». Корк сказал продюсеру: «Боюсь, миссис Кристи не согласится появиться на телевидении ни при каких обстоятельствах. Как я вам уже говорил, она очень застенчива и ненавидит всякую публичность, так что вряд ли что-нибудь получится». Тем не менее, в феврале 1955 года Би-би-си выпустила передачу, подготовленную Гэлом Педриком, под названием «Крупным планом» с участием некоторых друзей и коллег писательницы. Агата осталась недовольна.

Ее отношения с Би-би-си складывались по-разному. Она не жаловала телевидение, но с удовольствием работала для радио, особенно с продюсером Мартином Уэбстером. В конце 1955 года он выпустил пьесу, которую она написала с оглядкой на один из любимых эпизодов Библии, — «Молоко в богатой чаше». Это жуткая, длящаяся целый час драма об истории сэра Люка Эндбери — знаменитого королевского адвоката. Как выяснилось, сэр Люк убедил суд приговорить к повешению невинного. Судьба ему

страшно отомстила — его убили, вбив гвоздь ему в лоб (как в библейской истории Иаиль убила Сисара, поднеся ему «молоко в богатой чаше», а затем вбив ему в лоб кол от шатра¹). К счастью, Агата сотрудничала только с радио, и увидеть все эти ужасы было невозможно.

В сентябре 1955 года Агата и Макс отпраздновали серебряную свадьбу. По такому поводу Билли Коллинз нанес визит (первый!) в «Гринуэй». *«Не забудьте о черном галстуке для приема и костюме для купания — вода еще очень теплая»*, — написала ему Агата. Корт не смог приехать, но прислал серебряный подсвечник. *«Хорошо хоть не топор, чтобы срубить нам головы»*, — заметила Агата. К концу праздника возникли кое-какие проблемы: *«У некоторых гостей заболели животы, и мы спасали их домашними средствами. Они объелись икрой!!!»* Агата также могла отпраздновать тот факт, что она перевыполнила свои обязательства. К 1956 году был готов не только «Каприз мертвеца», с весны 1955 года она работала над «кое-чем новеньким из Мэри Уэстмакотт». «Я перепробовала много имен, — сказала она Корку. — Я ведь не могу начать писать до тех пор, пока не подберу всем имена». Это был роман «Время любви». Для начала Агата определила тему: «Две сестры. Старшая — любящая, одержимая мыслью, что младшая должна быть счастлива». И добавила испанскую половицу, которую любила повторять: «Возьми все, что ты хочешь, но только заплати за это», — сказал Господь». Работая осенью в «Винтербруке» над романом, она развила эту метафору: «Иногда тебе нечем заплатить. Тогда это приходится делать кому-то другому».

С самого начала Агата четко определила одну из основных идей романа — странная связь между отдельными жизнями, пересечение жизненных путей и перекличка судеб. Вначале она не могла определиться с названием — «Двойная дверь», «Перекрестная ссылка», «Угол падения» или «Точка преткновения». Постепенно сформировался сюжет, чем-то напоминающий «Неоконченный портрет». Как и в «Портрете», в «Бремени» много автобиографического. Маленькую девочку Хейзл отправляют жить к тетке (как Клару когда-то отправили к Маргарет). «Колдунья Хейзл» верит (тоже подобно Кларе), что она ясновидящая. Хотя Агата

¹ Имеется в виду эпизод, описанный в библейской Книге судей Израильских. Ханаанский военачальник Сисара, разбитый израильтянами, спрятался в шатре израильтянки Иаили, и та его убила, когда он уснул. (Суд., гл. 4).

не доводит это повествование до развязки, вокруг него выстраивается рассказ о странствующем проповеднике, искавшем Бога, а нашедшем славу, история которого — эхо и отзвук истории старшей и младшей сестры. «Какая радость человеку приобрести весь мир, но растратить собственную душу?» — напишет Агата в своих записях, озаглавленных «Общие проекты 1955 года».

Перед отъездом в Нимруд в начале 1956 года Агата оставила Корку рукопись романа «Бремя любви», а из Багдада написала: *«Мой социальный статус здесь очень повысился, приглашают на эксклюзивные приемы с послами и министрами, а иракская «Таймс» присвоила мне звание Кавалерственной Дамы!!»* Устроившись в Нимруде, Агата закончила очередной детектив, над которым начала работать осенью. В нем развивается образ, часто приходивший ей на ум — так, мы встречаем его в набросках к предыдущему роману «Бремя любви», — два поезда, пролетающих мимо друг друга. Из записи многолетней давности: «мужчина видит в поезде задуманную девушку», вырастает детективная загадка для мисс Марпл: «Поезд. Идет из Лондона. Читают, проходят по коридору. Так... что же случилось? Мужчина душил женщину. Ее труп выброшен на насыпь или в поле. Или туннель? Если туннель, то как далеко от Лондона?..» Агата с жаром принимается за работу.

Название нового детектива менялось несколько раз. Сначала было «В 4.15 из Паддингтона», потом «В 4.30», потом «В 4.50», а когда в марте 1956 года она послала черновик Корку, он был озаглавлен «В 4.54». Расписание поездов она обсуждала в Нимруде с топографом Питером Хьюленом — именно он посоветовал ей поставить 4.54, считая именно это время наиболее точным. Агата, продолжая сомневаться, написала Корку: *«...Но ведь люди могут возмутиться и заявить, что поезд в это время отправляется куда-нибудь совсем в другое место...»*. Коллинз надеялся, что до такой бестактности дело не дойдет, а «Додд и Мид» заверили, что американские читатели не станут вдаваться в подробности английского железнодорожного расписания. Досадуя, Агата предложила Корку назвать книгу «В 4.54 из Лондона», добавив, что если найдется еще один мистер Николетис, то *«возможно, лучше будет придумать несуществующий вокзал под названием, например, «Паддерлоо», иначе снова могут возникнуть неприятности...»*. В конце концов остановились на «В 4.50 из Паддингтона». За этими обсуждениями и всеми переживаниями Агата упустила

из виду возраст-мисс Марпл — теперь ей выходило лет девяносто. Спыхватившись, она внесла исправления, и книга была готова. *«Какое удовольствие чувствовать, что наконец-то я что-то написала!»* — призналась Корку Агата. — *«Вам осталось только прочесть».*

Следующей в ее плане стояло путешествие в Америку вместе с Максом, которому была присуждена золотая медаль университета Пенсильвании. Они собирались поехать в мае на две недели. Корт и Обер заверили власти, что Агата, заплатившая Америке не одну тысячу долларов налога, не собирается жить там за счет налогоплательщиков, а сама она в это время изучала американские железнодорожные схемы («я просто в ужас прихожу от мысли, что все время придется летать самолетом») и выбирала спокойные отели. «Все обойдется очень дорого, — призналась она, — но я хочу путешествовать с комфортом, потому что я его честно заработала, тем более в моем возрасте это действительно нужно». Она собиралась поехать поездом в Лос-Анджелес, где такие звезды кино, как Чарлз Лоутон, Тайрон Пауэр и Марлен Дитрих снимались в голливудском «Свидетеле обвинения», но Обер и Корт попытались отговорить ее от «этой безумной идеи шляться по Голливуду», и Агата пообещала им изменить планы. Корт наказал Оберу выполнять все пожелания Агаты во время ее пребывания в Нью-Йорке, но она дала понять, что «герой» в этом случае Макс, а она отправляется в Америку как «простая миссис Мэллоуэн».

В тот год Агате и Максиму пришлось вернуться из Нимруда раньше обычного. Позвонив Корку (она называла это «последним допингом»), приведя в порядок волосы и ногти («чтобы не прилететь в Нью-Йорк дикарями»), они отправились в Америку, по выражению Агаты, «совершили прыжок через океан». После презентации Агата и Макс провели три чудесных дня на Гранд-Каньоне: «Это просто дикий восторг! Никогда в жизни такого не видела! Хочется смотреть и смотреть не отрываясь!» После этого они все-таки поехали в Лос-Анджелес; оттуда Агата прислала свои фотографии Дороти Олдинг, коллеге Обера, и написала: *«...so «Свидетелем обвинения» все идет хорошо. Мы околдованы ею»* (имелась в виду Марлен Дитрих). Дороти доложила, что Агата восхищена Америкой, как и в первый свой приезд в двадцатые годы.

Но ждал «Гринуэй», ждала работа. «Никаких интервью, никаких статей, никаких обозрений, — заявила Агата Корку. — Вся моя энергия и время пойдут на написание очеред-

ной книги». Однако, прежде чем засесть за книгу, ей пришлось столкнуться с «суровым испытанием». Питер Сондерс организовал большой прием по поводу того, что 13 сентября должен был состояться уже 1998-й спектакль ее «Мышеловки», которая поставила рекорд долгожительства на британской сцене. Были выпущены специальные программки с портретом Агаты на обложке (с ее разрешения и одобрения). «Я совершенно издергалась, — доверительно сказала она Корку. — Будет ли это весело? Очень сомневаюсь!»

Наконец суета осталась позади — Агата наслаждалась покоем в любимом «Гринуэе» и в конце осени работала над новым сюжетом, подсказанным Стеллой Кервен, ее секретарем и помощницей. Стелла обратила внимание Агаты на историю одного исследователя Антарктики, недавно появившуюся в газетах, — тот внезапно вернулся домой после нескольких месяцев отсутствия, в течение которых о нем не было никаких известий. Агата подумала, а в октябре послала Корку записку:

«Я хочу узнать у кого-нибудь из наших адвокатов, что может произойти в таком вот случае. Молодой герой А. обвиняется в убийстве своей мачехи — будто бы он нанес ей удар по голове. Его судят, признают виновным и приговаривают к пожизненному заключению. У него имеется единственное алиби: в момент убийства он находился с неким лицом В. (иностранцем). Однако В. не смогли найти, а на суде все это сильно смахивало на выдумку. А если В. появляется и оправдывает А., а тот умер в тюрьме? Какова позиция юристов в таком деле? Будут ли предприняты какие-то шаги? Вернется ли полиция к этому делу? У А. осталась семья, жена, сестры и т. д. Быстрее ответьте, пожалуйста, это поможет мне сразу приступить к работе».

Это и стало сюжетом книги «Испытание невиновностью», исследованием еще одной темы, волновавшей Агату, — зла, которое несет преступник не только жертве, но и невинным людям: на них падает подозрение и обрушивается кара, в то время как виновный гуляет на свободе. Другая, давно знакомая тема — тягостная власть материнской любви, особенно если мать — приемная. Книга была предложена Коллинзу под названием «Невинный». За ленчем в «Капризе» по поводу окончания книги Корк предложил изменить название. Книга — издатели назвали ее лучшей вещью Агаты за последние годы — была посвящена Билли Коллинзу «с любовью и уважением».

Работая над «Испытанием невиновностью», Агата написала небольшой рассказ «Кукла». «Ну что вы об этом думаете? — спрашивал Корк Дороти Олдинг. — У нее так хорошо шел новый детективный роман, и вдруг она решила написать этот рассказик». Его можно найти в двух сборниках — «Двойной грех», вышедший в Америке в 1961 году, и «Последние дела мисс Марпл», опубликованный в 1979 году в Англии. Сделанная в натуральную величину кукла «из бархата и шелка» лежит на софе ради «прихоти богатой дамы, которая лениво болтает по телефону или дремлет в мягких подушках». Однако эта кукла, оставшись одна, обретает сверхъестественную способность — начинает двигаться самостоятельно. Более того, иногда у нее настолько осмысленный взгляд (как будто она «знает то, чего не можем знать мы»), что окружающие пугаются. Присутствие куклы настолько нервирует, что в конце концов портниха выбрасывает ее из окна, и ее подбирает мальчишка. Ужаснувшись содеянному, портниха пробует уговорить ребенка вернуть ей странную куклу, но получает отказ: «Вы же ее ненавидели, а то зачем бы выбросили в окно? А я ее люблю, и поверьте, ей именно это и нужно». Рассказ до такой степени жуткий, что, возможно, появился из детских снов и страхов самой Агаты, притом что его сюжет — это просто история игрушки, ожившей от страстного желания быть любимой.

По окончании «Испытания» уставшая Агата окунулась в развлечения — книги и сад, опера и драматические спектакли, изысканная еда и путешествия. Они с Максом съездили на Барбадос погреться на солнышке и часто выбирались в Лондон, где ходили в театры. Агата пересмотрела весь репертуар: от «Вишневого сада» до «Плача Электры». Во время вылазок в Лондон они останавливались в Челси, где у Агаты была квартира на Суон-корт, 48.

После Рождества (Корк деликатно поблагодарил ее за подарок — тарелку, «немножко разбившуюся при пересылке») Макс и Агата вернулись в Ирак, где в предыдущем году произошла революция; ее события станут частью сюжета следующего детектива, «Кошка на голубятне» (из «цикла Пуаро»), посвященного Стелле Кервен и ее мужу Ларри. Действие происходит в школе-интернате для девочек, очень напоминающей «Бененден» и «Каледонию» — школы, где училась Розалинда. Часть сюжета была в свое время намечена уже в некоторых предварительных набросках к «Багдадской встрече»: «...Драгоценности спрятаны в гипсе, наложенном на сломанную руку... Это кража или контрабанда?»

После ее отъезда Сондерс приступил к репетициям ее последней пьесы «Нет амарантовых лугов», в которой студентка, влюбленная в немолодого профессора-беженца, убивает его тяжелобольную жену. Название взято из строчки Уолтера Сэвиджа Лэндора: «В этой мрачной стороне нет амарантовых лугов». Однако оказалось, что другую пьесу под таким же названием уже играют любительские труппы, поэтому премьера 22 мая в «Стрэнде» состоялась под названием «Вердикт». Премьера прошла не очень удачно. Агата считала, новое название настраивает публику на триллер, между тем как пьеса ближе к психологической драме. «Критики, — сказала она Билли Коллинзу и его жене, — определенно настроены против убийства, если оно не загадочное». Корк, бывший о пьесе весьма невысокого мнения, надеялся, что имя Агаты даст хоть какую-то жизнь спектаклю, но через месяц, заклеванная прессой, она была снята с репертуара. Питер Сондерс немедленно начал уговаривать Агату доработать другую пьесу — «Неожиданный гость», представленную в июле. Писательница, сделавшая к ней в свое время ряд замечаний, теперь, закончив «Кошку на голубятне», снова берется за «Гостя». Исписав с оборота три счета из прачечной, она дополняет ее новыми нюансами. Именно тогда и возникает ключевой образ — туман и голос в тумане, повторяющий слова: «Ты можешь это сделать, Ян, ты можешь это сделать». Одному из персонажей Агата придала некоторые черты своего брата Монти — так, например, он пугает выстрелами постороннюю женщину, заходящую в дом (чем в свое время баловался и Монти). Питер Сондерс поставил «Неожиданного гостя» в Бристоле, а позже Агата написала Корку: *«...держали скрещенными пальцы, чтобы все прошло хорошо. Вы уже, наверно, слышали, что премьера прошла удачно, я тоже была при деле — скромно сидела в бельэтаже. В Лондоне спектакли начинаются 12 августа. При удачном стечении обстоятельств, как считают некоторые, пьеса может продержаться не менее полутора лет. Отлично!!»*

Между тем «Мышеловка» продолжала свое триумфальное шествие — 13 апреля она получила официальный титул «самой долго идущей пьесы за всю историю британского театра». По такому случаю Питер Сондерс организовал большой банкет в отеле «Савой», куда пригласил более тысячи гостей, прессу, кино и телевидение. Неделей раньше перепуганная Агата написала Корку: *«И не подумаю прийти в «Савой» в воскресенье», однако пошла и мужественно стояла*

рядом с Питером Сондерсом, встречая гостей, — суровое испытание для застенчивой и уже немолодой женщины: согласно договоренности приехать заранее и на какое-то время «превратиться в усердного швейцара».

Агата была очень признательна Питеру и попросила у Корка два машинописных оригинала «Мышеловки», чтобы специально переплести их — один для Сондерса, второй для Энтони (правда, он так и не получил свой экземпляр). Причиной популярности пьесы она справедливо считала не только качество текста, но и удачную режиссуру. Тем не менее Агата и сама понимала, что «Мышеловка» превращается в театральный памятник самой себе. Чем дальше она шла, тем больше приходилось придумывать ухищрений, чтобы и дальше ее поддерживать, хотя Сондерс привлекал к ней внимание весьма умело. Даже самой Агате приходилось, пересиливая отвращение, принимать участие в шумных рекламных мероприятиях, следующих одно за другим. Она терпеливо ходила на приемы, организованные Питером; награждала Кубком «Мышеловки» победителя на скачках в Эксетере, которые регулярно посещала; ее фотографировали с каждым новым составом, играющим спектакль, что служило поводом для шуток в семье, особенно со стороны Мэтью, которому были дарованы все права на «Мышеловку»; Агату награждали нескончаемыми призами с изображением мышей и даже бриллиантовым кольцом с крошечной мышкой, карабкающейся на палец (над чем тоже подтрунивали домашние).

Поскольку туристы из разных стран мира, приезжающие в Англию, считали своим долгом посмотреть спектакль «Мышеловка», агентства продавали на него билеты заранее, вместе с путевками, так что пьесу знали не только в Европе и Америке, но даже в Токио. Нельзя не признать, что Агата гордилась «Мышеловкой»; изумленная и довольная ее успехом, она считала пьесу мастерски сделанной и волновалась за каждое ее представление. До конца жизни она всегда носила в сумочке крохотную серебряную мышку, присланную кем-то из почитателей, и, невзирая на естественную для леди нелюбовь к этим зверькам, часто доставала и нежно поглаживала.

Очередной книги для Коллинза в 1959 году написано не было, и для 1960-го они вынуждены были составить сборник рассказов, написанных за последние несколько лет. Сборник получил название «Приключение рождественского пудинга» и включал шесть больших рассказов — пять про

Пуаро и один про мисс Марпл. В Англии он так и не появился — его напечатали в Америке, причем с большими трудностями: летом 1959 года в США началась забастовка типографских рабочих, которая продлилась шесть с половиной недель, а когда она окончилась, уперлась Агата, отказавшись включить в сборник рассказ «Три слепых мышонка», поскольку «он может испортить кому-нибудь удовольствие от пьесы, ведь масса людей ее еще не видела!». Вместо этого, чтобы не уменьшать объема сборника, она предложила удлинить какой-нибудь из своих рассказов; так что компоновка «Пудинга» была закончена только весной 1960 года, после возвращения писательницы из экспедиции.

С завершением раскопок в Нимруде разрезды Макса и Агаты не закончились. После чествования в Нью-Йорке Макс приступил к очередному проекту, о котором давно мечтал, — основать в странах Востока археологические институты и школы на манер британских. В начале 1960 года они с Агатой отправляются в Индию, Пакистан и Персию, предварительно заехав отдохнуть и покупаться на Цейлон вместе с Розалиндой, Энтони и Мэтью. *«Чудесное купание! Много отличных развалин для Макса, красивейшие пейзажи, — пишет Агата Корку и без ложной скромности продолжает: — Два невоспитанных фотографа попытались сфотографировать меня (я надеюсь!), когда я плавала, но Розалинда и Мэтью расстроили их планы, бросившись между ними и мной. Боюсь, это был не самый удачный момент для моей фотографии крупным планом».* Местная «Таймс» описала Агату как «добросердечную женщину, не испорченную славой». После Бомбея, по ее выражению, «слава меня уже не догнала». Макс был поражен, как Агата переносит поездку. «Мы проехали около трех тысяч миль, — говорил он Кервенам, — осматривая раскопки и музеи и участвуя в различных банкетах, на которых, правда, было больше дискуссий, чем еды. Видимо, в Пакистане Агату многие читают, потому что даже в самых глухих местах нам приходилось прятаться и убежать от назойливых поклонников ее творчества. Разумеется, они вели себя вполне дружелюбно, но норовили сунуть нос куда не следует». В конце февраля они прилетели из Катманду в Персию, где Агата снова подверглась осаде: в отеле в Тегеране под дверью ее номера собралось семь фотографов.

Домой она возвратилась как раз к премьере своей пьесы «Вернуться, чтобы быть убитым» (своей инсценировки «Пяти поросят»), состоявшейся 23 марта в Лондоне в театре «Датчес». «Отклики прессы были самыми злобными со времен

«Вердикта», — сказал Корк Розалинде, на что та заметила, что Агата «очень расстроена, хотя об актерах, занятых в спектакле, она мнения невысокого». А «Мышеловка» продолжала идти. «Что за забавная идея у Питера по поводу трехтысячного представления? — осторожно спросила у Корка Агата. — Устроить его в шикарном самолете с плюшевыми креслами, летящем в Эдинбург?»

Конец десятилетия был отмечен не только завершением работ в Нимруде. Осенью 1959 года от сердечного приступа в Нью-Йорке в возрасте семидесяти восьми лет умер старый друг, помощник и верный агент Гарольд Обер. В течение тридцати лет он вел дела Агаты в Америке; они с Корком являли собой прекрасный тандем, поддерживая свою требовательную, но достойную клиентку, а их письма, записки и телеграммы — они крайне редко обсуждали деловые вопросы при встрече и по телефону — показывают высочайшую степень доверия и взаимопонимания, редкого в бизнесе. Переписка между Корком, Обером и Агатой дает прекрасное представление о том аспекте жизни автора, о котором редко говорят, и о роли литературного агента как представителя, союзника и посредника между писателем, издателем и публикой. За годы работы вышколенный Корком Обер приобрел способность предчувствовать, какие вещи Агаты будут иметь успех, а какие нет. К счастью, Дороти Олдинг тесно сотрудничала с Обером последние годы и тоже была хорошим другом Корка, так что, хотя смерть Обера и стала большой потерей, заокеанские дела Агаты остались в надежных и добрых руках.

Уже долгие годы на душе у Агаты мир и покой. В 1954 году она достала знаменитые семейные «Исповеди» и сделала новую запись. Теперь ее любимым занятием было «сидеть на солнышке и ничего не делать — просто радоваться жизни», а раздражали ее «тучи, шум, приемы и бесконечные разговоры». А вверху страницы она написала: «Понять — значит простить». В том же духе было и письмо к Арчи, которое она отправила ему после стольких лет молчания — летом 1958 года, узнав, что Нэнси умерла. Незадолго до смерти жены Арчи отказался от перспективной карьеры в Сити и поселился с семьей в деревне. У него был сын, которого тоже звали Арчи (но все называли его Бо — красавчик), он продолжал поддерживать тесные отношения с Сэмом и Медж Джеймс. Когда Сэм скоропостижно умер, Нэнси и Арчи с большим участием отнеслись к Медж, Арчи-старший взял на себя улаживание ее финансовых дел. Те-

перь, после смерти своей подруги Нэнси, уже Медж присматривала за Арчи. Он по-прежнему изредка виделся с Розалиндой, а в 1962 году получил письмо из Итона от Мэтью, в котором тот просил о встрече с ним, поскольку никогда не видел дедушку. Они договорились встретиться в Лондоне, но за день до встречи с Арчи случился удар. Медж Джеймс, бывшая с ним все это время, вызвала «скорую помощь», а потом навещала его в больнице, потихоньку наливая ему любимого виски, чтобы облегчить боль. В декабре Арчи скончался, так и не встретившись с Мэтью.

Агата испытывала глубокую благодарность за свою спокойную и полноценную жизнь и в середине пятидесятих предложила в качестве, как она выразилась, «благодарения», заменить витражное окно церкви в Чарстоуне, к приходу которой относился и «Гринуэй». Корк обратился к епархиальным властям, и с их разрешения Агата договорилась о новом витраже для восточного окна взамен старого, казавшегося ей тусклым и унылым. Записей о ее финансовых пожертвованиях не осталось, но известно, что она настаивала, чтобы ее окно изображало не «страсти Христовы» (как положено на восточном окне), а показывало «доброту Бога». Она особенно подчеркивала мастеру-проектировщику Джеймсу Патерсону, директору Байдфордской школы искусств, что ее окно должно быть «счастливым и добрым... для простой деревенской церкви». Весной 1957 года в восточное окно был вставлен пятицветный узорный витраж. Только тогда мистер Патерсон и узнал, что миссис Мэллоуэн и есть Агата Кристи, — причем совершенно случайно, просто его жена как-то услышала об этом по радио.

В сентябре 1960 года Агате исполнилось семьдесят, но дел у нее не убывало. Журналисту из Южной Америки, который хотел сфотографировать ее в пример бразильским женщинам, целые дни проводящим в повседневной суете, она (по воспоминанию Корка) воскликнула: «Бразильские женщины такие счастливые!»

С годами на многие вещи она стала смотреть более философски. Когда Кристианна Бранд, подруга по Клубу детективов, сказала ей, что Ричи Колдер собирается отметить юбилей Агаты пьесой об ее исчезновении в 1926 году, она восприняла новость совершенно спокойно. «Думаю, что вы об этом уже слышали, — сказала она Корку, — и боитесь, что будет, когда услышу я, — но ведь разговоры о тех событиях время от времени возникают. А какое значение они имеют теперь? Дожив до семидесяти лет, уже попросту не обращаешь внима-

ния на то, кто и что о тебе говорит. Лучше просто не реагировать, вы согласны?» Она игнорирует празднование своего дня рождения в театре Ковент-Гарден и проводит несколько дней с Максом в Ирландии, а 15 сентября обедает в окружении домашних в «Гринуэе», восседая на особом кресле-троне, увитом гирляндами цветов. «Я не чувствую моего возраста! — заявляет она. — Какой роскошный омар на обед!»

Глава 23

«Зритель и наблюдатель»

Слава Агаты росла, увеличивалось и количество писем от ее почитателей. Кто-то спрашивал совета, кто-то от чистого сердца предлагал сюжет — она благодарила, но отказывалась, объясняя, что предпочитает свои собственные. В чем, в чем, а в идеях недостатка у Агаты никогда не было. Толчком для развития сюжета мог послужить любой предмет или место, случайно прочитанная или услышанная фраза или неожиданный пейзаж. Нож для бумаги со странной ручкой описан в «Убийстве за кулисами» (она всегда берегла его). Случайно услышанные реплики «Почему не Эванс?» и «Когда-нибудь ей все же придется выбрать» стали отправными точками для создания двух романов. Миссис Дэйн Колтроп, жена викария в «Отравленном пере», напоминает эксцентричную приятельницу Мэллоуэнов, леди Барнетт. «Тайна замка Чимниз» в некоторой степени была итогом размышлений Агаты о политической ситуации в Сербии. Она заметила Корку полвека спустя: «Не стоит говорить дворецкому, что на самом деле убийцей у меня была королева Драга!!!»

Она всегда сетовала на собственную рассеянность, однако все прекрасно понимали, что у нее чуткое ухо и зоркий глаз. В свое время Кэтрин Вулли не избежала ее пристального внимания; описание мисс Лезерен в «Убийстве в Мессопотамии» и миссис Оливер в последующих книгах показывает, что Агата также трезво оценивала и себя. Не щадила она и родню. «Я вывернула старый саквояж, — сказала она корреспонденту, — и нашла поеденный молью бабушкин котиковый жакет, кошелек с пятью фунтами и шесть книжек-игольниц — подарок для служанок к очередному Рождеству. Теперь понимаете, откуда я списываю жизнь моей мисс Марпл...» Это вовсе не говорит о том, что все персонажи Агаты с кого-нибудь списаны. Ее колоритные попутчики по незабываемому трансбалканскому путешествию явились не

более чем отправной точкой для создания образов героев «Восточного экспресса», а пассажиры парохода, на котором писательница путешествовала по Нилу, невольно подтолкнули работу над «Свиданием со смертью». Агата умела безошибочно распознавать человеческие типы вроде таких, как дипломат среднего возраста «со специфическим чувством юмора, своеобразными причудами и независимым интеллектом», очень похожий на некоторых преуспевающих в жизни друзей Макса, ставший сэром Стэффордом Наем в «Пассажирке из Франкфурта». В этом романе, так же как и в «Свидании со смертью», появляется образ свирепой и неумной матери, чуть ли не садистки. Этому образу немало лет — еще в 1931 году после приема гостей в Гранд-отеле Агата записала в одном из своих блокнотов: «...Женщина, которая никогда не выезжала дальше Мэйфера... ее загадочные болезни; глупая дама — ни о чем не говорит, кроме нарядов; семья — или лучше сказать, целая коллекция — итальянец и две девушки... одна смуглая... с иностранным акцентом... красивые ноги...». Если внимательно вчитаться, то кроме вздорной дамы мы увидим в этой записи и экспозицию пьесы «Черный кофе».

Вообще довольно трудно объяснить механизм того, как в голове писателя постепенно рождается книга и откуда он берет своих героев. Простодушные читатели порой подозревают, что писатель что-то потихоньку «записал о них». Однако большинство писателей, и Агата в том числе, никогда ни с кого не списывают. Ее герои — это сложный комплекс ассоциаций, фантазий и разрозненных воспоминаний, нередко из области грез и сновидений. Агата не брала готовых «случаев из жизни», а всегда разрабатывала каждую историю заново. По ее записным книжкам видно, что она постоянно думала о разрабатываемых сюжетах — выбрав какой-нибудь замысел, без конца проигрывала его в голове, предлагая все новые и новые варианты, так что часто от исходной идеи не оставалось и следа.

Сохранилось более тридцати записных книжек Агаты, разных по форме и размеру. Их невозможно классифицировать ни по каким признакам (хотя Агата и делала такие попытки), потому что записи для разных произведений часто перемежаются друг с другом, одна и та же мысль развивается в разных вариантах или вместе с другими. Исследував полдюжины записных книжек, можно распутать происхождение одного сюжета и прояснить путь, по которому Агата разви-

вала его, — от самых первых соображений через цепь ассоциаций, гипотез, парадоксов и логических мостиков.

В качестве примера возьмем роман «Раз, два, прыжка держится едва», над которым Агата работала в начале войны. Отправным моментом явилась идея, что человека можно идентифицировать по следам зубов. Вначале казалось, что получится короткий рассказ, в одной книжке Агата записала: «Железнодорожная катастрофа — претендент на наследство. Обратили внимание на зубы — в свидетельских показаниях зубы. Смерть дантиста? Дантист — убийца?» В другой записной книжке она возвращается к этой теме: «В семье — одно, в светском обществе — другое. Шантажист Чудесная возможность покончить с шантажистом — усадить его в зубо врачебное кресло. Вы можете выдать себя за дантиста. Но тогда куда девать настоящего дантиста? Подкупить? А может, убить?» Вверху страницы она написала семь вопросов, на которые обязан ответить писатель детектива: «Кто? Почему? Когда? Каким образом? Где? Чем? С какой целью?», а заканчивается страница фразой, которая явно внезапно пришла ей в голову: «Парень-пройдоха — дантист?»

Но бесхитростный рассказ, в котором дантист опознает тело, — это слишком просто для Агаты. В третьей записной книжке она продолжает изобретать: «В добавление: две подружки — мисс В. и мисс Р. Одна идет к дантисту. Интересно — к какому-то определенному? Мисс В. встречается с дантистом. Мисс Р. скрывает это. Все записи о зубах мисс Р. стоят в карточке мисс В. Мисс В. умирает — ее убивает какой-то бродяга. Идея в том, что мисс В. (богатая) оставляет деньги мисс Р. (бедной). Мисс Р. губит мисс В. и удирает».

Характерно, что Агата на этом не остановилась. Позже в записных книжках появляется еще двенадцать «идей по поводу дантиста». Одна связана с ассистентом дантиста («непрофессиональное поведение»), еще одна с «председателем совета — маленьким — энергичным — у него разболелся зуб на заседании совета». Целый абзац занимает описание «встречи» Эркюля Пуаро в приемной дантиста с человеком «с очень белыми зубами» или с «женщиной», у которой «совершенно невыразительное и незапоминающееся лицо». В следующем варианте — еще два возможных пути развития сюжета: «Два друга идут вместе к зубному врачу, один заражен дифтерией; или — дантист занимает место другого зубного врача и делает укол новокаина — или чего-то другого под видом новокаина — и убивает соперника». Прочи-

тав «Раз, два, пряжка держится едва», можно узнать, на чем в конце концов остановилась Агата.

Но ни один из вариантов окончательно не отвергался Агата берегла свои сюжеты — могли пройти десятилетия, прежде чем идея, не реализованная в одном произведении, воплощалась в другом. Ее воображение не ослабевало. «Пояс Ипполиты», — написала она, готовя материал для «Подвигов Геракла». — Директриса? Преподаватель в Оксфорде? Бесценная старинная рукопись?» Агата составляла перечень ингредиентов своих сюжетов на манер аптечных рецептов: «А. Отравленная ручка; В. История с крикетом; Е. События проясняются — признание в содеянном; F. Участковая медсестра. Кто-то приезжает на машине — в униформе — машину ведет хорошо; H. Несчастливая богатая девочка ..».

Мисс Марпл всегда ее вдохновляла. Стоило Агате вспомнить об этом персонаже, как сюжет выстраивался сам собой. В речах и замечаниях мисс Марпл были сконцентрированы собственные наблюдения Агаты за человеческой природой, но при этом старушка из Сент-Мэри-Мид оставалась словно бы обыкновенной, дюжинной, со своими достоинствами и недостатками, отчего казалась списанной с кого-нибудь реального, — однако она, как и Пуаро, была целиком созданием автора. Реальность, «плоть и кровь» ее герои обрезают только в нашем воображении.

Агату это вполне устраивало — может, потому она так категорически возражала против телевизионных постановок по своим произведениям и очень осторожно относилась к предложениям о съемках фильмов. Даже изображение Пуаро на обложке книги она восприняла весьма болезненно. Видимо, она ощущала, что ее персонажи — это архетипы, которые могут проявиться в любом месте и в любую эпоху, их конкретное воплощение зависит лишь от фантазии каждого конкретного читателя — феномен, из всех искусств присущий одной лишь литературе. Всякое иное искусство поневоле конкретизирует образ и нередко совсем не так, как хотелось бы нам и автору. Уже в конце жизни Агата была в совершенном изумлении от почтовой марки с Пуаро, выпущенной в Никарагуа в честь столетия Интерпола. «У него, — смеясь, говорила она Корку, — что-то вылезает из головы. Наверно, они так представляют себе серые клетки моего Пуаро». До конца жизни Агата была убеждена, что Эркюль Пуаро «абсолютно не подходит для появления в какой бы то ни было пьесе, поскольку детектив — всегда только зритель и наблюдатель». И почти во всех соб-

ственных инсценировках своих романов она безжалостно исключала его из числа действующих лиц.

Агата придерживалась мнения, что произведения одного автора не могут служить материалом для другого. Понимая, что ее книги могут быть адаптированы для сцены, она всегда старалась делать это сама. «Это вполне возможно, — уверяла она Корка в отношении «Десяти негритят», — но я должна сама заняться этим». Перерабатывая свое произведение для сцены, она обычно изменяла конец, как, например, в «Смерти на Ниле» (« я считаю — меньше объяснений, больше действия»). Чем больше Агата писала для сцены и для радио и наблюдала за репетициями, тем лучше овладевала драматической техникой. Теперь она уже умела, как заметил Питер Сондерс после успеха «Свидетеля обвинения», манипулировать зрительным залом. Накопленный опыт также позволял ей уверенно определять, какие вещи можно переработать для сцены, а какие нет. «У меня есть много книг, — объясняла она Корку, — в которых нет ни «трогательности», ни «юмора» — например, «Час зеро», «Пять поросят», «Печальный кипарис», «Лощина» и т. д. Их нельзя просто переделать в пьесу — потребуется большая хирургия; например, способ убийства в «Часе зеро» никак не подходит для сцены — его трудно объяснить, а еще труднее показать».

Работа над пьесами заставляла Агату ювелирно шлифовать диалоги — в ее романах и повестях они иной раз на удивление слабы, к тому же и ее грамматика не всегда на высоте, а авторская речь полна сентенций и банальных метафор. Читатель, увлеченный стремительным развитием событий, мог сквозь пальцы смотреть на эти погрешности — замечать мелочи было делом критики. А при чтении вслух, особенно актерами, все недостатки выпирали наружу, так что было очень нелегко заставь геров ее ранних произведений (до пятидесятих годов) разговаривать естественно. Написание сценариев наряду с использованием диктофона впоследствии значительно улучшили ее стиль, диалоги зазвучали естественно и правдоподобно, особенно в тех книгах, где она описывает «другой мир» — студентов, или подростков, или двенадцатую египетскую династию. Она очень много читала, причем совершенно разные книги, приносимые в дом детьми, кухаркой или учеными — знакомыми мужа, и огромное количество газет, включая «Дейли миррор» и «Телеграф». Она не любила радио и телевидение, но очень внимательно слушала разговоры других людей, подмечая новые выражения и словечки, которые входили в

обиход и становились популярными. Сама Агата была немногословна — может быть, в этом и кроется причина «неестественности» диалогов в ее книгах. Те, кто вспоминает ее как прекрасную собеседницу, обычно имеют в виду прежде всего ее умение слушать.

Использование в работе диктофона, повысив уровень диалогов, существенно не повлияло ни на остроту сюжетов, ни на качество повествования. И то, что в ее книгах шестидесятых годов появляются неточности, неряшливость и даже ошибки, объясняется лишь преклонным возрастом писательницы — к работе же она относилась, как прежде, со всей ответственностью. Она старалась скрупулезно все проверить и все корректуры читала по два раза — в первый раз вникая в содержание, во второй — правя стиль и орфографию. Опечатки ее особенно раздражали, а в дешевых изданиях их попадалось довольно много. «Я ненавижу ошибки в книге, — говорила она Билли Коллинзу. — Ведь в детективе с тщательно выстроенным сюжетом даже небольшая ошибка может сбить с толку, и человек все поймет не так». В конце концов даже Коллинз научился бдительности — недаром год за годом Агата распекала издателей за небрежности в тексте, качество бумаги, неестественность и непривлекательность обложки, а особенно за аннотации на них. *«Мне совершенно не нравится издательская аннотация на обложке!»* — рассерженно написала она Билли Коллинзу, получив его макет «Трупа в библиотеке». — *«Она должна привлекать внимание читателя, а не цитировать абзац из книги. Посылаю вам мою собственную, она намного лучше»*. Притом лести она не любила: *«...Издатели могут похвалить меня, но в меру. Не переусердствуйте, а то я обойдусь читателям слишком дорого»*.

Коллинз старался. Особенный успех имела серия обложек, сделанных для издательства «Фонтана» Томом Адамсом. Он начал в 1962 году с обложки к «Объявленному убийству» и в последующем сделал еще около девяноста рисунков. Агата, а позже и ее семья считали эти рисунки кошмарными, но признавали, что каждая обложка интересна, оригинальна и вполне уместна.

Всю жизнь Агата боролась против сокращенных версий своих книг. *«Я категорически против, — написала она Корку. — Все, что написал автор, это его мир, и в него ни в коем случае нельзя вмешиваться»*. Она никогда не возражала, когда ее книги печатались шрифтом Брайля для слепых или крупным шрифтом для слабовидящих, но никаких сокращений и

упрощений не допускала: «Я не учительница и обучение иностранных студентов вовсе не мое дело». Особенно она возмущалась, когда «Додд и Мид» выпустило в 1961 году в Соединенных Штатах книгу «Чертова дюжина на счастье», представив ее как «сборник детективных историй для юных читателей». «Все мои книги написаны только для взрослых... Я ненавижу этот глупый бизнес для подростков».

Некоторых критиков и поклонников Агаты куда больше, чем ее творческий метод, интересует сакраментальный вопрос — а почему это она без конца возвращается к одной и той же теме: преступление и его раскрытие? Ответ прост: она это умела делать и любила, и в этом была ее жизнь. Спокойная и логичная, Агата нашла себя в сочинении детективов, а за десятилетия упорного труда обрела подлинное мастерство. Так, она интуитивно нашла объем, удобный для чтения; она уже точно знала, на чем можно закончить абзац и с чего начать новую главу; для нее не было проблем выдумать оригинальное название или сюжет; понимая всю важность детали, она очень тщательно выверяла все медицинские, юридические, исторические и топографические подробности. И если в юности она оставила мысли о карьере пианистки или певицы, поняв, что не обладает достаточными талантами, то, найдя дело себе по плечу, отнеслась к нему со всей серьезностью, посвятив ему всю жизнь. Она отказывалась писать для телевидения, считая, что просто не сможет удовлетворить желания продюсеров, жаждущих чего-то сенсационного: «...Вы найдете массу авторов помоложе, которые сделают вам все, что вы хотите, — и теперь, и в будущем».

Сама же она неизменно выбирала для своих сюжетов такие загадки, которые при всей кажущейся запутанности все-таки имеют решение. Она играла честно и, более того, была человеком простым и здравомыслящим, никогда не ставящим себя выше проблемы добра и зла, невинности и греха. «В этом отношении я согласна с Дороти Сойерс, — сказала она корреспонденту, — детектив способствует нравственному воспитанию. Победа добра над злом, оправдание невиновного — именно это делает его таким притягательным». Знала Агата и то, что у большей части преступлений, происходящих в реальности, простые и с виду пустяковые причины. На титульном листе одной из своих записных книжек, которую всегда носила с собой вместо талисмана, она записала следующее изречение: «Нет ничего худшего в мире, чем ты сам, — и нет ничего лучшего, — и добавила от себя: — ...Значит, самые дурные из людей — это просто наши представления о них».

«...прокрутить назад, как кинолентку...»

В августе 1961 года ЮНЕСКО объявило Агату самым продаваемым англоязычным автором в мире. Ее книги вышли в 102 странах, в два раза обогнав по объему продаж Грэма Грина. Судя по количеству писем, приходивших в офисы Хью Мэсси и Гарольда Обера, в это легко поверить. Поклонники огорчались, что их письма не получает лично Агата, но она физически не могла заниматься такой огромной корреспонденцией, просматривать присланные рукописи или давать литературные советы. Среди посланий попадались весьма неординарные: один африканец выбрал Агату себе в матери и предлагал приехать, чтобы узаконить это; некий французский журнал просил сведения «о привычках великой женщины»; на просьбу помочь спасти храмы в Нубии Агата откликнулась, послав чек; а получив уведомление о тяжбе по поводу упоминаемого в «Смерти в облаках» лоссона против солнечных ожогов она в отчаянии сказала Корку: «Я не описывала никаких рецептов его приготовления! Передайте им, что я за границей!»

Уединившись в «Винтербруке», Агата вплотную занялась книгой, обещанной Коллинзу для публикации в 1961 году. Сочиняя эту странную повесть, она наверняка вспомнила провизора, дававшего ей зловещие советы во время ее работы в аптеке в годы Первой мировой. Название книги — явная отсылка к «Апокалипсису»: «...Я взглянул и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним»¹. В «Бледном коне» использованы две давно вынашиваемые писательницей идеи. Одну из них Агата разрабатывала раньше под рабочим названием «Тайна таллия»²: «...Начать со списка имен — потом все умирают». Другая отдавала мистикой, привлекавшей Агату всегда: «...культ вуду, белые петухи, мышьяк? Любовный напиток и смертельные снадобья — сладострастие и чашка яда... Теперешние мы знаем лучше. Внушение?!»

В романе «Бледный конь» появляются миссис Оливер, а также миссис Дэйн Кэлтроп и ее муж, которые уже были в «Отравленном пере». Теперь Агате все трудней припомнить историю своих персонажей. «Он был приходской свя-

¹ Отк., 6.8.

² Таллий — химическое вещество, сильнодействующий яд.

щенник или викарий? — спросила она Корка. — И как пишется имя?»

Книгу «Бледный конь» Агата закончила в январе 1961 года перед их с Максом отъездом в Ирак. Она также подготовила корректуру «Двойного греха», сборника из восьми рассказов (включая «Куклу») для выпуска в Америке. Была достигнута договоренность о репринтном издании ранних романов Мэри Уэстмакотт. Теперь Агата уже согласилась, чтобы американские издатели пояснили на обложке, что Мэри Уэстмакотт и Агата Кристи — одно и то же лицо. Коллинз был в восторге от «Коня» и в компании за ленчем заявил (по словам Корка), что Агата теперь «писатель высшего класса, знаменитая романистка, вызывающая интерес во всем мире». Корк уже не рассчитывал, что Агата снова будет работать для театра. Однако ее по-прежнему бушевала страсть к сцене и летом 1961 года она делает наброски первых актов двух пьес и пишет Корку: *«Мне пока не нравится, но надеюсь, что скоро дела пойдут лучше»*. Это были пьесы «Пациентка» и «Полуденный берег», к которым потом добавились «Крысы», а после того как рукопись прочел Питер Сондерс, — еще семнадцать страниц диалогов. Из всей этой смеси в итоге получилось «Тройное правило», цикл из трех одноактных пьес. Чтобы быть в курсе тенденций современной драматургии, Агата посмотрела пьесы Сэмюэля Беккета и нашла их довольно тяжелыми. Иногда она ходила в оперу, попросила Корка достать ложу в Ковент-Гарден и билеты на Вагнеровский музыкальный фестиваль. К большой радости Агаты, Мэтью, которому уже исполнилось восемнадцать, был тоже страстным поклонником Вагнера. «Как видите, — говорила она Корку, — я много времени и внимания уделяю собственным удовольствиям».

Если основной работой Агаты в сороковые годы были книги, а в пятидесятые — пьесы, то в шестидесятые ей волей-неволей приходится иметь дело с кино. Телевидение она по-прежнему терпеть не может. В начале 1960 года Корк заключил контракт с «Метро-Голдвин-Майер» на фильм по какой-нибудь из книг о мисс Марпл. Агата восприняла это без особого восторга. «Я надеюсь, у вас-то все обойдется без сердечного приступа?! — волновалась она за Корка. — Лучше потерять деньги, чем дергаться и нервничать. Дорогой Эдмунд, прошу вас, не принимайте это близко к сердцу!» Летом 1961 года появился первый фильм «Убийство» по роману «В 4.50 из Паддингтона». После предварительных просмотров Агата почувствовала, что в фильме

«все переврут», а в сентябре, посмотрев готовый фильм в Торки, написала Корку: *«Мои верные шпионы, разумеется, выследили, когда мы всей семьей пошли сегодня в «Риджел». Если честно — что-то убогое! Я поняла это еще в Лондоне, но не хотела ничего говорить при Маргарет Рутерфорд. На самом деле в фильме нет ничего интересного, сплошная неразбериха с невероятным количеством каких-то братьев, и никакого конкретного действия — такое чувство, что вообще ничего не происходит»*. С самого начала Агату насторожило, что «МГМ» — студия «Метро-Голдвин-Майер» — выбрала именно эту книгу, на ее взгляд, довольно трудную для экранизации. Наверно, поэтому она добавила: *«Я склонна думать, что сценарий слабоват (я могла бы сделать его поинтереснее), да и снято неважно. Как шепнул мне старший племянник, когда мы уходили: «Не слишком захватывающе, правда?», и я не могу с ним не согласиться. Нет сомнений, я была права, когда старалась не связываться с кино. «Десять негритят» сделали плохо, «Паутину» еще хуже. Только «Свидетель» и получился». Но в постскриптуме Агата заверила Корку: «Не думайте, что я очень расстроена по поводу «Убийства». Вовсе нет! Я ни на что и не надеялась»*.

Актрисе Маргарет Рутерфорд Агата посвятила роман, задуманный летом 1961 года, — «И в трещинах весь круг». Сначала она собиралась сделать очередной рассказ о мисс Марпл (рабочее название «Усовершенствованное убийство»), в котором хотела изобразить вкусы и привычки владельцев новых домов, появившихся в окрестностях Оксфорда и в Беркшире. В центре сюжета — судьба кинозвезды Марины Грегг. Сюжет был навеян размышлениями Агаты о чувствах матери, у которой родился физически и умственно неполноценный ребенок. Незадолго до завершения книги внимание американцев было приковано к случаю с актрисой Джин Терни, а подобная же трагедия, случившаяся в нидерландской королевской семье, получила большую огласку в Британии. Дороти Олдинг и редактор коллинзовского издательства, догадавшись о дальнейшем развитии сюжета после первых же двух глав, деликатно посоветовали Агате изменить кое-что в своих черновиках, чтобы заставить читателя немного «поломать голову». Агата быстро и ловко это сделала, но не преминула пожаловаться Корку: «...Это не очень-то честно — все против одного!»

Завершив роман, Агата осенью 1962 года отправилась с Максом в трехмесячное путешествие в Ирак и Кашмир. Макс поправлялся после перенесенного летом небольшого

инсульта. Жизнь Макса теперь стала менее напряженной, поскольку в 1962 году он оставил Лондонский университет и переехал в Оксфорд, где у него не было преподавательских часов и обязательных лекций, и он смог отдать все силы исследовательской работе, и особенно подготовке книги «Нимруд и его древности». Кроме того, он всячески помогал и поддерживал своих учеников и навещался в Лондон, где ему приходилось бывать довольно часто, поскольку он стал членом президиума Британской академии. Чаще всего он ездил не поездом, а на машине, ворча, что его автомобиль «намного тяжелее всего», на чем ему приходилось когда-либо ездить. Однако в аварию они с Агатой попали только один раз, когда машину занесло на скользком шоссе по дороге в Уэльс. Агата сильно ушиблась и не на шутку испугалась, а Макс спокойно заметил, что «немного поволновался». Иногда Макс доверял вести машину кому-нибудь из своих ассистентов или секретарей, и это было самым страшным. Он терроризировал водителя, требовал повернуть там, где повороты запрещены, и выкрикивал: «Ну почему так медленно?!», когда они ехали со скоростью менее семидесяти миль в час на тех участках дороги, где скорость была ограничена тридцатью. И с Агатой они ругались исключительно на «автомобильной» почве — по какой дороге поехать, как быстрее, и не мог бы Макс ехать более осторожно, и т. п.

Пока Макс работал в одном из оксфордских колледжей, Агата писала или занималась садом в «Винтербруке», где у нее росли необыкновенные белые пионы. У Макса тоже был наметанный глаз на красивые вещи; они с Агатой собрали неплохую коллекцию серебра, приобретая по несколько сотен предметов в год («Плохой сезон», — обыкновенно сокрушался Макс, отбраковывая какую-нибудь малоинтересную покупку). Агата спокойно проводила дни в компании Трикла, манчестерского терьера, подаренного Розалиндой. Дому требовался хороший ремонт, в ванной не работал водопровод, но, как замечала Агата, «это отнимет много времени». Она была уверена, что все идет нормально, как и должно быть. В «Винтербруке» все шло по одному, еще до войны заведенному порядку, однако внезапно заявившимся туда племянникам Агаты, крестникам и крестницам всегда были рады и угощали обильными обедами, которые готовила экономка миссис Белсон. Агата даже бровью не вела, когда кто-нибудь из таких крестников, путешествующий автостопом, вдруг появлялся на по-

роге ни свет ни заря в компании замызганного приятеля и храбро просил накормить их завтраком. Агата была очень щедрой и к детям, и ко взрослым — ей очень нравилось делать подарки, особенно неожиданные: гитару, фотоаппарат, театральный бинокль, удочку, сервиз на тридцать шесть персон на свадьбу, книги или картины. Она дарила занятные вещицы соседским детям, предметы искусства — родственникам, драгоценности — старинным подругам. Она не жалела денег на еду и напитки: однажды попросила хозяйка антикварной лавки в Оксфорде подыскать ей очень большую («огромную!») вазу из настоящего китайского фарфора, а когда тот выполнил заказ, Агата, улыбаясь, радостно сообщила, что будет хранить в ней рис. Разумеется, ее одолевали всяческими просьбами все кому не лень. Корк старался по возможности ограждать ее, понимая, что Агата никому не сможет отказать — даже неким самозванным кузином, настойчиво добивавшимся ее помощи. Всем близким или малознакомым в любой трудной ситуации Агата всегда приходила на выручку.

Из Оксфорда Макс с Агатой регулярно ездили в Лондон — встречались с друзьями, ходили в драматические театры и в оперу. Агату по-прежнему интересует творчество Вагнера. В 1962 году Корк добыл билеты на Вагнеровский фестиваль в Байрейте, а бюро путешествий Томаса Кука устроило супругам поездку по Германии. «Лететь туристическим классом, — сказала Агата Корку, — это неплохо, но есть одно неудобство — когда я останавливаюсь на ночь или на сутки, мне нужна такая комната, где бы поместилась не только я, но и мои локти». Они взяли с собой Мэтью, который по настоянию Агаты каждый день проверял с ней счета. Владелец одного отеля, в котором они останавливались, человек деликатный и внимательный, сумел оградить писательницу от назойливых поклонников — утром, в течение часа, он сам собирал книги у желающих получить автограф Агаты и приносил в номер, Агате оставалось только подписать. «Меня очень хорошо приняли на фестивале, — немного смущенно сказала она Корку, — во всяком случае, не занимались моей персоной так пристально, как обычно».

Вернувшись, Агата снова рискнула связаться с Голливудом. Она не впервые окуналась в суматошную работу киностудий — в 1956 году согласилась сделать сценарий «Паутины» и расписала его точно по сюжету. А в 1962 году студия «МГМ» попросила ее написать сценарий по ее любимому роману Диккенса «Холодный дом». Она начала (как и свою

книгу «Нежданный гость») диккенсовским описанием тумана и сценой в суде, сказав Корку, что «само дело и люди, чьи жизни с ним связаны», по существу, и явятся главным в фильме, а сам фильм будет «триллером или детективом, что вообще присуще Диккенсу». Закончив черновик сценария, она написала Корку: *«Я просмотрела массу книг и больше двух третей отложила, а выбрала для работы тех людей и события, которые интересны сами по себе... Я считаю, что больше половины из написанного мной должно пойти в дело»*. Ее предположение оказалось правильным. Единственное, что беспокоило «МГМ», — что сценарий из 270 страниц займет четыре часа игрового времени, и студия попросила автора сократить его. Агата посоветовалась с Ларри Бахманом, продюсером «МГМ», ответственным за прием ее работы, однако его команда была непреклонна, и в конце концов проект был заброшен. В 1970 году Агата отметила в своих записях: «Две части были готовы и отправлены, но они хотели закончить все сами. Мне их предложения не понравились, я уже знала, какой в фильме должен быть конец... Получился бы хороший фильм».

До сих пор у Агаты было прекрасное здоровье, однако к 1962 году дает знать о себе спина, слух и зрение начинают слабеть, ходить становится все труднее (в «Гринуэ» в саду повсюду были на всякий случай расставлены деревянные скамейки и металлические стульчики). Но и теперь она по-прежнему очень любит плавать и сохраняет редкую для своих лет работоспособность. Ее очень привлекали новые проекты. Например, однажды Мэтью привез в «Гринуэй» бывшего преподавателя из Итона Джона Уэллса и пианиста Алексиса Вайссенберга, чтобы обсудить возможный мюзикл «Хикори-дикори»: дирижировать должен был Джон Дэнкворт, в роли Пуаро — Питер Селлерс, декорации Шона Кенни. Название придумал Джон Уэллс — «Смертельный удар», уже были написаны несколько песен-зонгов. Хотя проект так и не был закончен, Агату очень вдохновляли и радовали эти переговоры. Затем появилась еще одна идея — сделать пьесу под названием «Десять негрятят-2» — «собрать за обедом тех, кто имел отношение к происшедшим ранее жутким событиям». Задумка, возможно к счастью, не осуществилась. Зато в этом году Агата в первый и последний раз в своей жизни произнесла официальную речь. В конце 1962 года отмечалась десятилетняя годовщина «Мышеловки», и в «Савое» состоялся большой прием. Подруга Агаты, актриса Дэйли Сибил Торндайк, преподнесла ей экземпляр рукописи пье-

сы в золотом переплете. «Никогда не слушайте тех, кто говорит, что в старости уже ничто не восхищает и ничего не радует», — ответила Агата, гордая, удивленная и смущившаяся как ребенок.

Мэтью оставил Итон. В течение последнего года он был капитаном крикетной команды колледжа. Практика в «Гринуэ» принесла свои плоды, он стал известным игроком, и Агата очень гордилась им, смотря в 1961—1962 годах ежегодные матчи Итон—Хэрроу. В 1962 году, когда Мэтью был капитаном и команда Итона победила, она пригласила всю команду на спектакль «Мышеловка» и была приятно удивлена и тронута, что таким молодым людям понравилась ее пьеса. В это же время случилось грустное событие — умер ее племянник Джек Уотс. Он так и не был женат (на вопрос «Исповедей» «Какие женщины вам нравятся?» он полушутливо ответил: «Я таких не знаю») и оставил большую долю наследства Мэтью, а Агате — полностью обставленный дом в Лондоне, принадлежавший ему и Медж.

Ровесники Агаты потихоньку уходили из жизни, но летом в «Гринуэ» по-прежнему было полно народа. Приезжали друзья Мэтью, Джон и Питер Мэллоуэны, дети соседей и старых друзей. Агата мало говорила сама, но внимательно всех выслушивала. Легче всего она чувствовала себя с детьми. Если она вдруг куда-то исчезала, то найти ее можно было за домом, где она играла с детьми или рассказывала им сказки и истории. То, что детям, остававшимся к ужину, разрешалось участвовать в общем разговоре, было так же естественно, как и приезд на выходные, а то и на целую неделю постоянной компании друзей. Преподаватели, дипломаты, политики, бывавшие в «Гринуэ», приходили в ужас от необходимости такого общения, но вынуждены были с ним мириться. Вся эта суматошная жизнь, а также книги, шутки и анекдоты, привозимые молодежью, не раздражали Агату, а подталкивали ее к написанию чего-нибудь новенького. Даже в свои семьдесят два она осталась молода душой.

Такой очередной авантюрой стал цикл из трех одноактных пьес «Тройное правило», поставленный в «Абердине» в конце 1962 года. Корк выслал отзывы в Персеполис, где Агата отдыхала с Максом («холодные ночи, горячее солнце, знаменитые развалины...»). Из пьес, составлявших трилогию, две — «Полуденный берег» и «Крысы» — публике понравились, а с третьей — «Пациентка» — возникли серьезные трудности. В ней рассказывалось о попытке убий-

ства женщины-инвалида, немой и парализованной. Пьеса заканчивалась сценой, в которой полицейский разговаривает с настоящим убийцей, чей голос доносится откуда-то из-за кулис. Это выглядело нелепо. После многочисленных обсуждений Питер Сондерс попробовал записать голос на пленку и немного изменить текст, но эта затея тоже провалилась. После бесчисленных телеграмм Агата согласилась упростить конец пьесы, чтобы убийца появился на сцене.

Вернувшись домой, Агата прочла весьма нелестные отзывы о «Тройном правиле», которое продержалось в Лондоне всего два месяца, зато дела с романом «И в трещинах весь круг» шли превосходно — книга стала бестселлером. Обрадованная Агата со смехом сообщила Корку: «Между прочим, уже написана первая глава нового шедевра Агаты Кристи». Она имела в виду «Часы». В ее заметках вырисовываются темы, над которыми она все больше задумывалась, — осознание быстротечности времени и возможность сохранить прошедшее не только в кадре, но и в слове. Она не впервые размышляла об этом. Еще в 1930 году, делясь с Максом своими впечатлениями о книге «Таинственная вселенная», Агата интересовалась — можно ли «время прокрутить назад, как киноленту, так, чтобы наша жизнь не была просто рядом последовательных эпизодов». Ее также занимает модная в те годы дискуссия о «литературном» и «сценическом» времени. «Только предположение, — записала Агата в блокноте. — А. Часы — как представители времени в домах. В. На них каким-то образом появляется шрифт Брайля, эти точки можно нащупать» (недавно ее произведения напечатали Брайлевским шрифтом). Из этих смутных образов родился роман «Часы», законченный в мае 1963 года и посвященный Марио Галлоти, хозяину ресторана «Каприз», — «вместе со счастливыми воспоминаниями об изысканном угощении».

Конец 1963 года снова омрачила студия «МГМ». Ларри Бахманн без тени смущения предложил Агате написать сценарий фильма по другому роману Диккенса — «Тайна Эдвина Друда». Она категорически отказалась. Тогда «МГМ» попросила ее сделать сценарий по книге «Восточный экспресс». Агата возмущенно жаловалась Корку: «...*Эта книга стоила мне слишком больших усилий, чтобы превращать ее в кинофарс с участием мисс Марпл; возможно, получится что-нибудь забавное, но уверена, что оно не принесет пользы моей репутации!*»

Ее доверие к студии еще больше пошатнулось после выхода фильма по ее роману «После похорон», в котором Пуаро был заменен на мисс Марпл. Агата заключила, что фильм, названный «Убийство в Гэлопе», «непроходимо глуп», и жаловалась Бахману на «всех этих травести». Хотя Агата признавала, что «МГМ» имеет право при подготовке сценария довольно свободно обращаться с ее произведениями, она считала, что в случае с «Убийством в Гэлопе» студия повела себя слишком уж вольно. В отношении «Убийства» (первого фильма «МГМ» — экранизации романа «В 4.50 из Паддингтона») она говорила, что в нем «хотя бы сюжет сохранился», хотя Маргарет Рутерфорд и «не сильно похожа на мисс Марпл», а в «Убийстве в Гэлопе» вообще очень трудно понять, «по какому же произведению снят этот фильм». Агата призналась, что с ужасом ждет появления фильма «Самое грязное убийство» («Вы можете представить себе более банальное название?!?!») по одной из самых любимых ее книг «Миссис Макгинти с жизнью рассталась».

Тем временем Агата уже работала над «Карибской тайной», перенеся мисс Марпл на вымышленный остров Сент-Оноре. Остров напоминал виденный ею Барбадос, где она запомнила пожилого джентльмена в инвалидном кресле, из которого получился в итоге мистер Рейфил, — позже он появится еще в одном романе, «Немезида». Книга о цветах и птицах Тобаго натолкнула ее на дальнейшие идеи, а люди, с которыми она когда-то повстречалась на отдыхе на Родосе, стали героями сюжета: «Родос — красивая, бездушная женщина. Ее муж — циничный, развелся с прежней женой, славной маленькой женщиной, некрасивой. Глупый муж». Записки Агаты теперь все больше были ее собственными мемуарами; как все пожилые люди, она помнила давно прошедшие времена лучше, чем вчерашние события. Майор Пэлгрейв очень напоминал Белчера и «их стычки во время путешествия». Предварительно книга получила название «Тень в солнечном свете» — Агате не хотелось использовать слово «Карибский», чтобы не вызвать политических ассоциаций.

Макс тоже напряженно работал, и в декабре 1963 года книга «Нимруд и его древности» была наконец закончена. После этого он перенес сильный грипп, но в начале года по настоянию Агаты они все-таки поехали в Египет. В феврале она весело написала Корку: «*Сию на солнышке и млею от удовольствия — как священная корова*». После этой блаженной передышки грянули неприятности.

Начало 1964 года принесло громкий скандал с «МГМ». В «Самом грязном убийстве» Пуаро в очередной раз превратился в мисс Марпл, причем на этот раз она на скамье присяжных. Миссис Макгинти — по книге уборщица — стала актрисой и шантажисткой. Корк предупредил Коллинза, что пора принимать меры по защите и дополнительной рекламе книг Агаты, так как она всерьез опасалась, что вышедшие фильмы — это «серьезная угроза» для ее репутации. Смущенный Билли Коллинз, чувствуя себя виноватым (именно он познакомил Бахмана с Агатой), согласился не использовать на обложках ни одного кадра и даже не упоминать о связи между книгами и снятыми по ним фильмами. На начало мая была запланирована Декада Агаты Кристи, во время которой в магазины должны были поступить около десяти миллионов ее книг. Хотя это событие совпадало с выходом фильма «Самое грязное убийство», Коллинз пообещал приложить все усилия, чтобы проигнорировать совпадение.

Дальше — хуже: Агата узнала, что «МГМ» уже начала работу над фильмом под названием «Убийство на борту», в котором мисс Марпл расследует убийство и шантаж на учебном корабле Королевского флота. Он не имел никакого отношения ни к одному из произведений Агаты, и это возмутило ее больше всего. Ларри Бахман попытался успокоить ее, но в ответ услышал жесткое: «Вероломство страшнее пистолета». Обескураженная и расстроенная Розалинда, чувствуя вину семьи и Корка перед матерью за историю с «МГМ», написала ему гневное письмо. Агату же больше всего расстроило то, что весь этот «смертельный корабельный шахер-махер делался за ее спиной». Следующей новостью было то, что «МГМ» решила устроить премьеру фильма как раз во время Декады и, невзирая на все протесты Агаты, представить ее в качестве одного из авторов ленты. В крайнем возмущении писательница заявила, что «использовать чужих персонажей в неизвестно чьем фильме — просто чудовищно и совершенно неэтично».

Следующий план «МГМ» буквально ужаснул Агату, а еще больше — Розалинду. Студия собиралась снять киноверсию «Убийства по алфавиту», в которой, судя по предварительной рекламе, образ Пуаро предполагалось полностью переработать. *«Неужели «МГМ» считает такую рекламу полезной для фильма?»* — спросила Агата Корка. — *Там вообще не должно быть Пуаро. Я сделаю все возможное. Если их директор ненавидит Пуаро — почему бы не выбросить его и не*

вставить другого героя? Я не позволю превратить Пуаро в какую-нибудь гориллу или частного сыщика. И вообще — довольно жестокости и насилия! Я ненавижу подобные триллеры, а в США такое обожают! Там людям нравится эгоистичный и жестокий сорокалетний Пуаро — так что же, потакать их вкусам?»

Письма Корка достигли желаемой цели. «МГМ» аннулировала контракт с Зеро Мостелом, который должен был играть Пуаро, и пообещала Агате, что сценарий будет переработан. Контракт с «МГМ» закончился. Джордж Поллок, который был директором трех фильмов «про мисс Марпл», снял в 1965 году «Десять маленьких индейцев» для «Северн артс филмс», и больше договоров не было. В 1967 году, получив очередные предложения от киностудий, Агата в сердцах заявила Корку: *«Не говорите мне о киноправах!!! У меня от этого кровь в жилах закипает... Я осталась при своем мнении! Хватит! Я достаточно натерпелась!»*

Конец 1964 года немного улучшил ее настроение. Коллинз спрашивал, можно ли выпустить к Рождеству сборник рассказов и стихов «Звезда над Вифлеемом», и предложил иллюстрации и обложку и получил на все немедленное согласие. Зимой и весной она была занята следующей загадкой, очередным приключением для мисс Марпл. Ее наброски к «Отелю «Бертрам» начинаются с описания не героя, а места действия: «Кусочек старой Англии... эдвардианский комфорт... Запах горячих пончиков...» Чудесная идея, новый поворот грани между реальным и вымышленным миром. Отель — это подделка, респектабельные персонажи — всего лишь бутафория. Но на много ли отличаются эти вымышленные герои от их реальных прообразов? «Кинозвезды Поп-исполнители. Богатая женщина — со своим слугой-ирландцем. Автогонщик» и появившийся в набросках к одному из предыдущих романов «старый майор с лягушачьим лицом». Только мисс Марпл легко скользит между двумя мирами, подлинным и мнимым, подмечая их различия и противоречивость созданного роскошного, но фальшивого образа.

Произведения Агаты очень легко защитить от критики и упреков в «шаблонности персонажей и описаний» — просто ее герои настолько обычны и естественны, что их вполне можно встретить в реальной жизни, а описываемые места кажутся настолько знакомыми, что невольно пытаешься припомнить их настоящие названия. Агата настолько искусно описала атмосферу и расположение отеля «Бертрам», что

THE LADY OF THE HOUSE OF COMMONS
MRS. J. H. B. ...

Профессор Вулли, руководитель
экспедиции на раскопках в Уре.
20-30-е гг.

На раскопках в Уре в 1929 г., когда там побывала
Агата Кристи

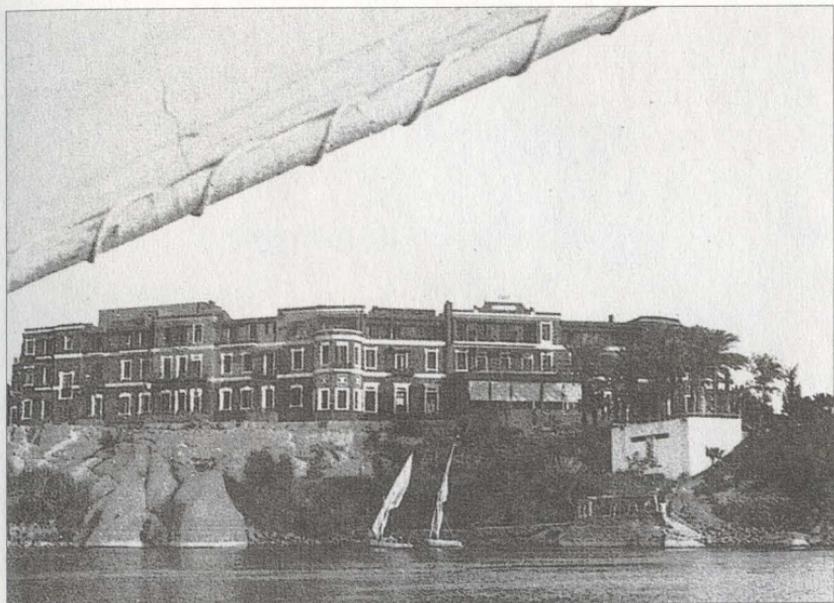
Фотопортрет 1932 г. Уже написаны «Убийство Роджера Экройда»,
«Убийство в доме викария», «Убийство в Восточном экспрессе»

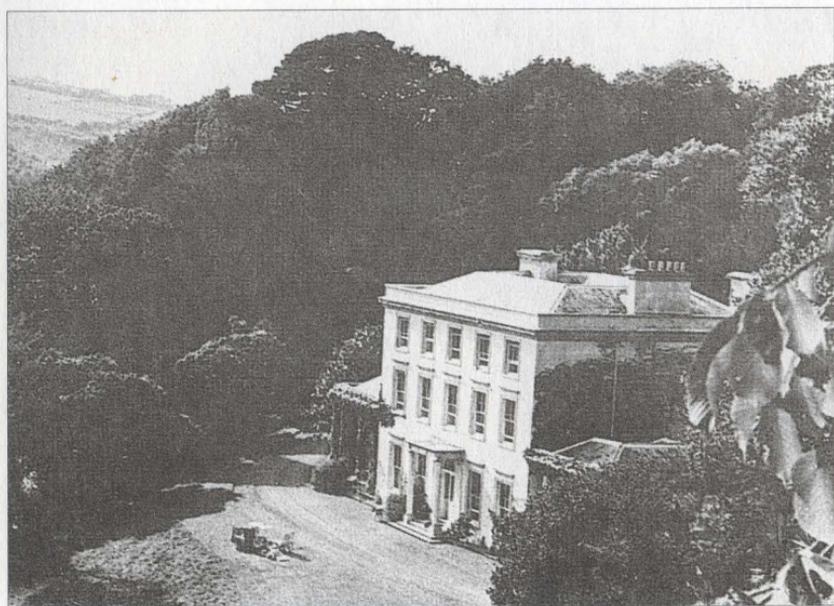
Актриса Рут Драйпер - прототип
главной героини в романе
«Смерть лорда Эджвера»

Именно на таком пароходе развивались события романа
«Смерть на Ниле»

Отель «Водопад» в Асуане, где останавливался Пуаро во время путешествия по Нилу

«Гринвей-хауз» - уединенный «георгианский» дом будущей Дамы Агаты Кристи, купленный в 1939 г.

Розалинда и Мэтью

Агата и Мэтью

Агата правит гранки романа
«Лощина», 1946 г.

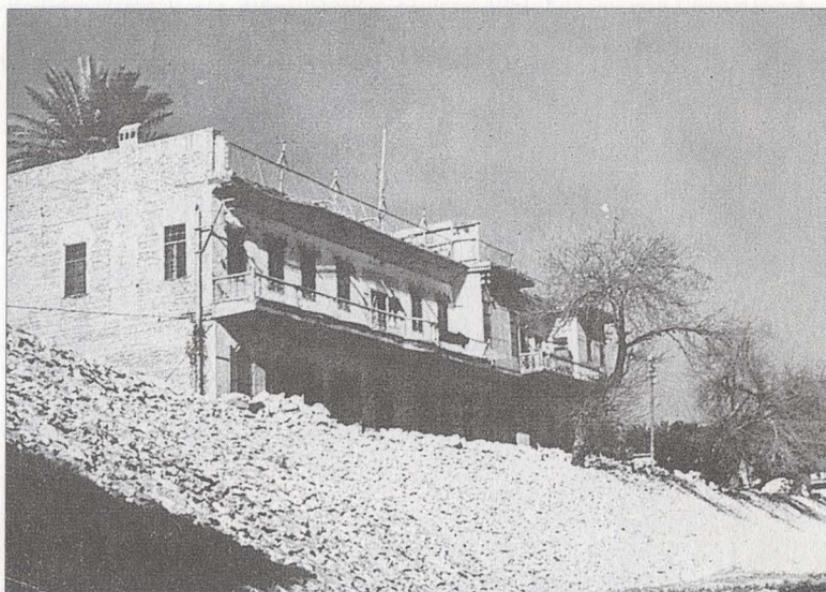
Знание ядов очень помогало
в очередном «убийстве»

«Грин-хаус». В библиотеке

Макс и Агата отбывают в Иран на раскопки, где им предстоит провести четырнадцать последующих лет

Дом в Багдаде, где жили члены экспедиции

Завтрак в Багдаде на балконе
с видом на Тигрис

С шейхом Абдулой
в Нимруде, 1951 г.

Агата Кристи и Макс Мэллоуэн просматривают фотографии археологических находок...

...что не мешало Агате заниматься и домашними делами

Макс с любимцем семьи скотчтерьером Терри

В хорошую погоду Агата предпочитала работать в саду.
В «Витербрук хауз», в беркширском доме

На берегу Дарта. Излюбленное место для прогулок
миссис Кристи в поместье «Гринвей». Здесь она разрабатывала
очередные сюжеты с участием Пуаро

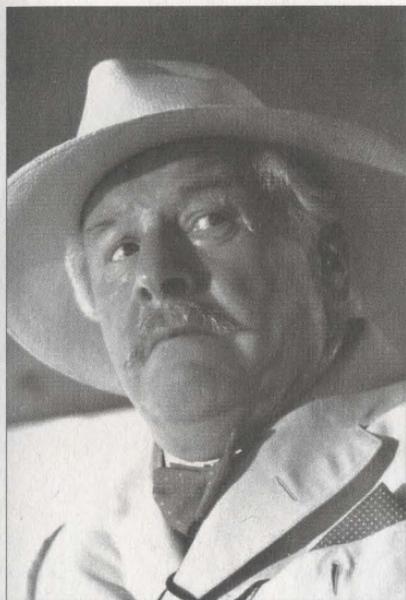
Первый рисованный портрет Пуаро. Издательство «Коллинз»

Кеннет Кент – первый Пуаро в пьесе «Черный кофе»

Френсис Л. Саливан сыграл Пуаро во всех пьесах Кристи

Питер Устинов — лучший
Пуаро 70-х. Снялся в 5 фильмах

Алберт Финней — Пуаро
в «Восточном экспрессе»

Дэвид Суше — самый культовый
исполнитель роли Пуаро

Со своим другом и издателем Питером Сондерсом

Агата Кристи с внуком Мэтью уезжают
на Рождество в Триполи

многие читатели верили, что смогут отыскать и узнать его. Например, Чарлз Осборн заявил, что «открыл секрет» — это отель «Браун» в Мэйфере. Впрочем, на самом деле прототипом «Бертрама» стал «Флеминг-отель». Прежде чем отправить книгу Коллинзу, Корк и Агата тщательно ее проверили, чтобы убрать такие слишком конкретные привязки к прообразу, как адрес отеля и имя управляющего.

Вероятно, семидесятилетней писательнице было нелегко соединить в единое целое захватывающий сюжет и собственные воспоминания, но многое в романе — это размышления и опыт самой Агаты. Это ее собственные детские впечатления о посещении «Офицерского универмага» оживают в памяти мисс Марпл, и явно из собственного прошлого писательницы взялись и амнезия, и медленно ползущий в ночи поезд. В итоге книга получилась и сразу понравилась публике — за месяц было продано около пятидесяти тысяч экземпляров.

Это Рождество было и для Агаты, и для Макса особенно счастливым. «Звезду над Вифлеемом» приняли хорошо, и Агата очень радовалась, когда у нее просили автограф именно на этой книге. Книга Макса «Нимруд и его древности» была готова к публикации. Супруги отметили Рождество в «Пливрече». «Я с ужасом думаю, — написала Агата, — что со мной будет после такого количества индексов, пудингов, консервированных фруктов и глазированного печенья!» В 1965 году она послала Корку дополнительный рождественский подарок: *«Надеюсь, что Вы на меня не в обиде, что я сбываю это Вам»*. Это был надиктованный черновик части ее воспоминаний — «естественно, далеко не конечный продукт, очень многое нужно будет выбросить, но из всего материала можно будет кое-что выбрать». «Автобиография» Агаты была опубликована после ее смерти. В предисловии говорится, что книга писалась между 1950-м и 1965 годами. В действительности же все обстояло сложнее. Агата хранила все свои записи и дневники, но до 1962 года собиралась их использовать лишь для какой-нибудь небольшой книжки воспоминаний — что-нибудь про Нимруд наподобие «Расскажи, как живешь» или про свое детство. Однако Агату очень часто просили дать разрешение «описать» ее жизнь; в феврале 1962 года она, например, велела Корку ответить одному особенно настойчивому «описателю» буквально следующее: «Мне совершенно не нужна ни моя собственная биография, ни чья бы то ни было еще. Я пишу книги и надеюсь, что

публике они нравятся, но считаю, что людям интереснее сами книги, чем их авторы!»

С возрастом ее позиция немного изменилась. Если три года спустя, в феврале 1965 года, она еще говорила Корку: «Меня атакуют каждую неделю предложениями написать мою биографию, но ведь я еще не умерла. И потом — ведь никто из этих людей обо мне ничего не знает», то в конце того же года она сказала: «Приятно сознавать, что на случай моей смерти я подготовила мое жизнеописание — остается только выбросить лишнее и подправить. Но это сделают другие!» Теперь она смирилась с тем, что без «других» не обойтись. «Автобиография» упоминается в ее интервью, данном Френсис Уиндхейм и опубликованном в «Санди таймс» в 1966 году, где Агата между прочим говорит: «Если в будущем кто-то будет описывать мою жизнь, то сможет взять из книги достоверные факты».

В полученном Корком черновике было больше впечатлений и воспоминаний, чем фактов. «Я преднамеренно сделала ее непринужденной, неофициальной», — заявила Агата. Хронология событий, как и в ее заметках, начинается с «Эшфилда» и «счастливого брака отца и матери», затем следует описание событий до главы, рассказывающей о ее расставании с Арчи. Один блокнот содержит перечень «вопросов к Корку», а также некоторые специальные пометки: «найти дату смерти Монти», «выяснить дату выхода в свет первой книги Мэри Уэстмакотт», «спросить Эдмунда о датах премьер пьес» и разрозненные записи типа «...здоровье отца... Нью-Йорк... Илинг, воскресные дни моей бабушки...» и т. п. После первого же наброска Агата сразу начинает диктовать легко и непринужденно, вспоминая свое детство и юность. Самой трудной частью стали события 1926 года, она настолько волновалась и запинаясь, что некоторые места потом невозможно было расшифровать. Дальше, начиная с части, названной «Вторая весна», и до конца, все опять пошло легко. Это заняло, разумеется, куда больше одной-двух недель, в которые Агата обещала Корку уложиться, но к концу 1966 года все было готово. Она предложила напечатать весь материал в трех экземплярах: «Один для Вас, Эдмунд, один для Розалинды и один для меня... Потом мы сравним наши замечания и исправления — погляжу, как вы оба отреагируете».

Возможно, послать Корку свой черновик Агату побудило интервью, которое она дала в декабре 1965 года в «Суонкорте» Гордону Рэмси, другу президента компании «Додд и

Мид» Фелпс Плэтт. Гордон Рэмси, преподаватель Вустерской академии в Массачусетсе, предложил написать не биографию Агаты, а рассказать о ее творчестве, поэтому она сказала Корку: «Оставляю это вам. Мне все равно». Рэмси сдержал слово, написав короткую главу для книги «Агата Кристи: Королева детектива», которую «Додд и Мид» опубликовало в 1967 году, а Коллинз в 1972-м. Вначале Агата помогала Рэмси, встречалась с ним в «Суон-корте» и «Гринуэе», передавала через Корку ответы на его многочисленные вопросы о ее книгах. В конце концов она устала. Особенно ее раздражали вопросы по поводу двух неопубликованных детективов, которые она написала во время войны. «Зачем раньше времени заглядывать в чужие книги?» — возмущалась писательница, напоминая Корку, что даже Макс и Розалинде она не рассказывала сюжетов своих книг про Пуаро и мисс Марпл. Рэмси принял ее протесты и воздержался от упоминания «последнего Пуаро и последней Марпл», в отличие от Френсис Уиндхейм, которая в своей статье сослалась на них.

Агата стала немного раздражительной, она сильно устала. Зима выдалась нелегкая: «...Ничего, кроме домашних хлопот и поездок в Девон и обратно по холодине. Что за счастье теперь сидеть, как три служанки, в маленьком домике! Неудивительно, что пакистанские женщины глубоко сочувствуют англичанкам — они-то сами надели чадру, нацепили дорогие украшения, уселись дома и ждут!» Поездка в январе 1966 года с Максом в Париж получилась не совсем удачной: экономный Макс пожаловался Корку на цены в отеле «Ритц» («18 фунтов за ночлег и завтрак») и посетовал, что не поселился в «Бристоле». В марте Агату обрадовал, хотя и сильно утомил, прием, организованный по поводу завершения «Нимруда».

Теперь она вообще неохотно принимает приглашения на публичные мероприятия, даже в связи с растущим успехом ее книг. Когда издатели предложили выпустить ее избранные произведения, она напомнила Корку о своих прежних возражениях по поводу обложек и о полушуточных обещаниях Билли насчет роскошной бумаги: «Такое издание весьма желательно, но у Коллинза должна быть хорошая бумага и хорошая полиграфия, все — высшего класса!!!» После многих обсуждений сборник предложено было назвать «Гринуэйское издание», хотя Агата возражала: «Нет, не надо, хотя я живу там всю свою жизнь». Всю весну шло обсуждение. Договорились, что на обложке ее фотографии не бу-

дет, вместо этого там изобразят эмблему — три переплетенные рыбки. Она напоминала традиционный восточный рисунок, который Агата видела во время своих вылазок на базары в Баальбеке в тридцатые годы. Некоторые утверждают, что Агата сама машинально выводила их, когда задумывалась или нервничала, но это не так. Макс был единственным, кто умел их рисовать, — некоторые из ее записных книжек с сюжетами украшает этот знак. Сама Агата предпочитала играть со словами, рифмами, кодами, пародиями и детскими стишками. Единственный персонаж, который лениво рисовал трех сплетенных рыб, — это жертва в «Доме прячущейся смерти» в сборнике «Сообщники». Агата поместила этот знак на «Гринуэйском издании» и очень растрогалась, когда Фелпс Плэтт подарила ей серебряную брошь с таким же рисунком.

Летом Агата отдыхала. В июне они с Максом съездили на пять дней в Бельгию — посмотреть музей Эркюля Пуаро, в августе были в Швейцарии. В «Гринуэй» с группой оксфордских друзей приехал Мэтью. Он закончил университет с ученой степенью и, поработав в Нью-колледже, теперь хотел попробовать себя в издательском деле, — Аллен Лейн предложил ему должность в «Пингвин букс». Агата читала научную фантастику, стараясь быть в курсе последних романов и пьес, даже съездила в Лондон посмотреть хит сезона под названием «Мисс Джин Броуди в расцвете лет».

Осенью она начала новую книгу, «как и обещала, возвращаюсь к работе». В основе сюжета «Третьей девушки», как уже не раз бывало в произведениях Агаты, — тема сходства и подмены. В центре истории — квартира, жильцы которой ищут по объявлению «третью девушку». В блокнотах Агаты много набросков различных историй, так или иначе связанных с комнатами, в которых меняется убранство или передвигается мебель, с тем чтобы разные места выглядели одинаково или одно и то же место выглядело иначе. Ее собственные воспоминания о том, как изменилась ее детская после того, как там переклеили обои, а также сюжеты «Голубой герани», «Квартиры на четвертом этаже», «Слишком дешевой квартиры» — доказательство ее наблюдений, что любого человека легко ввести в заблуждение подобными незначительными изменениями.

Другая тема, затронутая в «Третьей девушке», — это «таинственный портрет». Агату всегда волновала некая недосказанность в картинах, особенно в семейных портретах. Она снова подчеркивает, насколько внешность может быть

обманчива. «Офелия, только некрасивая», — записала Агата об одной из героинь в набросках к «Третьей девушке». Теперь одна ее героиня увлекается вульгарной косметикой, другая интересуется психоанализом. Это — веяния другой эпохи. Люди вокруг сильно изменились, изменился и сам Лондон. Агата часто с трудом узнавала некоторые хорошо знакомые места — тихие улицы превратились в шумные авеню с магазинами и сомнительными ресторанами, которые заполнили странные юнцы, одетые с вызывающей неопрятностью, отчего давно знакомые спокойные кварталы стали казаться зловещими и опасными. Это леденящее дыхание времени в «Третьей девушке» ощущается совершенно отчетливо. «Вы слишком старый. Мне не сказали, что вы такой старый», — заявляет «дитя шестидесятых» Эркуюлю Пуаро, придя к нему за помощью.

Как и Пуаро, Агата не имела возраста в глазах своих поклонников, подобно ему, она оставалась прежде всего профессионалом. Тем не менее она с легкой грустью шутит над своим уже уходящим поколением. Осенью 1966 года во время поездки в Америку вместе с Максом — он выступал с лекциями в различных университетах — Агата нередко сталкивалась с восьмидесятилетними дамами и потом весьма едко описала их в своих дневниках и письмах. Один вечер в Принстоне ей особенно запомнился: «...Все казались очень богатыми. Вечернее платье и даже белые перчатки — только для того, чтобы пойти на лекцию! Но все невероятно старые и с кучей болезней — их мужья болеют дома или в больницах, а сами они почти ничего не видят. Одна очень приятная старая леди, глуховатая и почти слепая, лет восьмидесяти восьми, сопровождала нас на лекцию и все старалась меня поддержать, чтобы я не упала. «Конечно, я ничего не вижу на экране, — сказала она мне, — только светлые и темные пятна, а этот слуховой аппарат неважный, так что я ничего не слышу. Но я так люблю сходить куда-нибудь. Вы бы лучше накинули пальто, моя дорогая, а то как бы вас не просквозило». Героическая личность! И ведь ушла домой после приема совершенно неуставшая — прямо сияла от радости. А я была чуть жива от шума!!! А мои бедные ноги!!!»

В Америке у Агаты оказалось два неотложных дела. Во-первых, она решила посетить могилу деда, Натаниэла Фрери Миллера на Гринвудском кладбище. Это было частное владение, и, чтобы пройти туда, ей пришлось получить специальное разрешение. Удивленная, она написала Корку:

«...Прямо как Луксор — всюду гранитные монолиты; на могиле дедушки квадратное надгробие из черного мрамора шести футов высотой, с обелиском наверху».

Второй ее заботой было «достать несколько пар просторных (нестандартных) дамских панталон». Корк попросил помощи у Дороти Олдинг, которая однажды разыскала нестандартный купальный костюм для их самой любимой клиентки: «Она вспомнила вашу расторопность и успех в прошлый раз, так что, боюсь, моя дорогая, вам придется постараться и на этот раз».

Агата была в восторжении от поездки, что видно из ее записей. У нее остались самые лучшие воспоминания об американском центральном отоплении, Кливлендском симфоническом оркестре, картинах и скульптурах, украшающих частные дома, и о людях, с которыми они там встретились: «суперматриарх — грандиозная женщина»; «мужчина — одиозная фигура, эмоциональный, но очень любезный»; «60-летняя платиновая блондинка...». Ей очень понравился Вермонт, весь засыпанный снегом, — «чудесный пейзаж и самое лучшее (истинно королевское!) сливочное масло, которое я попробовала за последние годы». Однако нашлись и недостатки: «...еле ползущий от дряхлости поезд, в котором уже давно пора вымыть окна... а ленч вообще несъедобный. Теперь я куда лучшего мнения о британской железной дороге». Ее поразил Техас: «Остин — очень цивилизованный и богатый... неожиданно привлекательный город — то снег, то жара (это об Огайо), и, почти как на Ближнем Востоке, сады, и зеленая трава, и отдых... ужин на крыше только что построенного небоскреба — очень хорошая еда... Даллас... Чудесное впечатление от ковров, собранных специально для выставки, — никто о них ничего не знает и не интересуется, а зря».

Встретив Рождество в Уэльсе, Агата вернулась в холодный «Винтербрук». Там она написала книгу, наброски к которой начала делать еще в Америке. Это была «Ночная тьма», действие которой происходит в «Джипси-Эйкр» — «Цыганском наделе», — странном и красивом поместье. Агата впервые увидела его несколько лет назад в Уэльсе. Тогда свекровь Розалинды, Нора Причард, рассказала ей связанную с этим местом легенду. В «Ночной тьме» мало действующих лиц, однако каждый персонаж интересен, особенно Сантоникс, молодой умирающий архитектор, имеющий что-то общее с Верноном Ли из «Хлеба великанов» и с другом

юности Макса Эсме Говардом. «Ночная тьма» очень понравилась ее друзьям, чьим мнением Агата особенно дорожила, — Джону Спэрроу и Стивену Рэнсиману.

Воодушевленная Агата сказала Коллинзу, что постарается закончить книгу в этом году и что уже начала обдумывать новую. Первые наброски следующей книги она сделала весной 1967 года после поездки с Максом в Британский институт в Ираке. В этот год Макс удостоился рыцарского звания, так что Агата стала теперь леди Мэллоуэн. Этот титул почему-то лучше маскировал «Агату Кристи», чем простое «миссис Мэллоуэн». Существует много историй о том, как посетителей «Винтербрука» представляли никому не известной и скромной жене сэра Макса. (Оба прославленных супруга, впрочем, прекрасно чувствовали, когда кому выступить вперед, а когда отступить в тень. «Боюсь, меня не представили, — обычно говорил Макс за обедом в Клубе детективов, — я муж Агаты».) А секретарь, Стелла Кервен, помечала в конце писем карандашом — «А.М.» или «А.К.», предлагая Агате обе подписи на выбор.

Первые месяцы 1967 года были настолько хлопотные, что можно просто порадоваться, что следующая книга Агаги — «Пальцы чешутся. К чему бы?» — вышла так легко. В мае Мэтью женился на Анджеле Мейпл, зачавшей в дом к его бабушке. Агата и Макс съездили на две недели в Югославию «вспомнить собственный медовый месяц», а заодно потратить накопившиеся там динары Агаги. «Не могу понять, — поддразнивала Корка Агата, — как это я получила в собственное распоряжение пятьдесят, или сто, или пятьсот, или даже тысячу фунтов. Может, Вы мне как-то это объясните?!» Лето они провели в «Гринуэ», а часть осени — в Испании. В июле Агата прошла курс лечения по поводу подступающей глухоты. «Прекрасно провела время с доктором, — сказала она Корку. — Снова слышу тиканье часов и особенно телефонные звонки!» У Макса дела обстояли хуже — осенью прямо на лекции в Ираке у него случился второй инсульт. Он не придавал этому большого значения, сел в кресло и продолжал лекцию сидя, но потом его сразу отвезли в больницу. Навещавшие его там вспоминали, что во время болезни он, несмотря на свою нелюбовь к детективам, читал книги Агаги. Макс вернулся домой самолетом в конце октября. Агата, остававшаяся в Уоллингфорде, написала Корку: *«Я ужасно волновалась, хотя понимала, что в его состоянии он не мог сразу же полететь домой. Но ждать и переживать каждую минуту — это ад!»*

Всю накопившуюся нервозность она вылила на Коллинза в нескольких гневных письмах по поводу корректур ее последней книги:

«...Когда Вы себе уже уясните, что автор пишет так, а не иначе, не потому, что не знает правил орфографии?! Если я пишу «phantasy» вместо «fantasy» (кстати, в словаре есть оба варианта написания), то значит, я хочу, чтобы осталось так, как я написала... Не надо мне на полях сентенций о грамматике! Люди разговаривают, речь каждого звучит по-своему — она не может быть одинаковой у всех, как нет одинаковых людей...»

Агата осталась довольна «Пальцами», однако книга появилась только в конце 1968 года. В заметках к роману, начинающемуся со смерти в доме престарелых, снова звучит «тема картины»: «доктор подозревается в убийствах (некоторых) в Санни-Ридж. Миссис В. заранее дарит картину — она дарит всем будущим жертвам? Написано имя жертвы внизу?». Здесь же всплывает давняя «тема убийства ребенка»: «...мать девушки, родившей незаконного ребенка, возможно, убивает его. Сестра или няня крадет детей и приносит их в жертву. Ребенка убили или ребенка подменили?» В октябре 1967 года Агата записала в блокноте: «За камином. Это было ваше бедное дитя? — Нет? — Я хотел бы знать. — В одно и то же время каждый день. За камином — точно в одиннадцать часов десять минут».

За четыре дня, проведенных в Новой Англии во время своей американской поездки 1966 года, Агата набросала еще один сюжет. Роман «Вечеринка на хэллоуин» она завершила весной 1969 года. Хэллоуин — канун Дня всех святых — скорее американский, чем английский праздник, но Агата давно хотела описать детскую вечеринку. Ее занимали необыкновенные выдумки и способности детей (что нашло отражение в «Н или М?»), их интуиция и природная правдивость, и вместе с тем их жестокость (как в «Фокусе с зеркалами»). Присутствует в романе и таинственная трансформация пейзажа (как в «Ночной тьме»), и власть денег, создающая видимость красоты. Из-за большого количества отступлений и затронутых проблем роман получился весьма запутанным, что, похоже, присуще всем поздним работам писательницы.

В середине 1969 года Агату буквально рвут на части: наперебой приглашают на встречи и выступления, просят дать в журнал рассказ или хотя бы несколько строк. Продюсеры, издатели, журналисты и устроители всяческих мероприятий

начали готовиться к ее восьмидесятилетию. Пожилая женщина не ожидала такой бешеной атаки. *«Мне кажется, нам с Вами придется что-нибудь сообразить по поводу «приближающейся даты», — печально написала она Корку, — по никакого (!) телевидения».* Когда один продюсер принялся уверять ее, что телевидение теперь сильно изменилось, она ответила: *«Должна заметить, что я не поклонница телевидения... Оно, разумеется, весьма полезно — посмотреть скачки, новости, прогноз погоды, всегда неверный (как и в газетах!). Но получать от него удовольствие?! Нет, это не для меня!»* Она считала, что причина ее антипатии к экрану в его размерах — «или кадры меньше почтовой марки, или какие-то отвратительные пропорции». Но Агате не только было «весьма трудно верить и ощущать реальность происходящего, глядя в неподвижный ящик», но и вообще давать интервью в эфире: *«...такое чувство, что пускаешь в свою жизнь зрителя, который наблюдает за всеми твоими личными делами и задает бестактные вопросы...».* Она призналась, впрочем, что ей понравились некоторые передачи по телевидению: *«...сериал «Сага о Форсайтах» и фантастический фильм о людях, попавших на Луну и знающих, что они никогда не смогут вернуться».* Но у нее самой не было никакого желания появляться на телевидении или что-либо писать для него.

Однако с приближающейся годовщиной было связано немало приятных моментов. Национальная галерея попросила фотографию ее с Максом, а некий датский издатель прислал в подарок фарфоровые статуэтки лошадей. Она с большой радостью узнала, что Мэтью учредил в 1969 году Детский фонд Агаты Кристи. Макс предложил заказать ее портрет у художника, и Мэтью договорился с Оскаром Кокошкой. Хотя Оскар мало занимался портретами, он согласился, поскольку был большим поклонником Агаты. Они провели восемь двухчасовых сеансов в Лондоне, каждый из которых заканчивался стаканчиком виски для Оскара. Художник и модель очень понравились друг другу. Картина получилась интересной: портрет очень старой женщины — именно такой и была теперь Агата. В нем удачно схвачено внешнее сходство и манера поведения, например, ее привычка постукивать пальцами по подлокотнику кресла. «Очень страшно», — была ее первая реакция, когда Кокошка разрешил ей посмотреть. «По крайней мере, — сказала она Корку, — я тут выгляжу солидно». Величественная, она восторжествовала над Голливудом: «Оскар оказался боль-

шим поклонником моего носа — такого большого и породистого. Я знаю, что все кинозвезды уменьшали свои носы. А я останусь верна моей римской гордости». Мэллоуэны, Кокошки и Причарды отпраздновали окончание портрета завтраком, причем Агата выполнила персональный заказ художника, присланный заранее телеграммой, — три копченых селедки и пинту пива «Гиннесс».

Глава 25

«Просто я тружусь и хорошо зарабатываю»

Сегодняшнему читателю может показаться, будто Агата в течение многих десятилетий находилась на вершине всемирной славы. На самом деле она стала признанным лидером среди авторов детективов только в начале семидесятых — во многом благодаря усилиям американских и британских издателей, всерьез взявшихся за рекламу и распространение ее книг. Если сама Агата Кристи сразу после войны без ложной скромности включила себя в четверку крупнейших британских детективных авторов, когда зашла речь о публикации в советском журнале, то тиражи ее еще долго оставались такими, что даже в 1961 году службы Корка и Обера вполне справлялись с выпуском ее произведений. Книг Кристи катастрофически не хватало; уже в сороковые годы поклонники на Мальте, в Японии, Бразилии, Чехословакии засыпали ее просьбами помочь достать ее книги. Впрочем, просили и о фотографиях, и о деньгах. Большая часть этой корреспонденции задерживалась ее агентами, но Агата всегда прочитывала письма читателей, особенно если в них указывалось на какие-то оплошности или ошибки в книгах. Она сама отвечала на некоторые письма, среди которых бывали очень странные и сумасбродные. Одно, показавшееся ей обличительной речью в стихах, исходило, по всей видимости, от сумасшедшего и разоблачало жестокость в жизни вообще (копии этого письма получили некоторые государственные деятели). Некоторые просьбы были весьма удивительными. В письме из Новой Зеландии просили фотографию, чтобы поместить ее в специальной комнате, в которой хранились 307 (!) написанных ею книг, переплетенных в телячью кожу. Некий шофер хотел узнать, сколько стоит еда в «Восточном экспрессе», а один французский издатель спрашивал разрешения напечатать отрывки из «Подвигов Геракла» в книге об Англии (в главе, рассказываю-

шей об «английском чаепитии»). Японскому эксперту по компьютерам понадобилась помощь в сборе материалов «о жизни мисс Марпл», а представителю Свердловской киностудии — перечень ее книг. Агате, ее издателям и агентам было трудно самим следить за выходом ее произведений, которые теперь переводились и печатались во всем мире. Поэтому Корк и Коллинз, естественно, были рады выходу книги Гордона Рэмси, где впервые появилась библиография Кристи.

Ей присылали немыслимое количество вопросов и анкет. «Почему Вашим знаменитым детективом стала очаровательная старая дама?» — интересовался поклонник актрисы Маргарет Рутерфорд. «Просто так», — кратко, как всегда в подобных случаях, ответила Агата. Пришла весьма внушительная анкета из итальянского журнала, «занимающегося социальными проблемами», а также «культурными и историческими истоками участия женщин в общественной жизни». На вопрос о причине повышения активности женщин в обществе Агата ответила: «...Со стороны женщин весьма глупо сдавать свои привилегированные позиции, завоеванные в ходе многих веков цивилизации. Ведь первобытные женщины работали не разгибаясь. Кажется, теперь мы решили добровольно вернуться в то же состояние». На вопрос о необходимости участия женщин в научном и техническом прогрессе Агата ответила так: «Должна сказать, что он вполне преуспел бы и без них». Анкета заканчивалась вопросом «Соответствуют ли Ваши ответы общепринятому мнению в Вашей стране?», на который она кратко написала: «Скорее всего, нет».

Увлечение ее книгами во всем мире продолжалось, тиражи росли. Данные ЮНЕСКО, опубликованные в 1961 году, показали устойчивый и постоянный спрос на ее произведения. Радио- и телекомпании, особенно в Америке, где мнение зрителей и слушателей всегда играло важную роль, беспрестанно обращались за правом на постановку ее повестей, романов и пьес. Знаменитая «Мышеловка» подстегивала интерес к возможностям инсценировки ее произведений. Издатели и литературные агенты Агаты осознали, с каким ценным автором имеют дело: каждая ее книга, даже дорогая, в твердом переплете, расходилась невероятными тиражами — до пятидесяти тысяч экземпляров через неделю после выхода, — и поэтому старались помогать ей во всем, оберегали ее и выполняли любые прихоти. Как сказал однажды Билли Коллинз по поводу затянувшихся проблем с

ремонтom ее автомобиля: «...Знаю, что это очень нелегко устроить, но Агата Кристи — исключительный автор». Его всегдашней неписаной обязанностью было доставать Мэллоунам билеты на Уимблдон, а также отправлять книги издательства в начальную школу в Гэлмптоне, ближайшей к «Гринуэю» деревушке, в которой Агата была «одним из попечителей»; каждый год к Рождеству он посылал и самой Агате целую кипу книг по ее выбору.

Дела с контрактами не представляли трудностей. Оплата авторских прав оставалась прежней, но процент от продажи стал намного выше. В 1950 году «Додд и Мид» заметило Корку, что теперь этот процент выше, чем у Бернарда Шоу. Но даже при таком положении вещей финансовые дела Агаты не всегда шли гладко, и она часто бывала стеснена в средствах, поскольку из-за огромных заработков она платила непомерно высокие налоги. Более того, ее финансовое положение было настолько запутанным всю ее творческую жизнь, что иногда она даже сама не понимала, как все это выдерживает. Впрочем, Агате было не привыкать к финансовым трудностям. Разорение отца, скрупулезная экономия в начале ее первого замужества, тяжелое время после развода с Арчи — вся эта закалка пригодилась в жизни, когда в 1938 году на нее, уже неплохо зарабатывающую, обрушились налоговые неприятности.

Как мы знаем, для ведения своих дел Агата пользовалась услугами профессионалов, на нее работали адвокат и бухгалтер, а Эдмунд Корк как литературный агент занимался ее контрактами и решал — после консультаций с бухгалтером и своим заокеанским коллегой Обером, — когда и как лучше перевести в Англию заработанное их клиенткой за границей. Но большую часть ее доходов в тридцатые и сороковые годы составляли заработки в Соединенных Штатах, чьи налоги она как «нерезидент» была платить не обязана. Такие доходы могли облагаться налогом только в Англии. Однако в 1938 году апелляционный суд Второго округа в Америке рассмотрел дело британского подданного Рафаэля Саббатини, известного писателя, и вынес решение, из которого следовало, что Саббатини должен уплатить налоги в Америке. Данный прецедент заставил американские власти обратить внимание и на дела Агаты. С этого момента и начинаются многолетние «налоговые мытарства» писательницы.

В случае применения к Агате того же решения, что и к Саббатини, она должна была заплатить дополнительно ог-

ромные налоги, никто даже не представлял, какую именно сумму. Ее заработки в Америке были приличными (например, один только «Кольерс» за права на «Рождество Эркюля Пуаро» заплатил 27 500 долларов), но никто не мог сказать, какой промежуток времени будет приниматься во внимание при взимании налога. Более того, нанятый Обером адвокат Рейнхеймер полагал, что американский департамент по доходам с помощью экспертов постарается очень дотошно все подсчитать, и поэтому Агате есть смысл принять все меры и, возможно, даже отказаться от части выплат, чтобы быть готовой удовлетворить требования департамента и таким образом избежать полного банкротства. Это дело затянулось на годы. Многие документы погибли или затерялись; появлялись какие-то дополнительные бумаги, вносящие путаницу в предыдущие, но и они тоже терялись в ходе многолетней переписки между налоговыми управлениями различных районов.

Тем временем Агате нужны были живые деньги, чтобы заплатить уже британские налоги по совокупным доходам. «Если бы я могла добиться справедливого исхода в этом деле, я бы осталась на плаву», — говорила она Корку в 1941 году. Хотя США и Англия подписали договор об освобождении от двойного налогообложения в 1948 году, Агата все еще не знала, какая у нее сумма на американских счетах, поскольку все равно оставались налоговые недоимки за 1941—1948 годы. Даже к 1967-му проблемы еще не были окончательно решены. «Я не могу понять, как так можно жить, — возмущалась она, — если ты заработал семь тысяч фунтов, а налогов нужно заплатить пять тысяч!» Корк старался успокоить ее и советовал не углубляться в тонкости притязаний налоговой службы. Но в марте Агата попросила его подробно объяснить ситуацию с ее налоговыми платежами: «Я не знаю, что, кому и за что я плачу. Меня это беспокоит. Одни только разговоры, и ничего хорошего! Законоведы!!!» Корк заверял ее, что нищета ей, во всяком случае, не угрожает.

Тем не менее Агата пребывала в постоянной тревоге и неуверенности, и Макс старался ее отвлечь от тяжелых работ и уделять ей больше внимания. Иногда она начинала паниковать и принималась писать Корку жалобные письма или предлагала самые невероятные проекты (например, что она будет читать лекции в Америке). Но большей частью ей удавалось сохранять присутствие духа, она даже шутила надо всеми этими напастями и упрекала Корка, что тот не держит ее в курсе всех новостей: «Ваша воспитательная привычка

описывать только солнечную погоду (или новости!) наводит меня на подозрения. Я должна быть в курсе всего... А вы что-то темните». Организованная в январе 1957 года «Christie Copyright Trust» («Компания по авторским правам Кристи») реорганизовалась в «Agatha Christie Ltd» (компания с ограниченной ответственностью «Агата Кристи»), но, получив первый чек, Агата снова заволновалась. *«Как я объясню, откуда я его получила, — написала она Хью Мэсси, — если вдруг налоговый инспектор спросит? Сказать, что я не знаю?! Вполне можно подумать, будто я кого-то шантажирую и этот кто-то переводит деньги на мой счет, сохраняя все в великой тайне...»*

Семья Агаты и ее близкие друзья понимали, что все эти проблемы она принимает близко к сердцу. Затянувшаяся неразбериха с налоговым управлением расстраивала ее, потому что она любила четкость и порядок и старалась поддерживать его во всех своих делах, особенно денежных.

Но природное добродушие и чувство юмора всегда выручали. Агата была фаталистка по натуре и перед замужеством призналась Максусу, что, возможно, у нее «слишком своеобразное отношение к жизни», на что тот спокойно ответил, что она не должна беспокоиться — ей не придется «менять себя». Все близко знавшие ее люди видели, как тяжело она переживала крах своего первого замужества и «страшные десять дней» 1926 года — много думала над этим и консультировалась с психоаналитиками. Но со временем отошло и это, и Макс часто говорил, что Агата «смотрит на мир как дитя».

Много неприятностей приносили ей посягательства на ее частную жизнь. Были попытки сфотографировать «Гринуэй» с самолета или тайком проникнуть в дом и сад. Розалинда и Энтони помогали ей защищаться от подобных вторжений, поскольку через год после женитьбы Мэтью и рождения маленькой Александры, правнучки Агаты, они переехали из «Пливреча» в «Гринуэй». Розалинда и Энтони жили в коттедже на краю сада, но почти все время проводили в «большом» доме, присматривая за всем. Агату радовало, что семья и близкие друзья защищают ее от слишком назойливых поклонников. Многие не понимали и не понимают до сих пор, почему она так старательно ограждала свою личную жизнь, но Агата была непреклонна. «Почему писатели должны рассказывать о том, что пишут?» — спросила она Корка; а на просьбу французского телевидения представить себя в передаче «Кто есть кто» ответила: «Ни за

что». Многие не знали или не верили в ее стеснительность. Ее секретарю и подруге Стелле Кервен с большим трудом удалось убедить продюсера британской телевизионной программы «Это ваша жизнь», что Агата придет в ужас от одной мысли рассказывать в студии о своей жизни. Хотя теперь задавали все меньше вопросов о событиях 1926 года, она по-прежнему предпочитала обходить эту тему. «Об этом могут знать только самые близкие мне люди, — сказала она Корку после появления в «Санди таймс» пространной статьи на сей предмет. — ...Похоже на перетряхивание грязного белья... Желание писателя следует все-таки уважать...». Появлявшиеся время от времени в прессе невероятные истории о ней раздражали Агату, и как-то она жалобно сказала Корку: «...Просто выслеживают! Обо мне ведь написана целая колонка в «Кто есть кто», и с моими издателями можно связаться и легко узнать все необходимое. А тут какие-то дикие предположения! Кто я — банковский грабитель?! Или жена банковского грабителя?! Просто я тружусь и хорошо зарабатываю — как многие другие писатели».

Агата соглашалась давать интервью только в тех случаях, когда рекомендовал Корт или если журналисты проявляли к ней особое уважение и такт. «В Амстердаме меня ждала группа очень приятных журналистов, — рассказывала она Корку после поездки в Сирию в 1951 году. — Как они узнали?! Трое взяли у меня интервью, а потом я поговорила еще с одним... Время пролетело незаметно». Огромным букетом красных роз встретили ее журналисты в другой стране пару лет спустя: «...Я обратилась к ним по-французски, а их французский был не блестящий, и я сомневаюсь, что они поняли, о чем я говорю». Фотографироваться она очень не любила. Перед своим шестидесятилетием Агата пошла в студию Ангуса Макбина, умного, симпатичного человека и знаменитого фотографа. Он сразу понял, что ее трудно будет хорошо снять, и постарался подчеркнуть присущую ее облику живость и драматичность. Агата была нефотогенична, ее лицо на снимках кажется тяжеловатым, его прелесть была в подвижности черт и постоянно меняющемся выражении, и Макбин превосходно уловил это. После него мало кому из фотографов удалось сделать хорошие снимки. Агату нельзя было снимать в статичной позе, усадив в кресло. Гораздо лучше она выглядела в непринужденной обстановке — с цветами, с собакой, с кем-то из домашних. С возрастом она начала всерьез расстраиваться из-за плохих снимков. *«Посмотрите, Эдмунд, что мне с этим делать?! —*

написала она Корку в 1953 году, получив особенно неудачную фотографию. — *Разве это я? Какая-то психопатичная личность... Все! С фотографиями покончено раз и навсегда! Не понимаю, зачем мне все время испытывать это унижение!..*» После этого в печати появлялись только снимки Ангуса Макбина и другого талантливого мастера, Уолтера Берда. Хотя фотография, сделанная для Национальной галереи, ей понравилась, Агата попросила Корку выкупить права на ее воспроизведение, чтобы в будущем этот снимок никто не мог самовольно напечатать. Незадолго до семидесятилетия Агата пережила настоящее потрясение: в черновике неотправленного Корку письма она жалуется на журнал, опубликовавший ее рассказы, предварив их фотографией:

«...Очень большая фотография сидящей за столом женщины — с лысой (!) головой! Я показала ее шести разным людям, и все подтвердили — да, конечно, лысая. Как Вы думаете, этого достаточно, чтобы у пожилой женщины, оказавшейся на моем месте, случился инсульт?! Нельзя и представить себе большей бестактности!..»

Теперь Агата работает меньше, живя на гонорары с продаж книг. Питер Сондерс, не в силах забыть успех «Мышеловки», некоторое время пытался заняться и другими пьесами, но вскоре оставил эту затею. В семидесятые годы книги Агаты продавались превосходно и она спокойно жила и радовалась жизни в «Винтербруке» и «Гринуэе» в обществе родных и друзей, наслаждаясь покоем, изысканной едой, напитками и хорошими книгами. Ее литературные вкусы не сильно изменились: среди любимых книг по-прежнему числились романы Пола Гэллико и Мюриэл Спарк; ей нравились Джулиан Симмонс, Норман Коллинз, Нэнси Митфорд и Джеральд Даррел; и всевозможные мемуары и жизнеописания великих людей, включая «Жизнь Христа» Ренана; как обычно, ею прочитывалось бесконечное множество детективной литературы и справочников по криминалистике. Но она всегда оставалась верна классике. Когда во время войны по радио проводили опрос на тему «Выдающиеся авторы», Агата и Макс обсуждали в письмах, как бы они ответили на вопросы анкеты. «*Я бы добавила Шоу, — написала Агата, — но не уверена насчет Киплинга (посмотрим лет через двадцать). А как Уэллс? А Голсуорси?*» Она перечитывала Диккенса и Шекспира, поэзию читала постоянно, ходила в оперу и на драматические спектакли: «Король Лир», «Оливер», «Волшебная флейта», «Как преуспеть в бизнесе» —

далеко не полный список ее любимых постановок. Она обожала цветы и хорошую еду. Иногда в компании с Максом и соседями — Сибил Торндайк и ее мужем — она ходила в ресторан на Суон-Корт «полакомиться самой вкусной телятиной», а за городом наслаждалась великолепными фруктами из собственного сада — персиками, черной смородиной, сливами, земляникой и ежевикой. У Агаты был отменный аппетит. Свою книгу «Объявленное убийство» она посвятила друзьям, в доме которых впервые попробовала «восхитительную смерть» — роскошный шоколадный торт, а годы спустя, попробовав взбитое суфле с меренгами и ликером, заметила: «А вот это — восхитительная жизнь».

Глава 26

«Думаю, уже осталось недолго»

В 1970 году, накануне своего восьмидесятилетия, Агата была на вершине славы. Они с Максом давно уже не выезжали на юг, и в начале 1969 года она сильно простудилась. Собравшись с силами, весной 1970 года супруги отправились на Кипр, а потом в Австрию — «подышать горным воздухом». Остаток весны Агата провела в попытках привести в порядок свою книгу «Пассажирка до Франкфурта» (как она писала — «Франкфорта»).

Сюжет она начала обдумывать в 1963 году и попросила Корка найти книгу «Королевская семья», написанную Фриделинд Вагнер, внучкой знаменитого композитора, с которой Агата, Макс и Мэтью познакомились на Вагнеровском фестивале. Фриделинд взяла их с собой за кулисы, а потом побывала с ними в Баварском оперном театре. Она много рассказывала о своем знаменитом дедушке, в том числе некоторые анекдоты о нем и о Гитлере. Эти анекдоты навели Агату на размышления о мире тайных заговоров и шпионажа. Она попросила Коллинза достать ей книгу «Вклад в европейскую историю», а Корка — целый перечень «зарубежных металлических монет малого размера и малой стоимости», а также узнать источник цитаты: «Пожалели гвоздя — потеряли коня». Название книги менялось — «Транзитные пассажиры», «История потерявшейся пассажирки», а в 1966 году сюжет получил название «Пассажирка до Франкфурта», и в блокноте Агаты появились записи: «Аэропорт. Рената... Сэр Нейл в офисе М-14. Он все больше раздражается. Гитлеровские идеи. Один из многих, кто

считает себя Наполеоном — или Гитлером — или Муссолини. Один из тех, кого тайно вывезли. Н. занял его место... На ноге у него выжжено клеймо — свастика. Сын. Родился в 1945 году. Теперь ему 24. В Аргентине? В США? Руди. Молодой Зигфрид...».

Затем Агата начала сводить воедино свои разрозненные мысли: переодевания, маскировка; люди подлинные и те, кто прячется под чужим именем и за чужой внешностью; международный шпионаж и тайные организации; секретный план в газетном объявлении. Это было своеобразное попури на популярную в то время тему — истинная судьба Гитлера и его окружения; его возможный побег; вероятность второго пришествия — теперь уже Гитлера-сына. На страницах «Пассажирки» появляется и властная фигура наподобие миссис Бойнтон из «Свидания со смертью» — садистки-жесточкой, одержимой манией величия: «...старая леди Грэфин — немощная, но властная — невероятно богата — Берта Крупп — наследница оружейной промышленности...». В черновике соединились и вымысел, и пропаганда, и собственные воспоминания о встречах в Калифорнии и о чем-то из прочитанного.

«Как вы думаете, смогу я заполучить эту серию? — спросила она Билли Коллинза, увидев обзор книг серии «Современные мастера» издательства «Фонтана». — Она бы пригодилась мне в работе. У Александры должна быть умная, образованная прабабушка. Как только эти книги появятся здесь, я сразу за них засяду». Агата всегда увлекалась интеллектуальной литературой — с Максом и домашними часто обсуждала таких авторов, как Фрейд, Юнг, Мур, Витгенштейн. Конечно, теперь ей было труднее сосредоточиться, но читала она много, ее все больше интересовали морально-философские проблемы — добро и зло, жестокость и милосердие. Длинная запись в черновике книги «Пассажирка до Франкфурта» (с пометкой «включить в текст») иллюстрирует ее взгляды: «Идеализм может проистекать из неприятия несправедливости и грубого материализма, а может проявляться в усиливающемся желании разрушения... Те, кто полюбил силу ради самой силы, никогда не становятся взрослыми. Они останавливаются на подростковой стадии развития».

Блокнот Агаты заполнялся записями: «...Цитаты или резюме целей Сталина (из книги Светланы?). ...Африканский режим — Нкрума или Конго? Алжир? Ирландия? Италия — «красные бригады» и терроризм. Американские универси-

теты. Движение чернокожих и т. д.». Сюжет «Пассажирки до Франкфурта», конечно, вымышлен, но в нем — отзвуки реальных событий, пересказанных Агате друзьями из Лондона, Оксфорда и Вашингтона, дипломатами, политиками, журналистами. В конце шестидесятых — начале семидесятых со всех сторон света приходили сообщения об угонах самолетов, терроризме, молодежных выступлениях, торговле наркотиками, войнах, переворотах и революциях. Агатина книга — просто увлекательное приключение, и только самые легковверные читатели или лица, страдающие навязчивыми идеями, ухитрились углядеть в ней что-то большее. Однако она пришлась ко времени, появилась именно тогда, когда все казалось поставленным с ног на голову — когда человек с его психологией и поведением перестал приниматься в расчет. Роман же Агаты утверждает торжество простого и трезвого здравого смысла над любой напыщенной риторикой, герои ее простодушны, но именно на таких «держится мир».

Когда книга была закончена, все — и Корк, и Дороти Олдинг, и семья Агаты — почувствовали тревогу. Коллинз, тот так и считал, что книга будет «сплошным несчастьем». Она понравилась только Энтони. Все растерялись. Но осенью в Англии книга стала расходиться с невероятной быстротой, а ее появление в Америке весной 1971 года стало настоящей сенсацией. Агата не только затронула извечные и всеобщие темы, но и ударила по нервам.

Выпуск книги «Пассажирка до Франкфурта» пришелся к юбилею Агаты, и она призналась Корку: «...Полагаю, что мы должны будем что-то сделать. Но я предлагаю — как можно короче! Никаких утомительных мероприятий!» Она избежала интервью с Годфри Уинном из «Дейли мейл» только благодаря верному Бинго, укусившему настырного репортера. Бинго появился в доме после Трикла, умершего в 1969 году. Агата очень хотела породистого манчестерского терьера, и Розалинда нашла ей такого. Но к сожалению, Бинго оказался неисправимым невротиком и уже щенком приводил всех в ужас, кусая чужих и своих — и Макса, и Розалинду, и всех посетителей. Он отпугивал от «Винтербука» и желанных, и неожиданных гостей, бросался на любой звонок в дверь и даже телефонный звонок; не трогал он только Агату — обожал ее, спал на ее кровати, ходил за ней по пятам, вероятно чувствуя ее любовь к себе.

Агата отметила свой день рождения в Девоне. Для домашних был организован пикник в «Гринуэе» — «салат из

авокадо, омары, ежевичное мороженое, масса фруктов и ягод, сливки пожирнее для меня, а для остальных — шампанское». Агата успокаивала Корку: «Сегодня я еще жива!!!» Она вынуждена была попросить Хью Мэсси заняться приветствиями и поздравлениями из-за границы. Цветы, нескончаемые телеграммы и письма заставили ее, как она выразилась, «почувствовать себя прима-балериной и лишиться последней скромности». Особенно она была рада подарку, который прислал Корк — золотой авторучке, — и сказала: «Смерть любому, кто одолжит ее и не вернет обратно». В заключение был праздник у Коллинза, где Агата призналась, что «получила огромное удовольствие» и попросила сфотографировать ее с большим шоколадным тортом, с Максом, с ее «красивым!» издателем и с литературными редакторами, потому что это «будет лучшей памятью о восьмидесятом дне рождения».

В Наградном листе на 1971 год было объявлено, что Агата удостоена ордена Британской империи и приобрела титул Дейм — Кавалерственной Дамы. Это было последнее изменение ее имени. Друзья и соседи продолжали называть ее леди Мэллоуэн, но ее новое имя — «Дейм Агата» — вызвало недоумение у американских поклонников, бросившихся покупать «Пассажирку до Франкфурта», как только книга в марте вышла из печати. В январе Агата с Максом на несколько дней отправились в Париж, хоть Агата и считала, что в ее возрасте путешествовать уже тяжело. Тем не менее она обещала Корку в мае сдать свою новую книгу — роман под названием «Немезида» из цикла о мисс Марпл. Первые наброски к нему датируются октябрём 1966 года, но всерьез работать над ним Агата начала в январе 1971-го. Заметки начинаются с упоминания «объявления о смерти мистера Рейфила в «Таймс». Мистер Рейфил был полупарализованным стариком в инвалидном кресле, которому мисс Марпл помогала в «Карибской тайне»; он хотел, чтобы она выступила в роли Немезиды, чтобы увидеть, как восторжествует справедливость.

Тема возмездия всегда интересовала Агату. В разные годы оно представлялось ей по-разному, но главное не менялось: она всегда считала, что человек, совершивший насилие и жестокость, не должен оставаться на свободе. Как бы ни была несправедлива к тебе судьба, все равно лишить жизни другого человека — это самое тяжкое преступление, которому не может быть оправдания. В ее произведениях безнаказанными оставались лишь те немногие из убийц, кото-

рые по какой-то причине умирали сами, не успев попасть в руки правосудия. Всякое зло должно быть наказано, и смысл правосудия не в отмщении, а в восстановлении справедливости. В книгах Агаты иногда эту миссию вместо судьи земного осуществляет Судия Небесный. Всегда и во всем любившая порядок, писательница была убеждена, что за все содеянное необходима кара — в назидание другим.

«Немезида», как и многие детективы Агаги, затрагивает как нравственные, так и житейские проблемы. Мотив преступления — страсть властной, богатой женщины к молодой впечатлительной девушке — тема одновременно и экзотичная, и обыденная. Это вовсе не означает, что, как утверждают некоторые критики, Агату на старости лет потянуло на «скользкую» тему необычных сексуальных и эмоциональных отношений. В «Немезиде» много противоречий и странностей, которые легко объяснить возрастом Агаги и происходящими то и дело нервными встрясками. Было, например, очень много передраг из-за пьесы «Это смертельное кольцо», которую она послала Корку в самом начале 1971 года. В пьесе рассматривается тема «заказного убийства». Агата возлагала на нее большие надежды. *«На прошлой неделе мы смотрели в Оксфорде «Миссис Маркхэм», — написала она Корку. — Макс сказал, что пьеса очень глупая, хотя публике понравилась — смеялись много. Люди просто хотят отдохнуть и повеселиться»*. Агата отправилась в Париж, предоставив заботы о «Смертельном кольце» Корку. Питер Сондерс пьесу отклонил, но Джеймс Грант Андерсон (актер и менеджер) взял ее в июне на гастроли. Успеха она не имела.

Вернувшись, Агата слегла — упала в «Винтербруке» и сломала бедро. В июне ей сделали операцию в ортопедической клинике в Оксфорде, и вскоре она вернулась домой выздоравливать. Билли присылал ей книги, а Мэтью и Анджела — кассеты с записями ее любимой музыки. Розалинда, Энтони и Макс как могли старались развлечь ее. Сама Агата, чтобы не скучать, вела деятельную переписку с Билли на тему обложки к «Немезиде». К Рождеству она встала на ноги, однако ходить по Лондону еще не решалась. Она только ненадолго заехала в Музей восковых фигур, куда ее давно и настойчиво приглашали позировать — отдала туда свое старое платье (поскольку с одеждой, которая ей нравилась и которую еще можно носить, расставаться не любила). Оставалось еще закупить рождественские подарки. «Я столько лет с удовольствием этим занималась, —

сказала она Корку. — А теперь вот устала и хочу домой». Однако узнав, что это прекрасно можно сделать по почте, она заказала часы с кукушкой, «современный набор инструментов» для племянника, погремушку для правнучки и «вечный фонтан для увлажнения воздуха в гостиной».

Зима была тяжелой. «Винтербрук» начал ветшать. *«Сильный ветер и дождь, кое-где крыша протекает и капают трубы, — написала Агата Анджеле, — в холле испортилась проводка. Надо звать электрика и водопроводчика»*. Сад разросся, и в кухне стало темно. Макса тревожило, в какую сумму обойдется ремонт дома, как и содержание нового, купленного в конце 1971 года «мерседес-бенца». Но Агата не унывала. *«После обеда у меня начался ужасный насморк, — рапортовала она Корку, — и теперь уже целый час я сижу и прикладываю к носу горячее вареное яйцо»*. Она договорилась о поездке в Ниццу, чтобы им с Максом «погреться на солнышке».

Агата не смирилась с провалом своей пьесы «Пять скрипачей» и предложила режиссеру Аллану Дэвису внести в пьесу кое-какие изменения — летом 1972 года поработала над ней, изменила количество персонажей и название. Премьера «Трех скрипачей» состоялась в Гилфорде в начале августа, но пьеса продержалась всего несколько недель. Агата тем не менее осталась очень довольна спектаклем, поскольку ей очень нравилась труппа. Теперь она охотно выбирается из дома только в Клуб детективов да в любительский театр Уоллингфорда и до самого конца жизни делает наброски будущих пьес.

В то лето Агата добросовестно трудилась над своей новой книгой «Слоны помнят все», в которой появляется знаковый еще по «Тайне «Голубого экспресса», «После похорон» и «Третьей девушке» мистер Гоуби — вездесущий, но неуловимый поставщик информации. Мистер Гоуби — что-то вроде мальчика на побегушках у фигур посolidнее, но он может узнать все обо всех: как другие собирают деньги, так он собирает информацию. В романе «Слоны помнят все» Агата возвращается к любимым темам: тень старых грехов, проблема нераскрытого преступления, загадочные семейные драмы («Жена убивает мужа? Муж убивает жену? Сумасшедшая, убивающая детей?»). «Все проходит, — написала она в блокноте. — Каждый будет забыт. Люди не забывают только то, что было с ними в детстве... Как слоны... Слоны никогда не забывают». Книга получилась бесхитростная, откровенная, часто с забавными эпизодами,

с честными описаниями немощной старости и ее отношения к молодому поколению. Это был последний роман, написанный Агатой, прежде чем силы покинули ее.

Теперь она пыталась привести в порядок свои литературные дела и разобрать записные книжки с набросками сюжетов, но записи были настолько бессистемными, что она оставила это занятие. В феврале 1972 года она написала Корку:

«...Посылаю Вам старые стихи, которые я тут собрала... Думаю, пусть они лучше будут у Вас, поскольку в возрасте восьмидесяти одного года можно внезапно в любое время покинуть этот мир — или от аварии на наших дорогах, или от сердечного приступа, или от удара по голове какого-нибудь длиноволосяго типа, которому захотелось развлечься таким образом... Поплакав на моих похоронах, выпустите их в свет — если моя семья не будет возражать».

Три месяца спустя Агата послала ему «Эхнатона»:

«Мне кажется, пьеса очень подходит для теперешнего времени, так что если кто-нибудь вложит деньги в постановку (она, естественно, обойдется дорого), то не сомневаюсь в успехе, теперь такой фурор с египетским Тутанхамом. Мне очень нравится пьеса, хотя я готова к тому, что никто не согласится финансировать ее постановку. Если так и получится, я бы очень хотела, чтобы ее опубликовали».

В 1973 году Коллинз выпустил «Стихи» и «Эхнатона» под одной обложкой с детективным рассказом. «Я так устала, — жаловалась Агата миссис Томпсон, которая помогала ей в «Гринуэе», — а от меня все ждут новенького». И она берется за следующую книгу — уже из чувства долга. Ее название «Врата судьбы» она взяла из стихотворения Флекера, перебрал несколько вариантов — «Задняя дверь судьбы», «Караван судьбы» и даже «Караван беды». Но работать было все труднее. Макс жаловался Розалинде, что работа убивает ее. Однако она не бросала книгу и попросила Корка высказаться начистоту по поводу этой вещи. Он тактично предложил ей помочь с изданием. Макс и миссис Ханибоун, машинистка Мэллоуэнов, которой Агата посвятила «Немезиду», были с ним согласны, только Розалинда возражала. Но когда книга вышла из печати (в конце 1973 года в Англии и в начале 1974-го в Соединенных Штатах), отзывы были хорошими. Она быстро расходилась, и к февралю 1974 года заняла третье место в списке европейских бестселлеров.

Розалинда была непреклонна, она беспокоилась и о здоровье матери, и о ее литературной репутации и попросила Коллинза не требовать новых книг. Билли согласился, что здоровье Агаты нужно оберегать, но оставил вопрос открытым, заявив, что, возможно, «обдумывание очередного сюжета как раз и поддерживает работу ума и, может, она сама захочет что-нибудь написать». А издательство тем временем решило выпустить сборник рассказов, которые печатались раньше только в Америке или в журналах.

Ничего нового написано не было. В октябре у Агаты случился сердечный приступ, она чувствовала себя очень плохо, но нашла силы, чтобы на клочке бумаги черкнуть Корку:

«Стало немножко лучше, и доктор разрешил мне вставать и иногда ненадолго спускаться вниз, но почти все время в постели. Надоело!!!»

Она очень много читала: заново прочла всю свою «Мэри Уэстмакотт» («самые лучшие, я думаю, — «Роза и тис» и «Неоконченный портрет»); множество романов, включая «Весенний снег» Юко Мисимы, «Католики» Брайена Мура и кое-что из публицистики — «Британские тайны» и «Викторианский мир». Она также послала Корку свой экземпляр «Автобиографии» с правкой и добавлениями: «У меня есть время, и я не спеша все просмотрела». Теперь она предавалась воспоминаниям и кое-что записывала, делая наброски сюжетов. Но ни один из них уже не получил развития.

В декабре в «Винтербруке» Агата упала на пороге террасы и сильно разбила голову. Она сидела в постели в шелковой ночной рубашке с запекшейся на голове кровью и выглядела очень печальной. Но благодаря закалке, полученной в Сирии и Ираке, Агата и теперь, немного поправившись, иногда выходила в свет — то на Уимблдон с Максом, то на обед к лорд-мэру. В июле Макс убедил ее пойти на избирательный участок и проголосовать за членство Британии в Европейском сообществе. Это стоило больших физических усилий, но Агата считала, что должна выполнить свой гражданский долг. Консерватор по характеру, она верила в постепенность прогресса и не была сторонницей резких общественных перемен — в отличие от Макса, который в политике был романтиком и в 1945 году говорил ей, что «Россию ждет золотой век, что-то вроде эпохи с восьмого по шестое столетие до нашей эры в Греции», что эта страна возродится «не из-за своего военного гения, а из-за экономики и... воображения», ведь, по его словам,

мы «не знаем русских, кроме Сталина и Мичурина, этот народ — коллективный гений: он верит в то, что делает». Агата далеко не во всем с ним соглашалась, что видно и в ее романе «Пассажирка до Франкфурта», и теперь пыталась переубедить Макса в отношении Сообщества — оно может оказаться простым таможенным союзом, но тот видел в Сообществе нечто вроде объединенного исторического, культурного и интеллектуального рая. Шутки ради Агата согласилась и проголосовала «за».

Она также вела переписку с Билли по поводу обложки книги «Ранние дела Пуаро»:

«Он ведь был низенький человечек, не выше шести футов! И потом, я не помню, чтобы он когда-либо носил портфель!»

Она также огорчалась по поводу подборки рассказов для этого сборника: к тому времени дряхлеющий ум уже утрачивал прежнюю ясность. Она все еще надеялась «встряхнуть» его и написать «серию рассказов с привидениями или книгу про Бледного коня».

Слабая и старенькая Агата иногда, как нередко бывает с очень старыми людьми, вела себя совершенно по-детски. Она могла спокойно сидеть за завтраком с друзьями, тихо листая книгу, а могла и чудить, как однажды, когда настаивала, что наденет все свои броши сразу, начиная с большой бриллиантовой и кончая маленькой, расписной, которую ей прислали дети. Часто она становилась невыносимой, жаловалась, что ото всех зависит, а однажды, к ужасу домашних и друзей, она схватила ножницы и отрезала несколько длинных прядей своих волос, которыми так гордилась. Потом снова успокаивалась и могла подолгу сидеть в саду, беспрестанно требуя свою шляпу от солнца, полностью игнорируя, что та у нее на голове. Но иногда, заинтересовавшись чем-нибудь, она рассуждала и соображала с прежней живостью, как, например, когда зашел разговор о краже бриллиантового браслета английским футболистом во время поездки в Колумбию.

Упадок физический и умственный — это всегда печально. Семья Агаты старалась всячески оберегать ее. Теперь она виделась только со старыми друзьями и крайне редко выходила к посетителям. Одним из тех, кого все-таки приняли в «Винтербруке», был лорд Сноудон, уполномоченный «Санди таймс» сделать фотографии для статьи, предваряющей выход фильма «Убийство в «Восточном экспрес-

се». Снимки оказались занятые, но родственники предупредили журналиста, что они нигде не могут быть опубликованы без согласия Агаты. Все страшно расстроились, когда снимки вместе с ее бессвязным разговором с гостем без чьего бы то ни было разрешения появились в качестве интервью в австралийском журнале — из ряда вон выходящая жестокость, бестактность и цинизм!

Одним из немногих выходов Агаты в свет стала премьера фильма «Убийство в «Восточном экспрессе». Несмотря на то, что она считала эту книгу неподходящей для экранизации, Агата поддалась на уговоры лорда Маунтбэттена и согласилась доверить свой роман его зятю — Джону Брейборну. Фильм ей понравился, а Эркюль Пуаро в исполнении Альберта Финни показался ей весьма убедительным — только усики жидковаты. По крайней мере, фильм довольно точно соответствовал книге. Последним ее выходом стал ежегодный прием, посвященный «Мышеловке».

За Агатой теперь приходилось постоянно присматривать. Ее кровать в Уоллингфорде переставили вниз, и Макс был вынужден работать над своими «Воспоминаниями» не в библиотеке, а в неудобном кресле рядом с кроватью. Днем с Агатой могли посидеть друзья и соседи, а на ночь нанимали сиделку. Агате очень не нравилось, что за ней ухаживает чужой человек, ей хотелось, чтобы рядом находился Макс или кто-то из членов семьи. На выходные Макса сменяла Барбара Паркер, когда-то успешно справлявшаяся со всеми делами в Нимруде. Часто помогали друзья. Агата, забываясь, говорила то о подготовке к путешествию, то пыталась отправиться в Оксфорд искать Макса, то просила принести веревочную лестницу, чтобы опустить чемоданы, упакованные для «детей». Месяцем раньше она приготовила конверт с надписью «Максу или Розалинде», теперь добавила: «или Мэтью». Внутри были указания о ее погребении и просьба «сыграть Баха на моих похоронах — пусть Мэтью договорится». В другом конверте была цитата из Спенсера и отрывок из псалма: «Твое присутствие радостно», а заканчивалась записка словами: «Я бы хотела, чтобы эти две вещи написали на моем надгробном камне. Агата Мэллоуэн».

Агата пережила «невыносимого Пуаро» — в 1975 году Розалинда решила, что пришло время напечатать «Занавес». В нем Пуаро возвращается в «Стайлз» и говорит Гастингсу: «Я очень устал — переутомился от напряжения. Думаю, уже осталось недолго...» Осенью того же 1975 года вышло новое издание книги «Расскажи, как живешь».

Зимой Агата простудилась. «Я иду к тебе, Боже», — про-
бормотала она и умерла. Это случилось в «Винтербруке» 12
января после завтрака. Макс позвонил доктору, который
наблюдал ее последние двадцать лет. Тот сразу же выехал,
но, прежде чем достиг «Винтербрука», Макс перезвонил еще
раз: «Ее уже нет, — и добавил слова, удивившие жену док-
тора: — Никому об этом не говорите ни слова». Волнения
Макса были не напрасны: через несколько часов началось
настоящее нашествие. В Уоллингфорд нагрянула пресса —
местная, национальная, зарубежная. Не переставая звонил
телефон. Целыми днями Макс отвечал на телеграммы и пись-
ма, которые шли со всех концов света.

Агату похоронили, как она и просила, с обручальным
кольцом на пальце, в небольшой церквушке Чолси недале-
ко от «Винтербрука». Был холодный январский день. На
погребении присутствовала только семья и самые близкие
друзья. В мае прошла поминальная служба в соборе Свято-
го Мартина, во время которой звучали хоралы Баха. Билли
Коллинз по нездоровью не смог присутствовать и прислал
соболезнования.

Некоторые дела Агаты удалось уладить очень быстро. По
завещанию она оставила небольшие деньги, а также кое-
какие драгоценности близким друзьям, которым все это было
сразу же отправлено (единственной трудностью стала дос-
тавка Эдмунду Корку огромного перламутрового комода и
бюста Меркурия веджвудского фарфора). Деньги, пожерт-
вованные ее поклонниками, были распределены между при-
ютом «Маленьких сестер» и Детским фондом Агаты Крис-
ти. Другие дела заняли больше времени. Например, над-
гробный камень, высеченный одним из друзей по археоло-
гическим экспедициям, оказался настолько тяжелым, что
его пришлось переносить через церковную ограду подъем-
ным краном. Его можно увидеть с железнодорожной линии
Лондон — Оксфорд, когда она огибает Чолси.

Самой сложной и запутанной частью наследства Агаты ока-
зались ее произведения. «Спящее убийство» (прежнее назва-
ние «Лицо ее закройте»), последняя книга о мисс Марпл,
была опубликована в 1976 году. Возможно, Билли Коллинз
не удивился, получив письмо от Розалинды, сожалеющей,
что ей не показали эскиз обложки. Основной задачей Роза-
линды стало теперь сбересть чистоту творений Агаты — сле-
дить, чтобы «Agatha Christie Ltd» не связывалось с сомни-

тельными предложениями и чтобы неукоснительно выполнялась воли матери относительно ее произведений, выходящих огромными тиражами во всех уголках мира.

Можно только приблизительно подсчитать количество книг Агаты, проданных со времени опубликования первого произведения («Таинственное происшествие в «Стайлз»), поскольку выходили они в разных странах более чем на пятидесяти языках. По данным ЮНЕСКО, к 1980 году в мире было продано около четырехсот миллионов книг Агаты. Но дело не в точных цифрах — они просто показывают, что ее популярность продолжает расти.

После смерти Агаты появилось много книг о ней — от надуманных романтических повестей о ее жизни до серьезных литературоведческих трудов. «Официальную» — и очень качественную — биографию написала Розалинда. «Автобиография» Агаты вышла в 1977 году после большой работы над ней Филипа Зиглера (редактора издательства Коллинза), Розалинды и Энтони. Макс, в сентябре 1977 года женившийся на Барбаре Паркер, тоже постоянно занимался корректурами, но его собственное здоровье резко ухудшилось. После операции по поводу артрита тазобедренного сустава у него случился сердечный приступ, и в августе 1978 года он умер.

Книги Агаты выдержали проверку временем. Открыв любую из них, читатель уже не может оторваться. В них много фантазии и выдумки, опирающейся на вечные, общечеловеческие темы, которые волнуют всех без исключения — поиск и соперничество, смерть, любовь и деньги, власть и месть, и в конце концов — торжество добра над злом, простоты над хитроумием и коварством, земного и житейского над высокопарным идеализмом. Поэтому ее вещи никого не оставляют равнодушным.

Оттого-то неравнодушны мы и к образу самой писательницы — и в том секрет такой притягательности «Автобиографии» Агаты. В этой чудесной книге она рассказывает о себе, своей жизни и окружавших ее людях с мягким юмором и дает нам, как и в другой автобиографической повести, «Расскажи, как живешь», много ключей к разгадке ее жизни и характера. В ней Агата рисует свой «правдивый портрет», а то, чего нет в «Автобиографии», читатели найдут в ее произведениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Жизнь Дамы Агаты»

Биография Агаты Кристи, написанная Дженет Морган, оканчивается фразой «а то, чего нет в «Автобиографии», читатели найдут в ее произведениях». В действительности сама эта книга является собой превосходное дополнение к «Автобиографии». Передавая воспоминаниям, Агата Кристи практически всегда игнорировала хронологию, «встречала и расставалась» с другими персонажами из своей жизни по своей прихоти (даже с Максом мы знакомимся только как с человеком, а не с ее мужем); увлекательно передавая свое мировосприятие, она часто игнорировала внешнюю сторону события и старалась тактично обходить трудности. Работа Дженет Морган восполняет все эти пробелы.

Литературоведческая и биографическая библиотека Агаты Кристи начала составляться еще при жизни дамы Агаты, в 1967 году, но до биографии Морган не появилось ни одной достаточно серьезной книги, бытописующей жизнь писательницы: авторы ограничивались анализом литературного наследия и работами в жанре популярной в Европе «энциклопедии». «Автобиография» (учитывая огромную популярность Кристи) довольно долго оставалась единственным источником информации.

Получив доступ к семейным архивам семьи Миллеров/Кристи/Мэллоуэн, мисс Морган постаралась восполнить все пробелы. Она приводит генеалогическое дерево писательницы, снабжает Макса Мэллоуэна дополнительными биографическими данными («Мемуары» Мэллоуэна вышли в 1977 году, одновременно с «Автобиографией»), рисует более обстоятельные портреты всех членов семьи и домочадцев.

«Жизнеописание достопочтимой дамы Агаты Кристи», возможно, даже была задумана как своего рода комментарий к «Автобиографии». При этом мисс Морган более откровенно поднимает семейные, финансовые и деловые вопросы, трактуя их достаточно деликатно (и даже попрекая, например, Гвен Робинс за домыслы в знаменитом эпизоде исчезновения). Она старается цитировать как можно больше личных документов, а круг чтения и занятия маленькой Агаты музыкой описываются с такими под-

робностями, какие могут быть интересны главным образом специалистам. (Известна ли русскому читателю «Сильвия и Бруно» Кэррола так же хорошо, как и «Алиса»?)

Мягко высвечиваются важные в жизни дамы Агаты обстоятельства, такие как ее стремление к комфорту, любовь к хорошей еде, интерес и увлечение покупкой домов, а также роль страшных снов, страх увидеть за маской повседневного человека его звериную сущность, отраженный во многих романах, и, соответственно, внимательный, вдумчивый подход к жизни.

Перевод Е. Чевкиной выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Агата»

«Автобиография» — одна из самых увлекательных книг, вышедших из-под пера дамы Агаты Кристи, — не содержит абсолютно никаких упоминаний о ее загадочном исчезновении в декабре 1926 года. История, которая в свое время была всеанглийской сенсацией и до сих пор не получила удовлетворительного объяснения, втиснута в «Автобиографии» в крошечный абзац в конце пятой главы седьмой части. «Итак, после болезни пришли печаль, отчаяние и сердечная боль. На этом нет необходимости задерживаться». Таков был окончательный приговор писательницы, продиктованный ее сдержанным характером, не терпящим излишней шумихи и сенсационности (в чем ее и обвиняли). Но к тому моменту, когда писались эти строки, сама дама Агата как минимум дважды излила свою душевную боль на страницах своих книг. Автобиографический «Неоконченный портрет» описывает едва завуалированную ее собственную историю. В финале случайный прохожий спасает женщину от самоубийства, но нет никаких доказательств того, что так произошло в действительности. «Пять поросят» представляют собой явно самостоятельный сюжет, но страдания жены в связи с изменой мужа, произошедшей 16 лет назад, с математической точностью приводят нас в тот же 1926 год, что не могло быть случайностью. В «Поросятах» муж любит жену, несмотря на постоянные измены, что противоречит действительности, так что искать ключи к давней истории в этом романе скорее всего бессмысленно. Официальная версия амнезии всегда оставляла ощущение недосказанности. С другой стороны исследования Ричарда Колдера для «Нью стейтсмен» показали, что в огромном резонансе, вызванном исчезновением, повинны неадекватные действия полиции и прессы. (В тексте книги поддерживается и эта версия, как поведением суперинтенданта Кенуорда, так и «общественным резонансом»).

Так или иначе, последнего слова в этой истории сказано не было, и неудивительно, что многие литературоведы, интересующиеся жизнью и творчеством Агаты Кристи, пристально изучали

обстоятельства ее исчезновения. Только в 90-х годах вышли две книги, полностью посвященные этому эпизоду.

Роман Кэтлин Тинан «Агата» (1978) явился одной из первых работ, возникших на гребне этого интереса. Он создан с тщательным изучением подробностей исчезновения и являет собой, по выражению англичан, настоящий «a period piece». (Привлечено даже нашумевшее американское преступление того времени — дело Леополда и Леба.) Обилие сведений о Харрогейте, описание его окрестностей, — все это воссоздает атмосферу того времени, но вместе с тем пахивает и журналистской чрезмерной дотошностью (его автор начинала свою карьеру как журналистка). Сделана тщательная попытка создать как можно более правдивый образ самой Агаты, причем автор демонстрирует хорошее знание ее произведений. Так, сцена с псом под колесами автомобиля была взята из рассказа «Человек с моря», а идея о том, что имя, которое все считают женским, было дано мальчику, легло в основу романа «Миссис МакГинти с жизнью рассталась».

Следует отметить и некоторые неточности в хронике. В целях краткого ознакомления читателя с историей Агаты Кристи в уста сэра Уильяма Коллинза вложена речь, которая вряд ли могла быть произнесена в присутствии писательницы. Сцена публичного исполнения Сен-Санса является наиболее нереальной в романе. Для Агаты Кристи, неизменно писавшей о своих «мучениях» при публичных мероприятиях и не решавшейся даже назваться швейцару, отказывающему ей в доступе в помещение на своем же чествовании, подобная легкость была недосяжима. Видимо, эти отступления были продиктованы необходимостью сюжетных коллизий.

Необходимо подчеркнуть, что произведению Кэтлин Тинан присуща сенсационность. Оно опирается на популярное мнение об Агате Кристи как о неутомимой выдумщице, человеке, не могущем страдать без того, чтобы не выкинуть какого-либо фортеля. Романтическая сторона приключения описана в весьма викторианском духе, несмотря на героя-американца. «Агата» являет собой довольно изобретательный детективный роман, но вряд ли может претендовать на собственно биографическое исследование.

Спустя два года по нему был снят довольно популярный кинофильм с участием Ванессы Редгрейв (Агата), Тимоти Долтона (полковник Кристи) и Дастина Хоффмана (Стэнтон).

Перевод Е. Чевкиной выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Неизвестная Кристи»

Всю свою жизнь Агата Кристи отличалась необычайной стеснительностью. Она не могла и не хотела выступать перед публикой, не терпела бесполезных и длинных разговоров, не афишировала обстоятельства своей личной жизни.

Но в дополнение к этому присутствовала еще одна черта, которую дама Агата обнаружила в себе в весьма юном возрасте, заявив своим родителям: «Не люблю делиться информацией». Впоследствии она охарактеризовала это свое качество менее категорично. «В основном я продолжала держать все свое при себе. Мне не кажется, что я такой уж скрытный человек. Просто я считала, что большинство вещей абсолютно не важны: зачем тогда говорить о них? Или я бывала слишком поглощена придумыванием приключений и не обращала внимания на происходящие вокруг пустяки».

Вследствие этого и оказывается, что практически любой серьезный исследователь жизни и творчества Агаты Кристи находил массу нетронутого материала, доселе неизвестного широкому читателю. И кто знает, сколько таких «пустяков» еще должны занять свое место в общей картине жизни писательницы?

Книга Гвен Роббинс добавляет много интересных сведений, почерпнутых благодаря любовному вниманию к жизни писательницы и проведенным ею довольно обширным исследованиям. Даже сведения о творческом процессе, уже известные заинтересованным читателям, здесь удачно скомпилированы и снабжены цитатами.

Денежная же сторона «Империи Кристи», действительно, была много лет скрыта от людского глаза (деньги — неприличная тема обсуждения в аристократических кругах), и мы значительно позднее узнали о трудностях с получением денег из Америки, о которых нам поведала Дженет Морган в своей книге. Гвен Роббинс раскрывает успешную сторону финансовой деятельности, добавляя факты активной благотворительной поддержки, о которой сама миссис Кристи ни словом не обмолвилась в «Автобиографии»!

Еще один вопрос, наконец получивший должное освещение, — это литературная жизнь Девоншира. Агата Кристи упоминала, что «в мои молодые годы у нас дома бывало много интересных людей, и какая жалость, что у меня не сохранилось никаких личных воспоминаний о них!» Но в «Автобиографии» мало упоминаний о литературной жизни того времени, и мы снова вынуждены полагаться на исследования биографов.

Читать опусы о жизни Агаты Кристи — особое удовольствие, так как все, что мы узнаем о ней, только утверждает нас в мысли, что дама Агата была не только одаренным художником, но и прекрасным человеком. Она выразилась о себе, как всегда, с изрядной долей скромности, сказав: «Ну, мне бы хотелось, чтобы обо мне говорили как о добротном авторе детективных романов, заставляющих поволноваться». Теперь же мы можем с уверенностью заявить, что она остается в истории как яркая личность, достойная самой высшей оценки.

Перевод М. Тугушевой выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

А. Астапенков

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ ДАМЫ АГАТЫ. <i>Биография</i>	5
АГАТА. <i>Роман</i>	349
НЕИЗВЕСТНАЯ КРИСТИ. <i>Главы из книги</i>	527
Библиографическая справка	571

Кристи А.
К-82 Собрание сочинений. Т. 27, кн. 2.
Жизнь Дамы Агаты: Биография; Агата: Роман; Неизвестная Кристи: Главы из книги. Пер. с англ./ Сост. А.Титов. — М.: Артикул-принт, 2002. — 576 с.

ISBN 5-93776-026-3 (т. 27/2)

В двадцать седьмом том книги вторую Собрания сочинении вошли биография: «Жизнь Дамы Агаты», роман «Агата», отдельные главы книги «Неизвестная Кристи».

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том двадцать седьмой
Книга 2

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
А. Титова

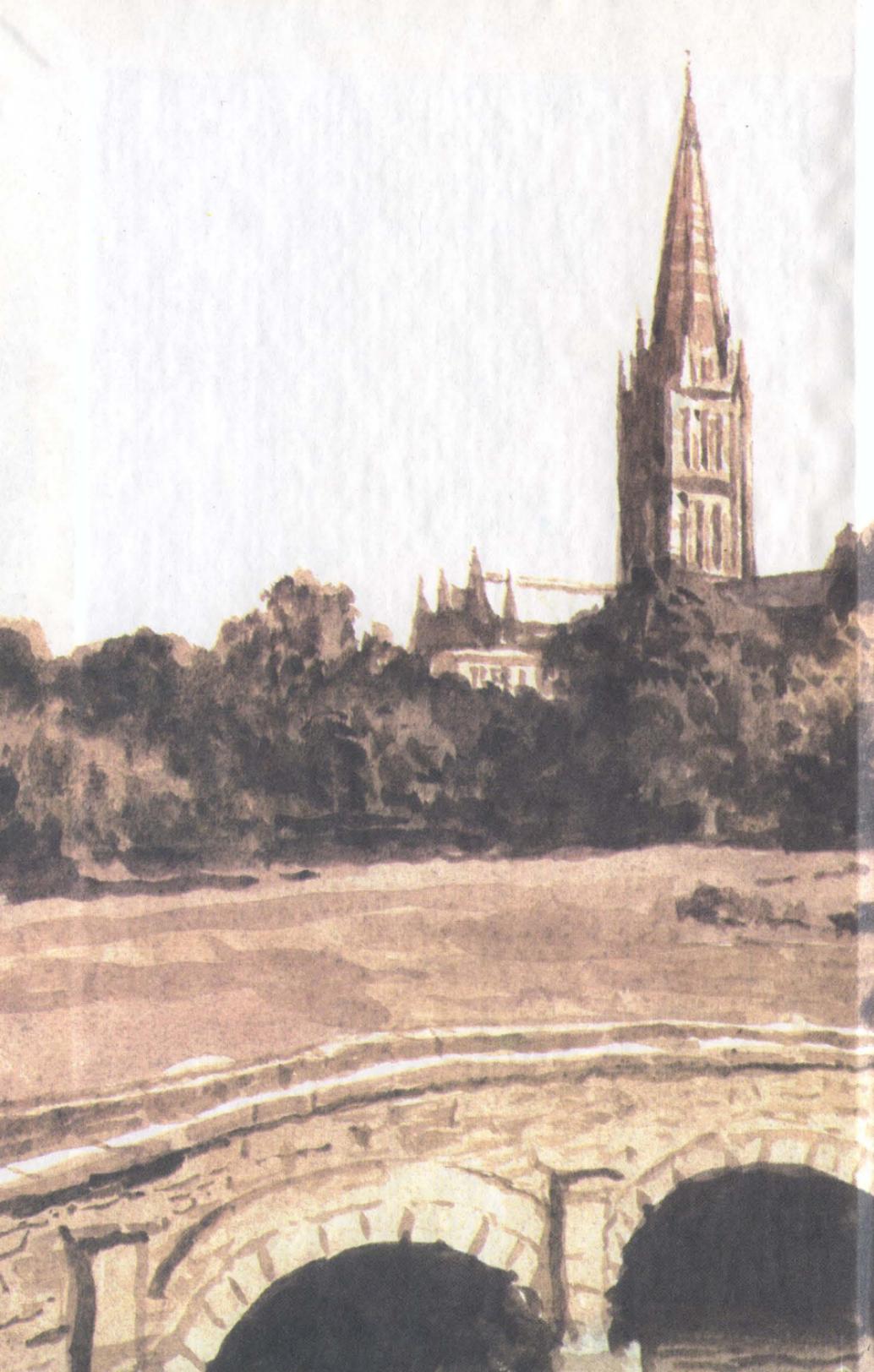
Выпускающий редактор *Г. Шафигуллина*
Корректор *Л. Шмелева*
Компьютерная верстка *Н. Матякина*

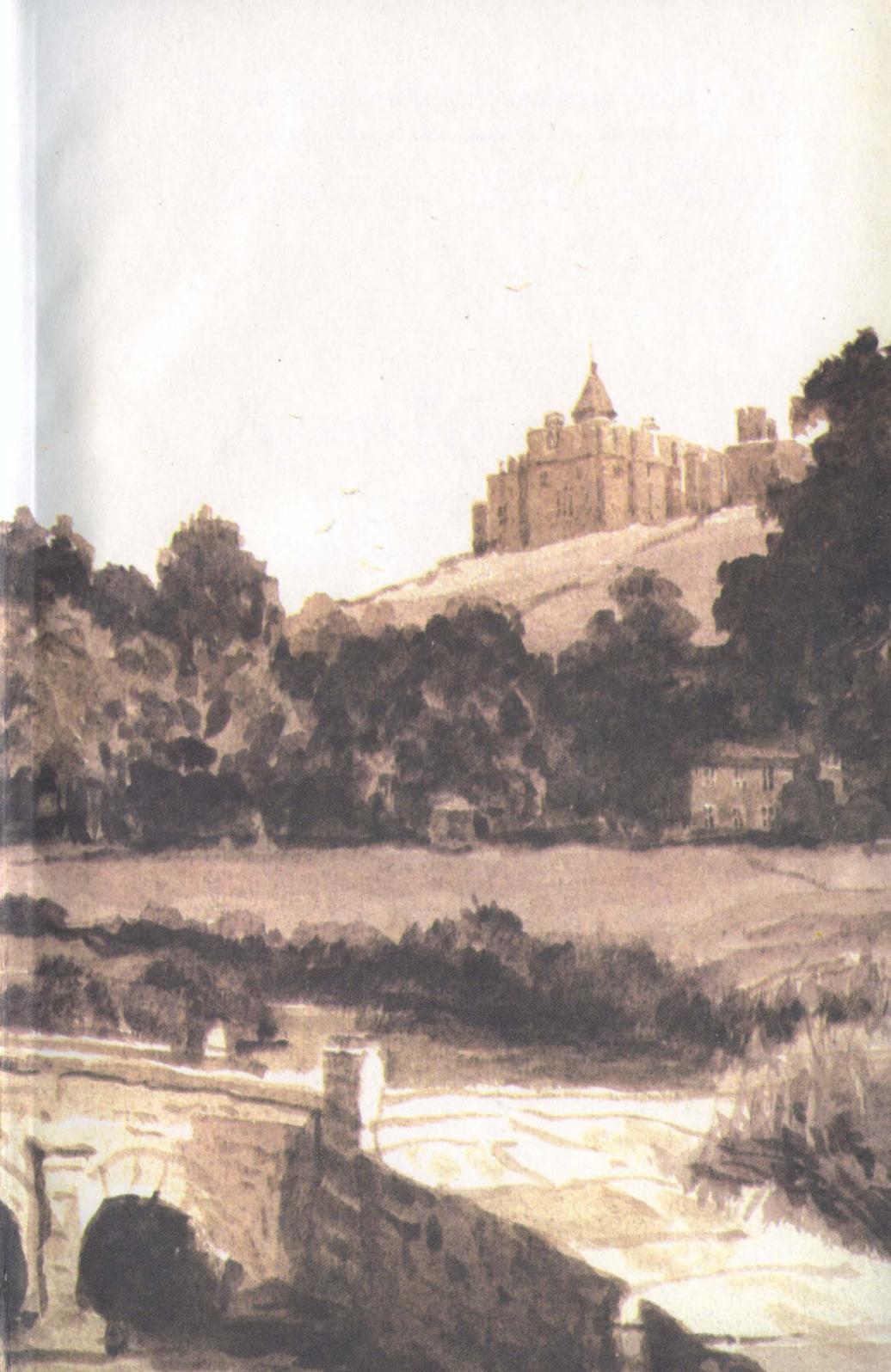
ИД № 00803 от 20 01.2000

Подписано в печать 12.11.2002. Формат 84×108^{1/16}. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 44,8. Уч.-изд. л. 43,9.
Тираж 18 000 экз. (1-й завод 1—8 000). Заказ № 4144.

Издательство «Артикул-принт»
127018, Москва, Сушевский вал, 49

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГУПП «Детская книга» Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникации.
127018, Москва, Сушевский вал, 49

ISBN 5-93776-026-3

9 785937 760265 >